

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Российская академия наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Архив Российской академии наук

Прогресс России. *Женский аспект*

Сборник научных статей и документов

Москва
Архив РАН
2018

УДК 930.25

ББК 79.3

П 79

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект №18-011-00238 – А.

Утверждено к печати Ученым советом Архива Российской академии наук

Ответственные редакторы-составители:

Доктор культурологии И.А. Урмина,
кандидат исторических наук Н.М. Осипова

Рецензенты:

Доктор философских наук Е.Н. Шапинская
Кандидат исторических наук В.Ю. Афиани

П 79 Прогресс России. Женский аспект: сборник научных статей и документов / Отв. ред.-сост. И.А. Урмина, Н.М. Осипова. — М.: Архив РАН, 2018. — 320 с., 8 с. цв. вкл.

ISBN 985-5-9909105-9-1

Сборник включает материалы научных исследований, представленных в виде докладов участников Круглого стола «Прогресс России. Женский аспект», состоявшегося в Архиве Российской академии наук 15 мая 2018 года. В сборнике отражены результаты созидательной деятельности российских женщин в политике, науке, образовании, общественной деятельности. В сборник также включены тематико-экспозиционный план, экспликации одноименной документальной выставки-исследования, копии документов, экспонировавшихся на выставке.

Тексты докладов публикуются в авторской редакции.

ISBN 985-5-9909105-9-1

© Коллектив авторов, текст, 2018
© Архив РАН, 2018

Содержание

<i>Г.И. Климантова.</i> Гендерные аспекты социальной политики в современной России	5
<i>О.А. Валькова.</i> «Открывая новые двери...»: Первые женщины на службе в ученых и высших учебных учреждениях России в начале XX века	11
<i>М.Ю. Киселев, И.Б. Крамаренко.</i> Женщины и наука: деятельность Л. Б. Северцовой, В. М. Францовой и А. Т. Николаевой (по фондам Архива РАН)	32
<i>Е.Г. Лебедева.</i> Роль архива и архивных документов в выставочной деятельности	43
<i>И.А. Урмина.</i> Актуализация архивного документа: проблемы и методы их решения	48
<i>И.А. Корнева-Чаева.</i> Изучение эффективных методов и технологий контекстной визуализации культурного наследия на примере работы Музейно-выставочной группы Архива РАН	61
<i>О.Б. Бокарева.</i> Евгения Николаевна Иванова — ученый-почвовед и геолог (по материалам Архива РАН)	71
<i>А.С. Гузеева.</i> Современность идей А.М. Коллонтай	79
<i>Н.Н. Колотилова.</i> Вклад Л.Д. Штурм в развитие микробиологии нефти (к 130-летию со дня рождения)	86
<i>Т.А. Кузьменко.</i> «Мой жизненный путь настолько прост, что я с трудом могу себе представить, что он для кого-нибудь может представить интерес...» (к 140-летию со дня рождения академика Л. С. Штерн)	94
<i>Е.Г. Лебедева.</i> Великие правительницы России: Екатерина II и ее августейшая невестка — Мария Федоровна	108
<i>С.А. Лиманова.</i> Переписка А. П. Павлова и М. В. Павловой с геологами и палеонтологами из России: реконструкция научных связей	121
<i>И.Б. Силаева.</i> Жизненный путь профессора-физика Александры Андреевны Глаголовой-Аркадьевой (по материалам Архива РАН)	138
<i>Ю.В. Стеценко.</i> Мать глазами сына (В.П. Подъяпольская в дневниках Н.Н. Подъяпольского)	145

<i>И.А. Урмина. С.А. Яновская — математика через призму революции</i>	157
<i>Ю.В. Щепанская. Судьба генетика и селекционера Т. В. Ассеевой в контексте истории отечественной биологии</i>	166
<i>Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова. «Она несла в себе какую-то большую волевую энергию»: И.И. Любименко и ее воспоминания о блокаде</i>	178
<i>Л.Д. Бондарь. Муза ученого: супруга академика Е. Ф. Карского (1860—1931) Софья Николаевна Карская</i>	188
<i>Н.В. Бойко. Фантастическая муза Ивана Ефремова</i>	201
<i>И.Н. Ильина. Тернии и тайны Марии Смит-Фалькнер</i>	213
<i>Е.В. Косырева. «Биография — это история болезни отдельного человека»: личный фонд В. Ф. Чесноковой в Архиве РАН</i>	225
<i>Т.Н. Лаптева. Женское окружение А.В. Флоровского: роль в судьбе и сохранении наследия ученого</i>	234
<i>О.Д. Лившиц. Панкратова Анна Михайловна — советский историк</i>	251
<i>Н.В. Литвина. «Главное в экспедициях не книги, а люди — их вера, традиции, память»: археографический путь профессора И. В. Поздеевой</i>	259
<i>С.В. Мурафа. Научная школа Д.Б. Богоявленской — ориентир современной российской психологии одаренности</i>	269
<i>Н.М. Осипова. «Душа в душу и мысль в мысль»: семьи великих учеников В.И. Вернадского и И.И. Мечникова в документах Архива РАН</i>	274
<i>И.А. Корнева-Чаева. Анна Шаховская — хранитель идей и традиций Дмитрия Ивановича Шаховского и Владимира Ивановича Вернадского</i>	280
<i>Тематико-экпозиционный план выставки «Прогресс России: женский аспект».</i>	291
<i>Сведения об авторах</i>	317

Г.И. Климантова

Гендерные аспекты социальной политики в современной России

Аннотация: В статье отражены тенденции современной отечественной социальной политики в отношении женщин, в том числе, парадигмы прав и свобод человека и равных прав и возможностей для их реализации мужчинами и женщинами во всех областях жизнедеятельности. Рассмотрены также направления реализации программной Национальной стратегии действий Российской Федерации в интересах женщин на 2017—2022 гг.

Abstract: The article reflects trends of modern Russian social policy towards women, including the paradigm of human rights and freedoms and equal rights and opportunities for their implementation by men and women in all areas of life. The directions of the implementation of the program National strategy of actions of the Russian Federation in the interests of women for 2017—2022 are also considered.

Ключевые слова: Конституция РФ, социальная политика, гендерные аспекты, права женщин, некоммерческие организации.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, social policy, gender aspects, women's rights, non-profit organizations.

Согласно Конституции Российской Федерации Россия является социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, В Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» (ст. 7). В Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 2004—2018 гг. провозглашено, что высшей целью социального развития России является повышение качества и уровня жизни населения, сокращение бедности, повышение доступности и качества образования и здравоохранения, стабилизация демографического развития страны.

Однако на практике современная Россия все еще представляет собой динамичное сосуществование и взаимодействие социальной политики социального государства, пережитков советской социальной политики и элементов неолиберальной социальной политики, присущих «новому капитализму». Вектор этого взаимодействия — ст. 7 Конституции РФ.

Социальная политика современной России имеет достаточно выраженные гендерную, семейную, демографическую и иные составляющие. Это различные, относительно самостоятельные области социальной политики. Степень их самостоятельности определяется наличием конкретного набора признаков такой политики.

Их обособленность определяется наличием собственного объекта воздействия — особой социальной группы или процесса (функции); специальной системой интересов и ценностей, а также специальных институтов, реализующих эти интересы и ценности через конкретные механизмы и меры данной политики.

Если говорить о гендерных аспектах современной социальной политики России, то следует рассмотреть их законодательное обеспечение, институциональные механизмы, конкретные меры и механизмы реализации. Организация Объединенных Наций, Совет Европы активно продвигают в мировом сообществе парадигму прав и свобод человека и равных прав и возможностей для их реализации мужчинами и женщинами во всех областях жизнедеятельности.

Россия активно участвует в этих процессах, она ратифицировала важнейшие международно-правовые документы ООН: Хартию прав человека, Всеобщую декларацию прав человека (1948), Конвенцию ООН о политических правах женщин (1954), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1980), Факультативный протокол к Конвенции ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (2004).

Во всех этих документах утверждается право женщин участвовать наравне с мужчинами во всех областях жизнедеятельности.

В современной России многое сделано для законодательного обеспечения гендерного равенства во всех областях жизнедеятельности и реального участия женщин в политической жизни и принятии решений. В Конституции Российской Федерации имеется

норма прямого действия, провозглашающая гендерное равноправие: «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» (ст. 19).

Для повышения степени реального участия женщин в деятельности государственных органов и общественных организаций, формировании и осуществлении государственной политики на всех уровнях, а также в соответствии с декларированными в Пекинской Платформе действий тезисом о необходимости достижения равного представительства мужчин и женщин в правительственные органах в 1996 году был принят Указ Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин». В нем, в частности, отмечена необходимость центральным и региональным органам федеральной исполнительной власти исходить из необходимости первоочередного решения задачи «обеспечения условий для реального участия женщин в деятельности государственных органов и общественных организаций, формировании и осуществлении государственной политики на всех уровнях», преодоления исторически сложившихся различий в положении мужчин и женщин в сфере труда, «двойной» занятости женщин в сфере труда и домашнем хозяйстве путем более справедливого перераспределения семейных обязанностей.

Значительным прорывом в гендерной политике страны является принятая в 2017 г. Национальная стратегия действий Российской Федерации в интересах женщин 2017–2022 гг.

Национальная стратегия действий Российской Федерации в интересах женщин на 2017–2022 гг. будет осуществляться в рамках нескольких государственных программ как федеральными, так и региональными органами власти. Следует особо отметить, что Стратегия также будет осуществляться в рамках проектной деятельности Евразийского женского форума (Санкт-Петербург, 2015 г.) с привлечением некоммерческих женских организаций и финансирования из внебюджетных источников.

Организация реализации этого важного документа для создания национального механизма обеспечения равных прав и равных возможностей мужчин и женщин в РФ, в том числе и на социально ориентированные НКО, представляется для социальной политики чрезвычайно актуальной. Привлечение неправительственных организаций к реализации Стратегии позволит создать дополнитель-

ные к государственным условиям для наиболее полной реализации созидательного потенциала и творческих способностей женщин, а следовательно, повысить уровень социальной защищенности людей, общей политической культуры российского общества.

В ежегодном Послании 2016 г. Федеральному Собранию Российской Федерации Президента Российской Федерации В.В. Путина отмечена необходимость «предметно заняться поддержкой волонтерских и благотворительных движений, некоммерческих организаций». При этом Президент призвал и губернаторов, и муниципальные власти по максимуму привлекать к исполнению социальных услуг некоммерческие организации.

Критерием продуктивной работы с НКО в субъектах РФ является показатель эффективности деятельности государства в этой сфере; динамика вовлечения женских НКО в сферу активной политической деятельности и оказания социальных услуг. В России зарегистрировано более 226 тысяч некоммерческих организаций, кроме того в стране действуют более 10 тысяч незарегистрированных неформальных сообществ: зоозащитные группы, неформальные творческие союзы, родительские союзы, экологические сообщества, культурные медиа.

Количество людей, занятых в «третьем секторе», составляет 1,1% экономически активного населения. Доля НКО в ВВП достигает 1%, что свидетельствует об отставании от аналогичных показателей развитых стран.

По данным Росстата, в 2015 г. в России было зарегистрировано чуть больше 140 тысяч социально ориентированных НКО — в них работает почти 1 миллион человек. При этом важно особо отметить, что более 70 % НКО в этой сфере возглавляют женщины.

С учетом государственных субсидий и грантов из бюджетов разных уровней, только за 2015 год на счета НКО поступило финансовых средств и иного имущества на сумму около 687 миллиардов рублей, в том числе из федерального бюджета — около 46 миллиардов рублей, и их бюджетов субъектов Российской Федерации — 34,5 миллиардов рублей. Социальные услуги некоммерческих организаций получили более 26 млн. человек*.

* Данные материалов VII съезда некоммерческих организаций России 13—16 декабря 2016 г.

Сегодня актуальным для женских организаций становится объединение ресурсов и кадрового потенциала СО НКО в рамках совместной проектной деятельности самих НКО и субсидирование этих проектов. Своевременность и необходимость поддержки подобных моделей позволит обеспечить более эффективное участие СО НКО в реализации комплекса мер по обеспечению поэтапного доступа социально ориентированных НКО к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, а следовательно, увеличит и эффективность их деятельности. Население предъявляет все больший спрос к получению разнообразных и качественных услуг. В свою очередь это позволит активнее использовать потенциал женских организаций в реализации стратегии действий 2017–2022 гг.

Решение проблем НКО в решающей степени зависит от эффективности взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с негосударственными некоммерческими организациями. Формы и механизмы взаимодействия представлены в федеральных и региональных правовых актах: законах, государственных программах, планах мероприятий, на которые опирается реализация Стратегия действий в интересах женщин. Распоряжением Правительства РФ от 08 июня 2016 г. утвержден план мероприятий «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере». Этот документ должен активно применяться в реализации Стратегии.

Реализация активизации потенциала женщин через их вовлечение в деятельность общественных организаций является важнейшей технологией роста их политического самосознания, обогащения социально-политического опыта и, как результат, политического участия в демократическом преобразовании страны, повышении эффективности социальной политики.

Можно выделить несколько взаимосвязанных этапов такой реализации. Первый этап: подготовка к общественной жизни: Ключевые социальные навыки данного этапа: навыки демократической культуры, выполнения гражданских обязанностей, право ответственности за себя, семью, общество.

Второй этап: овладение общечеловеческой и национальной политической культурой. Ключевые социальные навыки на дан-

ном этапе: этические нормы политических отношений как терпимость к социальным, национальным, этническим, религиозным, половым различиям, уважение прав и свобод человека, навыки политического участия, позитивного разрешения конфликтов, поддержки всеобщей безопасности.

Третий этап: социально-политическая адаптация, развитие навыков политического общения, культуры политических коммуникаций, самопознания, самоопределения; адекватной оценки мира, политической ситуации, собственной политической позиции, политического участия.

Ключевые навыки четвертого этапа: социально-профессиональная ориентация как осознанный выбор жизненных стратегий, реализация прав, обязанностей, равенство возможностей путем самовоспитания, самоопределения, мотивации социального и профессионального развития.

Роль гендерного фактора становится ключевой в политической и социально-экономической жизни страны.

Библиография

1. Климантова Г.И. Семья в процессе социальной модернизации России. — М., Дашков и К°, 2014. — 172 с.
2. Национальная Стратегия действий Российской Федерации в интересах женщин (2017–2022 г.). <http://eawfpress.ru/about/organizatsiyam/strategia2017.php>
3. Материалы VII съезда некоммерческих организаций России 13–16 декабря 2016 г. <http://www.spass-sci.ru/documents/detail.php?ID=606>
4. Храмцова Ф.И. Политическая социализация молодежи в Республике Беларусь: гендерное измерение, автореферат на соискание степени д. полит. н. М., 2009. — С.34.
5. Энциклопедия инновационных практик социально ориентированных некоммерческих организаций. Под ред. Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. М., Дашков и К°, 2017. — 848 с.

Bibliography (transliterated)

1. Klimantova G.I. Semja v prozesse sozialnoy modernizacii Rossii — M. Dashkov i K°. — 172 s.
2. Nazionalnaja Strategija dejstviy Rossijskoy Federazii v interesakh zenshin (2017–2022 g.) <http://eawfpress.ru/about/organizatsiyam/strategia2017.php>
3. Materiali VII sjezda nekommercheskikh organizaziy Rossii 13–16 dekabria 2016 g. <http://www.spass-sci.ru/documents/detail.php?ID=606>
4. Khramzova. F.I. Politicheskaya sozializacija molodezhi v Respublike Belarus: gendernoe izmerenie, avtoreferat na soiskanie stepeni d.polit.nauk. — M., 2009. — S. 34.

О.А. Валькова

«Открывая новые двери...»: Первые женщины на службе в ученых и высших учебных учреждениях России в начале XX века

Аннотация: Самые первые женщины-работодатели прибыли в российские научные учреждения и учебные заведения в конце 90-х годов XIX века. В статье анализируются их образование, профессиональные ожидания, а также правовые основы и процедуры, необходимые женщине для получения официальной должности в таком месте, и реакция научного сообщества на их появление. Анализируются некоторые имеющиеся статистические данные, а также биографические данные различных женщин-ученых того периода. Особое внимание былоделено исследованию продолжительности научной карьеры женщин.

Abstract: The very first female employers arrived in Russian scientific institutions and educational institutions at the late 90-th of the XIX century. The article analyses their educational backgrounds, professional expectations as well as legal foundation and procedures needed for a woman to obtain official position in such a place, and reaction of the scientific community for their arrival. Some available statistical data are analyzed as well as biographical data of different women scientists of the period. A special attention fixed on the research of the longevity of women's scientific careers.

Ключевые слова: женщины-ученые, высокие женские курсы, женщины-работодатели в научных учреждениях и колледжах в начале XX века.

Keywords: Women-scientists, High Women's Courses, women employers in scientific institutions and colleges in the early XX century.

Первые женщины появились в высших учебных и ученых учреждениях Российской империи в качестве официальных служащих в конце 1880-х гг. Из числа выпускниц первого выпуска (1882 г.), основанных в 1878 г. С.-Петербургских Высших женских Бестужевских курсов, 5 девушек поступили на работу в учебные заведения, хотя официально и не имевшие статуса «высших», но безусловно стремившихся к нему. Из первого выпуска физико-математического отделения Бесту-

жевских курсов трое сразу же получили работу на курсах, как руководительницы практических занятий (по кафедрам физики, химии и математики); еще одна — через два года (кафедра математики) и еще одна выпускница через пять лет получила работу преподавателя ботаники и физиологии на женских фельдшерских курсах (Табл. 1)¹:

Из второго выпуска, 1883 года, одна выпускница получила работу в 1883 году, еще одна в 1884 и одна в 1885 году (Табл. 2)²:

Однако стремительной инфильтрации женщинами российских высших учебных заведений в конце 80-х гг. XIX в. не случилось. Число официальных выпускниц С.-Петербургских ВЖК в последнее десятилетие XIX в. — первое десятилетие XX в. держалось в пределах 150—200 человек в год и далеко не каждый год достигало даже этой величины. Количество выпускниц, занятых на службе в высшей школе и различных научных учреждениях также оставалось примерно на одном уровне на протяжении этого периода: от 1 до (максимум) 6 человек в год, но их общая численность постепенно увеличивалась. По сведениям на 1908 г., из общего числа выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов «Состояли более или менее продолжительное время ассистентками, преподавательницами и руководительницами практических занятий в высших учебных заведениях 56 лиц, причем в настоящее время 24 работают на С.-Петербургских высших женских курсах, 10 состоят ассистентками и преподавательницами в др[угих] высших женских учебных заведениях С.-Петербурга, две руководят занятиями по математике Высших женских курсов в Москве, одна — занятиями по математике слушательниц Педагогических курсов в Одессе, одна состоит ассистенткой в Политехническом институте в Киеве»³ [1, С. 66]. Заметим, что из всех выше перечисленных, только две женщины — Н.Н. Гернет и А.Ф. Васильева, обе имеющие степень доктора философии Геттингенского университета, — читали лекции (по чистой математике и по физической химии)⁴. Из числа ассистенток и руководительниц практических занятий более или менее продолжительное время в высшей школе проработали 20 человек. По данным на тот же 1908 год, в научных учреждениях бывших курсисток работало даже меньше чем в высшей школе: «...45 работают в ученых учреждениях, лабораториях, обсерваториях, на метеорологических станциях, зоологи-

**Выпускницы первого выпуска С.-Петербургских Высших женских курсов (1882 г.),
получившие работу на женских курсах**

ФИО	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Величко Мария Васильевна С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	руководила занятиями по математике	1885—1886	
Гоштовт Лидия Симоновна (Крутовская)	1882 (физико-математическое отделение)		1888—1895	преподавательница ботаники и физиологии на женских фельдшерских курсах
Давыдова Ольга Александровна	1882 (специально-математическое отделение)	руководила практическими занятиями по химии	1883—1886	
Сердобинская Анна Елисеевна С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	преподаватель физики; руководитель практических занятий по физике	1883—1916	имеет публикации
Равич Вера Иосифовна (Шифф) С.-Петербург	1882 (специально-математическое отделение)	руководитель практических занятий по математике; преподаватель математики	с 1883 г. с 1889 г.	имеет публикации

Таблица 2
**Выпускницы второго выпуска С.-Петербургских Высших женских курсов (1883 г.),
получившие работу на женских курсах**

ФИО	Год окончания ВЖК	Должность на ВЖК	Годы службы на ВЖК	Другая «научная» служба / научные степени / научные публикации
Погожева Лидия Николаевна (Абациева) С.-Петербург	1883 (физико-математическое отделение)			имеет публикации по естествознанию
Соломко Евгения Викторовна (Сотириадис)	1883 (физико-математическое отделение)	руководила занятиями по минералогии	1885—1886	доктор философии и геологии Цюрихского университета
Варгунина Евгения Ивановна (Бельшева) Гагино	1883 (специально-математическое отделение)	руководила занятиями по механике	1883—1891	Licencie des sciences mathematiques
Российская Мария Александровна (Кожевникова) Москва	1883 (специально-математическое отделение)	ассистентка по зоологии	1884—1888 1891—1900	имеет научные публикации; руководит практическими занятиями по зоологии на «Коллективных уроках при Обществе воспитательниц и учительниц в Москве»

ческих. П.В. Циклинская, имеющая степень “Docteur des sciences physiques” Женевского университета, 12 лет состоит ассистентом Бактериологического института при Московском университете⁵ [1, С. 68]; «...15 из окончивших Высшие женские курсы состояли вычислительницами в Пулковской обсерватории»⁶ [1, С. 68].

Пулковская обсерватория — одно из первых в стране научных учреждений, начавших нанимать на работу девушек. Их имена появляются в списках вычислителей Пулковской обсерватории с конца 90-х гг. Обычно выпускниц ВЖК приглашали на работу их профессора. Например, М.В. Жилова, окончившая ВЖК в 1894 году, писала в автобиографии, что ее пригласил в Вычислительное бюро при Императорской академии наук работавший профессором ВЖК О.А. Баклунд. Вот как она объясняла свой выбор: «О.А. Баклунд предложил мне под его руководством заняться астрономией. «Вы будете в Пулково», — говорил он мне на вечере при окончании курсов. О.Д. Хвольсон предлагал свое руководство моими занятиями в лаборатории Курсов, обещал хлопотать устроить подвал при курсах для специальных электрических исследований. Определенность предложения О.А. Баклунда взяла перевес при моем окончательном выборе специальности: с 1-го октября 1899-го года я стала астрономом»⁷. В качестве вольнонаемного вычислителя М.В. Жилова работала в Пулковской обсерватории с 1895 года⁸ [3].

Появление девушек в Пулковской обсерватории было очень быстро замечено научным сообществом. К.Д. Покровский, например, писал об этом в обширной статье 1897 г. издания, посвященной женщинам-астрономам, преимущественно иностранным: «Академик Баклунд, читая астрономию на С.-Петербургских высших женских курсах, сумел привлечь некоторых из своих слушательниц к непосредственному участию в астрономических вычислениях. Сделавшись директором Пулковской обсерватории, он пригласил их туда, поручая им для вычисления длинные ряды различных наблюдений»⁹ [3]. И добавлял с удовлетворением: «Официальные отчеты директора свидетельствуют о необычайном трудолюбии их, точности и аккуратности в их работах»¹⁰.

М.В. Жилова проработала в Пулковской обсерватории вплоть до выхода на пенсию в 1934 г. Однако, для девушек, устраивавшихся на работу в 90-е — 1900-е гг., это скорее исключение, чем

правило. Обычно срок работы вычислителем в Пулково женщины был столь же непродолжителен, как и срок ее работы ассистенткой на ВЖК, — в среднем 1—2 года. Напротив многих имен в «Памятной книжке» можно найти следующую запись: «Теплякова Валентина Петровна (Добкевич) ... Была¹¹ вычислителем в Пулковской обсерватории»¹² [4] и др.

Всего через два года после появления женщин в Пулково, Д.И. Менделеев пригласил девушек на работу в возглавляемую им Главную палату мер и весов, также в основном в качестве вычислительниц. Первой из этих девушек стала О.Э. Озаровская. Она окончила физико-математический факультет Бестужевских курсов в 1897 году, а в начале 1898 года Д.И. Менделеев принял ее на службу в Главную палату мер и весов на должность калькулятора, через некоторое время превратившуюся в должность лаборанта.

В воспоминаниях, посвященных Д.И. Менделееву, Ольга Эрастовна Озаровская писала: «Кончила курсы, мечтала получить школу на Шлиссельбургском тракте. Это дело не вышло. В моих надеждах и огорчениях принимали участие Анна Ивановна¹³ и Иван Михайлович Чельцов¹⁴. Последний уже спрашивал, каковы мои сведения в области химии. Я угадывала, что он хочет устроить меня в своей лаборатории; но угадывала и его колебания. Ведь тогда существовал “женский вопрос” во всей силе. Женщины на научной работе насчитывались единицами. Чельцов боялся трений не столько со стороны начальства, сколько со стороны самих служащих. За советом он поехал к своему учителю и другу, Менделеев ответил: “Отлично! Возьмите барышню! Только я знаю, о ком вы говорите... Я сам ее беру!”»¹⁵. Рассказывая о посещении Д.И. Менделева в его рабочем кабинете, у него дома, своеобразном интервью перед принятием на работу, О.Э. Озаровская писала: «Велик был мой трепет перед порогом кабинета, но чутье подсказывало, как вести себя, самообладание выручило. Дмитрий Иванович с первых же слов подчеркнул, что работа времененная, и я могу исполнять ее по желанию: или дома или в Главной палате мер и весов. Я предпочла второе»¹⁶. Но принять девушку на службу в государственную лабораторию официально было нелегко. По словам О.Э. Озаровской: «Дмитрию Ивановичу, никуда уже не выходившему из дома, пришлось ездить в наемной карете к министру финансов Витте испрашивать разрешение на допущение женщи-

ны к службе в Главной Палате мер и весов». Тем не менее, уже через месяц Д.И. Менделеев пригласил в Палату еще одну девушку, Е.Ф. Эндимионову. По словам О.Э. Озаровской, Д.И. Менделеев объяснял это следующим образом: «...работы много вычислительной; я вон отрываю таких лиц, у которых и без того дела много»¹⁷.

О.Э. Озаровская писала в своих воспоминаниях, что Д.И. Менделеев находил немало пользы в работе девушек, считал, что их присутствие способствует смягчению нравов, и собирался увеличить число сотрудников-женщин. О.А. Озаровская так вспоминала об отношении Д.И. Менделеева к этому вопросу: «Дмитрий Иванович согласно своему намерению, высказанному еще в начале знакомства, “чтобы женщины упрочивались в Палате”, продолжал это дело. Женщин было уже с десяток через несколько лет, и назывались они все “барышнями”...»¹⁸. Надо заметить, что, публикуя научные труды, выполненные в период его работы в Главной палате мер и весов, Д.И. Менделеев не забывал высказывать благодарность своим сотрудникам, в том числе «барышням». Например, в статье «Опытные исследования колебаний весов», он писал: «Перед тем как перейти к делу я должен упомянуть, что много сотен наблюдений периодов колебаний и отсчетов по шкале весов были сделаны моими друзьями и помощниками, особенно Ф.П. Завадским, В.Д. Сапожниковым, а также А.Н. Дорохотовым, К.Н. Егоровым, Мюллером, Озаровской и Эндимионовой. Их деятельное содружество сильно способствовало успеху опытов, и я много обязан им за проверку многочисленных расчетов, которые это исследование вызывало»¹⁹ [2, С. 561].

Где-то около 1902 г. Д.И. Менделеев пригласил в обсерваторию Главной палаты мер и весов начинающего астронома Н.М. Субботину. Н.М. Субботина вспоминала об этом 26 января 1934 года в письме к старому товарищу ее отца Михаилу Андреевичу Шателену (1866—1957)²⁰: «...весной буду просить вашего разрешения воспользоваться обсерваторией ВИМС²¹ и произвести некоторые наблюдения, — как во времена [Д.И.] Менделеева, когда я работала года 4 зимой. Помните? Еще до ВЖКурсов»²². Ее сотрудничество в Главной Палате мер и весов продолжалось как минимум до 1906 года. Так, 11 ноября 1906 года, уезжая на время из С.-Петербурга в Москву Н.М. Субботина писала Н.А. Морозову: «Когда я вернусь, пойдемте ко мне в Палату мер...»²³.

Из 2795 женщин, официально окончивших С.-Петербургские Высшие женские курсы к 1908 году, 101 человек работал в высших учебных заведениях и различных научных учреждениях, что составляло примерно 3,6 % от общего числа выпускниц. В 1903 году эта цифра составляла 3,3 %, то есть за 5 лет увеличение доли выпускниц С.-Петербургских Высших женских курсов, занятых на подобных работах, было крайне незначительным. Однако следует помнить, что эта статистика не может быть полной.

В 1900-е гг. попасть на официальную должность в лабораторию даже на ставку лаборанта было нелегко не только выпускнице российских Высших женских курсов, но и женщине, вернувшейся в Россию с дипломом зарубежного университета и докторской степенью. Например, Екатерина Федоровна Ковалевская (урожденная Виноградова) (1874—1958), проучилась четыре с половиной года и окончила полный курс Бернского университета, специализируясь по органической химии, представила диссертацию по теме «О разложении белковых тел» и в 1897 году получила степень доктора философии²⁴ [5, С.86—87]. Вернувшись в 1898 г. на родину, она начала искать работу. Как отмечает современный биограф Е.Ф. Ковалевской Н.Н. Романова «...возможностей для женщин получить штатную работу в России практически не было. Ей пришлось возбудить ряд ходатайств, для получения штатного места»²⁵. Н.Н. Романова приводит отрывок из интервью с Е.Ф. Ковалевской, опубликованного в журнале «Политехник» в 1937 году (№ 18) И.В. Трубачевым, в котором Е.Ф. Ковалевская говорила: «Мне с большим трудом и под большим секретом удалось устроиться в лабораторию почвоведения при Лесном институте. Профессор Коссович исходатайствовал у министра разрешение принять меня на работу, но при одном условии: я должна былаходить в лабораторию черным ходом. Студенты не должны были меня видеть ни в коем случае. Будучи доктором химии, я была принята на должность лаборанта»²⁶.

Таким образом, добывая с трудом благодаря знакомствам и благожелательному отношению коллег-мужчин должность лаборантки или ассистентки являлась пределом карьерных возможностей женщины юридически и фактически, несмотря на высшее образование и диплом доктора. Однако подобные трудности с будущим трудоустройством не останавливали молодых женщин.

Только в период с 1899 по 1915 г. при Физико-математическом отделении С.-Петербургских Высших женских курсов было оставлено 72 девушки для продолжения научных занятий (Табл. 3)²⁷:

Таблица 3
**Выпускницы С.-Петербургских Высших женских курсов,
оставленные при курсах для продолжения научных занятий
(1899—1915 гг.)**

Отделение С.-Петербургских высших женских курсов	Количество оставленных при ВЖК (1899 по 1915 гг.)
историко-филологическое	72
юридическое	8
физико-математическое	72

Первое, известное на сегодняшний день, заявление слушательницы физико-математического отделения о разрешении продолжения занятий на курсах датируется 6 сентября 1896 года: «Окончившей физико-химическое отделение курсов Александры Черновой. Прошение. Желая продолжать начатую мною работу по органической химии, покорнейше прошу ваше превосходительство, ходатайствовать в предстоящем совете профессоров о разрешении мне практических занятий в лаборатории курсов»²⁸. 3 октября 1896 года с похожим прошением обратился в совет курсов руководитель выпускницы В.С. Стакевич: «Имеем честь ходатайствовать пред советом о дозволении г[оспо]же Стакевич окончившей курсы весною 1896 года и желающей продолжать занятия астрономией под нашим руководством, пользоваться библиотекою и учебно-вспомогательными учреждениями курсов»²⁹. В.С. Стакевич была оставлена при курсах в качестве руководительницы занятий по астрономии (1897—1901). К 1903 году, на момент составления «Памятной книжки, окончивших ВЖК», она уже служила в «страхов[ом] отделении министерства внутренних дел»³⁰. Изученные нами архивные источники содержат данные о том, что просьба об оставлении на курсах всегда формулировалась либо как «для дальнейшей научной работы», либо фразой, имеющей сходное значение, и что с начала 1900-х годов от имени своих студен-

ток с ходатайствами в совет курсов обращались их профессора, которые брали на себя всю ответственность за их будущее обучение.

Так, 26 октября 1901 года профессор курсов Яковкин обращался в совет профессоров ВЖК: «Имею честь ходатайствовать перед советом профессоров о предоставлении возможности работать в химической лаборатории курсов по специальным вопросам физической химии кончившей в 1900 году Высшие женские курсы Н.П. Рихтер». В кратком заявлении профессор одновременно давал сжатую характеристику научной работы курсистки: «В 1900 она, еще будучи слушательницей, произвела под моим руководством работы: “О скорости гидратации уксусного ангидрида”, а в 1901 году: “О растворимости цианистого этила³¹, эфира в воде и соляных растворах”. Обе работы мной были доложены в заседании Русского химического общества». И объяснял ее личные обстоятельства: «Весной 1901 года г[оспо]жа Рихтер отправилась в Геттинген для усовершенствования своих познаний по физической химии в лаборатории проф[ессора] Нернста, но по семейным обстоятельствам должна была вскоре возвратиться в Россию. В будущем она имеет возможность работать за границей лишь в течение летних семестров; вследствие этого она и ходатайствует о предоставлении ей возможности работать в лаборатории курсов в течение зимы»³². Сведений о судьбе этого прошения обнаружить не удалось. В списках девушек, оставленных при курсах, имя Н.П. Рихтер не значится³³.

По очень похожей форме составлено обращение к декану физико-математического отделения курсов профессора И. Мещерского от 10 октября 1903 года: «Окончившая в настоящем году курс математического отделения К.Ю. Кухарская выразила желание быть оставленной при курсах для того, чтобы, продолжая свои занятия математикой, и, главным образом, механикой, она могла пользоваться указаниями и профессоров отделения и библиотекой курсов», — пишет профессор. И далее характеризует работу К.Ю. Кухарской: «Г[оспо]жа Кухарская на экзаменах обнаружила основательное знание преподаваемых на отделении курсов, а из ее рефератов и прилагаемой работы³⁴ видно, что она достаточно подготовлена к самостояльному изучению научной литературы». И завершал свое обращение следующим образом: «Поэтому покорнейше прошу ходатайствовать перед факультетом о том, чтобы К.Ю. Кухарская была оставлена при курсах на один год с той

целью, чтобы согласно выраженному ее желанию она могла пользоваться указаниями г[оспод] профессоров и библиотекой курсов при дополнительном изучении математики и механики»³⁵. Судьба этого прошения также остается неизвестной.

Ф.Ю. Левинсонг-Лессинг 14 сентября 1904 года обращался в совет курсов с просьбой оставить для продолжения занятий сразу двух студенток: «Имею честь покорнейше просить об оставлении при курсах для продолжения научных занятий бывших слушательниц Еремину Елизавету и Григорову Наталью, которые в прошлом году усердно занимались петрографией и получили подготовку для самостоятельной работы»³⁶. И продолжал, давая характеристику научной работе Е.В. Ереминой: «Г[оспожа]же Еремина уже в прошлом году начала самостоятельную работу, а именно исследование изверженных пород Мугоджарских гор и добровольно исполняла некоторые обязанности ассистентки»³⁷. Елизавета Владимировна Еремина (1879—1964) преподавала на С.-Петербургских Высших женских курсах с 1904 по 1913 г. За это время опубликовала ряд научных работ³⁸. В 1911 г. получила степень доктора Лозанского университета. После 1917 г. эмигрировала, преподавала в Сорбонне, в Институте геологии в университете Нанси³⁹. Наталья Федоровна Григорова также была оставлена при курсах, начиная с 1904 года⁴⁰. О ее дальнейшей работе ничего выяснить не удалось.

Таким образом, в 1900-е гг. практика оставления при С.-Петербургских Высших женских курсах для продолжения научной подготовки вполне сложилась, несмотря на отсутствие перспективных рабочих мест для будущих выпускниц, получивших эту дополнительную подготовку. Тем не менее, отсутствие ясных перспектив на будущее и в целом мало перспективное положение сотрудниц Высших женских курсов и служащих различных научных учреждений отражалось в планах на будущее, составляемыхся студентками ВЖК уже в конце 1900-х гг. XX в. В ноябре 1909 г. статистический семинар С.-Петербургских высших женских курсов организовал перепись слушательниц, разработав очень подробную анкету. В ней среди прочих вопросов было два, важных для нашей темы. Первый из них: «Имеете ли в виду, по окончании курсов, определенный род деятельности и какой именно?»⁴¹; второй: «Если нет, то какого рода деятельность предпочли бы?»⁴². Не все девушки посчитали возможным ответить на них. Имеющиеся же ответы распределились следующим образом (Табл. 4)⁴³:

Таблица 4

**Ответы слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов
на вопросы о предполагаемой и желаемой профессиональной
деятельности по окончании курсов (1909 г.)**

Вид деятельности	Факультет	Количество ответивших	Деятельность	
			Предполагаемая⁴⁴	Желающая⁴⁵
педагогическая	физико-математический	481	72,4	7,2
	историко-филологический	731	69,6	36,9
	юридический	161	11,1	11,7
	Итого:	1373	38,5	23,5
научная	физико-математический	481	4,1	14,7
	историко-филологический	731	11,2	30,4
	юридический	161	1,5	11,1
	Итого:	1373	6,2	15,4
общественная	физико-математический	481	1,2	2,3
	историко-филологический	731	4,4	5,6
	юридический	161	2,4	7,4
	Итого:	1373	2,6	6,6
медицинская	физико-математический	481	6,2	6,4
	историко-филологический	731	3,1	4,9
	юридический	161	0,2	1,8
	Итого:	1373	2,3	5,1
артистическая	физико-математический	481	—	1,3
	историко-филологический	731	1,2	2,0
	юридический	161	0,6	7,4
	Итого:	1373	0,7	2,8
художественная	физико-математический	481	—	1,4
	историко-филологический	731	0,7	2,3
	юридический	161	—	—
	Итого:	1373	1,1	1,1
юридическая	физико-математический	481	—	—
	историко-филологический	731	—	1,1
	юридический	161	29,1	38,5
	Итого:	1373	2,7	5,1
литературная	физико-математический	481	—	—
	историко-филологический	731	6,2	16,8
	юридический	161	—	4,1
	Итого:	1373	3,2	9,5

семейная	физико-математический	481	0,6	0,3
	историко-филологический	731	0,7	1,2
	юридический	161	—	—
иная	Итого:	1373	0,6	0,5
	физико-математический	481	4,8	1,2
не ясно самой	историко-филологический	731	0,1	0,8
	юридический	161	0,8	1,2
	Итого:	1373	1,8	0,9
	физико-математический	481	4,7	0,3
	историко-филологический	731	11,2	7,7
	юридический	161	0,6	1,2
	Итого:	1373	7,7	4,1

Итак, в 1909 году из 731 слушательницы историко-филологического факультета планировали в будущем заниматься научной деятельностью 11,2 %, а из 481 слушательницы физико-математического — 4,1 %. Комментируя соотношение желаемого и реально предполагаемого, авторы переписи приводят выдержку из ответа одной из студенток: «Ни каких планов. Потому что мечтают только о недостижимом и прекрасном. А серьезно мечтать о таковом (например, о профессорской кафедре) — надо обладать большим самомнением»⁴⁶. Ответы на данные вопросы также несколько колебались в зависимости от возраста (Табл. 5)⁴⁷:

Таблица 5

Возраст слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов, отвечавших на вопросы о планируемой и желаемой в будущем деятельности

Возраст	Количество отвечавших	Планировали заниматься научной деятельностью	Желали бы заниматься научной деятельностью
меньше 20 лет	376	4,7 %	12,7 %
от 20 до 25 лет	972	9,5 %	14,0 %
больше 25 лет	303	6,4 %	23,1 %

Следует признать, что приведенные данные свидетельствуют не столько о низкой популярности профессиональной научной деятельности среди студенток Высшей женских курсов, сколько о понимании ими бесперспективности подобного выбора с практической точки зрения. Особенно хорошо видна разница между

теми, кто хотел бы стать научным сотрудником, и теми, кто *реально предполагал* это сделать в старшей возрастной группе. Государственные законы, ограничивавшие права женщин на работу в интеллектуальной сфере, по мере возрастания количества женщин, обладавших необходимой для подобной работы квалификацией, становились все более стеснительными. Аргументы начала XIX века, убеждавшие в «физической» неспособности женщин и их «неготовности» к подобной деятельности звучали все более и более странно. Например, анонимный сотрудник кафедры всеобщей истории С.-Петербургских высших женских курсов писал в 1903 году, что в течение 25-летнего периода своего существования кафедра постоянно испытывала нехватку преподавателей и добавлял: «В самих слушательницах лежит гарантия дальнейшего успеха дела: когда они по знаниям своим будут достойны того, чтобы занимать кафедры истории, — и, как будто поняв, что именно он написал, тут же добавил, — и когда они получат на это право, тогда, конечно, не только будет обеспечено преподавание на наших курсах, но они, в свою очередь, окажут услуги тем новым заведениям, которые будут возникать в России»⁴⁸. Из этого несколько опрометчивого высказывания следовало, что: либо за 25 лет курсы не смогли подготовить ни одной выпускницы, достойной занять, в данном случае, кафедру истории, либо, что эти выпускницы не имели подобного права. И это второе положение продолжало оставаться в законной силе вплоть до 1911 г.

Тем не менее, как мы уже говорили выше, находились женщины, готовые рискнуть неопределенным будущим ради возможности научно-исследовательской работы. Их мотивы, сложности, которые приходилось им преодолевать на пути к поставленной цели, ясно видны из биографических документов Александры Андреевны Глаголовой-Аркадьевой (1884—1945), выдающегося физика первой половины XX века, доктора физико-математических наук, заведующей кафедрами в различных высших учебных учреждениях, начинавшей свою научную карьеру на Московских Высших женских курсах. А.А. Глаголовой трижды подавала заявление с просьбой о зачислении на курсы, получив первые два раз отказ (в 1904 и 1905 гг.). Подавая заявление в 1906 г. в третий раз, она писала, объясняя свои мотивы: «Прошу вас, ваше превосходительство, хоть в этот раз не отказать в моем прошении. Мое желание учиться

не есть каприз, могущий с течением времени позабыться; нет, это желание — цель моей жизни; оно никогда во мне не ослабевало: вот это уже третье мое прошение к вам. Не закрывайте же дверей Высших курсов для искренне жаждущего учения!». И объясняла более подробно: «Вот уже 6 лет прошло с тех пор, как у меня впервые вполне ясно и твердо явилось желание учиться. Несмотря на разные препятствия со стороны родных, я удержала свои взгляды и осталась верна им. Теперь я достигла своего: родные согласились с моими взглядами: они согласны отпустить меня учиться, — но самое главное, — алтарь знания — закрыт для меня. Три раза я просила открыть его для меня, и два раза уже получала отказ. Неужели третье мое прошение, оставшись “гласом вопиющего в пустыне”, окончательно убьет мои стремления, подорвет мои последние силы для борьбы с препятствиями на пути к цели жизни, и заставит меня всю оставшуюся мою жизнь посвятить предмету, неинтересному для меня, с твердым и грустным сознанием того, что призвание мое было другое, и что оно непоправимо разбито»⁴⁹.

Несмотря на то, что должности, на которые стали устраиваться женщины, находились в научных и высших учебных учреждениях, сами должности были техническими. Они требовали определенных знаний и навыков, но давали мало возможностей для личной научно-исследовательской работы. Как замечала биограф Е.Ф. Ковалевской Н.Н. Романова: «В лаборатории П.С. Коссовича⁵⁰ Ковалевская проработала несколько месяцев, а потом поступила в качестве внештатного лаборанта в Центральную химическую лабораторию министерства финансов. Работа в этих лабораториях не удовлетворяла Ковалевскую. Она стремилась продолжить начатую в Берне научную работу по биологической химии, в частности в области белкового обмена». И даже устроившись на внештатную должность в Женский медицинский институт, в лаборатории которого проводились соответствующие исследования, Е.Ф. Ковалевская не могла получить свободный доступ к научно-исследовательской работе: «...ей по-прежнему приходилось днем работать в Центральной химической лаборатории министерства финансов, а с 18 до 22 часов она вела занятия и научную работу в Женском медицинском институте», — писала Н.Н. Романова⁵¹.

Ассистентки на высших женских курсах, как правило, были перегружены работой. Вот, например, что между делом писала

Анна Болеславовна Миссуна (1868—1922), с 1906 г. работавшая ассистенткой по геологии на Московских ВЖК, в черновом наброске записки геологической комиссии МВЖК по поводу возможного расширения деятельности геологического кабинета: «Что касается занятий по петрографии, то дальнейшее увеличение занимающихся возможно только за счет образования новой группы, но в этом случае возникает вопрос об оплате труда преподавателя, который и теперь уже затрачивает на эти занятия время в шесть раз больше официального»⁵². При этом обязанности будущего «третьего» ассистента описывались следующим образом: «Эти обязанности будут распадаться на три части: 1) помочь на практических занятиях по исторической геологии, на трех или даже четырех группах, 2) помочь 1-му ассистенту в хозяйственных хлопотах по кабинету, ввиду ее перегруженности этими обязанностями и 3) в помощи начинающим специалистам по исторической или физической геологии, при чем комиссия считает нужным указать, что до сих пор никакого вознаграждения за занятия со специалистами не положено»⁵³. При этом количество студенток, с которыми предполагалось работать, составляло на момент написания записки по подсчетам А.Б. Миссуны (Табл. 6)⁵⁴:

Таблица 6
**Слушательницы Московских Высших женских курсов,
посещавшие занятия по петрографии (1912—1916)**

Год	Слушательницы, записавшиеся на занятия	Слушательницы, завершившие занятия (сдавшие зачеты)
1912—1913	104	91
1913—1914	100	81
1915—1916	102	62

А увеличение студентов, ради которого записка и составлялась, предполагало увеличение каждой из 4-х формировавшихся обычно групп до 35—40 человек⁵⁵. Такая учебная нагрузка не могла оставлять значительного времени для собственной научной работы, кроме, возможно, летних каникул. Но несколько лет подобной деятельности без каких-либо перемен или надежд на перемены истощали людей. Так, например, предположительно в 1916 г.

А.Б. Миссуна писала супруге В.И. Вернадского Н.Е. Вернадской, с которым она тесно сотрудничала во время его работы на МВЖК: «Уже около месяца как я в [хлопотах]; геол[огический] кабинет меняет квартиру и я совсем замоталась и порядком устала от всех этих хлопот. Теперь уже принимаюсь за научные занятия, не знаю только, что [последует], т[ак] к[ак] в этом году я чувствую себя далеко не так хорошо, как в прошлом году... Передайте, пожалуйста, Владимиру Ивановичу мою благодарность за присланный оттиск [Минералогии]. Жалко, что мне не удалось быть на заседании Минералогического кружка, но обстоятельства помешали этому»⁵⁶. Постепенно силы убывали, и желания заниматься научной работой в редкие свободные минуты без надежды на вознаграждение материальное и вполне скромное вознаграждение моральное оставалось все меньше и меньше. Вот отрывок из еще одного письма А.Б. Миссуны к Н.Е. Вернадской: «Я веду чисто растительный образ жизни, умственно не работаю совершенно, даже не читаю; странное отвращение к книгам. Вл[адимир] Ив[анович], конечно, не одобрил бы этого, но я думаю, что это [...]⁵⁷ и не насилю себя. Зато с большим удовольствием предаюсь физическому труду»⁵⁸.

Характеризуя научный труд А.Б. Миссуны, Д.В. Наливкин писал о результатах ее работы с глубоким уважением, но вместе с тем считал, что она «погибла» для науки: «Серия работ А.Б. [Миссуны] по четвертичным отложениям, изучение которых проводилось ею в течение 20 лет, представляет собой выдающееся новаторское исследование. А.Б. [Миссуна] была первой женщиной, выполнившей такие длительные и трудные самостоятельные геологические наблюдения, собравшей громадный новый фактический материал и сделавшей такой важный вывод, как вывод о многократности оледенений. По своему таланту и работоспособности она свободно, вероятно, могла бы конкурировать с М.В. Павловой, но ей помешала многотемность исследований»⁵⁹. И описав все разнообразие научных интересов А.Б. Миссуны, продолжал: «Если бы не было этой безумной многотемности, как много могла бы дать А.Б. [Миссуна] по своим любимым четвертичным отложениям»⁶⁰. Д.В. Наливкин перебрал разные причины и не нашел ответа. Но ответ, как нам кажется, был достаточно близок, Д.В. Наливкин сам дал его: «Педагогическая деятельность А.Б. [Миссуны] была большой и разнообразной, нередко трудной, часто незаметной,

но всегда полезной и нужной», — писал он⁶¹. Педагогическая деятельность «большая» и «незаметная», занимавшая силы, время, не ведшая к изменению социального положения, к увеличению материального благосостояния, к признанию. Но необходимая для выживания.

Подводя итоги, можно отметить, что в 1900-е годы XX века количество женщин, занятых на технических и вспомогательных должностях в научных и высших учебных заведениях, постепенно возрастало. Уровень образования многих из них, как правило, значительно превышал требования, предъявлявшиеся к занимаемым ими должностям, однако получение даже вспомогательной должности бывало затруднительным. Их повседневные должностные обязанности оставляли мало времени для проведения собственных научных исследований. Они занимались ими урывками, в собственное свободное время. Многие их научные работы были написаны скорее «вопреки» чем «благодаря» их официальной службе. Некоторые женщины, поставленные в такие условия, бросали научно-исследовательскую работу и находили заработки в других местах; другие постепенно поглощались повседневными обязанностями и втягивались в ежедневную рутину; результаты их работ, многообещающие вначале, оставались в итоге достаточно скромными. Тем не менее, само их ежедневное присутствие в научных и высших учебных учреждениях, их постоянное появление на заседаниях ученых обществ, их публикации в научных журналах, их участие в научно-организационной деятельности постепенно оказывали свое влияние и на научное сообщество, и на молодых женщин, размышлявших о выборе будущей карьеры, и даже на правительство.

Библиография

1. Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878—1908. СПб., 1908. С. 66.
2. Менделеев Д.И. Сочинения в 25 т. Т. XXV. Дополнительные материалы. Л.; М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 591.
3. Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. С. 49—51.
3. Покровский К.Д. Женщины-астрономы и их работы // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. 68. № 6. Июнь. С. 778
4. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882—1889; 1892—1903 / 4-е изд. СПб., 1903. С. 94.

5. Романова Н.Н. Е.Ф. Ковалевская-Зезерская — первая русская женщина профессор химии // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16—17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. С. 86 — 89.

Bibliography (transliterated)

1. Visschie zhenskie kursi v Sankt-Peterburge. Kratkaya istoricheskaya zapiska. 1878—1908. SPb., 1908. S. 66.
2. Mendeleev D.I. Sochineniya v 25 t. T. XXV. Dopolnitelnie materiali. L.; M.: Izd-vo AN SSSR, 1952. S. 591.
2. Nalivkin D.V. Nashi pervie zhenshini-geologi. L.: Nauka, 1979. S. 49—51.
3. Pokrovskiy K.D. Zhenshini-astronomi i ikh raboti // Istoricheskiy vestnik. Istoriko-literaturniy zhurnal. 1897. T. 68. № 6. Iyun. S. 778
4. Pamyatnaya knizhka okonchivshikh kurs na S.-Petrburgskikh Vishikh zhenskikh kur-sakh. 1882—1889; 1892—1903 / 4-e izd. SPb., 1903. S. 94.
5. Romanova N.N. E.F. Kovalevskaya-Zezerskaya — pervaya russkaya zhenshina professor khimii // Zhenshini-khimiki: biografcheskiy portret, vklad v obrazovanie i nauku, признание. Materiali Mezhdunarodnoy nauchnoy konferenzi, Moskva, 16—17 iyunya 2011 г. M.: Khimicheskiy fakultet, 2011. S. 86—89.

¹ Таблица составлена на основании: Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах 1882—1889 гг. 1893—1903 гг. / Изд. 4-е. СПб., 1903.

² Таблица составлена на основании: см. предыдущую сноску, с добавлением данных из справочно-библиографической рукописи: Бесстужевские курсы. Б. м. Б. д. (место хранения: научно-справочный отдел Российской государственной библиотеки).

³ Высшие женские курсы в С.-Петербурге. Краткая историческая записка. 1878—1908. СПб., 1908. С. 66.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же.

⁷ Жилова М.В. Автобиография. Черновик. Б. д. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 711. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—1 об.

⁸ Покровский К.Д. Женщины-астрономы и их работы // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1897. Т. 68. № 6. Июнь. С. 778.

⁹ Там же. С. 777—778.

¹⁰ Там же. С. 778.

¹¹ Курсив наш. — O.B.

¹² Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882—1889; 1892—1903 / 4-е изд. СПб., 1903. С. 94.

¹³ Менделеева Анна Ивановна, супруга Д.И. Менделеева. — O.B.

¹⁴ Чельцов И.М., профессор ВЖК. — O.B.

¹⁵ [Озаровская О.Э.] Д.И. Менделеев по воспоминаниям О.Э. Озаровской М., 1929. С. 22—23.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Там же. С. 36.

- ¹⁸ Там же. С. 47.
- ¹⁹ Менделеев Д.И. Сочинения в 25 т. Т. XXV. Дополнительные материалы. Л.; М.: Изд.-во АН СССР, 1952. С. 591.
- ²⁰ Шателен М. А. (1866—1857) — специалист в области электротехники, член-корреспондент АН СССР по Отделению математических и естественных наук (энергетика, электротехника) с 31 января 1931 г.
- ²¹ Главная Палата мер и весов была реорганизована во Всесоюзный НИИ метрологии и стандартизации (ВИМС) в 1931 г.
- ²² Субботина Н.М. Письмо М.А. Шателену. 26 января 1934 г. // С.-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 869. Оп. 4. Д. 746. Л. 8 об.
- ²³ Субботина Н.М. Письмо Н.А. Морозову. 11 ноября 1906 г. // Архив РАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 1809. Л. 23.
- ²⁴ О Е.Ф. Ковалевской см.: Романова Н.Н. Е.Ф. Ковалевская-Зезерская — первая русская женщина профессор химии // Женщины-химики: биографический портрет, вклад в образование и науку, признание. Материалы Международной научной конференции, Москва, 16—17 июня 2011 г. М.: Химический факультет, 2011. С. 86—89.
- ²⁵ Там же. С. 87.
- ²⁶ Цит. по: Романова Н.Н. Е.Ф. Ковалевская-Зезерская... С. 87.
- ²⁷ Таблица составлена по материалам: [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах]. [1899—1915] // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 59 Л. 91—95.
- ²⁸ Чернова А. Прощение на имя директора С.-Петербургских Высших женских курсов. 6 сентября 1896 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
- ²⁹ [Прощение в совет С.-Петербургских высших женских курсов]. 3 октября 1896 года // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.
- ³⁰ Памятная книжка окончивших курс на С.-Петербургских Высших женских курсах. 1882—1889 гг. 1893—1903 гг... С. 112.
- ³¹ Два слова неразборчиво. — *O.B.*
- ³² [Обращение профессора Яковкина в совет профессоров С.-Петербургских Высших женских курсов]. 25 октября 1901 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.
- ³³ [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах...]. ... Л. 91—95.
- ³⁴ Название работы неразборчиво. — *O.B.*
- ³⁵ [Обращение профессора И. Мещерского к декану физико-математического отделения С.-Петербургских Высших женских курсов]. 10 октября 1903 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 46.
- ³⁶ Левинсонн-Лессинг Ф.Ю. Обращение в совет профессоров С.-Петербургских Высших женских курсов. 14 сентября 1904 г. // ЦГИА С.-Петербурга. Ф. 113. Оп. 1. Д. 10. Л. 56.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Например: Еремина Е.В., Левинсон-Лессинг Ф.Ю. Материалы для петрографии Мугоджарских гор. СПб.: Тип. Меркушева, 1905; Еремина Е.В. Группа гор Боктыбай. СПб.: Тип. Меркушева, 1907; Еремина Е.В., Малышева В.С., Добрынина М.И. Соединения бария в России. Пг., 1916 и др.
- ³⁹ См.: Бесстужевские курсы. Б. м. Б. д.
- ⁴⁰ [Списки оставленных для продолжения занятий при С.-Петербургских Высших женских курсах...]. ... Л. 91 об.
- ⁴¹ Слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи. (Анкеты, выполненной Статистическим семинарием в ноябре 1909 г.) СПб., 1912. С. XX.

- ⁴² Там же. С. XX.
- ⁴³ Там же. С. 140.
- ⁴⁴ % к числу ответивших на вопрос. — *O.B.*
- ⁴⁵ % к числу ответивших на вопрос. — *O.B.*
- ⁴⁶ Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи... С. 142.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ С.-Петербургские Высшие женские курсы за 25 лет. 1878—1903. Очерки и материалы. СПб., 1903. С. 18—19.
- ⁴⁹ Глаголева А.А. Прошение А.А. Глаголовой о зачислении на Московские Высшие женские курсы. 9 мая 1906 г. // ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302. Л. 1, 1 об.
- ⁵⁰ Лаборатория почвоведения при Лесном институте. — *O.B.*
- ⁵¹ Романова Н.Н. Указ. соч. С. 87.
- ⁵² Миссуна А.Б. Черновик «Записки геологической комиссии Московских Высших женских курсов» в физико-математический факультет [МВЖК]. 27 февраля 1916 г. // РГАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 541. Л. 174.
- ⁵³ Там же. Л. 174.
- ⁵⁴ Там же. Л. 173 об.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Миссуна А.Б. Письмо Н.Е. Вернадской. [Не позднее 1916 г.] // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 333. Л. 11, 11 об.
- ⁵⁷ Фраза неразборчива. — *O.B.*
- ⁵⁸ Миссуна А.Б. Письмо Н.Е. Вернадской. [Не позднее 1916 г.] // Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 333. Л. 13 об.
- ⁵⁹ Наливкин Д.В. Анна Болеславовна Миссуна // Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л.: Наука, 1979. С. 49—51.
- ⁶⁰ Там же. С. 50.
- ⁶¹ Там же. Л. 51.

М. Ю. Киселев, И. Б. Крамаренко

Женщины и наука: деятельность Л. Б. Северцовой, В. М. Францовой и А. Т. Николаевой (по фондам Архива РАН)

Аннотация: В статье представлена информация о научной деятельности Л. Б. Северцовой и В. М. Францовой, а также об их помощи своим мужьям-академикам в подготовке к изданию результатов научных исследований, в создании объективных биографий известных ученых. Отдельно рассмотрен вклад в историческую науку Т. А. Николаевой — историка-архивиста, доктора исторических наук, профессора.

Abstract: The article presents information on the scientific activity of L. B. Severtsova and V. M. Frantsova, as well as their help to their husbands- academicians in preparation for publishing the results of scientific research, creating objective biographies of famous scientists. A separate contribution to the historical science of a historian-archivist, doctor of historical sciences, professor A. T. Nikolaeva was considered.

Ключевые слова: история, наука, Л. Б. Северцова, В. М. Францова, А. Т. Николаева, архив, Российской академия наук.

Keywords: history, science, L. B. Severtsova, V. M. Frantsova, A. T. Nikolaeva, archive, Russian Academy of Sciences.

Женщины-ученые во главе институтов или больших научных групп встречаются сейчас по всему миру — и вряд ли кого-то можно этим удивить. Более удивительно другое: даже в те времена, когда женщины не могли голосовать и обучаться с мужчинами на равных правах, все равно исследовательский талант находил способ пробиться. Женщины-изобретатели, женщины-инженеры и женщины-первооткрыватели меняют нашу жизнь уже как минимум полтора столетия — и мы вправе думать, что более ранний вклад женщин в науку и технику попросту недостаточно задокументирован. Когда речь заходит о женщинах в науке, вспоминается, пожалуй, лишь несколько имен: Мария Склодовская-Кюри, Софья Ковалевская да Наталья Бехтерева. Эти женщины-легенды благодаря своим уникальным способностям, труду, упорству и мужеству смогли внести большой вклад в фундаментальную науку. Их открытиям рукоплескал весь ученый мир. Однако их

именами список талантливых женщин-ученых не исчерпывается. Попытаемся сегодня на основе документов, хранящихся в Архиве Российской академии наук, показать роль женщин в науке.

В фонде Алексея Николаевича Северцова (1866—1936), биолога, академика Академии наук сохранились документы его жены — Северцовой Людмилы Борисовны (урожденной Райвич)¹. Она родилась в 1888 г. в семье железнодорожного врача Бориса Валериановича Райвича. Среднее образование получила в Киевской частной женской гимназии А. Т. Дучинской, которую окончила с медалью в 1904 г. Зимний семестр 1904/1905 гг. училась на первом курсе литературного факультета в Сорбонне в Париже. С 1906 г. состояла слушательницей Киевских высших женских курсов, которые окончила в 1910 г. В 1912 г. окончила Киевский университет по биологическому отделению физико-математического факультета.

За это время, работая в лаборатории профессора А. Н. Северцова, она написала работу «О происхождении инстинктов», которая была представлена в качестве кандидатской работы по сдаче государственных экзаменов. Однако эта работа так и осталась в виде рукописи.

В 1913—1923 гг. Л. Б. Северцова работала на Московской опытной бактериологической и агрономической станции младшим, затем старшим специалистом, заведующим отделением. В 1916 г. Людмила Борисовна подготовила статью «К вопросу о нормальной кишечной флоре шелковичного червя», опубликованную в трудах Комитета шелководства Московского общества сельского хозяйства². В связи с этой работой она была командирована в Тифлис, где работала на Кавказской шелководческой станции. В 1920 г. Л. Б. Северцова вступила в брак с А. Н. Северцовым. В 1923 г. молодая ученая подготовила статью с рисунками и таблицами «О влиянии митогенетического излучения на скорость размножения бактерий»³, в 1924 г. опубликовала статью «Method of counting, culture medium and pure cultures of soil Amoebae».

В 1925—1928 гг. Л. Б. Северцова работала в Московском университете в лаборатории профессора А. Г. Гурвича. Результаты ее работы были отражены и опубликованы в статьях «The Effect of some Antiseptics on Soil Amoebae in partially sterilized Soils» (1925) и «The food Requirement of Soil Amoebae Reference to their Interrelation with Soil Bacteriae and Soil Fungi» (1928). Работы посвящены

вопросам биологического детектора и влияния митогенетического излучения на скорость размножения различных видов бактерий.

С 1928 г. Л. Б. Северцова перешла от исследований в области бактериологии к работам в области эволюционной морфологии и выполняла обязанности постоянного личного ассистента академика А. Н. Северцова. В 1929 г. она опубликовала статью «*Zur Frage nach dem mitogenetischen Strahlen*», в 1931 г. «*Influence du rayonnement mitogenetique sur la rapidite de la multiplication chez les Bacteries*» с отзывом профессора А. Г. Гурвича об исследовании Л. Б. Северцовой (1944)⁴. Кроме того, она подготовила статью «*Contribution a l'étude de la flore intestinale du ver a soie en rapport avec le développement de la Flachenie chez Bombyx mori*»⁵ и доклад «Происхождение инстинктов у животных»⁶.

Выполняя обязанности личного ассистента и секретаря А. Н. Северцова, Людмила Борисовна собирала и готовила экспериментальный материал для его исследований, вела всю работу по литературному оформлению этих исследований и подготовке их к печати, переводила работы академика на иностранные языки, проводила всю работу по корректуре. В качестве примеров можно привести: статью А. Н. Северцова «*Developpement des Muscles viscera de l'Ammocortr*», написанную рукой Л. Б. Северцовой⁷; перевод работы «Развитие туловищных чешуй *Acipenser ruthenus*» на английский язык Л. Б. Северцовой⁸; краткое изложение отзывов иностранных ученых — Неумарка, Плате, Наук, Гааса, Кампа, Де-Бира, Бретшнейдера в иностранных журналах на книгу А. Н. Северцова «*Morphologische Gesetzmäßigkeiten der evolution*» в переводе Л. Б. Северцовой⁹; предисловие Л. Б. Северцовой и А. Н. Северцова к книге «Морфологические закономерности эволюции» (Глава 1 «Эволюционное учение после Дарвина и задачи филогенетического исследования»)¹⁰.

Ссылки на эту работу Л. Б. Северцовой были опубликованы академиком в предисловии к первому изданию монографии «*Morphologische Gesetzmäßigkeiten der evolution*» и в статье «*Ueber die Beziehungen zwischen der Ontogenese und der Phylogenie des Tieren*»¹¹. Необходимо отметить, что в студенческие годы А. Н. Северцов брал уроки рисования у профессионалов и пользовался советами своего отца, искусного рисовальщика, при зарисовках животных. С годами его художественные способности развились, он овладел техникой рисования карандашом и акварелью, и впослед-

ствии его рисунки отличались удивительной точностью, изяществом, словно настоящие художественные произведения. В фонде ученого сохранилось более двухсот рисунков к научным работам, многие из которых были оформлены при участии Л. Б. Северцовой.

После смерти А. Н. Северцова в 1936 г. Людмила Борисовна полностью посвятила себя изучению и подготовке к печати научного наследия академика. Принимая в течение долгого времени столь непосредственное участие в трудах ученого, она имела возможность полностью войти в круг его научных идей и интересов, что позволило ей выпустить в 1939 г. биографический очерк «Жизнь и творчество академика А. Н. Северцова»¹². В работе была представлена не только биография А. Н. Северцова, но и научно-критический разбор его работ. В 1941 г. вышел сборник статей «Памяти академика А. Н. Северцова. 1866—1936»¹³ [4], подготовленный Институтом эволюционной морфологии АН СССР, одним из редакторов которого была Л. Б. Северцова. Успех этой публикации вызвал предложение Редакционно-издательского совета АН СССР пригласить ее для подготовки предисловия к первому тому «Собрания сочинений академика А. Н. Северцова», которое вышло под названием «Николай Алексеевич и Алексей Николаевич Северцовы». Работа была представлена на соискание степени кандидата биологических наук. В 1946 г. вышел расширенный биографический очерк академика, подготовленный Л. Б. Северцовой¹⁴ [5].

В заключении отметим, что Л. Б. Северцова была не только талантливым ученым, но и посвятила последние двадцать лет жизни своему мужу — знаменитому ученому, помогая ему проводить экспериментальные исследования и подготавливать их результаты к изданию. Она же стала автором объективной биографии А. Н. Северцова, снабженной научно-критическим разбором его работ.

Обратимся к личному фонду Георгия (Юрия) Павловича Францова (Францева) (1903—1969), философа, историка, академика АН СССР. В фонде ученого сохранились документы его жены — Францовой (урожденной Коган) Веры Моисеевны¹⁵. Она родилась в селе Землянка Самарской губернии в семье помощника провизора. В 1921 г. по окончании средней школы в городе Самаре поступила на математическое отделение Самарского городского народного университета. В 1923 г. перевелась на физико-математический факультет Ленинградского государственного

университета, который окончила в 1929 г. и поступила на работу в качестве научно-технического работника Главной геофизической обсерватории в Ленинграде. В 1930 г. работала поверителем и лаборантом на заводе метеорологического приборостроения.

В 1930—1936 гг. В. М. Францова работала младшим инженером и инженером в Научно-исследовательском институте механической обработки полезных ископаемых («Механобр»). В институте окончила специальные курсы подготовки инженеров по обогащению полезных ископаемых¹⁶. В 1935 г. Бюро новизны Комитета изобретательства при Совете труда и обороны выдало В. М. Францовой авторское свидетельство № 161106 на электростатический сепаратор¹⁷, она состояла членом Всесоюзного общества изобретателей. В том же году молодой изобретатель опубликовала статьи «Электростатический сепаратор конструкции «Механобр»¹⁸ [6] и «К вопросу электростатического разделения минералов и руд»¹⁹ [7], в 1936 г. статью «О некоторых итогах электростатического обогащения руд»²⁰ [8].

В 1936 г. В. М. Францова работала в Ленинградском отделении «Электрохиммет» сначала в должности инженера-исследователя, а в дальнейшем заведующей организованной ей исследовательской лаборатории. В 1938—1941 гг. она работала ассистентом на кафедре физики Военной электротехнической академии РККА им. Буденного и одновременно занималась научно-исследовательской работой у профессора Д. Н. Наследова. В 1942—1944 гг. в самые тяжелые годы блокады Ленинграда работала младшим научным сотрудником с исполнением обязанностей заведующей фондами Музея истории религии Академии наук СССР. В 1943 г. награждена медалью «За оборону Ленинграда», в 1946 г. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В 1944—1945 гг. работала ассистентом на кафедре физики в Ленинградском институте инженеров связи. В 1945 г. в связи с переводом мужа на работу переехала жить в Москву. В 1947—1948 гг. работала младшим научным сотрудником Института химической физики АН СССР, однако по состоянию здоровья вынуждена была оставить работу. В 1974 г. вышла в свет биобиблиография Г. П. Францова, подготовленная В. М. Францовой²¹ [1]. Талантливый изобретатель, опытный исследователь, В. М. Францова посвятила последние почти тридцать лет жизни своему мужу — известному историку и специалисту по международным отношениям,

помогая ему в оформлении и подготовке к изданию научных трудов, и, кроме того, смогла создать объективную биографию ученого.

Обратимся к судьбе другого ученого — Николаевой Александре Тимофеевне. Она родилась в 1908 г. в селе Каймара Арского уезда Казанской губернии в многодетной семье. Ее отец после революции 1917 г. перебрался в Казань, где работал на заводе № 40 им. В. И. Ленина. В 1925 г. окончила Казанскую советскую школу № 10 I и II ступени, поступила в Восточный педагогический институт, училась на литературно-лингвистическом отделении, получила «квалификацию педагога по русскому языку и литературе в трудовых школах II ступени и аналогичным им по программе учебных заведениях». Александру Тимофеевну всегда отличали четкая, ясная речь, хорошее знание русской художественной классики и умение наглядно представить суть изучаемого явления. В 1929—1934 гг. А. Т. Николаева — преподаватель русской литературы и языка и завуч в средних школах в Спасске и Казани, а также фабрично-заводского училища при заводе им. В. И. Ленина. В 1931 г. она окончила 2-й курс химического отделения Вечернего индустриального техникума при заводе № 40, в 1932—1933 гг. училась в Химико-технологическом институте²².

В 1934 г. Анна Тимофеевна была направлена на обучение в аспирантуру по кафедре истории СССР Московского историко-архивного института (МГИАИ). В аспирантуре приходилось не только заниматься подготовкой письменных работ и сдачей экзаменов, аспиранты обучались по специальным программам по источниковедению, дипломатике, палеографии, истории государственных учреждений. Занятия вели П. Г. Любомиров и А. Н. Сперанский. Их Александра Тимофеевна считала своими учителями. Большинство аспирантов, не успевало защищаться в срок. Не успевала защититься по своей теме «Дипломатический анализ таможенных уставных грамот Русского государства» и Александра Тимофеевна. Ее научный руководитель А. Н. Сперанский просил продлить срок пребывания в аспирантуре на три-четыре месяца, однако разрешение так и не было получено.

В 1938 г. А. Т. Николаева переходит на работу в Центральный архив Октябрьской революции, затем становится старшим научным сотрудником партийного архива Института Маркса—Энгельса—Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП(б). К этому времени она уже вышла замуж. Муж — Лев Евгеньевич Якобсон (1904—1966), юрист по об-

разованию, преподаватель ряда московских вузов, известный в Москве лектор, знаток XIX в., собиратель книг, специалист по новой истории Запада, доцент. В 1939 г. родился сын Миша. В 1940 г. вышла ее первая научная статья²³ [2]. Начинается война и в сентябре 1941 г. А. Т. Николаева вместе с сыном эвакуируется в Уфу, работает там заместителем заведующего партийным архивом и хранителем фондов в Партийном архиве ВКП(б) Башкирской АССР. В Москву они вернулись в октябре 1943 г., и Анна Тимофеевна вновь отправилась на работу в ИМЭЛ при ЦК ВКП (б). В 1944 г. Александра Тимофеевна принимает решение уйти с работы и завершить диссертацию, тематика которой осталась неизменной и далекой от «актуальных» проблем тех лет — «Уставные таможенные грамоты Московского государства XVI—XVII вв. (до 1653 г.)». В 1946—1947 гг. она работала исполняющей обязанности доцента на кафедре истории партии в Московском энергетическом институте.

В октябре 1946 г. Совет Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина присудил ей учennую степень кандидата исторических наук. С 1947 г. она работала доцентом кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ. Главные усилия кафедры были сосредоточены на разработке программ по источниковедению и созданию учебных пособий. Источниковедение как метод выходило за рамки составных частей курсов различных дисциплин: истории (история и ее источники), права (источники права), археологии (вещественные источники), библиографии (библиографическое источниковедение) и др. Вышедшие в 1920—1940-е гг. учебные пособия не могли удовлетворить всех потребностей ни исторической науки, ни преподавания, ни практики работы с архивными документами, с массовой ретроспективной информацией. В течение нескольких лет на кафедре велись дискуссии о принципах разработки программ, а, следовательно, и лекционного курса. Важная и нужная работа проходила под идеологическим прессом, административным давлением и попытками упразднить ненужные «дополнительные» дисциплины, в число которых попала и дипломатика. В 1950 г. вышла ее научная работа, в которой были освещены отдельные положения диссертации²⁴ [3] и программа курса «Русская палеография» для МГИАИ, переизданная в 1954 г.

В 1952—1960 гг. А. Т. Николаева занимала должность заведующей кафедры, где ей приходилось защищать позицию ученых

кафедры перед партийными структурами и администрацией. Во многом благодаря ее самоотверженным усилиям кафедра осталась в составе МГИАИ как структурное подразделение. В том же 1952 г. администрация решила перевести курсы вспомогательных исторических дисциплин в число факультативных. Александре Тимофеевне пришлось обращаться в Министерство высшего образования, Институт истории АН СССР. Ей как заведующему кафедрой надо было думать не только о развитии научных направлений аспирантуры, учебных пособиях, но и решать организационные вопросы. Приходилось отбиваться от обвинений, что кафедра не перестраивается в духе решений XX съезда КПСС, игнорирует политico-воспитательную работу, проводит феодально-буржуазную идеологию.

В 1954 г. проект программы курса «Источниковедение истории СССР» подготовленный при непосредственном участии А. Т. Николаевой и одобренный Министерством высшего и среднего специального образования СССР, был опубликован, став первой в стране программой, которой пользовались исторические факультеты вузов. На кафедре шла работа по подготовке учебных пособий по всем вспомогательным историческим дисциплинам. Они выходили в 1954 г. отдельными книжечками по отдельным видам источников с особым вниманием к методике работы с ними («Русская метрология», «Русская хронология»).

А. Т. Николаева, ранее планировавшая подготовить докторскую диссертацию «Крестьяне южных уездов во второй половине XVII в.», обращается к истории развития источниковедения в России в XVIII в. Одновременно на кафедре при ее непосредственном участии разрабатывались проблемы теоретического источниковедения. В 1957 г. прошло совещание «О научной критике исторических источников», была издана лекция А. Ц. Мерзона «Основные задачи критики исторических источников», отчет об этом совещании был опубликован А. Т. Николаевой²⁵ [9]. Александра Тимофеевна являлась автором и редактором программ по вспомогательным историческим дисциплинам и источниковедению. Ею был подготовлен целый ряд учебных пособий, программ курсов и лекций.

Конец 1950-х гг. был очень тяжелым для Александры Тимофеевны. Трагедия, произошедшая с сыном, не нашла необходимого человеческого понимания у многих ее коллег. В 1960 г. она уходит с заведования кафедрой и усиленно работает над докторской диссер-

тацией (первый вариант представлен на кафедру в 1963 г.). Читает курсы палеографии и источниковедения, ведет практические занятия, семинары, специальные семинары («Источники к социальнно-политической истории дореволюционной России», «Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII—XX вв.», «Источниковедческие школы советских историков» и др.).

В 1968 г. она защитила докторскую диссертацию «Русское источниковедение XVIII в.», в которой развернула картину становления научного источниковедения в России в XVIII в. в трудах В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Н. И. Новикова, И. И. Голикова, П. И. Рычкова, В. В. Крестинина, А. Л. Шлецера. В своих отзывах официальные оппоненты отмечали значимость работы, не имевшей предшественников, филигранность анализа, его конкретно-историческую полноту, высокое источниковедческое мастерство автора, рассмотревшего русскую историю источниковедения не в статике, а в динамике. Но и эта работа А. Т. Николаевой полностью не была опубликована²⁶. В 1970—1983 гг. она подготовила учебные пособия для студентов МГИАИ «Очерки по историографии русского источниковедения XVIII—XX вв.»²⁷ («Теория и методика русского источниковедения». Гл. 3; «Основные этапы развития русского источниковедения». Гл.4; «Источники феодальной эпохи»)²⁸ и проекты учебных пособий — Проекты учебных пособий Николаевой А. Т. «Теория и методика советского источниковедения. Книга 1. Источниковедение эпохи феодализма и капитализма», «Теория и методика изучения источников по истории СССР. Книга 1. Вопросы теории и истории источниковедения. Источниковедение эпохи феодализма и капитализма. Книга 2. Источниковедение истории советского общества», «Источниковедение истории СССР»²⁹.

Еще в 1950-е гг. А. Т. Николаева стала заниматься историей кафедры, написав «Краткий очерк развития кафедры вспомогательных исторических дисциплин»; под ее руководством защищены две дипломных работы по истории кафедры Н. Л. Карповой, В. И. Мосиной. В 1980 г. она написала «Историю кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ (1931—1977 гг.)»³⁰, посвятив ее своему учителю А. Н. Сперанскому.

А. Т. Николаева работала на кафедре до 1984 г., по состоянию здоровья с 1985 г. она из дома не выходила. До самых последних

дней сохраняла ясность мысли, была в курсе кафедральных дел, помогала своими советами по лекционным курсам. Многолетний и плодотворный труд А. Т. Николаевой был отмечен рядом почетных грамот и благодарностей по Главному архивному управлению при Совете Министров СССР, Главному управлению университетов, экономических и юридических вузов Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и др. А. Т. Николаева была выдающимся ученым, исследователем, полностью отдавала себя науке, работе на кафедре. По ее пособиям и учебным программам учились несколько поколений российских историков.

Три женщины-ученые, три непростых судьбы... Их жизнь была трудной, плодотворной, очень интересной и достойной внимания для будущих поколений.

Библиография

1. Георгий Павлович Францов (1903—1969) (сост. В. М. Францова). Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия философия. Вып. 1. М.: Наука, 1974. 84 с.
2. *Николаева А. Т., Якобсон Л. Е. Маркс и Энгельс в борьбе с анархизмом // Большевик. 1940. № 20. С. 34—43.*
3. *Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. 1950. № 31. С. 245—266.*
4. Памяти академика А. Н. Северцова. 1866—1936 (редакторы И. И. Шмальгаузен, Б. С. Матвеев, С. Г. Кржижановский, Л. Б. Северцова). М.-Л., 1941. В 2-х тт.
5. *Северцова Л. Б. Алексей Николаевич Северцов. Биографический очерк. М.-Л.: Наука, 1946. 369 с.*
6. *Францова В. М. Электростатический сепаратор конструкции «Механобр» // Новости техники. 1935. № 18. С. 31—32.*
7. *Францова В. М. К вопросу электростатического разделения минералов и руд // Сборник статей. К юбилею «Механобр». Л., 1935. С. 163—167.*
8. *Францова В. М. О некоторых итогах электростатического обогащения руд // Горно-обогатительный журнал. 1936. № 4. С. 41—42.*
9. *Францова В. М. О научной критике исторических источников // Исторический архив. 1957. № 5. С. 237—246.*

Bibliography (transliterated)

1. Georgii Pavlovich Frantsov (1903—1969) (sost. V. M. Frantsova). Materialy k biobibliografii uchenykh SSSR. Seriya filosofia. Vyp. 1. M.: Nauka, 1974. 84 c.
2. *Nikolaeva A. T., Iakobson L. E. Marks i Engel's v bor'be s anarkhizmom // Bol'shevik. 1940. № 20. S. 34—43.*
3. *Nikolaeva A. T. Otrazhenie v ustavnykh tamozhennykh gramotakh Moskovskogo gosudarstva XVI—XVII vv. protsessa obrazovaniia vserossiiskogo rynka // Istoricheskie zapiski. 1950. № 31. S. 245—266.*

4. Pamiati akademika A. N. Severtsova. 1866—1936 (redaktory I. I. Shmal'gauzen, B. S. Matveev, S. G. Krzhizhanovskii, L. B. Severtsova). M.-L., 1941. V 2-kh tt.
5. *Severtsova L. B.* Aleksei Nikolaevich Severtsov. Biograficheskii ocherk. M.-L.: Nauka, 1946. 369 s.
6. *Frantsova V. M.* Elektrostaticheskii separator konstruktsii «Mekhanobr» // Novosti tekhniki. 1935. № 18. S. 31—32.
7. *Frantsova V. M.* K voprosu elektrostaticheskogo razdeleniya mineralov i rud // Sbornik statei. K iubileiu «Mekhanobr». L., 1935. S. 163—167.
8. *Frantsova V. M.* O nekotorykh itogakh elektrostaticheskogo obogashcheniya rud // Gorno-obogatitel'nyi zhurnal. 1936. № 4. S. 41—42.
9. *Frantsova V. M.* O nauchnoi kritike istoricheskikh istochnikov // Istoricheskii arkhiv. 1957. № 5. S. 237—246.

¹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 467. Оп. 6. Д. 25.

² Там же. Д. 2.

³ Там же. Д. 5, 6.

⁴ Там же. Д. 7.

⁵ Там же. Д. 8.

⁶ Там же. Д. 9.

⁷ Там же. Оп 1. Д. 20.

⁸ Там же. Д. 56.

⁹ Там же. Д. 105.

¹⁰ Там же. Д. 133.

¹¹ Там же. Д. 80.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 8.

¹³ Памяти академика А. Н. Северцова. 1866—1936 (редакторы И. И. Шмальгаузен, Б. С. Матвеев, С. Г. Кржижановский, Л. Б. Северцова). М.-Л., 1941. В 2-х тт.

¹⁴ Северцова Л. Б. Алексей Николаевич Северцов. Биографический очерк, М.-Л.: Наука, 1946.

¹⁵ РАН. Ф. 1681. Оп. 1. Д. 269.

¹⁶ Там же. Д. 267.

¹⁷ Там же. Д. 271.

¹⁸ Францова В. М. Электростатический сепаратор конструкции «Механобр» // Новости техники. 1935. № 18. С. 31—32.

¹⁹ Она же. К вопросу электростатического разделения минералов и руд // Сборник статей. К юбилею «Механобр». Л., 1935. С. 163—167.

²⁰ Она же. О некоторых итогах электростатического обогащения руд // Горнообогатительный журнал. 1936. № 4. С. 41—42.

²¹ Георгий Павлович Францов (1903—1969) (сост. В. М. Францова). Материалы к библиографии ученых СССР. Серия философия. Вып. 1. М., 1974.

²² РАН. Ф. 1950. Оп. 1. Д. 58.

²³ Николаева А. Т., Якобсон Л. Е. Маркс и Энгельс в борьбе с анархизмом // Большевик. 1940. № 20. С. 34—43.

²⁴ Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. 1950. № 31. С. 245—266.

²⁵ Она же. О научной критике исторических источников // Исторический архив. 1957. № 5. С. 237—246.

²⁶ РАН. Ф. 1950. Оп. 1. Д. 23.

²⁷ Там же. Д. 44.

²⁸ Там же. Д. 45.

²⁹ Там же. Д. 47.

³⁰ Там же. Д. 33.

Роль архива и архивных документов в выставочной деятельности¹

Аннотация: В статье рассматривается роль архива в выставочной деятельности и важность архивных документов для создания подлинного исторического контекста.

Abstract: The article discusses the role of archives in exhibition activities and the importance of archival documents to create a true historical context.

Ключевые слова: Архив, архивные выставки, архивные документы, исторический контекст, популяризация.

Keywords: Archive, archival exhibitions, archival documents, historical context, popularization.

Сегодня для изучения только актуальных произведений искусства уже недостаточно написать историю современного искусства. В начале XX в. пространство стали включать в выставку наряду с предметными экспонатами и превратили в орудие своего мировоззрения. История искусства, как и история выставок, начинается с условий, в которых произведения были замечены, где они были размещены и в каком пространстве они воспринимались обществом.

К середине XX в. музеи и галереи, а также независимые, альтернативные пространства, — заняли видное место в качестве этапа для подготовки и представления искусства. С появлением новых видов художественных жанров понятия «выставляться» и «производить» становятся синонимами. Выставка, как целостный экспозиционный организм перестает существовать, это понятие разделилось на множество частей при натурализации художественных средств, что и позволило использовать время как один из их основных составляющих: время, стало материалом, а не просто одним из условий восприятия произведения искусства. Каждая выставка делает историю через визуальные и устные памятные знаки. Музеи современного искусства стали узлами сохранения различных видов современного художественного наследия. С одной стороны, они

содержат коллекции произведений искусства, а также многочисленные документы, которые впоследствии могут получить статус произведений искусства. Это в случае с фото, видео или кинематографическими произведениями, где «документ» — это представление и действие или событие, которое никогда не повторится: при этом документацией становится сама работа. С другой стороны, как прилагательное к коллекции, мы обычно подразумеваем собрание библиотек и архивов, которые хранят публикации, но в свою очередь, они либо документируют и анализируют выставки и являются частью выставки, либо могут даже выступать в качестве ее замены. Книги и журналы традиционно аутентичны недрам, из которых историки добыли материалы для развития своей истории. И сегодня музеи стремятся как можно более пристально сконцентрировать свое внимание на документирование собственной деятельности (выставок и различных инициатив), путем создания каталогов и научных статей² [2, С. 13—34].

Совершенствование архивных инструментов привело к значительному увеличению использования современного художественного наследия. Это, в свою очередь, помещает искусство в центр сегодняшней культуры, а процессы ее «историзации» стали богаче и более комплексными.

Архив — это организация, которая осуществляет коренным образом технические задачи: описания, классификации, сохранение, участие в исследовании и различные другие действия, связанные с администрированием, координацией, сохранением и предоставлением доступа к документам. Однако очевидно, что при работе с исторически ценными архивными документами, объектом рассмотрения как свидетеля событий, становится память. На протяжении всей истории понятие архива рассматривалось не только с точки зрения архивиста, то есть профессионального управления — но также архив был изучен с разных сторон и в различных областях культуры.

Цепочка связей, которая прослеживается по документам, составляет то, что передается с течением времени, как «коллективная память». В строительстве этой памяти находятся документы, существующие в привилегированном положении путем их сохранения в архивах, где основой считается поддержание исторического дискурса. Именно это Борис Гроис называет культурный

архив. Грайс размышляет о том, как все это собранное и сохраненное архивами оказывается значимым, актуальным и востребованным для определенной культуры, а все, чему не удается найти место в архиве и что находится снаружи, пребывает как бы в неком «профанном пространстве», по определению Грайса³ [4, С. 20—35]. Тем не менее, культурные архивы изменяются и постоянно взаимодействуют с тем, что остается снаружи.

Неизбежно, что каждый архив создается и классифицируется в идеологическом контексте, но невозможно предположить, что архив может содержать извращенную не правдивую документацию, чтобы как-то повлиять на историю культуры, внушить ложные догматы.

Архивы стремятся быть демократичными и отдавать свой опыт пользователям, знания каждого документа являются самым верным отражением содержания культуры и ее оригинальной конфигурации. Архивы — это зеркало общества, и их использование и процессы, которые они отражают, могут сказать больше об обществе, чем отдельные документы. Соблюдение сохранности документа не должно быть выражено только в собрании архива, но и до того момента, когда документ будет передан на сохранение в архив. В «Археологии знания» (1969) Мишель Фуко⁴ [6, С. 15—24], исторические документы рассматривает как археологические остатки, которые служат для критического анализа истории идей.

Искусствоведы же используют архивные документы как основной материал в своей работе, информация, содержащаяся в архивах, дает новый повод для размышлений о том, как технологии трансформируются из субъективного взгляда в художественную практику, или из дискурса, который хочет оказать влияние на реальность, в прямой смысл или же альтернативно через создание художественного вымысла⁵ [5, С. 106—121]. Экспонаты уже отображают собой архив и генерируют новые документы (которые одновременно станут частью самого архива), и таким образом этот процесс работы с документацией является также средством обогащения оригинальной коллекции⁶ [2, С. 13—34].

В последние годы интерес к архивам возрос, что позволяет концентрировать внимание как на их содержании, так и на их структуре, что способствует признанию их важности для общества. Теоретические размышления строятся вокруг концепции архивов, что делает управление их содержимым одной из главных целей инсти-

туциональных архивов, а также следует определить степень результивности при работе с документом, это может быть статья как вклад в историю — в этом случае, в историю искусства.

В архиве сохраняются две большие группы документов в зависимости от их происхождения и производства. С одной стороны, он готовит документальные коллекции, которые представляют собой группы документов, сохраненных в их первоначальном состоянии. С другой стороны, он собирает важные документы, порожденные деятельностью людей и связанные с современным искусством. Эти документы могут содержать различные материалы, например, фотографии, негативы, переписку, рукописи, личные дневники и другие документы, зачастую уникальные и неопубликованные.

Архивные выставки должны быть наиболее активным способом популяризации научных материалов и исторических документов, их цель — обогатить музейные функции в качестве источника знаний. Эти экспозиции порождают новое целостное содержательно-смысловое образование — выставка становится не только культурным, но и научным объектом⁷ [1, С. 231—237].

Библиография

1. Афиани В.Ю., Литвина Н.В. Выставка как научный метод изучения историко-культурного наследия. Искусство и наука в современном мире. Сб. мат-лов международ. науч. конф. 11—13 ноября 2009 г., г. Москва. — М, 2011. — 976 с.
2. Ernst Wolfgang. Archival action: the archive as ROM and its political instrumentalization under National Socialism // History of the Human Sciences. 1999. Vol. 12. — 135 p.
3. Folding the exhibition. Documenting and archiving exhibitions. Recommended practices for archiving documentation of exhibitions. Edited by the Museu d'Art Contemporani de Barcelona (MACBA). MeLa Publications RF04 Curatorial and Artistic Research Published by the Museu d'Art Contemporani de Barcelona (MACBA). 2014. — 53 p.
4. Logik der Sammlung. München — Wien: Hanser Verlag (Edition Akzente), 1997. — 226 p.
5. Maria-Kristiina Soomre, “Art, Politics and Exhibitions: (Re)writing the History of (Re)presentations”, Studies on Art and Architecture 3—4 (2012). — 400 p.
6. Michel Foucault. L’Archeologie du savoir. «Gallimard». Paris. 1969. — 208 p.

Bibliography (transliterated)

1. Afiani V.YU., Litvina N. V. Vystavka kak nauchnyj metod izuchenija istoriko-kul'turnogo naslediya. Iskusstvo i nauka v sovremennom mire. Sb. mat-lov mezhdunarod. nauch. konf. 11—13 noyabrya 2009 g., g. Moskva. — M, 2011. — 976 s.

2. *Ernst Wolfgang*. Archival action: the archive as ROM and its political instrumentalization under National Socialism // History of the Human Sciences. 1999. Vol. 12. — 135 p.
3. *Folding the exhibitione. Documenting and archiving exhibitions. Recommended practices for archiving documentation of exhibitions.* Edited by the Museu d'Art Contemporani de Barcelona (MACBA). MeLa Publications RF04 Curatorial and Artistic Research Published by the Museu d'Art Contemporani de Barcelona (MACBA). 2014. — 53 p.
4. *Logik der Sammlung*. München — Wien: Hanser Verlag (Edition Akzente), 1997. — 226 p.
5. Maria-Kristiina Soomre, "Art, Politics and Exhibitions: (Re)writing the History of (Re)presentations", Studies on Art and Architecture3—4 (2012). — 400 p.
6. *Michel Foucault*. L'Archeologie du savoir. «Gallimard». Paris. 1969. — 208 p.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00238-А.

² *Folding the exhibitione. Documenting and archiving exhibitions. Recommended practices for archiving documentation of exhibitions.* Edited by the Museu d'Art Contemporani de Barcelona (MACBA). MeLa Publications RF04 Curatorial and Artistic Research Published by the Museu d'Art Contemporani de Barcelona (MACBA). 2014. — 53 p.

<https://www.macba.cat/uploads/publicacions/foldingtheexhibition/Folding%20The%20Exhibition.pdf>

³ *Logik der Sammlung*. München — Wien: Hanser Verlag (Edition Akzente), 1997. — 226 p.

⁴ *Michel Foucault*. L'Archeologie du savoir. «Gallimard». Paris. 1969. — 208 p.

⁵ Maria-Kristiina Soomre, "Art, Politics and Exhibitions: (Re)writing the History of (Re)presentations", Studies on Art and Architecture3—4 (2012), 106—121. — 400 c.

⁶ *Ernst Wolfgang*. Archival action: the archive as ROM and its political instrumentalization under National Socialism // History of the Human Sciences. 1999. Vol. 12. — 135 p.

⁷ Афиани В.Ю., Литвина Н.В. Выставка как научный метод изучения историко-культурного наследия // Искусство и наука в современном мире. Сб. материалов международ. науч. конф. 11—13 ноября 2009 г., г. Москва. — М, 2011. — 976 с.

И.А. Урмина

Актуализация архивного документа: проблемы и методы их решения¹

Аннотация: В статье анализируется современное состояние социокультурного пространства, в котором происходит формирование «картины мира», освоение культурно-исторического наследия, к которому относятся и архивные документы, хранящиеся в Архиве Российской академии наук. Рассматриваются проблемы усвоения актуальных знаний молодыми в разнородном и хаотично направленном информационном потоке, кодирования и дешифровки многозначных смыслов объектов культурно-исторического наследия. Анализируются технологии и методы визуализации архивного научного документального наследия.

Abstract: The article analyzes current state of socio-cultural space in which the formation of “world picture” placed, development of cultural and historical heritage, which include archival documents stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences. They are considering the problems of actual knowledge assimilation by young people in heterogeneous and chaotically directed information flow; coding and decoding of multivalued meanings of cultural and historical heritage objects. Technologies and methods of archival scientific documentary heritage visualization are analyzed.

Ключевые слова: Архив, документ, научное документальное наследие, актуализация, историко-культурное наследие, наука, познание, методы музеиного экспонирования, технологии визуализации.

Keywords: Archive, document, scientific documentary heritage, actuation, historical and cultural heritage, science, cognition, museum exhibiting methods, visualization technologies.

XXI век поставил перед человечеством новую задачу — теоретическое осмысление взаимодействия индивида с окружением в условиях его динамичных преобразований, нередко чисто виртуального характера, на уровне представлений или образов. На практике же наблюдается деформация реальной окружающей среды, которая вступает в конфликт с социальными и культурными потребностями людей.

Следует подчеркнуть, что проблемы формообразования, определения способов представления образов внутриличностных состояний и переживаний человека во внешней реальности решаются

лись на протяжении всей человеческой истории. В результате сформировались живописные, пластические, музыкальные, вербальные выразительные средства и особые области социокультурного пространства (искусство, художественная культура и др.). Эти области предполагают свободное экспериментирование с элементами среды, моделирование социальных и культурных ситуаций с помощью образных заместителей реальности. Сегодня ключевую роль в этой среде играет Интернет, в основе которого лежат почти безграничные информационные ресурсы и эффективные цифровые технологии. Но как и в каких содержательных формах эта информация усваивается, особенно молодыми?

Проблема социализующего воздействия средств массовой информации заключается для младших поколений в том, что без специального обучения они не могут самостоятельно и сразу овладеть условностями языка СМИ. В этом информационном поле дети, подростки и молодежь могут отобрать только то, что соответствует их ограниченному жизненному опыту. Большая часть социальной и культурной информации о человечестве, в том числе и в глобальном его значении, остается для них малопонятной и бесполезной. Это можно отнести и к той части социальной и культурной информации, которая заложена в богатейших пластиках культурного наследия России, как материального, так и нематериального. Его освоение может быть представлено как приобретение людьми многомерного социокультурного опыта: необходимого «набора» точек зрения на мир, картин мира, представлений, символов, традиций, стереотипов и образцов деятельности. Все это позволяет отрефлексировать видение мира, присущее конкретному социуму, удостоверить чувство культурной идентичности стране, народу, государству, нации, конфессиональной, региональной или какой-либо иной социальной общности, а также уточнить ролевые идентичности, сформулировать национальное и гражданское самосознание² [1, С. 56]. Распространенное понимание наследия лишь как «совокупности культурно-исторических ценностей» сегодня явно недостаточно, поскольку социальный и культурный опыт предыдущих поколений осваивается каждым человеком в трансформированном им самим виде в соответствии с представлениями (идеалы, идеи, парадигмы), которые заданы текущей социокультурной ситуацией. И в новых поколениях воспроизводится именно трансформированный опыт. В результате интенсивной

стратификации современного общества разные социальные слои, общности, группы населения находят в наследии «свои» культурные истоки, и соответственно формируют «свою» традицию.

Такое расслоение традиций по-новому ставит вопросы наследия и преемственности. Модель наследия оказывается величиной непостоянной и реально существует как выбор разными поколениями разных частей наследия, в том числе представленном в виде такой формы как документ. Выбор зависит социокультурной компетентности человека, как совокупности знаний и навыков, которая позволяет отбирать, понимать, организовать информацию, представленную в знаковой форме и успешно ее использовать при решении личных и общественно значимых групповых задач и проблем. Сегодня это осуществляется, как правило, в информационном пространстве по ключевым словам, но сама информация является лишь иллюстративным материалом к реальным событиям прошлого и настоящего. Это «познание в образах» дает возможность по-разному трактовать содержание объекта наследия. В терминах гештальт-психологии его форма воспринимается как целостность, «схватываемая» сразу, а не конструируется из элементов. А в терминах теории информации содержание объекта наследия формируется в зависимости от того, в каких сигналах и кодах оно представлено. То есть его восприятие отображается последовательностью знаков, «опознаваемых» получателем, автор-отправителем, имеющий набор знаков, комбинирует их в определенном порядке и передает через канал связи. Реципиент усваивает информацию путем сопоставления воспринятых элементов с имеющимся у него кодом, расшифровывает и «включает» их в память в виде элементов определенных областей. В единстве смыслового многообразия и внешнего образа единичного объекта (в нашем случае — документа) для человека раскрывается определенный объем социально и культурно значимого его содержания. Это содержание обладает многоуровневым смыслом и потому может быть раскрыто с большей или меньшей глубиной. Возможно ли упорядочить эти смыслы? Как сделать так, чтобы документ, превратившийся в знак, не остался абсолютизирован, а получил новые актуальные смыслы?

А. Моль, сравнивая современную культуру с традиционной, выделяет ее мозаичность: «Классический, в сущности картезианский, метод гуманитарного познания широко пользовался логической дедукцией и приемом так называемых формальных рас-

суждений. Двигаясь от одного узла сети знаний к другому, каждый акт познания проходил через ряд жестко связанных между собой этапов, и «экран знаний» напоминал тогда по своей фактуре паутину или ткань, прочно соединенную поперечными нитями. Постепенно, в процессе обучения, этих соединительных нитей становилось все больше и больше и ткань уплотнялась, образуя крепкую и экономно построенную структуру, — так мыслили себе процесс образования представители гуманитарной школы. В наше время фактура «экрана знаний» в корне иная; продолжая ту же аналогию, можно сказать, что он все больше становится похож на волокнистое образование или на войлок: знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по звуанию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования. Мы будем называть эту культуру «мозаичной», потому что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т. п.)»³ [2, С. 45]. По сути, знания формируются не рациональной системой образования, а средствами массовой информации и состоят из набора сообщений, хаотично выхватываемых из информационного потока. Как реципиент их раскодирует, зависит от его социокультурной компетентности.

Архивный документ как объект актуализации

Документальное научное наследие, хранящееся в различных архивах и научных библиотеках, отражает, по сути, динамику освоения человеком природной среды, развития искусственного мира, формирования социальных отношений в рамках различных областей науки. Объем этого наследия громаден, но для современного нового поколения его значимость не всегда понятна и, как уже упоминалось, является лишь иллюстративной информацией, не свя-

занной с текущей жизнью. Сама научная деятельность не является сегодня приоритетной с точки зрения успешности.

Переход России к новой системе социально-экономических отношений вызвал кризисные, сопровождающиеся устойчивыми стрессовыми состояниями, изменения в ценностных ориентациях людей, что оказало негативное влияние, прежде всего, на молодое поколение. Современный этап развития России и мира в целом характеризуется динамизмом обновления среды обитания, быстрой сменой предметов материальной культуры. Однако мировоззрение человека, его ценности и стереотипы поведения не могут меняться с той же быстротой. Поэтому зачастую можно наблюдать такое явление, как дезадаптированность человека к измененным жизненным условиям — он продолжает руководствоваться в своем поведении стереотипами, которые непригодны для достижения жизненного успеха в новой, обновленной среде. Скорость перемен в окружающем мире, смена значимых предметов материальной культуры, заимствование западных ценностей — индивидуализма, независимости, личного благополучия, комфорта, уверенности в себе, инициативности — все это влияет на отношения людей, особенно молодых, в их поведении нередко проявляется отсутствие способности к профессиональной ориентации и переориентации, невыраженная ответственность перед самим собой и семьей, изменение ценностных представлений. В результате в современной России одновременно существуют такие, казалось бы, противоположные ценности как индивидуализм и коллективизм, рационализм и иррационализм, инициативность и безынициативность. Личностные притязания ограничены рамками той социальной группы, к которой принадлежит человек, это относится и к молодежи, которая в силу своих особенностей наиболее энергично реализует и преобразовывает стереотипы успешного поведения, формируя новые и актуальные представления о нем. Нестабильность среды ведет к трансформации механизмов социализации молодого поколения, которое является важным объектом и субъектом социальных преобразований, обладая мобильностью, инновационностью, инициативностью⁴ [3, С. 5]. Но каким образом они происходят? Что является базовым ориентиром?

В СМИ продолжает активно распространяться, например, концепция успеха как демонстративного потребления Т. Веблена⁵ [4], выделившего в истории цивилизации особый общественный класс,

для которого, по его мнению, занятие трудовой деятельностью является социально и этически табуированной сферой. Этот класс сформировал свою идеологию «достижения» и «правила игры» — норму денежного соперничества и социальные установки на денежный успех, денежный стандарт уровня жизни, денежные каноны вкуса и моды, т. е. демонстративное потребление, подразумевающее высокую покупательскую способность без указания источника денежных средств и легкий путь к богатству и известности. Такой подход требует получения быстрого и успешного результата на жизненном пути без лишних поисков смысла жизни и путей самоактуализации. Информационная среда предлагает именно этот вариант жизненного пути как наиболее успешный. Но очевидно, что у современного молодого поколения существует противоречие между жизненными притязаниями и реальными возможностями для их реализации. Что выбрать молодому человеку, который не только конструирует свою жизнь, являясь, по сути, актором жизненных событий, но выполняет функцию эксперта собственной жизни?

В формировании идеологии и политики современного общества одну из ключевых ролей играет наука, производство знаний. В теории «общества риска»⁶ [5] утверждается, что с расширением производства рисков, особенно мега-рисков, роль науки в общественной жизни и политике существенно изменяется. Ведь большинство рисков, порождаемых успехами научно-технической модернизации, не воспринимаются непосредственно органами чувств человека. Эти риски существуют лишь в форме знания о них, а знания формируются, упорядочиваются, шифруются и дешифруются, в первую очередь, их носителями — учеными.

Здесь хотелось бы остановиться на понимании науки как о типе познания и одной из областей рационального общезначимого знания. В отличие от других типов рациональности, научное познание в наибольшей степени характеризуется интерсубъективностью, достоверностью (благодаря эмпирической проверяемости) и возможностью результативного вмешательства человека в установившиеся связи с окружением. Функциональной доминантой научной составляющей социокультурного пространства является выделение устойчивых и повторяющихся связей человека с окружением; разделение их с изменчивыми событиями; выделение элементов, поддающихся и не поддающихся целенаправленному изменению и контролю

человека. Кроме того, в рамках науки осуществляется объяснение причин такой устойчивости и изменчивости, внутренней и внешней формы изучаемых явлений, а также экспликация процедур их установления (позволяя переводить научное знание в технологию). Таким образом, в науке концентрируется рациональное, то есть обоснованное, достоверное, надежное знание людей об окружении и самих себе. Это знание интерсубъективно, может разделяться и транслироваться людьми в коммуникативных процессах.

В настоящее время большую часть жизненной среды человека составляют технические приспособления, сконструированные на научной основе. Контроль над ними, безопасное их использование предполагает определенные, пусть даже элементарные научные знания. Современное социальное и культурное пространство столь сложно и динамично, что для контроля над окружением, свободной ориентации в нем непосредственного индивидуального опыта оказывается недостаточно — нужны специальные социально-научные знания. Кроме того, условия жизни в современном обществе таковы, что для построения в их рамках собственного образа жизни людям приходится все более руководствоваться принципами рациональности и в первую очередь научного типа. Но освоение социокультурного пространства связано с определенными затруднениями, поскольку между научными и обыденными представлениями человека обнаруживается существенная дистанция — социокультурное пространство науки, ее кодовую систему следует осваивать специально. Без этого люди оказываются беспомощными перед лицом современного сложного и подвижного, во многом техногенного окружения.

Следует отметить, что и с точки зрения теории личных конструктов Дж. Келли каждый человек является ученым и обязан уметь объяснять и предсказывать события, а также управлять ситуацией⁷ [6]. Личные конструкты и представления составляют главное содержание субъектного среза жизненных стратегий. Культурные же аспекты жизненного мира включают разнообразные символы, социокультурные матрицы, паттерны и коды. В свою очередь социальные аспекты этого мира предполагают принятие или освоение жизненных форм как устойчивых моделей поведения личности в привычных для нее условиях жизнедеятельности. Для этого индивиды как стратегические личности должны уметь расшифровывать личные конструкты людей, их культурные коды, реконструировать норма-

тивные структуры их социальных отношений на уровне личностного, культурного и институционального измерений системных и жизненных, объективных и субъективных миров. А если социокультурное окружение предлагает современному молодому человеку, да и не только молодому, но и представителю среднего поколения, готовый констелляторный конструкт о науке в целом как о сфере человеческой деятельности, не связанной с быстрым достижением успеха? Готов ли этот индивид самостоятельно конструировать свой личностный (предполагающий) конструкт и что для этого необходимо?

В трансформирующемся обществе, где господствует «горизонтальная культура», отсутствуют культурные иерархии и выделенность «высоких» образцов культуры, а преобладающей является массовая и поп-культура, интерес к прошлому возрастает, именно в нем можно найти опорные точки для социокультурной интеграции, и это — один из основных механизмов актуализации процессов культурного наследования. Н. Бердяев объясняет, что переходный социум нуждается в идеально-типических моделях, где все устойчиво, соразмерно и гармонично. Соответственно, механизмы отбора и наделение объектов прошлого статусом наследия осуществляется по этому основанию. И, наоборот, когда общество стабильно, обращаются к критическому пересмотру системных моделей. По его мнению, идеально-типические модели культуры позволяют адаптироваться к кризисным социокультурным процессам, подают надежду на возможность будущих порядков, гармонизацию жизни, т.е. достраивают их до уровня идеальной целостности и полноты, выполняя при этом функции реабилитации прошлого. Культурное наследие выполняет в этом случае «психотерапевтическую функцию» снятия напряжения и отрицательных аффектов в период крутых социальных сдвигов⁸ [3, С. 129].

Это полностью можно отнести к историко-культурному наследию, в том числе, к документальному научному наследию. Как уже упоминалось ранее, его значимость не всегда понятна молодым и является лишь иллюстративной информацией, не связанной с текущей жизнью и требующей актуализации, т.е. освоения с целью использования в решении жизненно важных для индивида задач. Чтобы помочь молодому поколению актуализировать научное знание, то есть рациональное, обоснованное и достоверное знание об окружении и самих себе, которое в силу интерсубъективности может разделяться и транслироваться людьми в коммуникативных

процессах, необходимо расшифровать социокультурный смысл документального научного наследия, сделать понятным контекст научного открытия как точки достижения успеха. Это будет способствовать повышению значимости интеллектуальной деятельности в сфере науки и приоритета российских ученых в открытии и описании тех или иных явлений и закономерностей мирового значения.

Способы актуализации архивного научного документального наследия

В Архиве РАН, старейшем научном архиве России, хранятся документальные свидетельства о деятельности выдающихся российских ученых, Президиума РАН, его учреждений и организаций. Особое место занимают личные фонды ученых, отражающие их реальный вклад в науку, нередко позволяющие закрепить забытый сегодня приоритет российских ученых в открытии и описании тех или иных явлений и закономерностей.

С целью популяризации отечественной науки, использования потенциала системы музеиного экспонирования, базирующейся на принципе визуализации и современных мультимедийных технологий, музейно-выставочная группа Архива РАН осуществляет постоянную тематическую экспозиционную деятельность, направленную на удовлетворение социальной необходимости выйти за рамки академической среды и привлечь молодое поколение к профессиональной деятельности в российской науке. Например, школьные просветительские программы направлены на пробуждение у подрастающего поколения интереса к такому роду деятельности как наука. Мотивацией в этом случае становится интерактивный подход, позволяющий детям и подросткам освоить научные методы анализа в игровой форме. Проблемы рационального выбора перед ними не ставятся.

Но старшие школьники и студенты (как стратегические личности) вполне готовы к более глубокому осмыслинию текущих социальных и культурных процессов в обществе и могут успешно формировать индивидуальную социокультурную компетентность, позволяющую выделять достоверную информацию, самостоятельно конструировать представления о жизни, в том числе успешной, из отдельных смысловых элементов, а не из распространяемых стерео-

тических образов. И такой самостоятельности может способствовать визуализация документальной памяти об успешных научных открытиях российских исследователей в разные периоды времени. В современных экспозициях и выставочных проектах это можно представить, например, в виде архивных документов, рисунков, фотографий, книг, других артефактов, отражающих историческую память об отдельных научных событиях, которые имеют значение и в современной жизни (отложенный эффект), раскрыть смысл события в контексте социального и культурного окружения, общественной деятельности ученого, его семейных дел и увлечений.

Для этого можно использовать некоторые музейные модели освоения искусства. «Модель восприятия» А.В. Бакушинского, который нередко сравнивал ее с системой К.С. Станиславского, была разработана для музейной экспозиции и предполагала не механически-мертвую группировку художественного материала, а формирование художественно-обработанной картины старого быта, что, с его точки зрения, является ценнее впечатлений от ряда залов с научно-систематизированным материалом. В представлении А.В. Бакушинского музейный предмет должен быть представлен не только как «данность», но как процесс становления вещи, ее история. В этом смысле музейная экспозиция выделяет из фонда культурно-исторических значений те, которые репрезентируют — в соответствии с целями освоения предмета — определенный исторический период. Приобретая опыт пребывания в ситуациях, где предъявляются предметы, наделенные особыми смысловыми значениями, можно научиться выявлять культурно-историческую значимость вещи, вычленяя ее из поля случайного опыта. Экскурсовод, как писал А.В. Бакушинский, — это «режиссер, незаметно формирующий общность впечатлений и выводов из них»⁹ [7, С. 119]. Такой «артистический» подход возможно применить к формированию экспозиций и выставок документального научного наследия, но использовать его целевым образом для интерпретации смысла экспонируемого документа, дешифровки образов, которые формировались при его создании и стали сегодня малопонятными и, следовательно, не интересными для молодого поколения.

Визуализация текста исторического документа есть процесс образного познания, в котором участвует память, воображение, мышление и личностный смысл. В отдельных документальных источниках, таких, например, как дневники, письма, рисунки или

чертежи ученых, нередко заложены творческие замыслы авторов, способы визуального представления которых могут быть разнообразными. Это и есть задача исследования.

Как считал Д.С. Лихачев, культурно-исторические памятники относятся к «вторичным» продуктам человеческой деятельности по репрезентации культурно-значимых общественных ценностей, воспринимаемых в качестве культурной нормы или образца. Интертекстуальный и когнитивный способы представления документального научного наследия с этой точки зрения могут помочь выявить скрытый во времени активный смысл текста, его связи с социальной и культурной средой исторического окружения, сформировать временную ретроспекцию и связать с современностью, то есть актуализировать. Следует отметить, что сложность этой задачи связана с широким распространением в музейно-выставочной практике привычных для молодого поколения интерактивных и мультимедийных технологий, которые создают кратковременный эффект заинтересованности в материале за счет игрового эффекта. Без сомнения, такие технологии имеют большое значение для детей и подростков, которые, открывая самостоятельно мир повседневной реальности, могут, таким образом, увидеть и зафиксировать в образной форме мир профессиональной научной деятельности. Примерами являются тематические выставки в Архиве РАН: «Научный рисунок в трудах ученых — членов Академии наук» в январе-феврале 2017 г.; «Science Art» в сентябре-октябре 2017 г.; «Русская Арктика в фотографиях и документах из фондов Архива РАН» в декабре 2017 г. — январе 2018 г.), в экспозициях которых использовались мультимедийные технологии. Но детализированный, элементный смысл творческой интеллектуальной деятельности в сфере науки следует раскрывать и в таких нарративных формах работы, как рассказ о жизненном пути ученых и исследователей, о широком контексте не только научного, но и, например, географического открытия. В работе с Департаментом образования г. Москвы в рамках проекта «Академический класс» начали проверяться формы контроля освоения информации учащихся старших классов — рабочие листы с тематическими заданиями на основе экспозиционного документального материала (биографические данные, география исследований, социальная информация, физические задачи и т.д.).

О документе Ю.М. Лотман писал: «С конца XVIII века, в обстановке обострившихся требований истины в искусстве, авторитет

документа быстро рос. Уже Пушкин ввел в «Дубровского» как часть художественного произведения подлинные судебные документы той эпохи¹⁰ [8, С. 8]. Он, правда, указывал, что потом документальная достоверность сменилась репортажной, фотографической и кинематографической, но ведь осталась главная и по сей день задача — превратить эту достоверность в средство познания. Ведь документ, по сути, есть знаковый образ, соответствующий определенному периоду времени и требующий дешифровки, а ключ — отсутствует или принадлежит ограниченному кругу людей. В этом случае процесс познания происходит без включения в него одной из таких составляющих как исторический опыт предыдущих поколений в виде достоверных документальных сведений, свидетельствующих об жизненном успехе как отдельной личности, так и общества в целом.

Следует подчеркнуть, что и понятие роли архива сегодня изменилось. Разнообразие дискурсивных практик позволяет сегодня весьма многозначно интерпретировать смысл документального архивного наследия. На это указывают М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делез, К. Эббелинг, С. Гюнцель и др. Цитирую М. Фуко: «...под этим словом я не подразумеваю суммы всех текстов, сохраненных определенной культурой в качестве документов ее собственного прошлого или как свидетельство ее неизменной тождественности. Я также не подразумеваю под ним социальных институтов, позволяющих зарегистрировать и сберечь в том или ином обществе дискурсы, о которых хотят оставить память и беспрепятственное распоряжение которыми хотят сохранить»¹¹ [9, С. 247—248].

Междисциплинарное исследование проблемы актуализации архивного документального научного наследия как части историко-культурного наследия России позволит найти и продемонстрировать новые проектные решения в экспозиционной деятельности, разработать эффективные способы визуализации документов и артефактов, хранящихся в научных архивах и библиотеках.

Библиография

1. Урмина И.А. Социокультурная экология: роль культурно-исторического наследия // Качество и жизнь, №2, 2017 — С.55—58.
2. Моль А.В. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б.В. Бирюкова. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 416 с.
3. Урмина И.А. Концепция жизненного успеха в молодежной среде. Учебник. — М.: РГСУ, 2011. — 139 с.

4. Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с.
6. Келли А.Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. — СПб., 2000. — 249 с.
7. См. 3.
8. Бакушинский А.В. Исследования и статьи. — М.: Сов.художник, 1981. — 237 с.
9. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллин: Ээсти Раамат, 1973. — 92 с.
10. Фуко М. Археология знания. — СПб: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. — 416 с.

Bibliography (transliterated)

1. Urmina I.A. Sozioculturnaya ekologija: rol kulturno-istoricheskogo naslediya // Kachestvo i zhizn, №2, 2017 — S.55—58.
2. Mol A.V. Sociodinamika kulturi: Per. S fr. / Predisl. B.V. Birukova. Izd. 3-e. -M.: Izdatelstvo LKI, 2008. — 416 s.
3. Urmina I.A. Konzepzija zhiznennogo uspekha v molodezhnoi srede. Uchebnik. — M.: RGSU, 2011. — 139 s.
4. Veblen T. Teoria prazdnogo klassa. — M.: Progress, 1984. — 367 s.
5. Bek U. Obchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. — M.: Progress-Tradizija, 2000. — 383 s.
6. Kelli A.Dzh. Teorija lichnosti. Psikhologija lichnikh konstruktov. — SPb., 2000. — 249 s.
7. Sm. 3.
8. Bakushinskiy A.V. Issledovania i statji. — M.: Sov.khudozhnik, 1981. — 237 s.
9. Lotman U.M. Semiotika kino i problemi kinoestetiki. — Tallin: Eesti Raamat, 1973. — 92 s.
10. Fuko M. Archeologia znania. — SPb: IZ «Gumanitarnaja akademija»; Universitetskaja kniga, 2004. — 416 s.

- ¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ.Проект № 18-011-00238-А.
- ² Урмина И.А. Социокультурная экология: роль культурно-исторического наследия // Качество и жизнь, №2, 2017 — С.55—58.
- ³ Моль А.В. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Предисл. Б. В. Бирюкова. Изд. 3-е. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 416 с.
- ⁴ Урмина И.А. Концепция жизненного успеха в молодежной среде. Учебник. — М.: РГСУ, 2011. — 139 с.
- ⁵ Веблен Т. Теория праздного класса. — М.: Прогресс, 1984. — 367 с.
- ⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 383 с.
- ⁷ Келли А.Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. — СПб., 2000. — 249 с.
- ⁸ См. 3.
- ⁹ Бакушинский А.В. Исследования и статьи. — М.: Сов.художник, 1981. — 237 с.
- ¹⁰ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллин: Ээсти Раамат, 1973. — 92 с.
- ¹¹ Фуко М. Археология знания. — СПб: ИЦ «Гуманитарная академия»; Университетская книга, 2004. — 416 с.

И.А. Корнева-Чаева

Изучение эффективных методов и технологий контекстной визуализации культурного наследия на примере работы Музейно-выставочной группы Архива РАН¹

Аннотация: В данной статье на примере работы Музейно-выставочной группы Архива РАН демонстрируются новые возможности контекстной визуализации архивных документов в музейном пространстве как одной из форм актуализации культурного наследия. Предлагается новая форма интерактивного общения с культурным наследием, основанная на методе осмыслиения реальности как «совместного опыта» и «повторного открытия», что приводит к обретению новым поколением нового интеллектуального и духовного опыта.

Abstract: The article on the example of the Museum group of the Archives of the Russian Academy of Science demonstrates new possibilities of contextual visualization of archival documents in the museum space. There are offered a new form of interactive communication with cultural heritage, based on the method of comprehending the reality as a “co- experience” and “re — discovery” that leads to the attainment the new generation to the new intellectual and spiritual experience.

Ключевые слова: Архив Российской академии наук, архивные документы, контекстная визуализация, культурное наследие, методология экспонирования.

Keywords: Archives of Russian Academy of Science, archival documents, contextual visualization, the cultural heritage, exposure methodology.

Картина мира человека постиндустриального общества формируется в условиях все возрастающей роли высоких технологий, телевидения и Интернета. С одной стороны, это свидетельствует о существовании сегодня уникальных технических возможностей для создания единого культурного пространства путем включения в него культурных традиций прошлого и настоящего. С другой стороны, телевидение и Интернет становятся фактором плюрализации и одновременно фраг-

ментации знания, инструментом навязывания моделей жизнедеятельности и производства виртуальной реальности, находящейся в сложных, противоречивых отношениях с реальностью объективной. Психологи, социологи, музейные педагоги отмечают снижение глубины освоения культурного наследия, формирование поверхностности, клиповости и клишированности восприятия у массового зрителя. В рамках процесса глобализации наряду с развитием межкультурной коммуникации происходит стирание культурных различий и исчезновение целых культур. Все это обуславливает актуальность переосмыслиния роли и места культурного наследия в жизни отдельно взятого человека и общества в целом.

Подлинные объекты культурного наследия сосредоточены, главным образом, в музеиных собраниях и архивах, роль которых сводится не только к функции хранителя наследия, но также транслятора унаследованного потенциала, который необходимо актуализировать, т. е. включить в пространство современной культуры. Одной из задач музейно-выставочной деятельности сегодня является исследования возможностей нового «прочтения» музеиных предметов и архивных документов для активизации их социокультурной роли. Этим новым «прочтением» может стать поиск эффективных методов и технологий музейной интерпретации культурного наследия, позволяющий современному зрителю «наследовать культуру» в личном измерении.

Проблематика освоения культурного наследия в личном измерении актуализировалась в последние 10—15 лет, прежде всего, в рамках теории и практики музейной коммуникации. Происходящие сегодня изменения настройки музейной коммуникации отражены в исследованиях Н.Н. Павловой, которая опирается на труды профессора Ю.М. Шора. «Основной дрейф, совершаемый музейной коммуникацией, состоит в ее перемещении из одномерной плоскости препарирующего научного знания, основанного на узкодисциплинарном научном подходе, в синтетическую многомерность знания гуманитарного, основанного на самых разнообразных схемах освоения реальности»² [2, С. 84]. Гуманитарность в понимании профессора Ю.М. Шора — внутренняя, сущностная характеристика знания, «мера присутствия человеческого начала в человеке и мире», степень соотнесенности знания с разумом и эмоциями человека, его рациональным и иррациональным на-

чалом, его душой и духом, со всей целостностью его природы³ [3, С. 258]. Ю.М. Шор считает необходимым соотнести различные науки, изучающие человека и общество, для создания «интегрального знания о социально-историческом бытии человека», что стало бы развитием и углублением российской культурной традиции, для которой характерна «связь феномена культуры с художественной, педагогической и просветительской практикой»⁴ [3, С. 262]. Музей является идеальной площадкой для реализации модели получения гуманитарного знания, которое не обязательно подразумевает гуманитарные дисциплины, что важно, например, в случае с выставочной деятельностью Архива Российской академии наук, популяризирующую историю разных отраслей российской науки. Речь идет о модели музейной коммуникации, предлагающей, по мнению Н.Н. Павловой, «особый способ постижения реальности, основанный на со-переживании, во-влеченности, пере-открытии, со-участии»⁵ [2, С. 80—96], т.е. получении знания, которое «должно быть порождено каждым внутри себя»⁶ [5, С. 89]. Изучая модели музейной коммуникации, сотрудники Музейно-выставочной группы Архива РАН останавливают свой выбор на модели Павловой и ставят задачи изучения музейной аудитории, выявления адресного зрителя, поиска форм работы как с экспозицией в целом, так и отдельными архивными документами и музейными предметами, исследование свойств и функций которых дает возможность применения интерактивного подхода. Одним из важнейших направлений работы нашей группы является изучение современной визуальной культуры.

В постиндустриальном мире объем информации растет столь стремительно, что сегодня человек не способен воспринимать и обрабатывать фактические данные традиционными методами. Поток визуальной информации гораздо масштабнее, чем поток информации текстовой. Визуальная информация, в отличие от текстовой, состоящей из множества знаков, воспринимается сразу, что стало одной из причин вытеснения текстовой информации визуальной. Мы живем в эпоху смены вербально-письменного способа информации визуальным.

Визуализация — общее название приемов представления информации, физических явлений, абстрактных идей и понятий в зримых формах и образах, к которым относятся диаграммы, та-

блицы, графики, 3-Д визуализация, динамическая визуализация, живопись, художественная графика, танец, пантомима, а также комплекс приемов и техник в науке, медицине, картографии и т. д. Одним из базовых определений визуализации для гуманитарных наук является семиотическая концепция Ю.М. Лотмана, согласно которой визуализация представляет собой процесс культурного освоения мира при помощи условных и иконических знаков, находящихся «в постоянном взаимодействии, в непрерывном взаимопереходе и взаимоотталкивании»⁷ [4, С. 5]. Культурное освоение мира, обязательной составляющей которого является культурное наследование, есть, таким образом, непрерывный процесс расшифровки культурных кодов, и, в то же время, непрерывного прямого и обратного перевода условных знаков в иконические. В рамках этой теории музейная экспозиция предстает как пространство коммуникации иконических и условных знаков, которое может трансформироваться благодаря насыщению его новыми музейными предметами (архивными документами), несущие культурные коды. Осваивая музейное пространство, зритель становится участником процесса коммуникации смыслоформами. Глубина получения синтетического гуманитарного знания зависит, в том числе, от авторов музейной экспозиции, которые выступают как режиссеры познавательного процесса, воздействуя на ум, память, логику, чувства, образное мышление зрителя.

Организация выставок стала одним из постоянных направлений работы академического Архива, начиная с историко-художественной выставки «Ломоносов и Елизаветинское время», приуроченной к празднованию 200-летнего юбилея М.В. Ломоносова в 1911 г.⁸ [8]. В конце 2005 г. Архив РАН в Москве получил собственный Выставочный зал, что позволило перейти к систематической работе по популяризации истории РАН и фундаментальной науки в России. В апреле 2008 г. Президиум РАН принял решение о создании Музея истории академии наук, Архиву РАН было поручено осуществлять научно-методическое руководство проектом⁹ [9]. В 2012 г. была создана Музейно-выставочная группа, одной из задач которой стала разработка концепции Музея истории академии наук и проведение выставок, выполняющих функции пилотного проекта будущего Музея¹⁰ [3]. С 2013 по 2017 гг. Музейно-выставочная группа осуществила 17 документальных и до-

кументально-художественных выставочных проектов, в том числе совместно с ведущими музеями Москвы. Поскольку важнейшей задачей Архива РАН, хранящего более одного миллиона документов, связанных с историей отечественной науки, является популяризация академического архивного наследия, деятельность Музейно-выставочной группы является, по сути, исследованием и апробацией методов и технологий экспонирования, прежде всего, не музейных предметов, а документов, свойства и функции которых стали предметом изучения сотрудников группы. Так принципы экспонирования выставки «Документ. От бересты к научному труду» (2014—2015 гг.) базировались на изучении одного из аспектов проблематики и истории документа как культурного феномена: документ как свидетельство зарождения и развития научной мысли. Экспозиция выставки имела довольно сложную структуру, которая отражала «многообразие исторического контекста развития документа», демонстрировала «путь возникновения и движения письменности» и раскрывала «взаимосвязь и взаимовлияние развития способов письма и появление новых носителей информации с развитием науки в России, что особенно характерно для II половины XX — начала XXI веков»¹¹ [1, С. 35—38]. Каким образом этот объемный комплекс идей был визуализирован в рамках выставки? С учетом того, что проект создавалась преимущественно для школьной аудитории среднего и старшего звена, «визуальный текст» необходимо было адаптировать для восприятия этого адресного зрителя.

Основная методологическая идея авторского коллектива базировалась на методе содержательного кластера. Выставка состояла из 12 разделов: «Берестяная грамота и восковые таблички», «Бумага — носитель документальной информации», «Ломоносов-энциклопедист», «Эпоха географических открытий в XVIII—XIX веках», «Первые карты и ведуты», «Рисунок в науке», «Архитектурный чертеж и рисунок», «Фотография как вид документа» и т.д. Каждый раздел включал в себя витрину, стенд и лайтбокс (световой короб, создающий максимальный эффект зрелищности). Подлинные документы из АРАН экспонировались, главным образом, в витринах и застекленных стенах, композицию лайтбоксов составляли только фотокопии, причем это были изображения, несущие преимущественно вспомогательную информацию.

Таким образом, лайтбокс, выполнявший наряду с объемными экспонатами (реконструкции восковых табличек, берестяных грамот, макеты глобусов, самолета ИЛ, подзорной трубы и т. д.) комментирующую функцию, играл роль контекста по отношению к представленным подлинникам. Примером контекстной визуализации документов из фонда В.Г. Шухова стал раздел «Архитектурный чертеж и рисунок». Экспонирование чертежа одного сетчатых перекрытий, разработанного В.Г. Шуховым для Нижегородской выставки 1896 года¹², фотографий строительства прославленного овального павильона для той же выставки¹³, первой в мире стальной мембранны-перекрытия¹⁴ и Водонапорной башни¹⁵ сопровождалось демонстрацией фотокопий технических чертежей и архитектурных рисунков XVIII в. и зданий XX в., в конструкции которых воплощены идеи В.Г. Шухова.

Другим примером контекстной визуализации документов в музейном пространстве может служить один из разделов выставки «Я взялся за эксперимент» (октябрь — ноябрь 2014 года), посвященной жизни выдающегося ученого, химика-органика, президента АН СССР Александра Николаевича Несмиянова (1899—1980). Воссозданный рабочий кабинет ученого 1950-х годов¹⁶ используется как площадка для проведения интерактивных занятий с детьми школьного возраста. Экскурсии со школьниками младшего и среднего звена начинаются с совместного чтения письма, лежащего на письменном столе «ученого», в котором академик Несмиянов, обращаясь к учащимся третьего класса, обосновывает необходимость получения образования¹⁷. Роль визуального контекста выполняет «кабинет ученого», создающий атмосферу, настраивающую на во-влечение и со-участие юных зрителей в процесс «собеседования» с А.Н. Несмияновым на столь важную для них тему. Роль текста отводится подлинному архивному документу — письму академика школьникам.

Выставка «Прорыв. Наука XX века» (25 ноября 2015 года — по настоящее время) — совместная акция Архива РАН и студентов 6 курса кафедры «Дизайн архитектурной среды» МАРХИ под руководством профессора Е.В. Стегновой. Участие в проекте студентов МАРХИ позволило изучить новые методики и технологии визуализации в музейно-выставочном пространстве. Экспозиция «Прорыв» демонстрирует развитие отечественной науки с 1900 по

1991 гг., когда ведущими темами для российских ученых стали «Атомный проект» и «Космическая программа». Эти темы представлены в контексте президентства в Академии наук СССР шести выдающихся ученых: биолога В.Л. Комарова, физиков Н.И. Вавилова, М.В. Келдыша, А.П. Александрова, химика А.Н. Несмеянова, математика и физика Г.И. Марчука, имена которых сопряжены с наивысшими точками развития российской науки XX века. Экспозиция знакомит зрителей с материалами из более 100 фондов АРАН личного происхождения, в том числе, более 20 необработанных фондов, не представленных ранее ни в научных публикациях, ни в музейных экспозициях.

Основную методологическую идею выставки авторский коллектив сформулировал как «пульсация науки на линии времени». История советской и российской науки, структурированная в «линию времени», пересекается с общеисторическими и политическими событиями тех лет. Экспозиционное пространство разграничено веерными объемными перегородками, создающими пять «залов», четыре из которых посвящены периодам деятельности президентов АН СССР, а центральный «зал» — первому полету человека в космос. Темно-синяя «линия времени» пронизывает всю экспозицию, неуклонно поднимается на протяжении XX в., падает до низшей точки в 1945 г. и взмывает в 1961 г. Сочетание этих принципов экспонирования создает впечатление близкого контакта с личностями знаменитых ученых, символами среды, в которой они жили и работали, рождает чувство пульсации научного слова, прступающего через «линию времени». Одним из приемов визуализации идеи трудного исторического пути советской науки стал принцип многослойной развески, позволяющий представить огромное количество разнородной информации в маленьком пространстве. Студенты МАРХИ использовали объемные конструкции из гофро- и пенокартона, сетки, полупрозрачных пластиков, а также и многофактурную печать — на пленке, фотобумаге, тонированной бумаге и т.д. Интерактивной составляющей выставки стала возможность подержать в руках модель раскрывающегося атома, «запустить к звездам» ракету и взаимодействовать с другими моделями и динамичными объектами, которые призваны сфокусировать внимание школьной аудитории и упростить задачу восприятия сложных вещей. Так арт-объект «Модель атома» в

закрытом виде символизирует ньютоновскую научную картину мира, а в раскрытом — эйштейновскую. Одной из художественных составляющих выставки стала инсталляция «Архивные документы», композицию которой составляют копии 56 архивных документов одинаковых размеров, относящихся к тематике выставки, и 8 листов с цитатами теоретиков документоведения и архивоведения, прежде всего, член-корреспондента РАН В.П. Козлова. Листы с цитатами, среди которых: «Документ превращает историческое знание в науку», «Документ наряду с часами и колесом является одним из важнейших изобретений человечества. Часы позволяют путешествовать во времени, колесо — в пространстве, документ позволяет путешествовать одновременно во времени и пространстве», «Мир существует для того, чтобы войти в документ» и др. — инкрустированы в поле инсталляции и являются разновидностью «говорящей» рамы, помогающей «считывать» основную мысль произведения. Идея делать надписи на рамках, которые вместе с картиной «должны мыслить и говорить» принадлежит художнику В.В. Верещагину, считавшему, что искусство должно играть ключевую роль в «психологическом развитии человека»¹⁸ [2, С. 133].

Перечисленные выше экспозиционные принципы и дизайнерские приемы авторского коллектива выставки «Прорыв» являются весьма эффективным методами и технологиями контекстной визуализации документов, что объясняет столь долгий срок работы выставки. Если говорить непосредственно о технологиях, они, конечно, носят традиционный характер с точки зрения потенциала возможностей, которые используются в современном музейном пространстве (мультимедиа, интерактивные столы, киоски и т.д.). Сотрудники Музейно-выставочной группы Архива РАН, у которых есть опыт использования мультимедиа и сенсорного стола, считают, что применение высоких технологий разумно только в сочетании с традиционными, ставшими классическими, технологиями «прочтения» столь сложной темы, как архивный документ, позволяющими сохранить ауру подлинности экспонируемого материала и стать полноценными участниками культурного освоения мира.

Библиография

1. Бодрова М.Л., Корнева-Чаева И.А., Рыбкина Н.П. Концепция и принципы экспонирования выставки «Документ. От бересты к научному труду» в Архиве Российской академии наук // Грамота, Тамбов, 2015, № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 35—38.
2. Верещагин В.В. О прогрессе в искусстве // Верещагин В.В. Повести. Очерк. Воспоминания. М. 1990 г. С. 133—136.
3. Корнева-Чаева И.А., Рыбкина И.А. Как сделать академический музей современным. Выставочная деятельность Музейной группы АРАН как试点ный проект Музея истории Российской академии наук // Вестник Волгоградского государственного университета. Т. 21. № 3 / Волгоград. 2016. С. 162—167.
4. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин. 1973. 92 с.
5. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте М. // М. 1995. 548 с.
6. Павлова Н.Н. Новые смыслы музеиной коммуникации: от бытия знания — к со-бытию постижения // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / М. 2010. С. 82.
7. Постановление Президиума РАН № 316 от 29.04.2008 о состоянии и дополнительном финансировании музеев Российской академии наук // (Электронный ресурс) URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=3504b0a0—851c-4610—90be-66e1c9729 fd6&print=1> (дата обращения 25.07.2015).
8. Соболев В.С. Празднование 200-летнего юбилея М.В. Ломоносова в Санкт-Петербургской Академии наук // (Электронный ресурс) / URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/978—5-88431—215—9/978—5-88431—215—9_10.pdf. (дата обращения 25.03.2018).
9. Шор Ю.М. Некоторые проблемы специфики российской гуманитарной культурологии // (Электронный ресурс) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/v-nekotorye-problemy-spetsifiki-rossiyskoy-gumanitarnoy-kulturologii>. (дата обращения 30.03.2018).

Bibliography (transliterated)

1. Bodrova M. L., Korneva-CHAeva I. A., Rybkina N. P. Konsepciya i principy ekspionirovaniya vystavki «Dokument. Ot beresty k nauchnomu trudu» v Arhive Rossijskoj akademii nauk // Gramota, Tambov, 2015, № 2 (52): v 2-h ch. CH. II. C. 35—38.
2. Vereshchagin V.V. O progresse v iskusstve // Vereshchagin V.V. Povesti. Ocherk. Vospominaniya. M. 1990 g. S. 208.
3. Korneva-CHAeva I. A., Rybkina I. A. Kak sdelat' akademicheskij muzej sovremennym. Vystavochnaya deyatel'nost' Muzejnoj gruppy ARAN kak pilotnyj proekt Muzeja istorii Rossijskoj akademii nauk // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 21. № 3 / Volgograd. 2016. S. 162—167.
4. Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinoehstetiki. Tallin. 1973. S. 5.
5. Mamardashvili M. K. Lekcii o Pruste M. / M. 1995. S. 89.
6. Pavlova N. N. Novye smysly muzejnoj kommunikacii: ot bytiya znaniya — k so-bytiyu postizheniya // Muzejnaya kommunikaciya: modeli, tekhnologii, praktiki / M. 2010. S. 82.
7. Postanovlenie Prezidiuma RAN № 316 ot 29.04.2008 o sostoyanii i dopolnitel'nom finansirovaniyu muzeev Rossijskoj akademii nauk // (EHlektronnyj resurs) URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=3504b0a0—851c-4610—90be-66e1c9729 fd6&print=1> (data obrashcheniya 25.07.2015).

8. Sobolev V.S. Prazdнование 200-летнего юбилея М.В. Ломоносова в Сankt-Peterburgskoj Akademii nauk // (EHlektronnyj resurs) / URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-215-9/978-5-88431-215-9_10.pdf. (data obrashcheniya 25.03.2018).
9. Shor Yu.M. Nekotorye problemy specifiki rossijskoj gumanitarnoj kul'turologii // (EHlektronnyj resurs) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nekotorye-problemy-spetsifikasi-rossiyskoy-gumanitarnoy-kulturologii>. (data obrashcheniya 30.03.2018).

- ¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00238-А.
- ² Павлова Н.Н. Новые смыслы музейной коммуникации: *от бытия знания — к со-бытию постижения* // Музейная коммуникация: модели, технологии, практики / М. 2010. С. 83—97.
- ³ Шор Ю.М. Некоторые проблемы специфики российской гуманитарной культурологии // (Электронный ресурс) / URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/nekotorye-problemy-spetsifikasi-rossiyskoy-gumanitarnoy-kulturologii>. (дата обращения 30.03.2018).
- ⁴ Шор Ю.М. Ук. соч.
- ⁵ Павлова Н.Н. Ук. соч. С. 82.
- ⁶ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте М. / М. 1995. С. 89.
- ⁷ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин. 1973. С. 5.
- ⁸ Соболев В.С. Празднование 200-летнего юбилея М. В. Ломоносова в Санкт-Петербургской Академии наук // (Электронный ресурс) / URL: http://kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-215-9/978-5-88431-215-9_10.pdf. (дата обращения 25.03.2018).
- ⁹ Постановление Президиума РАН № 316 от 29.04.2008 о состоянии и дополнительном финансировании музеев Российской академии наук // (Электронный ресурс) URL: <http://www.ras.ru/presidium/documents/directions.aspx?ID=3504b0a0-851c-4610-90be-66e1c9729 fd6&print=1> (дата обращения 25.07.2015).
- ¹⁰ Корнева-Чаева И.А., Рыбкина И.А. Как сделать академический музей современным. Выставочная деятельность Музейной группы АРАН как пилотный проект Музея истории Российской академии наук // Вестник Волгоградского государственного университета. Т. 21. № 3 / Волгоград. 2016. С. 162—167.
- ¹¹ Бодрова М.Л., Корнева-Чаева И.А., Рыбкина Н.П. Концепция и принципы экспонирования выставки «Документ. От бересты к научному труду» в Архиве Российской академии наук // Грамота, Тамбов, 2015, № 2 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 37.
- ¹² АРАН. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 48. Л. 5.
- ¹³ АРАН. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.
- ¹⁴ АРАН. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.
- ¹⁵ АРАН. Ф. 1508. Оп. 1. Д. 49. Л. 8.
- ¹⁶ Кабинет воссоздан благодаря дару Института элементоорганических соединений РАН, основанного А.Н. Несмияновым. После окончания выставки «Я взялся за эксперимент» стал постоянной экспозицией выставочных залов.
- ¹⁷ АРАН. Ф. 1647, Оп. 1, Д. 229.
- ¹⁸ Верещагин В.В. О прогрессе в искусстве // Верещагин В.В. Повести. Очерк. Воспоминания. М. 1990 г. С. 133.

О. Б. Бокарева

Евгения Николаевна Иванова — ученый-почвовед и геолог (по материалам Архива РАН)

Аннотация: Известный российский специалист и представитель Докучаевской научной школы почвоведов, профессор Евгения Николаевна Иванова является одной из первых одиннадцати ученых женщин-почвоведов. Она — автор гипотезы «континентального соленакопления». Евгения Николаевна — автор более 200 научных работ в области отечественного почвоведения.

Abstract: A well-known Russian specialist and a representative of the Dokuchaev school of soil scientists, the professor Evgeniya Nikolaevna Ivanova is one of the first eleven women soil scientists. She is the author of the hypothesis of continental saline. Evgeniya Nikolaevna is the author of more than 200 publications in the field of domestic soil science.

Ключевые слова: Иванова Евгения Николаевна, почвовед, почвенные экспедиции, Докучаевская школа, геологическая и геоботаническая карты.

Keywords: Ivanova Evgeniya Nikolaevna, soil scientist, soil expeditions, the Dokuchaev school, the geological and geobotanical maps.

Важным для развития науки является сохранение преемственности в школе ученых. Примером подобного служения был путь, проделанный в науке Евгенией Николаевной Ивановой (1889—1973). Она является одной из одиннадцати первых женщин-почвоведов России, виднейшим представителем школы научного почвоведения и географии почв В. В. Докучаева, профессора минералогии и кристаллографии Санкт-Петербургского университета, основоположника отечественного почвоведения¹ [6].

В Архиве РАН находится личный фонд Е. Н. Ивановой². Он состоит из биографических и служебных документов, рукописей, писем и фотографий. Евгения Николаевна родилась 12 (24) декабря 1889 г. в Санкт-Петербурге в семье губернского секретаря придворного Конюшенного ведомства Николая Семеновича [Тылкина] и его супруги, домашней хозяйки Анастасии Матвеевны

Ивановой; в семье было шесть детей, которых воспитывала родственница Евдокия Тимофеевна Прокудина³.

В августе 1896 г. девочку отдали в Александровскую женскую гимназию в Санкт-Петербурге, которую она закончила в 1908 г. с золотой медалью⁴. После окончания гимназии Е. Н. Иванова могла обучаться либо в медицинском, либо в педагогическом высшем учебном заведении.

В 1912 г. Евгения Николаевна поступила на физико-математическое отделение Императорского женского педагогического института⁵. В 1913 г. она сдала государственный экзамен и получила диплом первой степени кандидата естественных наук⁶. В качестве совместителя Евгения Николаевна проработала в Педагогическом институте до 1919 г.

После получения диплома она заинтересовалась вопросами географии и почвоведения. Она узнала о почвенных исследованиях Ялutorовско-Курганской экспедиции в районе р. Тобол в 1912 г., организованной Оренбургским губернским земством и Докучаевским почвенным комитетом⁷.

В 1916 г. Евгения Николаевна поступила на Высшие географические курсы при Докучаевском почвенном комитете Департамента земледелия, созданные метеорологом и географом А. И. Воейковым⁸. Секретарем курсов был географ-почвовед С. С. Неуструев, привлекший около 50 постоянных и временных сотрудников для изучения особенностей почв, рельефа, климата, флоры Урала.

В 1918—1919 гг., в период обучения Е. Н. Ивановой в Географическом институте, состоялась ее первая Почвенная экспедиция в степи Оренбуржья с выездом в поле в качестве почвоведа-экскурсанта. С весны по осень 1918 г. Евгения Николаевна работала временным сотрудником в Оренбургском губернском земотделе⁹, затем преподавала в Оренбургской женской гимназии¹⁰. Она вместе с почвоведом-экскурсантом Н. Н. Банасевичем была привлечена к исследованию почв С. С. Неуструевым, завершившим работу над общим очерком природы и рельефа Оренбургской губернии. В условиях Гражданской войны работа замедлилась, собранные демонстрационные образцы почв были спешно эвакуированы в Томск. Для помощи почвоведам-экскурсантам был направлен Л. И. Прасолов. Материалы, собранные в результате экспедиции, были положены в основу сельскохозяйственного районирования территории Южного Урала¹¹.

С 1919 г. по 1930 г. Е. Н. Иванова занималась исследованием почв под руководством профессоров С. С. Неуструева (в Географическом институте) и К. К. Гедройца (в Лесном институте)¹². В 1919 г. она принимала участие в новых экспедициях: в районе Нарвы (деревня Поповка), в Карелии (рядом с Тулмозером)¹³. В 1922 г. Евгения Николаевна закончила Географический институт по специальности почвовед, преподавала курс химии почв на кафедре географии почв до 1936 г.¹⁴

С 1920 г. Е. Н. Иванова начала работать в должности младшего научного сотрудника в Почвенном отделении Комиссии по изучению естественных производительных сил в Ленинграде¹⁵. В 1926 г. она стала старшим научным сотрудником этого института, в котором проработала до июля 1970 г.¹⁶, занимаясь разработкой научных основ повышения плодородия почв¹⁷.

В 1923 г. Е. Н. Иванова занималась уточнением картографического материала Тобольского и Иртышского водораздела по поручению Выставочного комитета Всесоюзной выставки. Затем она участвовала в ряде экспедиций: в Ленинградскую область (1924; д. Колтуши, Охта), на Кавказ (1924; Моздокская и Малокабардинская степи)¹⁸, в Узбекистан (1925, 1928; Каракалпакия)¹⁹, в Киргизию (1926—1927; степь Усть-Урт)²⁰, в Казахстан (1926—1927)²¹, в Оренбург (1928, 1929)²².

По материалам экспедиций она написала ряд работ: «Засоленные почвы Челябинской области» и «Почвы Моздокской степи» (1926); «Очерк почв южной части Подуральского плато и прилегающих районов Прикаспийской низменности» (1928) и др.

В 1930—1933 гг. Евгения Николаевна вынуждена была прервать преподавательскую деятельность в ЛГУ в связи с участием в Кулундинской почвенной, соляной и почвенно-мелиоративной экспедициях на Алтае по заданию АН СССР и Объ-Кулундпроекта. Она изучала почвенные разрезы рядом с горько-соленым Кучукским озером в Благовещенском районе Алтайского края²³.

Участие в экспедициях Е. Н. Иванова сочетала с научным руководством аспирантами, которых только в 1931 г. у нее было девять человек. Под влиянием работы одного из них на тему «Мелиорация солонцов (такыров)» она организовала опытно-полевой стационар в окрестностях г. Куя-Ургенч в Туркмении. В 1935 г. под ее руководством молодые ученые принимали участие в Каре-

ло-Мурманской почвенной экспедиции: Б. Д. Зайцев, Н. А. Копосов, М. Г. Осмоловская, М. М. Шукевич и др. Вместе с Е. Н. Ивановой они изучали почвы ряда районов Средней Карелии в непростых, дождливых, условиях²⁴.

В 1936 г. Евгения Николаевна была консультантом почвенно-го отряда Центральной Казахстанской и Туркменской экспедиций СОПС АН СССР²⁵.

Е. Н. Иванова занималась проблемами промышленного освоения соляных озер, водоснабжения промышленных центров, вопросами сельскохозяйственного освоения степных и полупустынных территорий. Совместно с И. П. Герасимовым²⁶ она выдвинула гипотезу «континентального соленакопления»²⁷. В своих работах Евгения Николаевна использовала комплексный подход (объединяла географо-геологический и химический направления) при изучении почв. Она подробно описывала природу почвенных процессов и генезиса почв сложных районов страны²⁸ с целью их дальнейшего освоения. Е. Н. Иванова заложила научные основы разработки методов земледельческого освоения полупустынных солонцовых почв при помощи мелиорации.

В 1936 г. за работы по подзолистым почвам Евгения Николаевна получила степень кандидата сельскохозяйственных наук без защиты диссертации²⁹ [2]. В 1939 г. Е. Н. Иванова защитила диссертацию на тему «Генезис и эволюция засоленных почв в связи с географическими условиями» и в 1940 г. стала доктором сельскохозяйственных наук³⁰. В конце 1940-х гг. она была профессором Почвенного института им. В. В. Докучаева³¹.

Евгения Николаевна была консультантом Кольского (1934—1943) и Коми (1943—1954) филиалов АН СССР, Казахстанской и Туркменской экспедиций СОПС (1935—1939), руководила почвенным отрядом Уральской (1939—1945) и Печорской (1942—1943), Восточно-Сибирской и Дальневосточной (1949—1950), Прикаспийской (1951—1952) и Казахстанской (1951—1953) почвенных экспедиций АН СССР. По результатам экспедиций она составляла подробные отчеты, послужившие основой для научных работ, учебников, общесоюзных геологических карт³² [1;4;5].

В 1945 г. Е. Н. Иванова была награждена орденом Красной Звезды, в 1946 г. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»³³.

В 1951—1952 гг. она принимала участие в Прикаспийской экспедиции с целью изучения состояния почвенно-растительного покрова Западного Прикаспия³⁴. По результатам экспедиции ее участниками была составлена «Почвенная карта Прикаспийской низменности», методические разработки и монография. За разработку карты Е. Н. Иванова была премирована. В 1953 г. за выслугу лет и безупречную работу в области науки она была награждена Орденом Ленина, в 1970 г. — Орденом Трудового Красного Знания³⁵ [3].

В 1957—1960 гг. Евгения Николаевна была командирована в Польшу для участия в совместном проекте по составлению почвенных карт³⁶.

За серию работ по систематике и классификации почв Е. Н. Ивановой была присуждена премия имени В. В. Докучаева в 1961 г. Она также принимала участие в составлении геоботанической карты Мурманской области для Полярно-Альпийского Ботанического сада Кольского филиала АН СССР в 1963 г.³⁷, а в 1972 г. — в составлении Словаря почвенных терминов³⁸.

В 1969 г. Е. Н. Ивановой было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР»³⁹. В 1972 г. она стала первой женщиной-почвоведом, удостоенной Золотой медалью имени В. В. Докучаева⁴⁰.

Евгения Николаевна — автор более 200 научных работ в области отечественного почвоведения⁴¹.

Ее жизнь благодаря окружавшим ее коллегам, ученикам, родным была наполненной⁴². Своей семьи у нее не было. После переезда из Ленинграда в Москву в 1935 г. она жила на 1-й Мещанской улице⁴³. Евгения Николаевна скончалась 27 января 1973 г. в Москве⁴⁴.

Е. Н. Иванова внесла свой вклад в развитие отечественной и мировой науки, способствовала развитию новых направлений, старалась заинтересовать молодых ученых в нелегком и увлекательном деле — познания окружающего мира.

Библиография

1. Иванова Е. Н. Почвы Урала // Почвоведение. 1947. № 4. С. 213—226.
2. Иванова Е. Н., Полыницева О. А. К вопросу о генезисе подзолов с гумусовым иллювиальным горизонтом на продуктах выветривания нефелиновых сиени-

- тов Хибинского массива // Проблемы советского почвоведения. М.-Л., 1936. Сб. 1. С. 7—34.
3. Почвы комплексной равнинны Северного Прикаспия и их мелиоративная характеристика [Сб. ст.] / Отв. ред. Е. Н. Иванова. М., 1964, 292 с.
 4. Почвы СССР. Европейская часть: в 3 томах / Под ред. акад. Л. И. Прасолова. М.; Л., 1939. Т. 1. Почвы лесостепных и степных областей. 376 с.
 5. Степные и лесостепные почвы Бурятской АССР и их агропроизводственная характеристика / Отв. ред. Е. Н. Иванова. М., 1960. 151 с.
 6. Сычева С. А. Женщины-почвоведы. Биографический справочник о российских и советских исследовательницах почв. М.: НИА—Природа, 2003. 440 с.

Bibliography (transliterated)

1. Ivanova E. N. Pochvy Urala // Pochvovedenie. 1947. № 4. S. 213—226.
2. Ivanova E. N., Polyntseva O. A. K voprosu o genezise podzolov s gumusovym illuvial'nym gorizontom na produktakh vyvetrivaniia nefelinovykh sienitov Khibinskogo massiva // Problemy sovetskogo pochvovedeniia. M.-L., 1936. Sb. 1. S. 7—34.
3. Pochvy kompleksnoi ravniny Severnogo Prikaspia i ikh meliorativnaia kharakteristika [Sb. st.] / Otv. red. E. N. Ivanova. M., 1964, 292 s.
4. Pochvy SSSR. Evropeiskaia chast': v 3 tomakh / Pod red. akad. L. I. Prasolova. M.; L., 1939. T. 1. Pochvy lesostepnykh i stepnykh oblastei. 376 s.
5. Stepnye i lesostepnye pochvy Buriatskoi ASSR i ikh agropoizvodstvennaia kharakteristika / Otv. red. E. N. Ivanova. M., 1960. 151 s.
6. Sycheva S. A. Zhenshchiny-pochvovedy. Biograficheskii spravochnik o rossiiskikh i sovetskikh issledovatel'nitsakh pochv. M.: NIA—Priroda, 2003. 440 s.

¹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 411. Оп. 51. Д. 317. Личное дело Е. Н. Ивановой; РАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 131. Л. 1. Фотопортрет Е. Н. Ивановой. [1910—1920-е гг.]; Сычева С. А. Женщины-почвоведы. Биографический справочник о российских и советских исследовательницах почв. М., 2003. С. 10.

² РАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 151. Крайние даты документов: 1903—1973 гг.

³ Там же. Д. 67. Л. 4—5, 20—24, 32. В анкете Е. Н. Ивановой фамилия отца написана неразборчиво, обозначено, что в 1896 г. он вышел в отставку во втором чине губернского секретаря, скончался в 1913 г. Мать принимала заказы на пошив одежды и занималась воспитанием детей, скончалась в 1927 г.

⁴ В здании Александровской женской гимназии с педагогическими курсами, основанной принцем П. Г. Ольденбургским, находился приют. За хорошую успеваемость Евгения Николаевна получала стипендию в размере 120 рублей в год. С 1906 г. по 1913 г. она была репетитором по всем предметам. В 1913—1921 гг. преподавала естествознание и географию в школах Санкт-Петербурга (Петрограда).

⁵ РАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 131. Л. 1-б. Фотография Е. Н. Ивановой с подругой. [1910—1920-е гг.].

⁶ Там же. Д. 56. Дипломы об окончании Педагогического института, Петроградского университета и Географического института.

⁷ Там же. Д. 143. Альбом фотографий, составленный почвоведом М. И. Рожанец. 1912 г.

⁸ С 1918 г. — Географический институт, с 1925 г. — географический факультет ЛГУ.

⁹ Он отвечал за проведение экспедиции.

- ¹⁰ Там же. Д. 57. Справки о работе. 1919—1956 гг.
- ¹¹ Там же. Д. 26. Полевые дневники Оренбургской почвенной экспедиции. 2 тетради. 1920 г.; Там же. Д. 74. Отзывы о научной деятельности Е. Н. Ивановой (отзывы Л. И. Прасолова и др.). 1923 г.—10.04.1948 г.
- ¹² Там же. Д. 144. Л. 1. Фотопортрет К. К. Гедройца (с дарственной надписью Е. Н. Ивановой). 1926 г. Химические исследования почв Е. Н. Иванова проводила в лаборатории почвоведения Лесного института по поручению Почвенного института, в котором не было соответствующей лаборатории.
- ¹³ Там же. Д. 40. Л. 60. Полевые дневники Карельской почвенной экспедиции. 5 тетрадей. [Отрывок]. 16.08.1920 г.; Там же. Д. 131. Л. 1-а. Фотография Е. Н. Ивановой. [1910—1920-е гг.].
- ¹⁴ Там же. Д. 58. Трудовые книжки. 1922—1935 гг. В 1928 г. ей было присвоено звание доцента кафедры географии почв, в 1935 г.—профессора.
- ¹⁵ С 1925 г.—Почвенный институт.
- ¹⁶ В связи с выходом на пенсию.
- ¹⁷ Почвенный институт КЕПС (с 1927 г.—Почвенный институт им. В. В. Докучаева).
- ¹⁸ Там же. Д. 28. Полевые дневники Моздокской и Малокабардинской почвенных экспедиций. 6 тетрадей. 1924 г.
- ¹⁹ Там же. Д. 29. Полевые дневники Каракалпакской почвенной экспедиции. 7 тетрадей. 1925 г.; Там же. Д. 34. То же. 56 тетрадей. 1928 г. Вместе с директором Ташкентского ботанического сада Ф. Н. Русановым.
- ²⁰ Там же. Д. 130. Фотографии Е. Н. Ивановой в экспедициях в Усть-Урте. 1914—1935 гг.
- ²¹ Там же. Д. 30. Полевые дневники Казахстанской почвенной экспедиции. 1926 г.; Там же. Д. 31. То же. 8 тетрадей. 1927 г.; Там же. Д. 32. То же. 1 тетрадь; Там же. Д. 33. То же. 1 тетрадь. 1927 г.; Там же. Д. 132. Е. Н. Иванова в Казахстанской экспедиции АН СССР. 1927 г. В качестве начальника Мугоджарской партии почвоведов, вместе с профессором А. А. Роде.
- ²² С 1928 г. Средне-Волжская область включала в себя Оренбургскую и др. области. Экспедиция проводилась по поручению Зернотреста с целью съемки зерносовхозов.
- ²³ Там же. Д. 35. Полевые дневники Кулундинской почвенной экспедиции. 6 тетрадей. 1930 г.; Там же. Д. 36. То же. 5 тетрадей. 1930 г.; Там же. Д. 37. То же. 4 тетради. 1930 г., 1932 г.; Там же. Д. 38. Полевые дневники Кулундинской соляной экспедиции. 8 тетрадей. 1931 г.; Там же. Д. 39. Полевые дневники Кулундинской почвенно-мелиоративной экспедиции. 3 тетради. 1933 г. По совместительству Е. Н. Иванова в 1930—1932 гг. была адъюнкт-гидрологом в Ленинградском Гидрологическом институте.
- ²⁴ Там же. Д. 40. Полевые дневники Карельской почвенной экспедиции. 1935 г., 1936 г.
- ²⁵ Там же. Д. 131. Л. 1 об. Фотография Е. Н. Ивановой в азиатских степях. 1936 г.
- ²⁶ И. П. Герасимов посещал студенческие занятия у Е. Н. Ивановой. В 1933 г. он был ее содокладчиком на Каракалпакской конференции, созванной СОПС АН СССР.
- ²⁷ Процесс накопления природных солей в виде отложений соляных озер.
- ²⁸ Торфяники, солончаковые и глинистые пустыни, каменистые пустынные степи, горные тундры, степи с солеными озерами, солонцовые долины.
- ²⁹ Иванова Е. Н., Полынцева О. А. К вопросу о генезисе подзолов с гумусовым иллювиальным горизонтом на продуктах выветривания нефелиновых сиенитов Хибинского массива // Проблемы советского почвоведения. М.-Л., 1936. Сб. 1. С. 7—34.

- ³⁰ Там же. Д. 65. Л. 3—4. Диплом д.с.-х.н. (№ 00306), утвержден ВАКом 14.10.1948 г. (Протокол от 05.01.1940 г. за № 1).
- ³¹ Там же. Л. 1—2, 5. Аттестат профессора по специальности «география почв» (№ 05569), выдан 19.07.1949 г. (Протокол от 18.06.1949 г. за № 147).
- ³² Иванова Е. Н. Генезис и эволюция засоленных почв в связи с географическими условиями // Почвы СССР. Европейская часть: в 3 томах (под ред. акад. Л. И. Прасолова). М.-Л., 1939. Т. 1. Почвы лесостепных и степных областей; Иванова Е. Н. Почвы Урала // Почвоведение. 1947. № 4. С. 213—226; Государственная почвенная карта СССР, масштаб 1:1000000. Сост. сотр. Почв. ин-та им. В. В. Докучаева; под. ред. Н. Л. Благовидовой, Е. Н. Ивановой. М., 1951; Степные и лесостепные почвы Бурятской АССР и их агропроизводственная характеристика (отв. ред. Е. Н. Иванова). М., 1960.
- ³³ АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 63. Орденские книжки, удостоверения к медалям и значкам. 1.07.1945 г.—17.04.1970 г.
- ³⁴ Там же. Д. 51. Полевой дневник Прикаспийской почвенной экспедиции. 3 тетради. 1951 г.
- ³⁵ Там же. Д. 131. Л. 10 об. Фотография Е. Н. Ивановой с сотрудниками Почвенного института в экспедиции в Прикаспии. 1951 г.; Почвы комплексной равнины Северного Прикаспия и их мелиоративная характеристика [Сб. ст.] (отв. ред. Е. Н. Иванова). М., 1964.
- ³⁶ Там же. Д. 137. Л. 7. Фотография Е. Н. Ивановой среди почвоведов в Польше (Познань, Люблин). 1957 г.; Там же. Д. 131. Л. 10 об. Фотография Е. Н. Ивановой; Там же. Д. 82. Отчет о поездке в Польшу на Международную конференцию по классификации, систематизации и номенклатуры почв. 1957 г.
- ³⁷ Там же. Д. 83. Л. 1. Письмо Полярно-Альпийского Ботанического сада Кольского филиала АН СССР о пересылке в Почвенный институт геоботанической карты Мурманской области (составитель — Е. Н. Иванова). 05.11.1963 г.
- ³⁸ Там же. Д. 86. Письмо Всесоюзного общества почвоведов о составлении Словаря почвенных терминов и об участии в заседании актива комиссии ВОП. 06.10.1972 г.
- ³⁹ Там же. Д. 25. Государственная почвенная карта. Очерк. 1969 г.; Д. 71. Л. 1. Поздравительная телеграмма в связи с присвоением почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР». Декабрь 1969 г.
- ⁴⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 32. Д. 65. Л. 108 об.-109. О награждении Е. Н. Ивановой золотой медалью им. В. В. Докучаева «По совокупности работ в области генезиса, классификации и географии почв». Диплом № 479. (Постановление Президиума АН СССР от 25.05.1972 г. за № 542).
- ⁴¹ АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 68. Список научных трудов за 1922—1970 гг. [1970 г.].
- ⁴² Там же. Д. 72. Приветственные адреса в связи с 80-летием со дня рождения. Декабрь 1969 г.
- ⁴³ Там же. Д. 73. Справки и удостоверения о предоставлении дополнительной жилой площади. 24.05.1928 г.—28.12.1941 г. Е. Н. Иванова как член Секции научных работников имела право на 37,60 м² с дополнительной площадью 21 м² для научных занятий на дому.
- ⁴⁴ Там же. Д. 131. Л. 11-а. Фотография Е. Н. Ивановой с учениками. [1950-е гг.].

Современность идей А.М. Коллонтай

Аннотация: Жизнь и работа А.М. Коллонтай была многогранной и разнообразной. Равноправие полов, защита интересов женщин, материнства были основными в ее работе. Теорию «стакана воды» тоже закрешили за ней, что в корне является неверным, мы находим полное этому опровержение и закрепляем как базовую идею о том, что брачный союз между мужчиной и женщиной, основанный на любви и равноправии, будет идеалом для будущего человечества, где женщина сможет развивать свою индивидуальность и наилучшим образом исполнять роль супруги и матери.

Abstract: Life and work of A.M. Kollontai was multifaceted and diverse. Gender equality, protection of women's interests, motherhood were the main threads of her work. The theory of "glass of water" was also assigned to her, which is fundamentally wrong, in her works we find a complete refutation of this and fix her basic idea that a marriage union between man and woman, based on love and equality, will be ideal for the future of mankind, where woman can develop her personality and best perform the role of a spouse and mother.

Ключевые слова: Новая женщина, любовь, свобода любви, брак, семья, материнство.

Keywords: New woman, love, freedom of love, marriage, family, motherhood.

Начну со слов А.М. Коллонтай, которая записала в своем дневнике: «Мне всегда кажется: Надо писать не только для себя, но и для других. Для каких-то далеких, неизвестных женщин, которые будут жить потом...»¹ [4, С. 175]. И действительно, взгляды и идеи А.М. Коллонтай относительно семьи, любви и женского вопроса, которая всю свою жизнь посвятила их реализации, до сих пор являются актуальными. Они требовали внимания и решения не только в прошлом веке, но также стоят перед нами в веке современном.

Коллонтай А.М. (1872—1952, урожденная Домонтович) — деятельница российского женского движения, революционерка, феминистка марксистской ориентации, первая женщина — член ЦК социал-демократической партии, первая женщина-министр в советской истории, первая в дипломатической истории мира XX в. женщина-посол² [9].

Несмотря на свое происхождение (родилась и воспитывалась в обеспеченной семье, отец происходил из известного дворянского рода), Александра Михайловна всю свою жизнь работала, работала с рабочим классом, при этом всегда очень много писала о своих взглядах и вела дневник, где оставляла записи о своей жизни. Хочется отметить, что всего в своей жизни она добивалась самостоятельно, до последних дней работы исполняла возложенные на нее обязанности качественно и добросовестно, и до конца своей жизни писала о своем времени и о себе, несмотря на то, что ее разбил паралич.

Главной идеей А.М. Коллонтай было страхование материнства и освобождение женщины с помощью развития социальной политики в отношении материнства и детства, обобществление воспитания детей и ведения домашнего хозяйства (с помощью домовых кухонь, камер хранения для детей — яслей и детских садов), чтобы сделать женщин полноценными гражданами общества³ [3, С. 167]. А. Коллонтай ввела понятие «двойной нагрузки» у работающей женщины, т.е. на производстве и дома (Это понятие является актуальным и востребованным в современной социологии семьи и в гендерной социологии). Проект «обеспечения материнства» А.М. Коллонтай был весьма обширен и включал в себя несколько составляющих. Он предусматривал и создание здоровой обстановки для рождения ребенка, и возможность для матери самой ухаживать и кормить младенца в первые недели после рождения, «не рискуя лишиться при этом заработка»⁴ [1, С. 41]. Предлагала она создание своеобразных «убежищ» для кормящих и беременных, врачебных консультаций для матерей и младенцев, выдачу бесплатного молока и детского приданого, организацию широкую сеть яслей, детских садов и очагов, «куда работающая мать могла бы со спокойной душой отдавать младенца»⁵. Государственное социальное законодательство, кроме этого, должно было обеспечить должную охрану труда для девушек и женщин, а именно, установить короткий рабочий день, часы перерыва для кормящих матерей, укороченный день для подростков, запретить работу женщин на вредном производстве и т. д. Многие положения этого проекта остаются актуальными до сегодняшнего дня. Можно согласиться с Т. Осипович, которая указывает: «Главная заслуга Коллонтай не только в критике условий современного ей фабричного труда женщин, сколько в выводах, которые она из этого делает. Ее пред-

шественники, как правило, заявляли о несовместимости женского труда и материнства. Коллонтай считала, что подобное совмещение возможно и необходимо»⁶. Она внесла проекты декрета о гражданском браке, заменившем брак церковный (первая запись была сделана о браке самой Коллонтай и Дыбенко, зарегистрированный брак просуществовал недолго); декрет, устанавливающий равенство супругов и равенство внебрачных детей с законно рожденными детьми; декрет о разводе, признававший брак расторгнутым по первому же, даже немотивированному, заявлению супругов⁷ [2, С. 280].

В записных книжках к главным своим неудачам она отнесла «непонимание моей основной мысли (в женском вопросе и в постановке брачного вопроса)»⁸ [5, С. 267].

Коллонтай приписали авторство «теории стакана воды» (что означало, «удовлетворение половой потребности при коммунизме будет так же просто, как выпить стакан воды»). На самом деле, если внимательно читать работы Коллонтай, мы увидим, что она понимала под свободой любви. Коллонтай давала такое определение любви — это душевная эмоция (чувство) связующего и, следовательно, организующего характера⁹ [8, С. 159].

Пора открыто признать, что любовь не только властный фактор природы, биологическая сила, но и фактор социальный. Любовь — глубоко социальная по своей сути эмоция. На всех ступенях человеческого развития, правда, в различных формах и видах, любовь входила как необходимая составная часть в духовной культуре данного общества¹⁰. Опираясь на взгляды Г. Мейзель-Хесс, А.М. Коллонтай считали, что брачный союз, «основанный на глубоком проникновении друг в друга, на гармоничномозвучии душ и тел», он «останется и для будущего человечества идеалом». Однако, учитывая, что в обыденной жизни большая любовь все же встречается не часто, они ставили вопросы «Что делать этим обездоленным, обойденным? Обречь их на холодные супружеские объятия без Эроса? На пользование проституцией? Ставить перед ними, как это делает современное общество, жестокую дилемму: либо «большая любовь», либо эротический голод?» Мейзель-Хесс ищет и находит другой путь: там, где отсутствует «большая любовь», там ее заменяет «любовь-игра». «Любовь-игра» формирует человеческую душу, в смысле накопления «любовной потенции», она имеет и другие

преимущества: она способствует «сохранению индивидуума»¹¹ [7, С. 38]. Чтобы «большая любовь» стала достоянием всего человечества, необходимо пройти трудную, облагораживающую душу «школу любви». «Игра — любовь» — это тоже школа, это способ накопления в человеческой психике «любовной потенции»¹².

Надо вывести человечество из этого тупика, надо научить людей красивым, ясным и не обременяющим переживаниям¹³.

Второе требование — признание не на словах только, но и на деле «святости материнства». Общество обязано во всех формах и видах расставить на пути женщины «спасательные станции», чтобы поддержать ее морально и материально в наиболее ответственный период ее жизни¹⁴.

«Когда семья перестанет существовать как хозяйственная единица, и ее место займет семья как моральный союз, женщина сможет развивать свою индивидуальность как равноправная соратница мужчины, занятая той же работой, имеющая те же цели, идущая вместе с ним вперед, и одновременно она сможет наилучшим образом выполнять свои задачи как супруга и мать»¹⁵, — рассуждала она, отрицая традиционную семью и провозглашая для будущего новую форму совместного существования мужчины и женщины.

При этом она говорила, что новая женщина — холостая женщина¹⁶. Новые женщины — не собственницы в своих переживаниях. Требуя уважения свободы чувства для себя, они научаются допускать эту свободу и для другого. В новой женщине «ревнившую самку» все чаще и чаще побеждает «женщина — человек»¹⁷.

Современная действительность беспощадно требует от каждой женщины, имеющей промысел, профессию, работу вне дома, той доли внутренней самодисциплины, того умения волей побороть эмоции, какая лишь в виде исключения встречалась у женщины прошлого. Ревность, подозрительность, нелепая «бабья» месть, — разве же это не типичные свойства женщины прошлого? Ревность — эмоция, которая лежала в основе почти всех трагедий женской души¹⁸.

Другой типичной чертой современной женщины является ее повышенная требовательность к мужчине. Современная женщина становится требовательной, она желает и ищет бережного отношения к своей личности, к своей душе¹⁹.

Современная женщина может простить многое из того, с чем всего труднее смирилась бы женщина прошлого: неумение мужчины доставить ей материальное обеспечение, небрежность внешнюю к себе, даже измену, но никогда не забудет, не примирится она с небрежным отношением к ее духовному «я», к ее душе. Если ее друг «не слышит» ее, отношения теряют для новой женщины половину ценности²⁰.

Для женщины прошлого высшим горем являлась измена или потеря любимого человека; для современной героини — потеря самой себя, отказ от своего «я», в угоду любимому, ради сохранения любовного счастья²¹.

Женщина из объекта трагедии мужской души превращается постепенно в субъект самостоятельной трагедии²².

Из записей А.М. Коллонтай мы видим, что свободу любви Александра Михайловна видела, как новую возможность для реализации творческого и духовного потенциала женщины, освобождая ее из замкнутого круга «мужчина-семья-дом», открывая ей другую дорогу для реализации своих сил, возможностей, потенциала, не зацикливаясь на неудачных отношениях в браке, а давая выход агрессивной энергии на созидательную деятельность, при этом не отрицая семьи и семейных ценностей.

Несмотря на то, что прошло много десятилетий, почти век, идеи А.М. Коллонтай не теряют своей актуальности, система поддержки материнства до сих пор полностью не проработана, остается множество проблем профессиональной реализации женщины, рутинность семейных дел часто поглощает женщину, часто женщины живут в несчастливых браках, до сих пор терпят унижения к своей личности и тонут в этих деструктивных эмоциях. Ведь цикл семейной жизни никто не отменял, когда, начиная от влюбленности (диады между мужчиной и женщиной), построения быта, рождения детей и последующего их ухода из «семейного гнезда», мужчина и женщина снова становятся «диадой», при этом женщина часто становится заложницей самой себя, полностью тратя свой жизненный потенциал на обустройство семейной жизни, не имея другого занятия — теряет смысл своей жизни и переживает глубокий кризис. А реализуя себя профессионально, она дает себе шанс на счастливую жизнь не только в браке, но и в жизни. А современный мир дает для этого все больше и больше

возможностей, несмотря на множество трудностей. Поэтому, если правильно понимать идеи А.М. Коллонтай, можно с уверенностью сказать, что она смотрела не на один век вперед, давая женщине выход из своей внутренней «закабаленности». Она дала готовое решение для женщин и самый вкусный рецепт жизни для них же, показывая это своим примером.

Ее можно обозначить не только перечисляя ее регалии, но как «женщина-сила», «женщина-воля», «женщина-действие», «женщина-дело», «женщина-Человек».

Умерла А. Коллонтай в марте 1952 года в Москве, не дожив пяти дней до своего восьмидесятилетия.

Библиография

1. *Алферова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. — Брянск: «Курсив», 2011. С. 41.
2. *Бурова С.Н.* Социология семьи и брака: история, теоретические основы, персоналии. — Минск: Право и экономика, 2010. С. 280.
3. *Коллонтай А.М.* Избранные статьи и речи. — М.: Политиздат, 1972. 432 с.
4. *Коллонтай А.М.* Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. — М.: Изд-во «Советская Россия». 1974. 205 с.
5. *Коллонтай А.М.* Летопись моей жизни. М.: Academia, 2004. 368 с.
6. *Коллонтай А.* Любовь пчел трудовых. — Госиздат: Москва — Петроград, 1924. 305.с.
7. *Коллонтай А.* Новая мораль и рабочий класс. Новая женщина. Любовь и новая мораль. Отношение между полами и классовая борьба — М.: ВЦИК Советов Р., К. и К. Депутатов, 1919. 61 с.
8. *Коллонтай А.М.* Свобода и любовь (сборник). — М.: Алгоритм. 2014. 177 с. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7366528
9. *Осипович Т.* Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность, 1993. № 1. С. 177.
10. *Пушкирева Н.* Коллонтай Александра Михайловна. [Электронный ресурс] http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/KOLLONTA_ALEKSANDRA_MIHALOVNA.html (Дата обращения 19.04.2018).

Bibliography (transliterated)

1. *Alferova I.V.* “Zhenskiy vopros” v teorii I praktike bolshevizma. — Bryansk: “Kursiv”, 2011. S. 41.
2. *Burova S.N.* Soziologija semyi i braka: istoriya, teoreticheskie osnovi, personalii. — Minsk: Pravo i ekonomika, 2010. S. 280.
3. *Kollontay A.M.* Izbranie statyi i rechi — M.: Politizdat, 1972. 432 s.
4. *Kollontay A.M.* Iz moyey zhizni i raboti. Vospominaniya i dnevniki. — M.: Izd-vo «Sovetskaya Rossia», 1974. 205 s.
5. *Kollontay A.M.* Letopis moyey zhizni. M.: Academia, 2004. 368 s.
6. *Kollontay A.* Lubov ptcel trudovikh. — Gosizdat: Moskva — Petrograd, 1924. 305 s.

7. *Kollontay A.* Novaya moral i rabochiy klass. Novaya zhenchina. Lubov i novaya moral. Otnoshenie mezhdu polami i klassovaya borba. — M.: VZIK Sovetov R., K. i K. Deputatov, 1919. 61 s.
8. *Kollontay A.M.* Svoboda i lubov (sbornik). — M.: Algoritm, 2014. 177 s. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7366528
9. *Osipovich T.* Kommunizm, feminizm, osvobozdenie zhenchin i Aleksandra Kollontay // Obzhestvennie nauki i sovremennost, 1993. # 1. S. 177.
10. *Pushkareva N.* Kollontay Aleksandra Mikhaylovna. [Elektronniy resurs] http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/KOLLONTA_ALEKSANDRA_MIHALOVNA.html (Data obrasheniya 19.04.2018).

- ¹ Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. Воспоминания и дневники. — М.: Изд-во «Советская Россия». 1974. — С. 175.
- ² Пушкарева Н. Коллонтай Александра Михайловна. [Электронный ресурс] http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/KOLLONTA_ALEKSANDRA_MIHALOVNA.html (Дата обращения 19.04.2018).
- ³ Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи — М.: Политиздат. 1972. С. 167.
- ⁴ Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. — Брянск: «Курсы», 2011, С. 41.
- ⁵ Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи — М.: Политиздат. 1972. с. 160—175.
- ⁶ Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 177.
- ⁷ Бурова С.Н. Социология семьи и брака: история, теоретические основы, персоналии — Минск: Право и экономика. 2010. С. 280.
- ⁸ Коллонтай А.М. Летопись моей жизни. М.. 2004. С. 267.
- ⁹ Коллонтай А.М. Свобода и любовь (сборник) http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7366528 Свобода и любовь — М.: Алгоритм. 2014. С. 159.
- ¹⁰ Там же, С. 154.
- ¹¹ Коллонтай А.М. Новая мораль и рабочий класс. Новая женщина. Любовь и новая мораль. Отношение между полами и классовая борьба — М.: ВЦИК Советов Р., К. и К. Депутатов. 1919. С. 38.
- ¹² Там же, С. 43.
- ¹³ Там же, С. 45.
- ¹⁴ Там же, С. 47.
- ¹⁵ Коллонтай А.М. Избранные статьи и речи — М.: Политиздат. 1972. С. 78.
- ¹⁶ Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. Новая женщина. Любовь и новая мораль. Отношение между полами и классовая борьба — М.: ВЦИК Советов Р., К. и К. Депутатов. 1919. С. 17.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, С. 19.
- ²⁰ Там же, С. 20.
- ²¹ Там же, С. 26.
- ²² Там же, С. 35.

Н. Н. Колотилова

Вклад Л. Д. Штурм в развитие микробиологии нефти (к 130-летию со дня рождения)

Аннотация: Леонилла Дмитриевна Штурм принадлежит к числу первых женщин-микробиологов, работавших в области геологической деятельности микроорганизмов. Ее исследования связаны с изучением биоразнообразия и роли микроорганизмов в биогеохимических процессах в сапропелях и в нефтяных месторождениях. Ею внесен большой вклад в развитие микробиологии нефти.

Abstract: The name of Leonilla Dmitrievna Sturm (1888–1970) can be named among the names of the first women-microbiologists who worked in the field of geological microbiology and microbial ecology. Her investigations were linked with the study of the biodiversity and biogeochemical role of microorganisms in lake sediments (sapropels) and in oil reservoirs. Her works largely contributed to the development of the petroleum microbiology.

Ключевые слова: Л. Д. Штурм, история науки, микробиология, микробные процессы, нефтяные месторождения, микробиология сапропеля.

Keywords: L. D. Sturm, science history, microbiology, microbial processes oil reservoirs, microbiology of sapropel.

Леонилла Дмитриевна Штурм (1888–1970) принадлежит к плеяде первых женщин-микробиологов. Ученница академика В. Л. Омелянского, она посвятила свою жизнь развитию, главным образом, двух направлений в микробиологии, тесно связанных между собой: изучению биогеохимической роли микроорганизмов в иловых отложениях (сапропелях) и в нефтяных месторождениях. Будучи одним из ведущих специалистов в этих областях, она внесла заметный вклад в развитие геологической микробиологии в нашей стране. О жизни Л. Д. Штурм известно очень немного (опубликован только некролог¹ [2]), и данная работа представляет одну из первых попыток создания ее научной биографии. При ее подготовке была использована автобиография (1942), личный листок (1954) и некоторые другие материалы, ксерокопии которых были переданы директором Института микробиологии РАН, академиком М. В. Ивановым

на кафедру микробиологии Московского университета в начале 1990-х гг. и с тех пор хранятся в Архиве кафедры.

Леонилла Дмитриевна Штурм, урожденная Городецкая, родилась 17 октября 1888 г. в городе Верном Семиреченской области (сегодня город Алматы, Казахстан) в семье учителя гимназии. Девочка рано лишилась отца (1895) и воспитывалась матерью. Жили на ее скромную пенсию, и Леонилла Дмитриевна с шестнадцати лет помогала матери, подрабатывая частными уроками. В 1907 г. она окончила с золотой медалью семь классов Верненской женской гимназии и в том же году поступила на Высшие Женские (Бестужевские) курсы в Петербурге. Перерыв в учебе в 1909—1913 гг., очевидно, был связан с рождением дочери. В 1916 г. Леонилла Дмитриевна окончила полный курс наук физико-математического отделения группы биологии, блестяще сдав экзамены по математике, физике, химии и биологическим дисциплинам (всего шестнадцать экзаменов).

Некоторое время (1917 — начало 1918) она работала практикантикой в Женском медицинском институте, а затем (1918) уехала с ребенком из голодного Петрограда на Украину, где зарабатывала, главным образом, уроками. В послужном списке Леониллы Дмитриевны отмечена также должность преподавателя в школе в городе Туапсе (1920—1921). В 1921 г. Л. Д. Штурм вернулась в Петроград и поступила в Государственный Институт опытной агрономии (ГИОА) Наркомзема, где проработала до 1928 г., последовательно занимая должности младшего лаборанта, старшего лаборанта, младшего и затем старшего ассистента. История института связана с именами таких выдающихся микробиологов, как Б. Л. Исаченко, С. П. Костычев; здесь активно развивались исследования по почвенной микробиологии. Первая научная работа Л. Д. Штурм (1925) также была посвящена изучению почвенных бактерий.

Позднее, начиная с 1926 г., научные интересы Л. Д. Штурм переместились в область исследования микробных процессов в сапропелях — озерных осадках, илах, богатых органическим веществом; их изучение вызывало интерес с точки зрения проблемы генезиса нефти и других каустобиолитов (биогенных горючих ископаемых), а также получения многих химических веществ, ценных для народного хозяйства. С изучением микробиологии

сапропеля и других битуминозных веществ связан большой и плодотворный период научной жизни Леониллы Дмитриевны, фактически эта тема захватила ее навсегда.

Сапропелевый комитет был создан в июне 1919 г. в составе Комиссии по исследованию производительных сил России (КЕПС), организованной в 1915 г. по инициативе В. И. Вернадского² [4]. Немалую роль в создании Комитета сыграл Б. Л. Исаченко. В его работе участвовали естествоиспытатели разных специальностей (геологи, географы, химики, гидрологи, гидробиологи, биологи разного профиля и т.д.), что позволило сразу придать исследованиям комплексный, междисциплинарный характер. Председателем Сапропелевого комитета был известный химик профессор А. И. Горбов, важные работы по химии сапропеля велись Н. Д. Зелинским. Лабораторной базой для работы служила Опытная Сапропелевая станция, организованная географом В. Н. Таганцевым (секретарем комитета) и располагавшаяся в Залучье (ныне Тверской области) вблизи озер Белое, Коломно и др. Первым заведующим станцией был Б. В. Перфильев, впоследствии известный микробиолог, автор пионерских исследований по микрозональному строению илов, по микробиологии лечебных грязей и другим эколого-микробиологическим вопросам.

В 1921 г. плодотворно начатая работа на станции была прервана трагическими событиями, связанными с так называемым «делом Таганцева», в ходе которого были арестованы многие ученые, в том числе, сотрудники Сапропелевого комитета (В. Н. Таганцев и ряд его коллег были расстреляны). Два года спустя работа Сапропелевого комитета, претерпевшего ряд юридических преобразований, возобновилась, хотя и в значительно сокращенном масштабе. Однако постепенно исследования развивались, о чем свидетельствовало и издание научной литературы: *Известий Сапропелевого комитета* (1923—1932), а позднее *Трудов Сапропелевого института* и др.

Начиная с 1926 г. Л. Д. Штурм, помимо ГИОА, работала в должности научного сотрудника 1-го разряда в Сапропелевом комитете КЕПС, впоследствии преобразованном в Сапропелевый институт. В течение ряда лет она также работала по совместительству в Геологическом Комитете (1929—1932) и в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте

(ЦНИГРИ), принимала участие в экспедициях, консультировала геологов по вопросам микробиологии.

В 1934 г. вместе с Сапропелевым институтом Л. Д. Штурм была переведена в Москву, в Институт горючих ископаемых (ИГИ) АН СССР, в состав которого был включен Сапропелевый институт. Здесь она руководила исследованиями по генезису сапропелей и в течение нескольких лет заведовала Сапропелевой станцией в Залучье.

Первое микробиологическое исследование сапропеля из озер Белое и Коломно (пробы сапропеля были отобраны в Залучье В. Н. Таганцевым) было сделано В. Л. Омелянским еще в 1917 г.³ [3]. Им был проведен тщательный анализ проб ила, взятых с разных глубин, на присутствие четырнадцати физиологических групп бактерий. Это позволило составить представление о характере микробиологических процессов, идущих в илах. Работа В. Л. Омелянского послужила основой для многих последующих работ по микробиологии сапропелей.

Микробиологические исследования сапропелей, проводимые Л. Д. Штурм, затрагивали несколько тем. Во-первых, это изучение микробного разнообразия — распространения в сапропелях разных функциональных групп микроорганизмов, например, бактерий, разлагающих целлюлозу, соединения жирного ряда, белковые вещества, а также микроорганизмов круговорота серы и азота и т.д. Во-вторых, это изучение количественного распределения микроорганизмов с глубиной, в результате которого было выявлено, что наиболее интенсивно микробные процессы протекают в верхнем слое сапропеля, а с глубиной микробная активность снижается. В-третьих, проводились сравнительные исследования микробиологии илов в озерах разных географических районов, с разным режимом, с разной соленостью. Экспедиционные исследования Л. Д. Штурм способствовали выяснению запасов сапропелей, что в те годы имело практическое значение в связи с народнохозяйственными вопросами. Среди таких работ необходимо отметить ее исследования распространения балхашита и других сапропелевых отложений на дне Алакульского озера, имевшие непосредственную пользу для экономики Казахстана. С другой стороны, работы Л. Д. Штурм, связанные с проблемой генезиса сапропелей, безусловно, имели фундаментальное значение. Необходимо упомянуть

и ее работы, посвященные разработке новых микробиологических методик и приемов исследования. В целом, перу Л. Д. Штурм при- надлежит более пятнадцати статей по микробиологии сапропеля, напечатанных в Известиях Сапропелевого комитета (1928, 1929, 1932), в Трудах Сапропелевого института (1934), Трудах Лаборатории генезиса сапропеля (1939, 1940, 1941) и в других изданиях.

В 1939 г. по постановлению Президиума Академии наук СССР Л. Д. Штурм была переведена в Институт микробиологии АН СССР, где работала до ухода на пенсию (1965) в должности старшего научного сотрудника, а в 1939—1941 гг. — также заместиеля заведующего отделом геологической деятельности микроорганизмов. С переходом в Институт микробиологии начался новый этап научной деятельности Леониллы Дмитриевны, связанный с изучением микроорганизмов и вызываемых ими процессов в нефтяных месторождениях. С самого начала эти исследования имели пионерский характер, поскольку их объектом стали открытые в начале 1930-х гг. нефтяные месторождения Волжско-Уральского нефтегазоносного бассейна — так называемого «Второго Баку» (Ишимбаевское, Туймазинское, Краснокамское, Сызранское). По своим условиям эти месторождения отличались от изученных ранее, и Леонилле Дмитриевне с самого начала приходилось разрабатывать новые подходы к исследованиям.

Для оценки численности микроорганизмов в пластовых водах нефтяных месторождений Л. Д. Штурм был применен прямой метод подсчета (на фильтрах) и разработаны его оригинальные модификации. Это позволило получить первые количественные данные относительно микроорганизмов в нефтяных месторождениях.

Микроскопические исследования бактерий из нефтяных пластов выявили их морфологические особенности, которые позволили рассматривать эти микроорганизмы как истинных обитателей месторождений нефти, а не занесенные извне клетки.

В работах, посвященных учету микроорганизмов различных функциональных групп, Л. Д. Штурм особое внимание уделяла сульфатредуцирующим бактериям, доказав их широкое распространение в нефтяных месторождениях. Изучение вертикального (по геологическому разрезу пород) распределения сульфатредукторов показало, что эти бактерии часто приурочены к определенным нефтеносным горизонтам и, следовательно, могут служить

коррелятивом на нефтеносность. Напомним, что Г. Могилевским были проведены аналогичные исследования, но в отношении другой группы микроорганизмов — бактерий, окисляющих углеводороды, — позволившие предложить микробиологический метод разведки месторождений нефти и газа.

В работах, посвященных изучению физиологии выделенных сульфатредуцирующих бактерий, была установлена их способность окислять молекулярный водород, постулировано их влияние на состав нефтеносных пород и нефтей.

Большой интерес представляло изучение Л. Д. Штурм сульфатредуцирующих бактерий из илов Черного моря. Впервые эти микроорганизмы были описаны Н. Д. Зелинским и М. Е. Брусиловским во время черноморской экспедиции 1891—1893 гг, т.е. за два года до «официального» открытия сульфатредукторов выдающимся голландским ученым М. Бейеринком (1895). Работы Леониллы Дмитриевны позволили восстановить приоритет русских ученых в изучении сульфатредуцирующих бактерий, этому способствовали и ее статьи по истории отечественной науки. Одна из бактерий, выделенных Л. Д. Штурм, была названа ею *Pseudomonas Zelinskii* в честь Н. Д. Зелинского.

Некоторые работы Л. Д. Штурм были также посвящены роли бактерий в генезисе месторождений серы.

Крупнейшим специалистом по микробиологии сапропеля, лидером микробиологии нефтяных и серных месторождений в нашей стране был академик Б. Л. Исаченко (с 1939 г. директор Института микробиологии АН СССР). Не случайно в Архиве РАН значительная часть документов, связанных с Л. Д. Штурм, хранится в фонде Б. Л. Исаченко. Это ее Предварительный отчет о работе микробиологического отряда в экспедиции в Европейской равнине (1940)⁴, письма, написанные Б. Л. Исаченко в годы Великой отечественной войны, в которых Л. Д. Штурм рассказывает о положении дел в институтской лаборатории и пишет о своем стремлении продолжать исследования по микробиологии нефти⁵. В фонде геолога М. И. Варенцова в Архиве РАН хранятся написанные ею в 1948 г. обоснование и план исследований по нефтяной микробиологии⁶.

С годами тематика исследований по нефтяной микробиологии расширялась и углублялась. Среди более поздних работ

Л. Д. Штурм, опубликованных в 1960-е гг., необходимо отметить труды по изучению превращения микроорганизмами озокеритов и других каустобиолитов. Ею впервые были выделены углеводородо-кисляющие дрожжи. Заслуживает внимания и фундаментальный обзор по использованию микроорганизмами углеводородов (1960).

Л. Д. Штурм была неутомимой путешественницей, настоящим естествоиспытателем, организатором науки. Она неоднократно возглавляла экспедиции по исследованию сапропелевых отложений и месторождений нефти, до глубокой старости принимала участие в экспедициях и обработке проб. География ее маршрутов весьма обширна.

Необходимо отметить и вклад Л. Д. Штурм в историю науки. Ее перу принадлежит ряд статей о В. Л. Омелянском⁷ [5]. Работа о приоритете русских ученых в открытии сульфатредуцирующих бактерий в Черном море уже упоминалась. Блестяще владея языками, Леонилла Дмитриевна неоднократно переводила научные статьи, но особенно заслуживает упоминания ее вклад в перевод на русский язык книги С. Н. Виноградского «Микробиология почвы»⁸ [1] (Winogradsky S. N. Microbiologie du sol. Paris, 1949), благодаря чему научное наследие великого классика микробиологии стало достоянием наших соотечественников, настольной книгой многих русских микробиологов.

Коллеги Леониллы Дмитриевны отмечали ее большую роль в подготовке новых кадров микробиологов, а также замечательные человеческие качества: ответственность, требовательность к себе и преданность науке, душевную теплоту и доброжелательность, скромность и отзывчивость.

Л. Д. Штурм была признана одним из крупнейших специалистов в области экологии микроорганизмов. В 1935 г. по совокупности научных работ ей была присуждена степень кандидата биологических наук, в 1951 г. — доктора биологических наук. Ее научные заслуги были высоко оценены: она была награждена орденом «Знак Почета» (1945), медалью «За трудовую доблесть» (1946) и орденом Ленина (1949). В ее честь назван вид цианобактерий *Anabaenopsis Sturmii*.

Библиография

1. Виноградский С.Н. Микробиология почвы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 897 с.
2. Леонилла Дмитриевна Штурм // Микробиология. 1970. Т. 39. Вып. 3. С. 550.
3. Омелянский В.Л. Бактериологическое исследование ила озер Белое и Коломно // Журнал микробиологии. 1917. Т. 4. № 3. С. 186—195.
4. Чесноков В.С. Вклад ученых в решение научных государственных проблем (к 100-летию КЕПС) // Жизнь земли. 2017. Т. 39. № 1. С. 66—78.
5. Штурм Л.Д. В. Л. Омелянский. Его жизнь и научная деятельность (краткий очерк) // Микробиология. 1953. Т. 22. Вып. 4. С. 363—375.

Bibliography (transliterated)

1. Winogradsky S.N. Microbiologya pochvy. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1952. 897 s.
2. Leonilla Dmitrieva Shturm // Microbiologya. 1970. T. 39. Vyp. 3. S. 550.
3. Omeliansky V.L. Bacteriologicheskoye issledovanie ila ozer Beloe i Kolomno // Zhournal microbiologii. 1917. T. 4. № 3. S. 186—195.
4. Chesnokov V.S. Vklad uchyonykh v reshenie nauchnykh gosudarstvennykh problem (k 100-letiyu KEPS) // Zhizn zemli. 2017. T. 39. № 1. S. 66—78.
5. Shturm L.D., Omeliansky V.L. Ego zhizn I nauchnaya deyutelnost (Kratky ocherk) // Microbiologya. 1953. T. 22. №. 4. S. 363—375.

- ¹ Леонилла Дмитриевна Штурм // Микробиология. 1970. Т. 39. Вып. 3. С. 550.
- ² Чесноков В. С. Вклад ученых в решение научных государственных проблем (к 100-летию КЕПС) // Жизнь земли. 2017. Т. 39. № 1. С. 66—78.
- ³ Омелянский В. Л. Бактериологическое исследование ила озер Белое и Коломно // Журнал микробиологии. 1917. Т. 4. № 3. С. 186—195.
- ⁴ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 583. Оп. 5. Д. 151.
- ⁵ Там же. Оп. 4. Д. 260.
- ⁶ РАН. Ф. 1863. Оп. 1. Д. 61.
- ⁷ Штурм Л. Д. В. Л. Омелянский. Его жизнь и научная деятельность (краткий очерк) // Микробиология. 1953. Т. 22. Вып. 4. С. 363—375.
- ⁸ Виноградский С. Н. Микробиология почвы. М.-Л., 1952.

Т. А. Кузьменко

«Мой жизненный путь настолько прост, что я с трудом могу себе представить, что он для кого-нибудь может представить интерес ...» (к 140-летию со дня рождения академика Л. С. Штерн)

Аннотация: Эта статья представляет Лину Соломоновну Штерн, выдающегося ученого и удивительную женщину ХХ в. как ученого-педагога. Любовью в жизни Л. С. Штерн была наука. Она посвятила свою жизнь Науке и ученикам. Автор статьи предпринял попытку представить Л. С. Штерн как педагога через призму воспоминаний ее коллег и учеников. В статье использованы цитаты Л. С. Штерн из документов личного архива как способ реального воспроизведения ее портрета, мыслей и чувств. Статья может представлять интерес для исследователей биографии Л. С. Штерн, преподавателей физиологии, историков медицинского образования.

Abstract: This article presents Lina S. Shtern, an outstanding scientist and an amazing woman of the XX-th century as a scientist-pedagogue. Science was the love of L. S. Shtern's life. She has devoted the life to Science and pupils. The author of the article attempted to present Lina S. Shtern as a pedagogue through the prism of the memories of her colleagues and pupils. The article uses L. S. Shtern's quotations from the documents of her personal archive as a way of real reproduction of her portrait, thoughts and feelings. The article may be of interest for researchers of the biography of L. S. Shtern, teachers of physiology, historians of medical education.

Ключевые слова: Архив Российской академии наук, личный архив, Л. С. Штерн, П. А. Сесюнин, физиология, медицинское образование.

Keywords: Archive of the Russian Academy of Sciences, personal archive, L. S. Shtern, P. A. Sesiunin, physiology, medical education.

В этом году исполняется 140 лет со дня рождения Лины Соломоновны Штерн (1878—1968) — выдающегося ученого-биохимика и физиолога, доктора биологических наук (1933), первой женщины — заслуженного деятеля науки СССР (1934), первой женщины — действительного члена Академии наук СССР (1939) и Академии медицинских наук СССР (1944), лауреата Государственной премии за работы по гематоэнцефалическому

барьеру (1943), директора Института физиологии АН СССР (1929—1948), зав. кафедрой Института биофизики АН СССР (1954—1968), талантливого педагога и общественного деятеля.

В Архиве РАН хранится фонд академика Л. С. Штерн (№ 1565), переданный в 1968 г. Скворцовой Олимпиадой Петровной, секретарем ученого. Личный архив Л. С. Штерн насчитывает более 1600 единиц хранения за 1900—1978 гг.

Л. С. Штерн родилась в 1878 г. в Либаве (ныне Лиепая, Латвия) в обеспеченной семье коммерсанта. Приехала в 1925 г. из Швейцарии в Москву для работы на кафедре физиологии медицинского факультета 2-го Московского государственного университета по приглашению Наркомпроса РСФСР¹.

К 1925 г. Л. С. Штерн была уже признанным ученым в области изучения окислительных процессов и барьерных функций организма. Выпускница медицинского факультета Женевского университета (1903), Л. С. Штерн по приглашению знаменитого швейцарского физиолога профессора Жан-Луи Прево с 1906 по 1925 гг. читала в Женевском университете курс по физиологической химии. В 1917 г. она стала первой женщиной, получившей звание профессора Женевского университета, и заняла должность заведующего кафедрой физиологической химии на медицинском факультете университета. За время работы в Женевском университете ею было опубликовано около 150 научных статей².

День приезда в Москву, 31 марта 1925 г., Л. С. Штерн всегда считала днем своего рождения. «Со времени работы в Советском Союзе работаю на научно-педагогическом фронте», — отметила она в автобиографии³.

Среди документов о научно-педагогической деятельности Л. С. Штерн, хранящихся в Архиве РАН, исключительный интерес представляет курс лекций по физиологии, прочитанный Л. С. Штерн на медицинском факультете 2-го Московского государственного университета, Второго Московского государственного медицинского института (Второго МГМИ) в 1932—1948 гг., демонстрационный материал. Сохранились программы по физиологии, разработанные Л. С. Штерн для медицинских вузов страны (1927, 1935). Фонд содержит выступления Л. С. Штерн на заседаниях кафедры физиологии и профкома Второго МГМИ (1935—1948); планы и отчеты о научной работе Л. С. Штерн

(1940—1964), заметки о работе с научными кадрами; письма и по-здравления ученых, учеников, сотрудников Л. С. Штерн, фотографии Лины Соломоновны с коллегами и учениками.

С приходом в 1925 г. на кафедру 2-го МГУ профессора Л. С. Штерн, как отмечал ее ближайший помощник профессор С. М. Цейтлин, начался новый этап развития кафедры: мощное развитие научной работы, совершенствование педагогического процесса, интенсивная подготовка кадров физиологов⁴.

«Она сама обучала своих помощников и предварительно проверяла постановку опытов и практических занятий со студентами. Всегда очень требовательная к себе, она служила примером беззаветного служения науке. Л[ина] С[оломоновна] могла простить ошибку, но не прощала беспринципности в науке и поведении. Обладая большим научно-организационным талантом, она привлекла на кафедру много молодежи из врачей и студентов, они часто после работы в других лабораториях и клиниках приходили на кафедру и засиживались допоздна. Неумная энергия Л[ины] С[оломоновны] заражала молодых научных работников не останавливаться и не унывать перед неудачами, еще и еще варьируя эксперименты, добиваясь интересных результатов»⁵, — писал профессор Я. А. Росин, доктор медицинских наук, заведующий физиологической лабораторией Института.

Л. С. Штерн разработала Программу преподавания физиологии (1927), по которой 13 лет физиологию преподавали в медицинских вузах СССР. В объяснительной записке к Программе Л. С. Штерн обратила внимание преподавателей на то, что физиология — дисциплина, по существу, экспериментальная и поэтому должна носить преимущественно практический характер. «На практических занятиях студенты знакомятся с главными методами физиологических исследований. При этом особое внимание обращается на методы, имеющие широкое применение в клинике. <...> На лекциях дается, по возможности, полная картина знаний, окончательно установленных в данной области физиологии, с другой стороны, необходимо обращать внимание слушателей на проблемы актуальные, подлежащие еще изучению, давая краткий обзор полученных результатов, выводов и перспектив, чем возбуждается в слушателей желание самому принять участие в разработке данной проблемы»⁶.

На первой лекции по курсу физиологии Л. С. Штерн цитировала студентам известного швейцарского биохимика и физиолога

Эмиля Абдергальдена: «Ценность врача определяется его знанием физиологии. <...> И эта картина становится, к сожалению, ясной для всех, когда бывает уже поздно»⁷.

Она указывала, что при оценке на экзаменах студента медицинского института необходимо думать не только о студенте, но и о больном, который к нему будет обращаться. «При оценке студентов нужно иметь в виду, как он будет работать у постели больного, что получит от него больной. Учитывать не так уж важно то, дает ли студент четкую формулировку по тому или другому вопросу. <...> Нужно выяснить, умеет ли студент мыслить и насколько; умеет ли он синтезировать (медицина — это синтетическая наука), делать выводы; умеет ли мобилизовать весь свой научный багаж при анализе больного и синтезировать — это должно быть учтено. <...> Если у нас получается впечатление, что студент не годен, то мы не имеем права его выпускать. <...> Лучше, если такой студент будет лишний год работать, это ведь не то, что для него все потеряно»⁸.

Принимая участие в работе Государственной экзаменационной комиссии в медицинских институтах, она была настроена решительно против слабо знающих предмет студентов: «Ни в коем случае не допускать до 5-го курса тех товарищей, которые не могут быть теми врачами, которые нам нужны. Эти товарищи только потеряли время — 5 лет, на них затрачены средства государства. И не случайно провалились те люди, которые не подготовлены. Такое положение больше допускать нельзя. Это значит, нужно гораздо более строгими быть на первых курсах, весь отсев должен произойти на первых курсах, максимум — на втором курсе. Такое строгое отношение должно быть и со стороны преподавателей, и со стороны общественности»⁹.

В апреле 1929 г. по инициативе Л. С. Штерн был организован Физиологический институт при 2-м МГУ (1929—1933) Народного комиссариата просвещения РСФСР, переименованный в Научно-исследовательский институт физиологии (1933—1937). В 1937 г. институт был передан в ведение Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, а в 1939 г. — в ведение АН СССР, так как тематика научно-исследовательских работ института была близка к научным биологическим проблемам, разрабатываемым в Академии наук СССР. Лина Соломоновна была бессменным директором и научным руководителем Института физиологии до 1948 г.

В 30-е гг. она мечтала о международном научном сотрудничестве и старалась привлечь к учебному процессу в своем Институте ученых Западной Европы. Сохранилось письмо Л. С. Штерн в Главнауку о привлечении заграничных ученых к процессу обучения и совместной работе в учреждаемом ею Физиологическом институте: «Молодые ученые и аспиранты, не отрываясь от своих обязанностей, могли бы приобщиться к тем методам, получить те указания, которые они с трудом или отрывочно получают во время своих заграничных командировок. Нужно иметь в виду, что пребывание и участие в наших работах заграничных ученых могло бы быть использовано широкими массами научных работников в отношении их приобщения путем устройства, например, практических и теоретических курсов и т.д., одновременно бы содействовало методической организации и постановке новейших научных проблем, разработка которых связана с той или иной новой и сложной методикой»¹⁰.

В июне 1929 г. Л. С. Штерн направила в Главнауку заявления датского профессора и приват-доцента из Швейцарии, выраживших желание работать в Институте. Аналогичные письма были получены Л. С. Штерн из Германии, Кубы, Англии, Америки. В феврале 1930 г. бельгийские профессора были готовы читать доклады и демонстрировать опыты по физиологии¹¹.

Заслуживает внимания заметка Л. С. Штерн, в которой отражен ее критический взгляд на существующую систему подготовки научных кадров и представление о подготовке кадров для настоящей науки: «Любой метод может быть эффективным, если готовят кадры те, кому может быть дозволено готовить, и из тех людей, которые по-настоящему заинтересованы данным вопросом, интересуются безудержно, любят науку, кто идет в науку по призванию. Конечно, должны быть и общее развитие, и определенные знания у будущего исследователя.

Многообещающим является стажерство¹². Менее удачным методом подготовки научных кадров считаю аспирантуру. При таком массовом приеме в аспирантуру, какой имеет место у нас, в СССР, к сожалению, очень часто принимаются и проходят аспирантуру и даже пишут и защищают диссертации люди, очень далекие от настоящей науки и ничего к ней не прибавляют. Обучение таких людей обходится очень дорого. <...> Для одаренных наука оправдана. Лучше готовить кадры в процессе самой творческой работы: с ла-

боранта, научного лаборанта, а затем самостоятельного научного исследователя, если окажется у человека настоящий, дерзновенный интерес к научной работе»¹³.

В 1930 г. Л. С. Штерн написала автобиографию для книги «Führende Frauen Europas», опубликованной в Мюнхене в издательстве Elga Kern¹⁴. О себе она скромно написала: «Мой жизненный путь настолько прост, что я с трудом могу себе представить, что он для кого-нибудь может представить интерес. Мне очень везло, и мой успех, без сомнения, объясняется, скорее, счастливыми конstellациями¹⁵, чем моими собственными заслугами. Хотя в некоторых отношениях я могла бы казаться пионером, но, все-таки, мне не пришлось много бороться за свой успех. Правда, я первая женщина, которая имела возможность занять то или другое положение, но происходило это всегда так просто, как само собой разумеющееся, что я никогда не могла рассматривать себя как победительницу или как открывающую новые пути»¹⁶.

В 1934 г. Лине Соломоновне было присвоено звание заслуженного деятеля науки.

Директор Биологического института им. К. А. Тимирязева Б. П. Токин отмечал особенные взаимоотношения Л. С. Штерн с молодыми учеными: «Меня пленяет в Вас исключительно дружеское отношение, забота о молодых ученых, простота, товарищество в отношении людей, которым еще много и долго нужно поработать в науке, чтобы приблизиться к Вам. При всей Вашей исключительной занятости, Вы всегда чутки, внимательны и не жалеете времени для помощи молодым ученым»¹⁷.

Сохранилась переписка академика Л. С. Штерн с доцентом кафедры физиологии животных Узбекского государственного университета Сесюниным Павлом Александровичем (1904—1942)¹⁸. Павел Александрович закончил в 1929 г. биологическое отделение физико-математического факультета 1-го МГУ по специальности «сравнительная анатомия» и аспирантуру Биологического института им. К. А. Тимирязева¹⁹. В 1935 г. Сесюнин П. А. защитил диссертацию на тему: «Влияние облучения лучами ультрафиолетового спектра на сердечную деятельность»²⁰.

Письма Л. С. Штерн и П. А. Сесюнина отражают не только взаимоуважение учителя и ученика, но также и научные интересы корреспондентов, их интеллектуальный и культурный уровень.

Из писем Л. С. Штерн к П. А. Сесюнину

№ 1

[Москва], 5 июня 1938 г.

Дорогой Павел Александрович!

Надеюсь, что Вас утвердят в звании профессора. Думаю, что у Вас голова не закружится от этого и не помешает Вам серьезно и усердно работать дальше. Дело, конечно, не в звании. Вы, впрочем, знаете, как я к этому вопросу отношусь. Скажу Вам просто, что я Вами довольна, а Вы уже поймете остальное.

На днях тт. Костин [Л. П.] и Сорокин [В. И.] защищают свои кандидатские диссертации. Работы у них не плохие. Костин [Л. П.] в настоящее время занимает кафедру, даже 2 кафедры в Челябинске, справляется неплохо. Тест [Р. И.] недавно писала мне из Сталинграда, где она тоже заведует кафедрой при Педагогическом институте; у нее, по-видимому, дело обстоит неплохо. Мерщиков читает курс в Благовещенске. Что касается Воскресенского [Н. В.], то он продолжает работать в Махачкале на медицинском факультете, бросил Педагогический институт. Яковчук [А. И.] и Ярмашкевич [А. И.] готовятся к защите диссертаций, и тот, и другой, как Вам известно, работают над г[емато]-э[нцефалическим] [барьером] в связи со столбняком.

В настоящее время я очень занята экзаменами; придется пропустить в течение этого месяца около 800 студентов — дело нелегкое, учитывая повышенные требования, как к студентам, так и к преподавателям.

Пишите о Вашей дальнейшей работе. Сердечный привет Вам и Вашему коллективу. Крепко Вас целую, с товарищеским приветом.

Ваша Л. Штерн.

Архив РАН (АРАН). Ф. 1565. Оп. 3. Д. 223. Л. 14—14 об.

№ 2

[Москва], 22 июня 1938 г.

Дорогой Павел Александрович!

Вполне одобряю Ваше намерение использовать лето для Вашей работы. Постарайтесь расширить и углубить изучение мета-

болизма, вернее, метаболитов нервных элементов в онтогенетическом и филогенетическом разрезе <...>

Ваша Л. Штерн.

АРАН. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 223. Л. 15.

№ 3

[Москва], 3 сентября 1938 г.

Дорогой Павел Александрович!

Не знаю, удастся ли мне приехать в Ташкент в октябре на конференцию. Я бы очень этого хотела, но все будет зависеть от условий на кафедре и в институте и, к тому же, от состояния моего здоровья, которое в настоящее время неважное.

Как Вы себя чувствуете после такого знойного лета? Меня немного беспокоит, что Вы совершенно не отдыхали. Жду результаты Вашей работы. Надеюсь, что они оправдают затраченную энергию.

В Институте работа возобновилась. <...>

В отношении Вашей научной работы: Ваши доводы о том, что облучением можно менять группы крови, кажутся мне немного преждевременными. Советую Вам не слишком разбрасываться и продолжать более глубоко изучать те вопросы, которые Вы себе поставили; записать себе на память все те моменты, которые в процессе работы могут заинтересовать для того, чтобы их при случае изучать, не отвлекаясь от основного. Жду Ваших результатов. Очень рада, что Вы могли заинтересовать работой молодых учеников настолько, что они оказались от отпуска. Это Ваша заслуга. Продолжайте в таком же духе, и я Вами буду гордиться.

Передайте сердечный привет Лидии Николаевне²¹ и Вашим прекрасным девицам. Охотно вспоминаю о днях, проведенных с Вами и у Вас. С большим удовольствием опять к Вам приеду, когда представится возможность, а пока желаю Вам всего хорошего, шлю сердечный привет и желаю Вам успеха на всех фронтах.

Любящая Вас Л. Штерн.

P. S. В течение этой осени целый ряд наших товарищей защищают работы на степень кандидата и на степень доктора. Если бы Вы могли выбраться и приехать на эту защиту, было бы очень хорошо.

АРАН. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 223. Л. 16—16 об.

№ 4

[Москва], 4 октября 1938 г.

Дорогой Павел Александрович!

Получила Ваше письмо от 15 сентября. Отвечаю с некоторым опозданием, т[ак] к[ак] была очень занята все это время. Очень рада, что Вы могли поработать в течение всего этого лета. Вы не должны особенно горевать, что полученные Вами результаты подтверждают работу, проведенную еще раньше другими. Это неизбежно, когда берешься за такой вопрос, как оседание эритроцитов. В этой области существует бесконечное число исследований. Думаю, что было бы лучше для Вас продолжить работу над метаболитами. Тут добьетесь результатов более оригинальных. При этом одновременно изучение влияния облучения различных функций организма повысит ценность Вашей работы, т[ак] к[ак] такое изучение дает возможность установить наличие связи между отдельными явлениями. Надеюсь, что Вам удастся осуществить Ваше намерение приехать для выполнения докторской диссертации в Москву, в наш Институт. Место для Вас всегда там будет.

Очень рада, что все Ваши здоровы. Прошу передать привет Лидии Николаевне и двум молодым девицам. Сохраняю самые приятные воспоминания о моем пребывании среди Вас. Желаю Вам успеха на всех фронтах. Целую Вас.

Ваша Л. Штерн.

В скором времени выйдет 3-й том Трудов Института, который Вам вышлю.

АРАН. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 223. Л. 17—17 об.

Из письма П. А. Сесюнина к Л. С. Штерн

№ 5

[Самарканд], б/д.

Здравствуйте, Лина Соломоновна!

Хочу вставить какое-нибудь сердечное философование, но боюсь, что будете ругать меня (что за фамильярность). Я ведь был у Вас на счету как невоспитанный или, во всяком случае, недостаточно. <...> А теперь совсем как медведь стал. Вы, пожалуй, и за вступление это меня пожурите.

Большевское письмо Ваше получил. Спасибо, что вспоминаете иногда. Ваши письма меня на боевой лад настраивают. Хочется работать и что-либо сделать хорошее. Что стараюсь вот уже в течение нескольких месяцев сделать. Письма обязывают.

Поздравляю Вас с выпуском новых работников-физиологов. Для института это тоже очень хорошо. Я вот подсчитал Вами подготовленных 15 человек только по институту. Это, конечно, достаточно для торжества:

“Значит и докладчик нашелся” <...>

О своей теме я уже писал, хотя Вы ничего по этому поводу не ответили. Двигаюсь, думаю, что вперед, но жду оценки Вашей.

Вот вспомнил насчет “Центра” — там, где я. Этого я совсем не думал и веду себя более чем скромно. Единственная мысль — быть достойным своего учителя. Правда, со мной считаются здесь лучше, чем в ин[ститу]те, но я это приписываю Вам же. Недавно на ректорате подводился исследовательский год. Так, примерно, было сказано: “Научная работа на кафедре физ[иологии] животных началась в тематике, правда, мы ничего не понимаем, но у П[авла] А[лександровича] школа хорошая и мы просто думаем, что полезнее дать ему работать по своей тематике, завезенной из Москвы”. Биохимик проф[ессор]Факторович поддержал меня²².

Сегодня у меня большая радость, заработал усилитель. Все дело было в осциллографе. Подобрали данные — и пошло. Я это за большой успех считаю (несколько месяцев работы, с самого приезда вожусь). В Узбекистане нет еще негодного электрокардиографа. Пришлю пробную кривую. (Теперь моего производства есть (нрзб.), хроноксиметр, усилитель). Если Вы мне скажете, что и научная работа шла, то я буду чувствовать себя на небесах. Ну, это я готов еще ждать. <...> Сижу с утра до вечера в лаборатории. Жду хороших результатов, а что есть сейчас, я Вам уже писал.

Ваш П. Сесюнин.

АРАН. Ф. 1565. Оп. 3. Д. 780. Л. 1—1 об., 2 об., 3—3 об.

С первых месяцев Великой Отечественной войны Л. С. Штерн пропагандировала разработанный под ее руководством метод лечения травматического шока посредством введения в большую цистерну головного мозга фосфорнокислого калия. В конце 1941 г.

Институт физиологии АН СССР из Москвы был эвакуирован в Казахстан, в город Алма-Ату, где продолжил усиленно заниматься вопросами шока. Научные сотрудники института, ее ученики, выезжали на фронт в составе противошоковых бригад для инструктирования и обучения врачей технике метода непосредственного воздействия на нервные центры²³ [2, С. 131,133].

В 1943 г. Л. С. Штерн за выдающиеся работы по гематоэнцефалическому барьеру была награждена Сталинской премией.

24 марта 1943 г. газета «Правда» поместила письмо Л. С. Штерн, в котором она благодарила партию и правительство за присуждение премии. «Для советского ученого, — писала она, — не может быть большей радости, чем сознание, что своей работой он приносит непосредственную пользу своей социалистической Родине»²⁴. Денежную премию (100 тыс. руб.) она передала на строительство санитарного самолета²⁵.

За выдающиеся заслуги в области физиологии и биологической химии в 1944 г. Лина Соломоновна Штерн была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

В декабре 1944 г. была организована Академия медицинских наук, и Л. С. Штерн становится действительным членом Академии медицинских наук СССР.

В 1948 г. Институт физиологии под видом реорганизации был ликвидирован. В 1949 г. Л. С. Штерн предъявили обвинение в том, что она является членом сионистской организации, и арестовали²⁶ [1, С. 737].

Сфабрикованное дело Еврейского антифашистского комитета, членом которого была Л. С. Штерн, закончилось расстрелом 12 августа 1952 г. всех его членов. Л. С. Штерн была приговорена к высылке в Среднюю Азию сроком на 5 лет без конфискации имущества и сослана в Джамбул (Казахстан)²⁷ [4, С. 237—238].

После смерти И. В. Сталина она в июне 1953 г. вернулась в Москву. Джамбульский журналист опубликовал очерк о Л. С. Штерн, где есть эпизод, в котором сотрудник внутренних дел, сопровождавший Л. С. Штерн в 1953 г. на джамбульский вокзал, вспоминал 75-летнюю Лину Соломоновну, которая легко, словно молодая девочка, на перроне вокзала танцевала вальс²⁸.

В Москве ей было разрешено организовать лабораторию для продолжения ее научных исследований. Физиологическая лабора-

тория при Институте биофизики АН СССР была организована в конце 1954 г.²⁹. К ней вернулись ее старые сотрудники, лаборатория завоевала прочную репутацию научного центра, где разрабатывались проблемы барьерных механизмов, которой была посвящена почти вся научная жизнь Лины Соломоновны Штерн.

В 1958 г. ученики Л. С. Штерн на ее 80-летний юбилей подарили сборник «Шок и борьба с ним» (работы Л. С. Штерн и ее учеников) с надписью: «Настоящий сборник составлен в знак уважения и почтения Лины Соломоновны Штерн, отдавшей всю свою жизнь, и даже свою весну, науке, пред назначенной на благо жизни человека»³⁰.

На торжественном собрании 16 августа 1958 г., посвященном ее юбилею, Лина Соломоновна сказала: «Я счастлива, что моя длительная научно-исследовательская работа не осталась чистой теорией, что она нашла и практическое применение в клинике, и я уверена, что дальнейшая работа в этой области <...> принесет большую пользу»³¹.

Научные заслуги Лины Соломоновны были высоко оценены в 1960 г. во время празднования 400-летия Женевского университета, когда ей было присвоено почетное звание доктора Honoris Causa Женевского университета³².

Л. С. Штерн скончалась 7 марта 1968 г., не дожив нескольких месяцев до 90 лет.

Л. С. Штерн надеялась, что исследовательская работа по гистогематическим барьерам будет продолжена, и завещала своим ученикам использовать ее сбережения, которые она не успела истратить при жизни, как фонд премирования лучших работ по гистогематическим барьерам и барьерам клетки. «Дети мои! Продолжайте изучать функции этих тонких и сложных механизмов сложного животного организма, чтобы получить возможность регулировать их в нужном направлении», — написала она в завещании³³.

Вопрос об использовании завещанных средств академика Л. С. Штерн был окончательно решен только в 1975 г. Деньги были перечислены на счет Всесоюзного физиологического общества им. И. П. Павлова при АН СССР для издания трудов, сборников и монографий, подготовки к печати биографии академика Л. С. Штерн, проведения научных мероприятий³⁴.

К 100-летнему юбилею Л. С. Штерн ее ученики издали книгу — научную биографию академика Л. С. Штерн³⁵ [5]. В этой книге они

написали о своем учителе как хорошем, вдумчивом педагоге. О том, как Лина Соломоновна старалась научить их этике ведения научных работ, умению сохранять объективность при оценке научных сообщений, независимо от того, нравится или не нравится сам докладчик. Слова Л. С. Штерн — «Чувство такта может заменить ум, но никакой ум не заменит чувство такта» — стали афоризмом³⁶.

Существует мнение, что эффективность деятельности педагога определяется уровнем образованности его учеников. Под руководством Лины Соломоновны Штерн закончили аспирантуру 70 человек и докторантуру — около 30, многие из них работали на руководящих должностях в различных институтах и вузах страны³⁷ [3, С. 15].

Проблемы, давно поднятые Л. С. Штерн, и сегодня остаются актуальными, это касается и подготовки медицинских и научных кадров.

В настоящее время исследования роли барьерных функций в организме ведутся учеными многих стран, и литература на эту тему насчитывает несколько тысяч названий³⁸.

Библиография

1. Григорьян Н. А. Первая женщина-академик. (К 125-летию со дня рождения Л. С. Штерн) // Вестник Российской академии наук. 2003. № 8. С. 735—738.
2. Кузьменко Т. А. Ученые — фронту: деятельность академика Л. С. Штерн во время Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение): Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2016. С. 131—135.
3. Лина Соломоновна Штерн. (Материалы к библиографии ученых СССР). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 88 с.
4. Рапопорт Я. Л. «Дело врачей» 1953 года. Показания обвиняемого. М.: Алгоритм, 2017. 240 с.
5. Росин Я. А., Малкин В. Б. Лина Соломоновна Штерн. 1878—1968. М., 1987. 192 с.

Bibliography (transliterated)

1. Grigor'yan N. A. Pervaia zhenshchina-akademik. (K 125-letiiu so dnia rozhdeniia L. S. Shtern) // Vestnik Rossiiskoi akademii nauk. 2003. № 8. S. 735—738.
2. Kuz'menko T. A. Uchenye — frontu: deiatel'nost' akademika L.S. Shtern vo vremia Velikoi Otechestvennoi voiny // Velikaia Otechestvennaia voina v sovremennom obshchestvenno-istoricheskem soznanii (istoricheskaiia pamiat', vospriiatiie, uvekovechhenie): Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. M., 2016. S. 131—135.
3. Lina Solomonovna Shtern. (Materialy k bibliografii uchenykh SSSR). M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. 88 s.
4. Rapoport Ia. L. «Delo vrachei» 1953 goda. Pokazaniia obviniaemogo. M.: Algoritm, 2017. 240 s.
5. Rosin Ia. A., Malkin V. B. Lina Solomonovna Shtern. 1878—1968. M., 1987. 192 s.

- ¹ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1565. Оп. 2. Д. 18. Л. 7.
- ² Там же. Л. 8.
- ³ Там же. Ф. 411. Оп. 3. Д. 281. Л. 14.
- ⁴ Там же. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 207. Л. 2.
- ⁵ Там же. Ф. 1715. Оп. 1. Д. 12. Л. 32—33.
- ⁶ Там же. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 11. Л. 31 об.
- ⁷ Там же. Д. 30. Л. 236.
- ⁸ Там же. Оп. 2. Д. 107. Л. 6.
- ⁹ Там же. Л. 2.
- ¹⁰ РААН. Д. 20. Л. 2.
- ¹¹ Там же. Л. 1—3.
- ¹² Так в тексте.
- ¹³ РААН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 114. Л. 1.
- ¹⁴ Книга «Выдающиеся женщины Европы» была переиздана в 1990 г.
- ¹⁵ Стечение обстоятельств (лат.).
- ¹⁶ РААН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 18. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Д. 127. Л. 16.
- ¹⁸ Капитан П. А. Сесюнин, начальник химической службы 170-й танковой бригады, пропал без вести в 1942 г. Архив ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1813 // «Мемориал» (электронный банк данных). [Электронный ресурс]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=52411521> (дата обращения: 5 апреля 2018 г.).
- ¹⁹ РААН. Ф. 336. Оп. 3. Д. 75. Л. 105, 106 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 411. Оп. 3. Д. 281. Л. 113.
- ²¹ Жена П. А. Сесюнина.
- ²² Факторович Павел Маркович (1881—1952), биолог, доктор медицинских наук, профессор.
- ²³ Кузьменко Т. А. Ученые — фронту: деятельность академика Л. С. Штерн во время Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение): Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2016. С. 131, 133.
- ²⁴ РААН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 121. Л. 1.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Григорьян Н. А. Первая женщина-академик. (К 125-летию со дня рождения Л. С. Штерн) // Вестник Российской академии наук. 2003, № 8. С. 737.
- ²⁷ Рапопорт Я. Л. «Дело врачей» 1953 года. Показания обвиняемого. М., 2017. С. 237—238.
- ²⁸ Анчико В. Джамбул. Лина Штерн. Пять расстрельных статей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2013/11/12/59> (дата обращения: 5 апреля 2018 г.).
- ²⁹ РААН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 18. Л. 141.
- ³⁰ Там же. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 306. Л. 2.
- ³¹ Там же. Оп. 2. Д. 18. Л. 20.
- ³² Там же. Д. 16.
- ³³ Дело Ф. 1565. Л. 8.
- ³⁴ РААН. Ф. 1715. Оп. 1. Д. 46. Л. 35.
- ³⁵ Росин Я. А., Малкин В. Б. Лина Соломоновна Штерн. 1878—1968. М., 1987.
- ³⁶ Там же. С. 92.
- ³⁷ Лина Соломоновна Штерн. Материалы к библиографии ученых СССР. М., 1960. Сер. биологических наук. Физиология. Вып. 8. С. 15.
- ³⁸ Григорьян Н. А. Первая женщина-академик (К 125-летию со дня рождения Л. С. Штерн) // Вестник Российской академии наук. 2003, № 8. С. 738.

Великие правительницы России: Екатерина II и ее августейшая невестка — Мария Федоровна¹

Аннотация: В статье дан анализ политической и общественной деятельности великих российских императриц Екатерины Великой и Марии Федоровны, для чего были использованы не только научно-исследовательские труды различных авторов, но и архивные документы.

Abstract: In the article is analyzes the political and social activities of the Russian Empress Catherine the Great and Maria Feodorovna. In the article were used not only research works of various authors, but also archival documents.

Ключевые слова: Екатерина Великая, Мария Федоровна, просвещение, женское образование, благотворительность.

Keywords: Catherine the Great, Maria Feodorovna, enlightenment, female education, charity.

В России XVIII век стал веком женского правления. Своим пребыванием на престоле российские императрицы как бы уравнивали женщину в правах с мужчинами. Особен-но много сделала для изменения стереотипа отношения к женщине и ее возможности в деле участия в придворной и общественной жизни Екатерина II. Одним из крупнейших ее дея-ний в этом смысле было основание Смольного института.

Вся вторая половина XVIII века была отмечена идеей просве-щения. Екатерина Алексеевна считала, что осуществить широкую просветительскую деятельность, возможно, было только при вы-полнении трех условий: хорошего законодательства, достойной литературы, воспитывающей общество, и, наконец, специально приспособленной для этой деятельности школы. На первый план выдвигались задачи общего, а не профессионального (как при Пе-тре I) образования, так как императрица была уверена, что необ-ходимо развивать не только науки и искусство, но и «вкоренять в сердце доброравие, произвесть новое порождение, от которого бы прямые правила воспитания непрерывным потоком в потомство переходить могли и создать народное умоначертание»² [8, С. 25].

При том замкнутом, теремном образе жизни, который вели женщины высших слоев древнерусского общества, лишь шитье церковных пелен было той областью, где они могли проявить свои таланты, свой творческий потенциал, наконец, свои мысли и чаяния. В шитье в большей степени, чем в других видах древних искусств; благодаря избранности сюжетов и вкладным надписям проявляются мысли и намерения вкладчиков — моление о здоровье, о победе над врагами^{3 4} [10, С. 34—38].

Когда в России происходило становление государственной системы образования, в период реформ Петра I, были открыты учебные заведения, чье возникновение обусловлено как потребностями государственного развития, так и необходимостью общественного производства. В результате усиления влияния и все более явного осознания общественных запросов, предъявляемым к светской культуре, в общекультурном образовании формировались тенденции, связанные с ростом престижа обучения в светских, а не только в духовных образовательных институтах. По приглашению царя-реформатора в страну потянулись иностранные мастера, привнесшие в искусство Нового времени художественный опыт Западной Европы. Так же показателем развитой европейской культуры служило присутствие женщин на общественных собраниях, их возрастающая роль в царской семье, а русская императрица стала образцом европейских манер и вкуса. Императрицы в России играют активную роль во внедрении передовых западных педагогических идей в воспитании наследников престола. Они поощряют новые подходы к осуществлению властных полномочий в России, противопоставляя церемониальному образу триумфатора—завоевателя альтернативную философскую модель.

С эпохой царствования императрицы Екатерины Великой, связан значительный этап становления государственной системы в области образования «человека и гражданина», создания «нового порождения»⁵ [2, С. 53]. Помимо глобальных государственных преобразований она успешно реализовала себя и как талантливая дилетантка в области литературы и искусства. Многие дамы того времени, управлявшие своими государствами, или державные супруги вели большую меценатскую деятельность. Они способствовали развитию художественного образования в своих владениях. Что же касается Софии Фредерике Ангалт-Цербской (в будущем

российской императрицы Екатерины II), то она полностью реализовала свои политические амбиции и художественные способности на русской почве, в соответствии с эстетическими воззрениями своего времени и устойчивой традицией. «Монархическое начало имело в ней самого достойного представителя», — писал о ней историк А.Г. Брикнер^{6 7} [14, С.53].

В России великая княгиня стала активно заниматься самообразованием, особенно в первые годы жизни на новой Родине. Она много читала и первыми книгами, прочитанными ею по совету шведского посланника Адольфа Гюлленборга были: «... во-первых, «Жизнь замечательных мужей» Плутарха, во-вторых, «Жизнь Цицерона», в-третьих, «Причины величия и упадка Римской Республики» Монтескье». Позже юная принцесса познакомилась и с сочинениями Вольтера, которого впоследствии считала своим учителем, и по ее собственному признанию была обязана ему, образованием «ума и головы» [14, С. 53]. Энциклопедическое образование, приобретенное ею за восемнадцать лет, проведенных в России до воцарения, послужило в дальнейшем основой ведения государственных и политических дел.

Во второй половине XVIII в. в России наблюдается интерес к идеям Просвещения, породившим культ знания, природа, мыслится как единство и всеобщность, одновременно представление о человеке, предполагает, что ему дана возможность с помощью высшего разумного начала преобразовать свою жизнь, стать подлинным «царем природы». Обращение к античности стало своего рода катализатором новых исканий, идеи «разума» и «природы» питали собой художественную культуру эпохи, они вызывали к жизни «правдивый» стиль, понимаемый как утверждение вневременных истин. Ценности античного искусства, воплощенные в простых исконных образах отвечали глубинному смыслу устремленности общества к возвращению естественных прав, опирающихся на разум и подтверждающих достоинство человека. Природа, возделанная и преображенная, подчиненная разумному человеческому началу как бы превращалась в воспитателя, учителя; не случайно создание парков в это время выделилось в самостоятельный вид искусства. Все это импонировало личности российской правительницы. Екатерина Великая стремилась сама соответствовать идеалу эпохи и внедрить идеи Просвещения в на-

род через универсальное образование, распространенное в создаваемых ею учебных заведениях⁸ [6, С. 25; 8, С. 24].

В совершившейся под эгидой разума переоценке природы и античной древности конечной целью было воспитание нового человека. Формирование новой морали, опирающейся на природу и разум суверенного в своем мышлении индивида, особую роль должно было сыграть искусство. В нем виделся огромный нравственный потенциал уже в силу того, что оно является актом свободного творения человеческого духа, а гармония и порядок, определяющие структуру художественного целого, имеют не только эстетический, но и определенный этический смысл. Искусство этого времени обучало и поучало и в этот процесс включались все его виды и жанры. Екатерина Великая большое количество времени уделяла самосовершенствованию и ее индивидуальность находила выражение во многих ипостасях.

Редкий оптимизм, непоколебимая вера в собственный талант и непогрешимость способствовали тому, что великая княгиня Екатерина Алексеевна пробовала себя в разных областях знаний, в литературе и искусстве. Еще в 1819 г. Павел Сумароков так отзывался о ее таланте писательницы: «Творения ее полезны, соответствуют своею важностью пространному ея уму, и уделяемое от царских занятий на опыте время. Она сочиняла записки Российской истории с великой точностью эпох древности, перевела одну главу из Велисария. Ее всемирный словарь, одним своим названием представляет всю важность предприятия. Слог Екатерины чист, краток, ненапыщен. Театральные пьесы суть произведения одного, двух дней, для щутки, своего общества, однакож приметны в некоторых из оных замысловатость, острота, и они служат доказательством, что музы не отлучались от трона»⁹ [15, С. 352].

Ее литературные труды хранятся в собраниях российских музеев и архивах. Часть была представлена на выставке «Екатерина Великая и Москва»: рукопись «О Москве и москвичах»¹⁰; Сказка о царевиче Хлоре¹¹; Опера комическая Февей¹².

Как политический деятель Екатерина II вынуждена была проявлять гибкость, учитывая общественное мнение и интересы дворян. Одновременно перед ней стояла трудная задача укрепления режима личной власти и повышения авторитета. Для этого императрица призвала на службу французское Просвещение (идеи философов Вольтера, Монтескье, Дидро).

Еще при жизни Екатерины II была названа Великой, и этот почетный титул сохранился за ней в официальной имперской историографии. Взойдя на престол, Екатерина проявила немалую склонность к законотворческой деятельности. Знаменитый указ «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», в соответствии с которым высшее сословие империи было в значительной мере избавлено от бюрократического и судебного произвола, стал важнейшим документом в данном наследстве¹³ [11, С. 119].

Часто время правления Екатерины называют периодом просвещенного абсолютизма, она стремилась исправить варварские пережитки феодального строя, это был период, когда верховная власть укрепилась за счет использования передовых идей. Вместе с тем Екатерина II хотела продвинуть страну по пути европейского прогресса, а не просто задрапировать российский абсолютизм передовыми идеями. Наглядным подтверждением тому служит «Наказ» Уложенной комиссии, созванной под влиянием идей французских просветителей, для разработки реформ, которые должны были ослабить социальное напряжение и укрепить базу самодержавия.

В «Наказе», написанном в 1765—1767 гг., императрица высказывала мысли о распространении просвещения, искоренении беззакония, жестокости, деспотизма, об умножении народного благосостояния. Кроме того, в документе имелось обоснование неограниченного самодержавия в России его «естественность» и общественного неравенства. Этот документ должен был служить руководством в работе собравшейся в июле 1767 г. комиссии по подготовке нового Уложения.

В стране начали проводиться экономические реформы. Уже в 1775 г. объявлена свобода предпринимательства, а с 1762 г. упразднена монополия в торговле и промышленности. Заплатив сбор, купцы могли освободиться от подушной подати и рекрутской повинности.

Со временем, в своей «Жалованной грамоте дворянству» Екатерина еще более углубила и детализировала соответствующие принципы. Следуя этому курсу далее, она обратила внимание и на интересы нарождающегося третьего сословия, издав «Жалованную грамоту городам», улучшившую правовое положение городского населения империи¹⁴ [16, С. 11—15].

Следующим шагом в деятельности императрицы стал созыв в 1767 г. «Комиссии о сочинении проекта нового уложения» — своего рода сословного парламента. Формальной задачей этого собрания было внесение поправок в законодательство Российской империи, основы которого на тот момент были зафиксированы в архаичных нормах Соборного уложения 1649 г. Эта затея полностью соответствовала прекрасным идеям европейского Просвещения и одновременно вписывалась в национальные традиции.

Также императрица не хотела ссориться с церковной иерархией, неизменно стремившейся искоренить «ересь». Подписанные Петром III указы о веротерпимости по отношению к раскольникам отменены не были, но реально не исполнялись¹⁵ [3, С. 222—241].

В 1768 г. Россию накрыла эпидемия оспы, и именно Екатерина Алексеевна стала первой, кто испробовал на себе вакцину от этой страшной болезни. Императрица сделала прививку от оспы тайно, в присутствии лишь самых доверенных приближенных. Прививание оспы считалось очень опасным делом и, августейшая особа не могла без одобрения двора рисковать своим здоровьем. По официальной версии, материал для вакцины был взят у маленького сына вахмистра Александра Маркова, который позже получил дворянский титул и фамилию Оспенный^{16 17} [4, С. 21].

Такое самоотверженное поведение императрицы вызвало неподдельный восторг у лейб-медика Димсдейла, который писал в своем дневнике: «Много других осピンок появилось и оспа совсем налилася, по желанию и великому удовольствию»¹⁸. Восхищение доктора можно понять, ведь императрица решила испытать на себе вакцину, рискуя возможно, своей жизнью, прежде чем внедрять это средство в России. Теперь получить осгинку от императрицы стало мечтой каждого придворного, около 140 аристократов сделали прививку в то время [4, С. 21].

Период 1775—1788 гг. был самым благополучным временем екатерининского царствования. Победив внешних и внутренних врагов, императрица активно занималась укреплением государства и освоением завоеванных территорий.

Надо признать, что музы не отлучались от российского трона, и волею судеб императрица выбрала в жены своему сыну Павлу Петровичу не менее талантливую особу, чем она сама.

София Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская по происхождению принадлежала к миру мелких Германских княжеских домов. Мать ее, Фредерика-София, дочь маркграфа Бранденбург-Шведского была родной племянницей Фридриха Великого, а отец — Фридрих-Евгений, находившийся с юных лет на Прусской службе, — третий сын владетельного герцога Вюртембергского Карла-Александра.

Как и Екатерина II, София Доротея (будущая императрица Мария Федоровна) родилась в городе Штетине и возможно этот факт, в некоторой степени, повлиял на выбор российской императрицы, когда та задумалась о кандидатке в невесты Великого князя Павла Петровича. Она выбрала именно ее из шести внучатых племянниц прусского короля.

Став Великой княгиней, Мария Федоровна долгие годы оставалась в тени Екатерины Великой, но, проявив дипломатический дар, заняла свою нишу в царском доме. Воспитанная матерью на произведениях Ж.-Ж. Руссо, сентиментальная и одновременно практичная, домовитая она была наделена от природы разнообразными способностями: понимала и любила музыку, прекрасно рисовала, разбиралась в искусстве, живописи и архитектуре. В исследованиях историка Е.С. Шумигорского упоминается о том, что обучение принцессы различным наукам началось очень рано: учиться писать и читать она стала в шесть лет, что для того времени, было, редкостью.

Вероятно, именно специфика воспитания в родительском доме, вкусы и поведение отца и матери обусловили постоянное стремление княгини к совершенствованию, а возможно и развивло в ней культ личного творчества, любовь к изяществу. Переехав в Россию, Мария Федоровна увлеклась созданием садов и парков, изучала растения и составляла гербарии, что способствовало грамотному распределению деревьев и трав в создании садово-парковых ансамблей¹⁹ [17, С. 50].

Но наибольший вклад Мария Федоровна внесла в дело развития женского образования. После восшествия на престол Павла I Мария Фёдоровна, 12 ноября 1796 года, была поставлена «начальствовать над воспитательным обществом благородных девиц» и способствовала открытию женских учебных заведений во многих российских городах.

Для поступления в общество благородных девиц возраст девочек был увеличен, и дворянские дети были отделены от простых мещанок. В воспитательных домах императрица постаралась ограничить число младенцев до пятисот на каждый дом, а остальных предложила отдавать крестьянам, чтобы приучать к трудолюбию и сельскому хозяйству²⁰.

Также Мария Федоровна разделила классические и ремесленные классы и выделила последние в отдельное учебное заведение. Позже оно превратилось в Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана. Составленные Марией Федоровной правила для приёма детей в «общество» по мнению исследователя Е. Лихачевой «служат ясным подтверждением того, что цель Екатерины Великой при основании общества — смягчение нравов путём воспитания и образования русского юношества — была оставлена тотчас после её смерти, а государственная, общественная идея, руководившая Екатериной, была заменена целями сословными и благотворительными»²¹ [9, С. 150].

Интересно, что водная система, соединяющая Волгу с Балтикой, названа Мариинской в честь Марии Фёдоровны — в связи с тем, что при строительстве этой системы деньги частично были выделены из фонда воспитательных домов.

Императрица проявила немалую энергию и привлекла в пользу общества много пожертвований²² [1, С. 29].

После указа Павла I, запрещавшего женщинам императорской семьи занимать русский трон, статус императриц и великих княгинь существенно изменился. Они должны были осваивать свое новое положение в системе государственной власти и в общественной жизни. Благодаря этому указу Мария Федоровна обрела уникальный статус «вдовствующей императрицы». Однако ее энергичная и деятельная натура помогла ей найти новое поле приложения сил женщин императорского дома. Она определила наиболее важную сферу для их общественной деятельности: социальную работу, которая концентрировалась в знаменитом Ведомстве императрицы Марии, специальному отделению Канцелярии Его Императорского Величества. При этом деятельность Марии Федоровны не ограничивалась благотворительностью, а формировала всю практику участия женщин высшего общества в политических и общественных делах. Вдовствующая супруга Павла I держала собственный

салон в Павловске и сумела сочетать светскую жизнь с широкой общественно-политической деятельностью. Она обладала собственным институтом власти — Ведомством императрицы Марии. Роль «вдовствующей императрицы» послужила своего рода старовой моделью для общественно-политических практик светских салонов. Самой «весомой» традицией, которую Мария Федоровна оставила своим наследницам, была благотворительная деятельность, которая достигла статуса развернутой социальной работы. Именно Мария Федоровна возвела благотворительность в разряд государственной службы, что было оценено не только современниками, но и последующими поколениями²³ [1, С. 27]. Прекрасно образованная супруга императора Павла I, бывшая принцесса Гессен-Дармштадская, во многом старалась подражать своей свекрови — Екатерине II. Подражание началось уже с особого внимания к Смольному воспитательному институту, которому она придала статус государственного заведения. По свидетельству современника, «оставшись вдовою с 11 марта, государыня императрица Мария Федоровна, по желанию своего августейшего сына, по-прежнему продолжала заведовать как воспитательным обществом благородных девиц, так и другими учебными и благотворительными заведениями и благодетельствовала им с еще большею энергию» [5, С. 37]. Никакие обычаи и установления не заставляли Марию Федоровну настолько тщательно вникать в дела благотворительных и учебных заведений. А она, между тем, стала истинным «министром благотворительности» [13, С. 1], как позже ее будут называть в любых аннотациях к публикациям ее переписки. Мария Федоровна не ограничивалась заботами о любимом Смольном институте благородных девиц: в 1807 г. на ее деньги было построено Военно-сиротское отделение, которое впоследствии было переименовано в Павловский институт; в 1817 г. императрица приняла под свое покровительство Харьковский институт; в 1820 и 1823 гг. возникли два училища для солдатских дочерей полков лейб-гвардии; в 1826 г. учреждены училища для детей низших чинов Морского ведомства в Севастополе и Николаеве. Также под контролем императрицы находились учрежденные ею Вдовьи дома и больницы в Москве и Петербурге: больница «Императора Павла I» (основанная еще в 1763), две больницы для бедных в Москве и Петербурге и другие благотворительные заведения²⁴ [1, С. 30].

Ведомство императрицы Марии было полностью интегрировано в систему управления государственными структурами, что можно проследить на примере делопроизводства. Все дела ведомства восходили на ее усмотрение и переписка по ним осуществлялась в Ее Величества Канцелярии. Императрица лично руководила всеми делами, вела обширную переписку, собственноручно излагала уставы и штаты заведений. «Императрица Мария подавала деловые бумаги на высочайшее утверждение через Собственную Его Императорского Величества Канцелярию и получала ответы на сделанные запросы также через императорскую канцелярию в качестве должностного лица» [12, С. 214]. Можно сказать, что Мария Федоровна возглавляла свое собственное государственное учреждение как государственный деятель, оказывающий влияние на внутреннюю политику государства из своей резиденции в Павловске. Даже в последние годы жизни Мария Федоровна не оставляла попыток влиять на политику нового императора — Николая I. Как верный сын, император Николай внешне поддерживал амбиции матери, но старался ограничить ее деятельность заботами о Ведомстве императрицы Марии и благотворительной деятельностью (в 1826 г. учреждаются новые училища для детей низших чинов Морского ведомства в Севастополе и Николаеве)²⁵ [1, С. 35].

Можно сказать, что вдовствующая императрица Мария Федоровна основала традицию благотворительной деятельности в России, оставив после себя своеобразное государство в государстве, чья работа была четко налажена и само Ведомство императрицы Марии, впоследствии IV Отделение Канцелярии его императорского величества, стало основой для развития благотворительности в России именно на государственном уровне.

Библиография

1. Азерникова И.П. Вклад императрицы Марии Федоровны и её ведомства в развитие благотворительности в России) // Вестник МГОУ. 2011. № 3. С. 29—35. 257 с.
2. Александрова Е.Я. Становление и развитие системы художественного образования в России XVIII-начала XX века. М., 1997. С. 53. 150 с.
3. Бабичев А.К. О редакционном исправлении Свода законов / Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1865. Т. 4. С. 222—241. 250 с.

4. Кудряшов К. Имперские мелочи: Екатерина II ввела моду на наградные часы и самовар // Аргументы и факты, 2012, № 26. С. 12. 12 с.
5. Куприянов И.К. Краткий очерк жизни е.и.в. памяти государыни императрицы Марии Федоровны. СПб.: Б/и, 1869. 90 с.
6. Лебедева Е.Г. Женское искусство царского дома: Екатерина Великая — талантливая дилетантка // Ярославский педагогический вестник. Ярославль. 2015, № 2, Том I. С .25. 264 с.
7. Лебедева Е.Г. Любительство: XVIII— XI вв. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов. Сборник статей, посвященный памяти Милихата Юнисова. М.: ГИИ, 2010. С. 60—93. 308 с.
8. Лебедева Е.Г. «Творчество женщин-художниц в культуре России: На материале светского искусства XVIII — последней трети XIX веков». 24.00.01. Москва: РИК, 2005. — С.24. 244 с. <http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-zhenshchin-khudozhnits-v-kulture-rossii-na-materiale-svetskogo-iskusstva-xviii-p>
9. Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. Т. 1—4. СПб. 1890—1901. С. 25. 251 с.
10. Маесова Н.А. Древнерусское искусство. Золотое шитье // Искусство женского рода. Женщины-художницы в России XV—XX веков. М., 2002. С. 34—38. 334 с.
11. Павленко Н.И. Екатерина Великая. Москва, 2006. С. 119. 495 с.
12. Письма государыни императрицы Марии Федоровны к князю Сергею Ивановичу Гагарину. 1826 год // Русский Архив. 1868. № 1. стлб. 1—24. 425 с.
13. Письма Марии Федоровны к великим князьям Николаю и Михаилу Павловичу // Русская старина. 1903. Т. 115. С. 305—314. 500 с.
14. Степанова С.С. Личность Екатерины II // Екатерина Великая и Москва. М., 1997. С. 53. 250 с.
15. Сумароков П. Черты Екатерины Великой. СПб., 1819. С. 352. 370 с.
16. Томсинов В.А. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства: её истоки, содержание и значение // Законодательство императрицы Екатерины II. 1783—1796 годы / Составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. XI—XL. 31 с.
17. Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна (1759—1823). Ее биография. Том первый. Издательство: Тип. И.Н. Скороходова. СПб., 1892. С. 50.

Bibliography (transliterated)

1. Azernikova I.P. Vklad imperatricy Marii Fedorovny i eyo vedomstva v razvitie blagovritel'nosti v Rossii) 2011 g. // Vestnik MGOU № 3. S. 29—35. 257 c.
2. Aleksandrova E.Ya. Stanovlenie i razvitie sistemy hudozhestvennogo obrazovaniya v Rossii XVIII-nachala XX veka. M., 1997. S. 53. 150 s
3. Babichev A.K. O redakcionnom ispravlenii Svoda zakonov / CHteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh. 1865. T. 4. S. 222—241. 250 s.
4. Kudryashov K. Imperskie melochi: Ekaterina II vvela modu na nagradnye chasy i samovar. // Argumenty i fakty, 2012, № 26. S. 12. 12 s.
5. Kupriyanov I.K. Kratkij ocherk zhizni e.i.v. pamyati gosudaryni imperatricy Marii Fedorovny. SPb.: B/i, 1869. 90 s.
6. Lebedeva E.G. ZHenskoe iskusstvo carskogo doma: Ekaterina Velikaya — talantlivaya diletantka. // YAroslavskij pedagogicheskij vestnik. YAroslavl'. 2015, № 2, Tom I. S. 25. 264 s.

7. *Lebedeva E.G.* Lyubitel'stvo: XVIII — XXI vv. Ot prosveshchennyh diletantov do rok-muzykantov. Sbornik statej, posvyashchennyj pamяти Milihata YUnisova. M.: GII, 2010. S. 60—93. 308 s.
8. *Lebedeva E.G.* «Tvorchestvo zhenshchin-hudozhnic v kul'ture Rossii: Na materiale svetskogo iskusstva XVIII — poslednej treti XIX vekov». 24.00.01. Moskva: RIK, 2005. — S.24. 244 s. URL. <http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-zhenshchin-khudozhnits-v-kulture-rossii-na-materiale-svetskogo-iskusstva-xviii-p> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)
9. *Lihacheva E.O.* Materialy dlya istorii zhenskogo obrazovaniya v Rossii. T.1—4. SPb, 1890—1901. S. 25. 251 s.
10. *Maesova N.A.* Drevnerusskoe iskusstvo. Zolotoe shit'e // Iskusstvo zhenskogo roda. ZHenshchiny-hudozhnicy v Rossii XV—XX vekov. M., 2002. C. 34—38. 334 c.
11. *Pavlenko N.I.* Ekaterina Velikaya. Moskva, 2006. S. 119. 495 s.
12. Pis'ma gosudaryni imperatricy Marii Fedorovny k knyazyu Sergeyu Ivanovichu Gagarinu. 1826 god // Russkij Arhiv. 1868. № 1. stlb. 1—24. 425 s.
13. Pis'ma Marii Fedorovny k velikim knyaz'ym Nikolayu i Mihailu Pavlovichu // Russkaya starina. 1903. T. 115. S. 305—314. .
14. *Stepanova S.S.* Lichnost' Ekateriny II // Ekaterina Velikaya i Moskva. M., 1997. S. 53. 250 s.
15. *Sumarokov P.* CHerty Ekateriny Velikoj. SPb., 1819. S. 352. 370 s.
16. *Tomsinov V.A.* Gramota na prava, vol'nosti i preimushchestva blagorodnogo rossijskogo dvoryanstva: eyo istoki, soderzhanie i znachenie // Zakonodatel'stvo imperatricy Ekateriny II. 1783—1796 gody / Sostavitel' i avtor vstupitel'noj stat'i V.A. Tomsinov. M.: Zercalo, 2011. S. XI—XL. 31 s.
17. *Shumigorskij E.S.* Imperatrica Mariya Fedorovna (1759—1823). Ee biografiya. Tom pervyj. Izdatel'stvo: Tip. I.N. Skorohodova. SPb., 1892. S. 50. 452 s.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00238-А.

² *Лебедева Е.Г.* «Творчество женщин-художниц в культуре России: На материали свetskого искусства XVIII — последней трети XIX веков». 24.00.01. Москва: РИК. Год: 2005. 244 с. <http://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-zhenshchin-khudozhnits-v-kulture-rossii-na-materiale-svetskogo-iskusstva-xviii-p>

³ *Лебедева Е.Г.* Женское искусство царского дома: Екатерина Великая — талантливая дилетантка. Ярославский педагогический вестник. Ярославль. 2015. № 2. Том I. 264 с.

⁴ *Маесова Н.А.* Древнерусское искусство. Золотое шитье // Искусство женского рода. Женщины-художницы в России XV—XX веков. М., 2002. 334 с.

⁵ *Александрова Е.Я.* Становление и развитие системы художественного образования в России XVIII-начала XX века. М., 1997, 150 с.

⁶ *Лебедева Е.Г.* Любительство: XVIII—XXI vv. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов. Сборник статей, посвященный памяти Милихата Юнисова. М.: ГИИ. 2010. 308 с.

⁷ *Степанова С.С.* «Личность Екатерины II» // Екатерина Великая и Москва. М., 1997. 250 с.

⁸ *Лебедева Е.Г.* Женское искусство царского дома: Екатерина Великая — талантливая дилетантка. Ярославский педагогический вестник. Ярославль. 2015. № 2. Том I. 264 с.

- ⁹ Сумароков П. Черты Екатерины Великой. СПб.: Тип. Департамента народного просвещения 1819. С. 352.
- ¹⁰ РГАДА. Ф.10
- ¹¹ РГАДА. Ф.10
- ¹² РГАДА. Ф. 10
- ¹³ Павленко Н.И. Екатерина Великая. Москва.2006. 495 с.
- ¹⁴ Томсинов В.А. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства: её истоки, содержание и значение // Законодательство императрицы Екатерины II. 1783—1796 годы / Составитель и автор вступительной статьи В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. XI—XL.
- ¹⁵ Бабичев А.К. О редакционном исправлении Свода законов// Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Спб. 1865.Т. 4. 250 с.
- ¹⁶ Виолетта Рябко. Оспа от императрицы, или Первая российская прививка. <http://www.dw.com/ru/%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B0-%D0%BE%D1%82-%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%86%D1%8B-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D0%B5%D1%80-%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B2%D0%BA%D0%B0/a-16324018> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)
- ¹⁷ Кудряшов К. Имперские мелочи: Екатерина II ввела моду на наградные часы и самовар. Аргументы и факты.2012. № 26. 12 с.
- ¹⁸ Виолетта Рябко. Оспа от императрицы, или Первая российская прививка. <http://www.dw.com/ru/%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B0-%D0%BE%D1%82-%D0%B8%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%86%D1%8B-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D0%B5%D1%80-%D0%B2%D0%B0%D1%8F-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B8%D0%B2%D0%BA%D0%B0/a-16324018> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)
- ¹⁹ Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна (1759—1823). Ее биография. Том первый. Тип. И.Н. Скороходова.СПб.1892.452 с.
- ²⁰ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. Т.1—4. СПб. Тип. М.М. Стасюлевича, 1890—1901.251 с.
- ²¹ Лихачева Е.О. Материалы для истории женского образования в России. Т. 1—4. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890—1901.251с.
- ²² Азерникова И.П. Вклад императрицы Марии Федоровны и её ведомства в развитие благотворительности в России). МГОУ. Вестник № 3. 2011 г. 257 с.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.

С. А. Лиманова

Переписка А. П. Павлова и М. В. Павловой с геологами и палеонтологами из России: реконструкция научных связей¹

Аннотация: В статье анализируется переписка геолога А. П. Павлова и палеонтолога М. В. Павловой с коллегами из России. В результате формируется «ближний круг» корреспондентов с общими профессиональными интересами, включающий двадцать персонажей. Переписка ученых позволяет реконструировать научные связи рубежа XIX—XX вв. и рассмотреть особенности процесса научного познания того периода. Письма содержат разнообразные сведения по геологии, стратиграфии, палеогеографии, палеонтологии, палео-зоологии и палеоботанике.

Abstract: The article analyzes the correspondence between A. P. Pavlov (geologist) and M V. Pavlova (paleontologist) with colleagues from Russia. As a result, an «inner circle» of correspondents with common professional interests (which includes twenty personalities) is formed. Correspondence of scientists allows reconstructing scientific connections of the turn of the XIX—XX-th centuries, and considering the features of the scientific knowledge process. Letters contain various information on geology, stratigraphy, paleogeography, paleontology, paleozoology and paleobotany.

Ключевые слова: А. П. Павлов, М. В. Павлова, геология, палеонтология, Павловская научная школа, Московский университет, переписка ученых, наука в России, Архив РАН, личные фонды.

Keywords: A. P. Pavlov, M. V. Pavlova, geology, paleontology, Pavlov Geological School, Moscow University, correspondence of scientists, science in Russia, the Archive of RAS, personal funds.

Переписка ученых — особый вид эпистолярного наследия. Она позволяет расширить представления о повседневной жизни ученых, их социальных и профессиональных контактах. На рубеже XIX—XX вв. корреспонденция играла огромную роль в установлении и поддержании научных связей. Среди сохранившихся документов ученых того периода письма занимают значительную часть. В личных фондах геолога Алексея Петровича Павлова (1854—1929) и его супруги палеонтолога Марии Васильевны Павловой (1854—1938), хранящихся в

Архиве РАН, корреспонденция составляет примерно половину от общего числа дел, т.е. более 500 единиц хранения.

На начальном этапе реконструкции научных связей для проведения текстологического анализа были отобраны письма непосредственных коллег Павловых — геологов, гидрогеологов, минералогов, палеонтологов, палеоботаников, зоологов из России, — отложившиеся в обоих фондах. Подобная выборка (около 10 % от общего числа дел с перепиской) позволила сформировать «ближний круг» корреспондентов с общими профессиональными интересами. Всего было выявлено двадцать таких персонажей: геолог и палеонтолог И. И. Лагузен (1846—1911); геолог и первый выборный Президент Академии наук А. П. Карпинский (1846/1847—1936); геолог П. А. Осоксов (1852—1920); геолог и географ П. А. Тутковский (1858—1930); геолог, стратиграф, минералог и палеонтолог Н. И. Андрусов (1861—1924); геолог и палеонтолог Н. Н. Яковлев (1870—1966); ботаник и палеоботаник И. В. Палибин (1872—1949); палеонтолог и геолог А. А. Борисяк (1872—1944); зоолог и географ Л. С. Берг (1876—1950); геолог и палеонтолог А. А. Чернов (1877—1963); палеоботаник М. Д. Залесский (1877—1946); геолог А. Д. Архангельский (1879—1940); геолог и гидрогеолог М. М. Васильевский (1880—1948); геолог и палеонтолог В. В. Богачев (1881—1965); геолог и гидрогеолог О. К. Ланге (1883—1975); минералог и геохимик А. Е. Ферсман (1883—1945); геолог и исследователь Крыма А. Ф. Слудский (1885—1954); геоморфолог и гидрогеолог А. Н. Мазарович (1886—1950); геолог и геоморфолог В. А. Варсаноффьева (1890—1976); палеонтолог и палеоэколог Р. Ф. Геккер (1900—1991). Семеро из них — А. А. Чернов, А. Д. Архангельский, М. М. Васильевский, О. К. Ланге, А. Ф. Слудский, А. Н. Мазарович, В. А. Варсаноффьева — были представителями Павловской геологической школы. Своими учителями Павловых считали также А. А. Борисяк и Л. С. Берг.

В фондах Павловых (Ф. 48 и Ф. 311 в Архиве РАН) сохранилось 50 дел с корреспонденцией вышеперечисленных ученых, включающей: 170 писем, 13 открыток и 3 телеграммы, адресованных Алексею Петровичу и/или Марии Васильевне Павловым, а также 31 конверт и 3 черновика ответных писем (один — автограф А. П. Павлова, еще два — автограф М. В. Павловой). Большинство писем было написано от руки. И только среди писем П. А. Тутков-

ского, Н. И. Андрусова, А. А. Борисяка, О. К. Ланге и А. Ф. Слудского есть как написанные от руки, так и напечатанные на машинке, но обязательно подписанные при отправлении. Таким образом, в распоряжении исследователей имеются автографы всех корреспондентов. Переписка дает наглядное представление об их почерке и манере письма. На конвертах указывался адресат и адрес места назначения: «*профессору Алексею Петровичу Павлову*» или «*профессору Марии Васильевне Павловой*»; «*Москва, улица Герцена 6, кв. 58*» или «*Москва, Моховая улица, 1-й Университет, Геологический кабинет*» (домашний и рабочий адреса соответственно).

В структуре писем прослеживается ряд общих элементов: обращение к адресату, основной текст, подпись. Часто в начале или конце письма самим автором проставлялись число и место его создания (при наличии конвертов датировку можно установить и по штемпелю). Хронологические рамки корреспонденции — с ноября 1886 г. по июль 1934 г. Письма приходили из самых разных уголков России (Российской империи, РСФСР, СССР) — из Киева, Луцка, Севастополя, Феодосии, Карадага, Баку, Ташкента, Казалинска, Орла, Саратова, Самары, Усть-Уны и др. Многие были отправлены из Петербурга/Петрограда (Ленинграда). Содержание писем еще больше расширяет географический диапазон. В них можно встретить упоминания корреспондентов о научной работе в Крыму, Поволжье, Забайкалье, на Кавказе, в Центральной и Средней Азии, в Сибири, а также о конгрессах в Европе и Америке. Объем корреспонденции варьирует от телеграмм в несколько строчек или открыток с краткими оповещениями до пространных писем на шесть—десять страниц с подробными описаниями коллекций и зарисовками.

Наиболее частая форма обращения в письмах — «Многоуважаемый», «Глубокоуважаемый» или «Дорогой» Алексей Петрович. То же и в отношении Марии Васильевны («Многоуважаемая», «Глубокоуважаемая», «Дорогая»), только приводится разное написание имени — Марья/Мария. Реже встречаются иные варианты — «Глубокочтимый и дорогой Алексей Петрович!» или «Любезнейший Алексей Петрович!». Иногда письма адресовались сразу обоим супругам. Например, П. А. Осоков писал: «Многоуважаемые Марья Васильевна и Алексей Петрович!», «Любезные наши друзья Алексей Петрович и Марья Васильевна!». Завершались письма фразами типа «Искренно преданный Вам», «Искренне уважающий

Вас», «Примите уверение в истинном уважении», «С наилучшими пожеланиями и искренним уважением» или просто «Преданный Вам», после чего ставилась подпись.

Переписку отличает не деловой или коллегиальный, а дружеский характер взаимоотношений и интеллектуально-эмоциональный посыл² [3; 5]. Это хорошо видно на примере двух писем И. И. Лагузена. Одно из них, официальное, было найдено среди писем А. П. Павлову от представителей различных учреждений. Письмо набрано машинописью на бланке Горного института и датировано 2 апреля 1902 г.:

«Милостивый Государь Алексей Петрович.

Согласно постановления Совета вверенного мне Института, просимая Вами модель черепа *Elasmotherium* для Геологического Кабинета Императорского Московского Университета вскоре будет Вам выслана, причем в обмен желательно бы получить кое-что из слепков оригиналов М. В. Павловой и каменноугольных окаменелостей из Мячкова (в особенности морских лилий и кораллов).

Примите уверение в совершенном почтении и преданности»³.

В конце — подпись директора Горного института, т.е. И. И. Лагузена. А вот выдержка из другого его же письма, представленного уже в нашей выборке: «Многоуважаемый Алексей Петрович <...> Передайте мою душевную благодарность автору присланной мне работы об аммонитах группы *Olcostephanus versicolor*. Самая работа⁴ исполнена столь тщательно и определительно в отношении описания отдельных форм, что я могу быть только благодарен автору, если он возьмется и за обработку остального Языковского материала⁵»⁶. Под «автором» подразумевалась Мария Васильевна Павлова, с которой И. И. Лагузен на тот момент (ноябрь 1886 г.) еще не был знаком лично. Стиль этого письма заметно отличается от предыдущего. Оно написано от руки и показывает уровень доверительных отношений, хотя и исключает какую бы то ни было фамильярность. Все корреспонденты обращались к Павловым исключительно на «Вы», вне зависимости от возраста и занимаемого положения в научной иерархии.

Корреспонденты хорошо знали обоих адресатов, регулярно общались и не забывали передавать приветы. «Некоторые сведения о нашем путешествии найдете в письме к Алексею Петровичу»⁷, — сообщал Марии Васильевне А. А. Чернов. «Сейчас получил письмо от Вашего Супруга»⁸, — писал А. П. Карпинский. «Прошу передать мое глубокое уважение Алексею Петровичу»⁹, — отме-

чал П. А. Тутковский. «Черкните, пожалуйста, хотя бы несколько строк об Алексее Петровиче»¹⁰, — просил А. Д. Архангельский. «Очень прошу Вас передать большой и сердечный привет дорогому Алексею Петровичу. Желаю всего хорошего и остаюсь искренне преданный и уважающий»¹¹, — подписывался М. М. Васильевский. «Глубокий поклон Алексею Петровичу»¹², — передавал А. А. Борисяк. Аналогичные фразы можно найти и в письмах, адресованных А. П. Павлову: «Привет Марии Васильевне!»¹³ (Л. С. Берг), «Любезнейшей Марии Васильевне мой привет»¹⁴ (П. А. Осоксов), «Мой поклон Марье Васильевне»¹⁵ (Н. И. Андрусов), «Большой поклон Марии Васильевне»¹⁶ (А. А. Борисяк), «Марии Васильевне прошу Вас передать мое глубокое почтение»¹⁷ (А. П. Карпинский), «Прошу передать мое почтение Марии Васильевне»¹⁸ (Р. Ф. Геккер). Из переписки ясно, что Павловы были знакомы и с семьями своих корреспондентов. «Поклон от Глафиры Алексеевны»¹⁹, — писал П. А. Осоксов. «Сердечный привет и желания доброго здоровья Вам и Марии Васильевне от всех нас!»²⁰, т.е. от Слудских. «Вместе с женой шлем Вам сердечный привет»²¹, — А. А. Борисяк. «Горячие приветы» также передавали от своих семей А. А. Чернов и М. М. Васильевский. Присылали письма и жены ученых. Например, супруга О. К. Ланге, которая подписывала сообщения «АОКВ Ланге»²², т.е. Аля, Октавиан, Катя и Володя Ланге.

Друзья оставались друзьями как в самые радостные моменты жизни, так и в наиболее трудные дни. В 1916 г. М. В. Павловой летели поздравления с присуждением ей почетной степени доктора зоологии. «Только что узнал, что Московский Университет присудил Вам степень доктора зоологии *honoris causa* — честь, давно и всецело Вами заслуженная. Прошу Вас принять мое искреннее и сердечное поздравление и пожелание дальнейшего развития Ваших работ»²³, — писал А. А. Борисяк. «Меня это чрезвычайно порадовало не только потому, что это присуждение относится к Вам, — признался А. П. Карпинский, — но и потому, что, насколько мне известно, это первый в России случай присуждения женщине д[октор]ра *honoris causa*»²⁴. «Многоуважаемая Мария Васильевна, — обращался А. Е. Ферсман. — Только на днях я узнал радостную весть о том, что Московский Университет дал Вам доктора *honoris causa*. Мне приятно и радостно было узнать, что, наконец, русская наука получила признание со стороны русских научных учреждений и что не повто-

рилась обычная история о том, что Запад первый указывал России, кто в ней заслуживает научного уважения. <...> От души поздравляю Вас с этим первым и крупным звеном признания Вашей долгой научной работы²⁵. Эту же радость разделял Л. С. Берг: «От души поздравляю Вас с присуждением Вам степени доктора honoris causa и приветствую в Вас первую русскую женщину, обладающую этим званием. Надеюсь, что теперь пред Вами откроются двери Университетов для официального преподавания Вашей любимой науки. Было бы большой победой над рутиной увидеть, например, в Университете женщину-профессора, и хорошо, если пионером в этом деле явится лицо с таким ученым именем, как Ваше»²⁶.

В 1929 г. Мария Васильевна получала соболезнования в связи с кончиной Алексея Петровича. Телеграмма от А. Н. Мазаровича: «Бесконечно потрясен кончиной дорогого учителя. Примите мое самое сердечн[о]е участие [в] Вашем величайшем горе»²⁷. Письмо от А. Ф. Слудского: «Дорогая Марья Васильевна, нет слов, которые могли бы выразить скорбь, принесенную известием о смерти Алексея Петровича. С первых шагов, пройденных под его руководством в Университете, и до последнего свидания у Вас на квартире два года назад — он был и навсегда остался для меня моим любимым и великим учителем, учителем глубочайшей правды в научных исследованиях, в общении с людьми, в делах повседневной жизни. Ни одной тени не скользнуло за четверть века, ни одна мысль не омрачила его чистого образа, и сейчас, когда смерть совершила неизбежное, я продолжаю любить его как живого, он стоит предо мной все тем же учителем и другом, точно я ношу в себе его живую частицу»²⁸. Корреспонденты сопереживали вдове, пытаясь разделить горечь утраты, и в то же время отмечали научные заслуги А. П. Павлова, хотели сохранить память о нем. «У меня имеются два прекрасных портрета Алексея Петровича, — писал А. А. Борисяк М. В. Павловой, — один в пальто и шляпе — он висит у меня в кабинете в Горном Институте, и другой тот, который был воспроизведен на повестке заседания Академии Наук, посвященного памяти Алексея Петровича. Буду очень признателен, если Вы дадите мне еще портрет, по Вашему выбору — память Алексея Петровича, как нашего общего учителя, мне очень и очень дорога»²⁹. «Дорогая Мария Васильевна! от имени всех нас позвольте выразить Вам наше глубокое сожаление в постигшем

Вас горе. Дорогого Алексея Петровича не стало! До сих пор не можем примириться с мыслью, что никогда больше не увидим дорогого друга и учителя. Нас тревожит мысль о Вашем здоровье — как Вы себя чувствуете?»³⁰, — интересовались Васильевские. Кстати, именно М. М. Васильевский многое сделал для сохранения научного наследия А. П. Павлова, занимаясь разбором его архива и изданием неопубликованных рукописей (при действенном участии В. И. Вернадского и А. А. Борисяка). Из письма А. П. Карпинского М. В. Павловой: «Я всегда считал Алексея Петровича и большим ученым, и моим большим и искренним другом. Да помогут Вам научные занятия перенести Вашу тяжелую потерю»³¹.

Наука действительно была главным делом жизни Алексея Петровича и Марии Васильевны. Ей они отдавали все свое время и силы. Вот почему в переписке так много места занимают обсуждения различных находок, вопросы отправки ящиков с материалами, проблемы написания и издания статей и многие другие моменты, связанные с профессиональными интересами. Из разрозненных записей, наблюдений, описаний, рекомендаций вырисовывается интересная картина повседневной жизни ученых-геологов и ученых-палеонтологов рубежа XIX—XX вв.

«Получили ли Вы камень в 1—2 пуда из Симбирской губернии, отправленный помощником моим по исследованию — Ионовым? — интересовался П. А. Осоков у А. П. Павлова. — Это Ваш образец Юры из Засурских лесов (Среднее Поволжье. — С. Л.). Если будет время, посмотрите на этот камень»³². А далее сообщал, что данный образец можно оставить у себя, только крайне желательно дать к нему научное описание. Пересылка ящиков с геологическими и палеонтологическими материалами позволяла дополнять коллекции музеев, однако дело это было затратным и не всегда успешным. Например, при пересылке могли пострадать найденные кости. «Если я Вам не посыпаю большого Митридатского мастодонта, — писал Н. И. Андрусов М. В. Павловой, — то только потому, что боюсь подвергать риску вторичной перевозки это тяжелое, но хрупкое создание»³³.

Обработанные материалы позволяли делать выводы о залегании пластов, тектонике, флоре и фауне изучаемых местностей. Павловы всегда находились в контакте со специалистами по смежным областям знаний, или, как бы сейчас сказали, были сторонниками ме-

ждисциплинарного подхода в развитии наук. «Спешу выразить Вам искреннюю признательность за присланный мне чрезвычайно интересный материал для исследования микрофауны»³⁴, — благодарили П. А. Тутковский А. П. Павлова. Ему же писал палеоботаник И. В. Палибин: «Еще раз благодарю Вас за присланный материал и Ваши указания, столь ценные для меня, как не специалиста в геологии»³⁵.

Коллекции, обработанные супругами Павловыми, отличались богатством и разнообразием видов. Письма дают представления о том, какими путями (помимо собственных поездок) они получали новые материалы. Так, из письма Л. С. Берга от 21 августа 1901 г. становится ясно, что по просьбе А. П. Павлова он отправил с урочища Кумсуг (Казахстан) «громадное количество прекрасно сохранившихся раковин» для Московского Геологического кабинета. Тот же Берг годом ранее (1900 г.) собрал большую геологическую коллекцию на берегах Аральского моря, выслав в общей сложности около десяти ящиков с образцами, снабженными подписями и этикетками³⁶. В 1912—1913 гг. в Поволжском регионе на землях Удельного ведомства было найдено более тысячи костей древних животных. Работавший в то время в Главном управлении уделов П. А. Осоксов помог, как он сам выразился, «полуофициально» переправить ученым большую часть находок³⁷.

Собранные материалы необходимо было описывать и классифицировать. В дальнейшем они становились музеиными экспонатами и наглядными пособиями для обучения студентов. В письмах часто обсуждаются вопросы публикации статей, подготовленных на основании новых полученных материалов. Из переписки М. В. Павловой с И. В. Палибиным, отражающей все этапы подготовки статьи для «Трудов Троицкосавско-Кяхтинского отделения [Приамурского отдела] Императорского Русского географического общества» видно, что это занятие отнимало много времени и было весьма затратным³⁸. Обсуждение статей М. В. Павловой для XII и XIII томов «Трудов» началось в конце 1910 г. Много внимания уделялось определению числа палеонтологических таблиц, которые должны были войти в издание, и их стоимости. Одна из статей оказалась в наборе в середине 1911 г. Осеню пришла корректура. И. В. Палибин просил еще раз проверить таблицы, «чтобы не случилось где-нибудь разногласия между нумерами»³⁹. Очевидно, к этому времени у М. В. Павловой появились какие-то

новые иллюстрации, и она просила дополнить клише, что и по времени, и по средствам было уже проблематично сделать. Вряд ли такие новости могли обрадовать И. В. Палибина, однако он написал, что готов потратить еще денег, лишь бы результат того стоил. «Дорого здесь то, — отмечал он, — что столичные ученые работают на наше маленькое провинциальное дело, и, что особенно замечательно, всегда публикуют результаты своей работы на страницах нашего журнала»⁴⁰. После многочисленных сверок с автором (т.е. с М. В. Павловой) возникла новая проблема — типография перепутала надписи на одной из таблиц. Последняя из сохранившихся открыток пришла в самом конце 1911 г., и в ней по-прежнему обсуждалось предстоящее издание.

Переписка с И. В. Палибиным крайне интересна еще и многочисленными ремарками ученого по самым разным вопросам. Например, про корреспонденцию: «для получения ответа из Троицкосавска надо около месяца времени, а из С.-П[етербурга] только двое суток. Мы имеем необъятные расстояния в России и должны бороться с ними всеми способами в интересах экономических и делах прогресса»⁴¹. На одном из этапов редактирования статьи Палибин сообщил М. В. Павловой, что продублировал имена животных на русском языке, и далее писал об этом: «надеюсь, Вы согласитесь, будет не лишним, тем более что читатели провинциалы и плохо знающие естествознание»⁴². Еще одно его суждение относится к тому, что М. В. Павловой пришлось самой перепечатывать текст своей статьи: «Мне всегда жаль, если ученые люди жертвуют свое драгоценное время на механические работы, а Ваше тем более»⁴³.

В переписке Павловых с коллегами по поводу подготовки статей и выступлений упоминаются многие геолого-палеонтологические общества и издания того времени: сообщение для Общества Московских испытателей природы, доклад на Съезде естествоиспытателей, публикации в журнале «Природа», статьи для «Палеонтологического ежегодника» (Русское палеонтологическое общество), «Трудов Палеозоологического института» и т.д. Помимо подготовки, активно обсуждается само участие и результаты исследований. Рассказывая в письме от 13 ноября 1920 г. об обработке материалов геологической съемки по нижней Иловле (север Царицынского уезда), А. Н. Мазарович просит разъяснить слова А. П. Павлова, сказанные на одном из его последних выступлений

по поводу третичного оледенения⁴⁴. Эти сведения нужны автору письма в практических целях — для установки датировок геологических слоев. В переписке можно обнаружить и хорошие примеры следования профессиональной этике. Из письма Н. И. Андрусова М. В. Павловой: «Вы пишите, что хотите сделать заметку о полученном Вами из Пичугина мастодонте и спрашиваете, не пожелаю ли я, чтобы в Вашу заметку вошли и мои две формы. Само собою разумеется, я буду очень и очень рад. В то же время и с своей стороны прошу Вашего разрешения опубликовать Ваши определения. Они сослужили мне большую службу в некоторых вопросах стратиграфического характера»⁴⁵.

В процессе работы, помимо непосредственных знаний в области геологии и палеонтологии, полезны были и другие навыки, например, умение рисовать или готовить гипсовый раствор. И Алексей Петрович, и Мария Васильевна обладали определенными художественными дарованиями. В их личных фондах сохранились рабочие материалы с зарисовками, а также пейзажи и натюрморты, выполненные акварелью или масляными красками⁴⁶. Нередко коллеги интересовались их секретами мастерства. Н. И. Андрусов писал М. В. Павловой: «<...> не можете ли Вы сообщить рецепт Вашего лепного воска, такого, который Вы привозили с собой в Юрьев. Один из наших коллег, занимающийся художеством, от него в восхищении, и я ему обещал спросить рецепт»⁴⁷. Обсуждались в переписке многие другие «технические моменты»: как лучше сделать фотографию черепа, чем склеить куски бивня, как сохранить кости при транспортировке и т.д.

Возникали в ходе работ и трудности иного рода. В письмах неоднократно затрагивался финансовый вопрос: «Наше Отделение бедное, и мы вынуждены беречь каждый рубль»⁴⁸; средств нет, а раскопки стоят дорого⁴⁹; фототипические таблицы «безумно дороги», поэтому готовы напечатать только автотипические (цинкографические)⁵⁰ и т.п. Ученые, занимавшие административные посты, регулярно жаловались на сильную занятость и нехватку времени на саму научную работу. Причем эти отрицательные факторы были характерны как для дореволюционного, так и для советского научного сообщества. «Вспоминая Ваши письма, Ваши жалобы на неудобства работы в Москве при теперешнем состоянии Института, иногда думаешь, не было ли Вам лучше перенести теперь

Вашу работу к нам в Ленинград?»⁵¹ — спрашивал А. А. Борисяк М. В. Павлову в 1931 г.

Однако настоящих ученых ничто не могло отвлечь от любимого дела и желания делиться своими знаниями, передавать их следующим поколениям. Супруги Павловы, ставшие создателями Московской геологической школы, Геологического и Палеонтологического музеев, старались всячески поддерживать своих коллег и учеников, и в первую очередь — в научном плане. «Душевно благодарен Вам за тот лестный отзыв о моей книге, которого я и не ожидал»⁵², — писал П. А. Осокин А. П. Павлову в 1893 г. Из письма Н. Н. Яковлева Павловым в 1926 г.: «Я хотел бы поблагодарить Вас за телеграмму по случаю десятилетия Палеонтол[огического] Об[-щества]. Было несколько телеграмм из Москвы, и это было приятной неожиданностью. Мы ничего не сделали для оповещения о десятилетии, и даже на повестках не было на него указания. Выбрали Вас, Алексей Петрович, почетным членом. Все это было светлой точкой среди неприятностей, сплошь наполнявших последние месяца два»⁵³. Павловы принимали активное участие в становлении своих учеников настоящими профессионалами. В личных фондах А. П. Павлова и М. В. Павловой хранятся отзывы и рецензии на многие работы известных впоследствии ученых⁵⁴.

В письме М. В. Павловой от 16 января 1927 г. А. А. Борисяк упоминал В. В. Меннера, будущего известного геолога и палеонтолога, академика АН СССР (1966): «<...> такой славный юноша и такой энтузиаст в своей работе, что иного, как только самого доброжелательного отношения к нему, конечно, и не могло быть. Надеюсь, и впредь мы будем с ним друзьями, а Вас поздравляю с таким учеником»⁵⁵. Тот же Борисяк в мае 1912 г. писал А. П. Павлову из Севастополя: «По просьбе моих студентов, посылаю Вам фотографический снимок, сделанный у Вас в музее; один экземпляр предназначается для Вас, а второй для А. Д. Архангельского, которому не откажите его передать»⁵⁶. А. Д. Архангельский считался одним из наиболее талантливых учеников А. П. Павлова, о чем писала В. А. Варсанофеева, тоже ученица Павлова и его первый биограф⁵⁷ [1].

Упомянутый фотографический снимок — не единственное, что пересыпалось в письмах. В них также можно обнаружить зарисовки, начерченные от руки карты различных местностей или визитки. Например, на визитке Н. И. Андрусова, вложенной в одно из

писем, от руки было подписано: «Многоуважаемый Александр Васильевич⁵⁸! Позвольте рекомендовать Вам Марью Васильевну. Окажите ей помошь при осмотре окрестностей Керчи»⁵⁹. Таким образом визитка превращалась в своего рода рекомендательное письмо.

Что же касается фотографий и рисунков, то в большинстве случаев они отсутствуют в письмах. Указания на них можно найти только в тексте. Скорее всего, они изымались при получении для дальнейшей работы. Зачастую и сами письма (в частности те, что содержали подробные описания костей или другие важные научные сведения) становились рабочим материалом — в них видны пометки и подчеркивания, сделанные адресатом после прочтения. Среди писем встречаются и красочные открытки, содержащие, как правило, впечатления от отдыха.

В переписке использовались категории не только прошлого и настоящего, но и будущего. Корреспонденты делились своими планами или мечтами. Из письма И. В. Палибина А. П. Павлову: «Летом настоящего года (в июле и августе) я хочу побывать на востоке России в местностях, где развиты нижнеэоценовые отложения, собрать, где можно, флору и проследить распространение этих отложений на волгодонском водоразделе. Минералогическое общество нашло возможным поддержать меня в этом направлении и дать небольшие средства для такой поездки. Это дает мне случай познакомиться с строением местностей восточной России, основываясь, конечно, главным образом, на Ваших исследованиях в Поволжье»⁶⁰. В письме А. А. Чернова — и общие воспоминания, и мысли о новых свершениях: «Мечтаю подняться на массив Сабли. Жду и новых практич[еских] результатов, в смысле новых выходов углей. Передвигаемся мы на этот раз быстро и на 8-ой день уже в Помоздине, откуда мы с Вами выезжали в лодке в [1]904 г.»⁶¹.

На страницах корреспонденции встречается много добрых слов в адрес Павловых. Их благодарят за присылку сочинений, рисунков и новых экспонатов для коллекций, за книги, которые трудно достать, за помошь в делах. «Считаю долгом от имени Украинской Академии Наук выразить Вам глубокую искреннюю признательность за любезную присылку Ваших высокоценных трудов, которыми Вы обогатили Геологический Кабинет Академии, крайне нуждающийся в научной литературе. О Вашем любезном даре будет доложено в ближайшем заседании Академии»⁶², —

сообщал П. А. Тутковский М. В. Павловой. «Октавий получил книгу как раз кстати, так как ему надо было прочесть несколько лекций по палеонтологии»⁶³, — писала супруга О. К. Ланге. Она же благодарила М. В. Павлову за присылку книжек для детей.

Переписка позволяет увидеть в супружах Павловых не только выдающихся ученых, но и чутких, отзывчивых людей. «Горячее спасибо Вам за выхлопотанную командировку»⁶⁴, — писал А. П. Павлову А. Ф. Слудский. «Сердечно благодарю Вас за Ваше дружеское письмо и за те хлопоты, которые вы предприняли перед Комиссией, чтобы улучшить мое материальное положение, — отвечал М. Д. Залесский А. П. Павлову на содействие в получении денежного обеспечения от Комиссии по улучшению быта ученых. —<...> Еще раз благодарю Вас за вашу помощь мне, которая оказалась очень действительной. Я сохранию память о вашем милом отношении ко мне на всю жизнь. Взаимно приветствую Вас с светлым праздником Воскресения Христа и посылаю Вам в ответ христианское приветствие. Воистину воскрес. То же шлю уважаемой Марии Васильевне»⁶⁵.

В этих людях удивительным образом сочеталось умение постигать мир научными категориями и в то же время верить в нечто светлое, вечное. И до, и после революции они поздравляли друг друга со всеми праздниками, включая Новый год, дни рождения, именины и Пасху. Но и это делали по-особенному. Так, А. А. Борисяк благодариł М. В. Павлову за присланный на Новый 1927 год «драгоценный подарок» — челюсть («эта челюсть является одним из драгоценнейших объектов» в зале нашего Музея⁶⁶). А весной того же года на Пасху писал: «По слухам праздника, позволяю себе преподнести Вам небольшое пасхальное яйцо, в виде предложения обработать небольшой череп мамонта, доставленный Якутскими экспедициями Академии»⁶⁷.

Единственное, что в переписке практически отсутствует, так это политика. Таких примеров всего несколько. В письмах из Феодосии и Карадага от Слудских есть упоминания об обстановке в регионе в 1917 г.: «В Феодосии нас поразил и великолепный белый хлеб в изобилии, и печенье, и мука. Правда, теперь начинают и здесь ограничивать понемногу выпечку белого хлеба, но все же пока можно получать все без карточек и без хвостов»⁶⁸. И чуть позднее: «Общее брожение дошло и до нашего края. На днях у татар в Бахчисарае будет учредительное собрание. Разговоры идут, конечно, об самостоя-

тельности Крыма как татарского ханства. Никакого ханства на деле не выйдет, в этом я не сомневаюсь, но очередной погром и резня на национальной почве и на немецкие деньги — о, это может хорошо выйти!»⁶⁹ А в письмах П. А. Тутковского — намеки на украинские сепаратистские тенденции⁷⁰. Зато при внимательном прочтении в переписке можно найти занятные бытовые детали. Например, использование диапозитивов на публичных лекциях в начале XX в. или вхождение радио в повседневную жизнь.

Корреспонденты и адресаты не только вели активную переписку, но и часто лично виделись (отсюда неполнота некоторых писем⁷¹ [2]). «Вы окажете мне особенное одолжение, если позволите Вас видеть во время Вашего будущего посещения Невской столицы»⁷², — писал М. В. Павловой И. В. Палибин. «Очень хочется повидаться с Вами; напишите, могу ли я к Вам приехать»⁷³, — спрашивал А. Д. Архангельский. «Мечтаю побывать в Москве, навестить Вас и Алексея Петровича и полюбоваться новым Вашим кабинетом, о котором так много слышал»⁷⁴, — читаем в одном из писем А. А. Борисяка по поводу предполагаемой поездки в Москву. В другом он вспоминает о встрече в Ленинграде: «Мы еще живем воспоминанием о Вашем приезде»⁷⁵.

«На днях вернулся из Мангышлака. Очень хотелось бы увидеться и поговорить с Вами <...> Если можно, не откажитесь известить меня, в какое время Вы будете в Москве, чтобы я мог застать Вас. Поклон Марии Васильевне»⁷⁶, — писал М. М. Васильевский. Он же зазывал А. П. Павлова к себе в гости: «Я слышал, что Вы в скором времени собираетесь приехать в Ленинград. Позвольте просить Вас сделать мне честь — остановиться у меня»⁷⁷. «Ленинградские друзья» Васильевские неоднократно приглашали к себе и М. В. Павлову, в том числе и после смерти А. П. Павлова. К ней хорошо относились и другие его ученики: «Я не забываю Вас, дорогая Мария Васильевна, — писала В. А. Варсанофьева, — и часто вспоминаю об Алексее Петровиче и о Вас, даже если и приходится долго не видеть Вас и не писать Вам по тем или иным причинам»⁷⁸.

Помимо самих авторов писем и членов их семей, в переписке упоминаются многие общие знакомые, такие как ученый-естественноиспытатель В. И. Вернадский, геолог и палеоботаник А. Н. Криштофович, геолог и географ И. П. Толмачев, палеонтолог и геолог В. М. Цебриков, геолог и палеонтолог И. Ф. Син-

цов, геолог и географ П. В. Виттенбург, геолог и палеонтолог В. В. Меннер, геолог и стратиграф А. Н. Розанов, геолог и палеонтолог В. С. Слодкевич, геолог Г. Ф. Мирчинк, геолог и палеонтолог А. Н. Рябинин, палеонтолог М. И. Шульга-Нестеренко, ученые-краеведы супруги В. С. и М. И. Моллесон, антрополог Ю. Д. Талько-Гринцевич, французский геолог и палеонтолог Ш. Депере, немецкий геолог и палеонтолог О. Йекель. Все эти «перекрестные» связи расширяют общий диапазон научных контактов и позволяют продолжить исследование в данном направлении, в том числе с привлечением иностранных корреспондентов⁷⁹ [4].

В целом проведенная реконструкция научных связей ученых на примере переписки А. П. Павлова и М. В. Павловой с геологами и палеонтологами из России обогащает наши представления о процессе научного познания, об особенностях и трудностях развития естественнонаучных дисциплин в конце XIX — начале XX вв., о способах реализации научного потенциала в условиях общественно-политических трансформаций. В письмах содержатся разнообразные сведения по геологии, стратиграфии, палеогеографии, палеонтологии, палеозоологии и палеоботанике. Кроме того, проанализированные материалы дают новые штрихи к научным и психологическим портретам А. П. Павлова, М. В. Павловой, их коллег и учеников.

Библиография

1. *Varsanof'eva V. A.* Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии. М.: тип. Упр. Делами Совета министров СССР, 1947. 392 с.
2. *Кобак И. В.* Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 2. С. 142—148.
3. *Кучина Т. Г.* К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX вв. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 40—48.
4. *Лиманова С. А.* Палеонтология в письмах: А. Годри — М. Павловой // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle. М., 2013. С. 330—339.
5. *Нижникова Л. В.* Письмо как тип текста. Автореф. дис. на соиск. степ. канд. филол. наук. Одесса, 1991. 17 с.

Bibliography (transliterated)

1. *Varsanof'eva V. A.* Aleksei Petrovich Pavlov i ego rol' v razvitiu geologii. M.: tip. Upr. Delami Soveta ministrov SSSR, 1947. 392 s.

2. Kobak I. V. Pis'ma kak istoricheskii istochnik: zadachi i priemy izucheniiia // Vestnik SPbGU. Ser. 2. 2012. Vyp. 2. S. 142—148.
3. Kuchina T. G. K voprosu ob izuchenii evoliutsii epistoliarnykh istochnikov vtoroi poloviny XIX — nachla XX vv. // Problemy istochnikovedeniia istorii SSSR i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin. M., 1984. S. 40—48.
4. Limanova S. A. Paleontologija v pis'makh: A. Godri — M. Pavlovoi // Frantsuzy v nauchnoi i intellektual'noi zhizni Rossii XIX veka = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle. M., 2013. S. 330—339.
5. Nizhnikova L. V. Pis'mo kak tip teksta. Avtoref. dis. na soisk. step. kand. filol. nauk. Odessa, 1991. 17 s.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18—011—00238 А.

² О разных вариантах классификации писем подробнее см.: Кучина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX вв. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 40—48; Нижникова Л. В. Письмо как тип текста. Автореф. дис. на соиск. степ. канд. филол. наук. Одесса, 1991.

³ Архив РАН (АРАН). Ф. 48. Оп. 1а. Д. 124. Л. 15. Здесь и далее тексты писем приводятся в соответствии с правилами современных орфографии и пунктуации, но с учетом особенностей авторского стиля.

⁴ Речь идет о работе М. В. Павловой: Pavlow M. Les Ammonites du groupe Olcostephanus Versicolor // Bulletin de la Société impériale des naturalistes de Moscou. T. LXII. Moscou, 1886. № 3. P. 27—43.

⁵ Имеется в виду коллекция окаменелостей, собранная геологом П. М. Языковым, и переданная на хранение в музей Горного института.

⁶ АРАН. Ф. 48. Оп. 2а. Д. 56. Л. 1.

⁷ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 270. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 111. Л. 7.

⁹ Там же. Д. 247. Л. 9 об.

¹⁰ АРАН. Ф. 311. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.

¹¹ Там же. Оп. 3. Д. 38. Л. 1 об.

¹² Там же. Д. 24. Л. 2.

¹³ АРАН. Ф. 48. Оп. 2а. Д. 8. Л. 1.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 82. Л. 6.

¹⁵ Там же. Оп. 2а. Д. 4. Л. 1 об.

¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 2 об.

¹⁷ Там же. Д. 41. Л. 5 об.

¹⁸ Там же. Д. 22. Л. 4.

¹⁹ АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 82. Л. 4 об.

²⁰ Там же. Оп. 2а. Д. 98. Л. 6 об.

²¹ Там же. Д. 10. Л. 3.

²² АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 136. Л. 2.

²³ Там же. Д. 24. Л. 2.

²⁴ Там же. Д. 111. Л. 7.

²⁵ Там же. Д. 253. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 15. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 154. Л. 1.

²⁸ Там же. Д. 227. Л. 7.

²⁹ Там же. Д. 24. Л. 32.

³⁰ Там же. Д. 38. Л. 10.

³¹ Там же. Д. 111. Л. 8.

³² АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 82. Л. 3 об.

- ³³ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 6. Л. 2.
- ³⁴ АРАН. Ф. 48. Оп. 2а. Д. 108. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Оп. 2. Д. 84. Л. 6 об.
- ³⁶ Там же. Д. 10.
- ³⁷ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 182.
- ³⁸ Там же. Д. 184.
- ³⁹ Там же. Л. 22.
- ⁴⁰ Там же. Л. 27.
- ⁴¹ Там же. Л. 2 об.
- ⁴² Там же. Л. 22.
- ⁴³ Там же. Л. 34.
- ⁴⁴ АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 70. Л. 1.
- ⁴⁵ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 6. Л. 9.
- ⁴⁶ См., напр.: АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 129; Там же. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 118; Там же. Оп. 2. Д. 27—30.
- ⁴⁷ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 6. Л. 13.
- ⁴⁸ Там же. Д. 184. Л. 9.
- ⁴⁹ Там же. Д. 24. Л. 11 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 22.
- ⁵¹ Там же. Л. 36.
- ⁵² АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 82. Л. 2.
- ⁵³ Там же. Оп. 2а. Д. 128. Л. 3.
- ⁵⁴ См., напр.: АРАН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 113; Там же. Оп. 1а. Д. 148; АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 65.
- ⁵⁵ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 24. Л. 12.
- ⁵⁶ АРАН. Ф. 48. Оп. 2а. Д. 10. Л. 1.
- ⁵⁷ См.: *Варсаноффьева В. А. Алексей Петрович Павлов и его роль в развитии геологии*. М., 1947.
- ⁵⁸ Имеется в виду А. В. Новиков, земский деятель.
- ⁵⁹ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 6. Л. 1—1 об.
- ⁶⁰ АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 84. Л. 7.
- ⁶¹ Там же. Оп. 2а. Д. 120. Л. 2 об.
- ⁶² АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 247. Л. 3.
- ⁶³ Там же. Д. 136. Л. 1.
- ⁶⁴ АРАН. Ф. 48. Оп. 2а. Д. 98. Л. 4 об.
- ⁶⁵ Там же. Д. 34. Л. 1—1 об., Л. 3 об.
- ⁶⁶ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 24. Л. 11.
- ⁶⁷ Там же. Л. 15.
- ⁶⁸ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 3. Л. 1—1об.
- ⁶⁹ АРАН. Ф. 48. Оп. 2а. Д. 98. Л. 12—12 об.
- ⁷⁰ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 247.
- ⁷¹ О значении местоположения автора и адресата в переписке подробнее см.: *Кобак И. В. Письма как исторический источник: задачи и приемы изучения* // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 2. С. 142—148.
- ⁷² АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 184. Л. 6 об.
- ⁷³ АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 5. Л. 1.
- ⁷⁴ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 24. Л. 5 об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 7.
- ⁷⁶ АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 24. Л. 1 об.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 2а. Д. 18. Л. 1.
- ⁷⁸ АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 35. Л. 3 об.
- ⁷⁹ См.: *Лиманова С. А. Палеонтология в письмах: А. Годри — М. Павловой* // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XIX века = *Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en Russie au XIXe siècle*. М., 2013. С. 330—339.

Жизненный путь профессора-физика Александры Андреевны Глаголевой-Аркадьевой (по материалам Архива РАН)

Аннотация: Статья посвящена биографии и научному пути А. В. Глаголевой-Аркадьевой, первой русской женщине-физику, которая получила международное признание в науке. А. А. Глагольева-Аркадьева была не только успешной ученою, но и талантливым педагогом. Много внимания она уделяла также общественной работе, стараясь внедрить научные достижения в повседневную жизнь.

Abstract: The article is devoted to the biography of A. A. Glagoleva-Arkadieva, a first Russian woman physicist, who received international recognition in science. A. A. Glagolieva-Arkadieva was not only a successful scientist, but also a talented teacher. She also paid much attention to public work, trying to introduce scientific achievements into everyday life.

Ключевые слова: А.А. Глаголева-Аркадьева, биография, Архив РАН, личные фонды, физика, Московский университет, лекции.

Keywords: A. A. Glagoleva-Arkadieva, biography, the Archive of RAS, personal funds, physics, Moscow University, lectures.

Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева — первая русская женщина-физик, получившая мировую известность в научном сообществе; одна из первых женщин-профессоров Московского университета.

Родилась 16 (28) февраля 1884 г. в селе Товаркове Тульской губернии в семье сельского священника. В детстве она была очень живым, восприимчивым ребенком. В шесть лет самостоятельно научилась читать и писать и подготовилась к поступлению в среднюю школу в городе Туле. В 1900 г. по окончании школы начала работать сельской учительницей. Почти все свое время отдавала она школьной работе, старалась внести живую струю в преподавание введением дополнительных занятий с детьми — рукоделием и пением. Занятия эти оказывали благотворное влияние на школьников. Число учеников в школе росло с каждым годом.

В 1906 г. Александра Андреевна оставила работу в школе и поступила на физико-математический факультет Московских Выс-

ших женских курсов, после Октябрьской революции 1917 г. называвшихся Вторым Московским государственным университетом.

Необыкновенно сильное впечатление произвела на нее литературная, театральная и политическая жизнь столицы. Она увлекалась Художественным театром, литературными вечерами, бывала в картинных галереях, на политических митингах. Но все это не могло затмить ее огромного интереса к математике, к экспериментальной и теоретической физике.

В 1910 г. Александра Андреевна окончила Высшие женские курсы с дипломом первой степени и была оставлена на физико-математическом факультете ассистентом при кафедре физики. Она чувствовала в себе склонность к научно-педагогической работе и с осени 1910 г. руководила занятиями в общем практикуме по физике. С 1912 г. начала вести занятия еще и в специальном практикуме по физике для подготовки студенток к преподаванию в средней школе¹.

В то время за границей имелась хорошо развитая сеть рентгеновских кабинетов, а в России необходимо было организовывать рентгеновские кабинеты при минимальных возможностях. В начале Первой мировой войны Глаголова-Аркадьева организовала в порядке общественной работы рентгеновский кабинет для военного госпиталя при Высших женских курсах, где работала безвозмездно с группой курсисток до конца войны. В этом кабинете по просьбе Общества изучения и распространения физических наук Александра Андреевна с помощью студенток проводила занятия по рентгенологии для членов Общества. По окончании войны она реорганизовала этот кабинет для преподавания рентгенологии во Втором Московском государственном университете.

На почве совместной работы с военными врачами-рентгенологами Александра Андреевна вела исследования по рентгеностереометрии. Еще во время войны она сконструировала новый измерительный прибор — рентгеностереометр, дававший возможность точно определять местонахождение пуль и осколков снарядов внутри человеческого организма. Первый экземпляр этого прибора демонстрировался в 1916 г. на Первом Съезде рентгенологов и радиологов в Москве. В 1920 г. Научно-технический отдел Высшего совета народного хозяйства ассигновал средства на изготовление нескольких рентгеностереометров Глаголовой-Аркадьевой. Впоследствии они нашли применение в клинической практике для целей акушерства².

Всю свою жизнь Александра Андреевна совмещала педагогическую, научно-исследовательскую и общественную работу. После Октябрьской революции 1917 г. она вела педагогическую работу в Первом и Втором государственных университетах Москвы. В 1918 г. она была переведена на физико-математический факультет Первого МГУ и до 1930 г. вела занятия со студентами в общем практикуме по физике. В 1920 г. по просьбе студентов-медиков она начала читать на медицинском факультете Второго МГУ курс лекций по физическим основам рентгенологии, а в 1924—1929 гг. в Первом МГУ читала несколько обязательных курсов по рентгеновским лучам и их применению. Лекции пользовались неизменной популярностью и привлекали большое количество слушателей из числа врачей и студентов. Ко всем курсам лекций ею были организованы практические занятия.

Надо отметить, что Александра Андреевна обладала настоящим педагогическим талантом, всегда пользовалась огромной любовью и уважением студенчества как прекрасный лектор, чуткий и отзывчивый человек. Она была очень обаятельной благодаря своему живому и деятельному характеру. Лекции читала с предельной ясностью и увлекательностью, умела сделать их интересными для слушателя. И вне лекций она уделяла студентам очень много внимания. К ней всегда охотно обращались ученики за советом по поводу своих работ и с теоретическими вопросами, которые никогда не оставались без ответа.

В 1930 г. был организован 2-й Московский государственный медицинский институт, и Александра Андреевна по конкурсу была избрана профессором, заведующим кафедрой физики. В этом же году она получила предложение взять на себя чтение лекций и ведение преподавания по физике на биологическом факультете Первого МГУ. В то время в ВУЗах происходили постоянные изменения методов преподавания и программ. В первый год работы на биофаке Первого МГУ ею читался один курс общей физики, но уже в следующем году после преобразования биофака в четыре самостоятельных отделения — зоологическое, ботаническое, почвенное и географическое — ей пришлось провести большую организационную работу по выработке четырех отдельных планов преподавания, составлять четыре разные программы. С 1930 г. по 1937 г. Глаголова-Аркадьева заведовала двумя кафедрами физики: в Первом МГУ и 2-м Медицинском институте.

Свою педагогическую работу Александра Андреевна не мыслила иначе, как связанной самым тесным образом с научной деятельностью. Первой была ее работа «О конденсации паров на ионах», затем работа по исследованию движения энергии при полном внутреннем отражении путем наблюдения капиллярных волн на поверхности жидкости³.

В 1919 г. профессор физики Владимир Константинович Аркадьев организовал в Первом МГУ лабораторию электромагнетизма им. Максвелла, руководил которой более четверти века. В этой лаборатории Глаголева-Аркадьева начала вести научно-исследовательскую работу. В июле 1919 г. Александра Андреевна вышла замуж за Владимира Константиновича.

В 1921 г. Александра Андреевна приступила к изысканию нового метода получения электрических волн, лежащих в промежуточной области между самыми короткими электромагнитными волнами и самыми длинными инфракрасными. Многие исследователи в разных странах пытались решить эту задачу в течение двадцати лет. В 1922 г. Глаголева-Аркадьева изобрела и сконструировала новый источник очень коротких Герцевых волн, о котором она докладывала на III Съезде Российской ассоциации физиков в Нижнем Новгороде 19 сентября 1922 г. Этот источник получил название массового излучателя Глаголовой-Аркадьевой и представлял собой смесь непроводящего масла с мелкими металлическими частицами (алюминиевыми опилками). Излучатель обладал значительной энергией излучения и широким диапазоном излучаемых волн, а также отличался простотой в обращении. Работая с этим прибором, Александра Андреевна обнаружила, что он испускает волны различной длины, от 50 мм до 82 микронов. Этот широкий интервал волн Глаголовой-Аркадьевой, называемых ультрагерцевыми или микроволнами, с избытком покрыл промежуток между электрическими Герцевыми волнами в 6 мм и инфракрасными волнами в 343 микрона. Заполнение этого промежутка в спектре электромагнитных колебаний имело большое принципиальное значение как подтверждение единства природы электромагнитных и световых волн, как доказательство основного тезиса теории Максвелла о том, что свет — электромагнитное явление⁴.

Это открытие принесло Глаголовой-Аркадьевой мировую известность и вписало новую славную страницу в историю русской науки. Работа по созданию массового излучателя вызвала огром-

ный интерес во всем научном мире. Из-за границы стали поступать запросы о подробностях устройства нового прибора, о действии полученных волн на живые организмы, на химические вещества и т.д. Работа цитировалась более чем в 100 различных научно-технических журналах Европы и Америки. Массовый излучатель на протяжении почти четверти века постоянно упоминался и описывался в различных руководствах и справочниках и стал предметом многочисленных исследований, особенно за рубежом.

Слава и известность, окружавшие имя Александры Андреевны в связи с открытием нового источника волн, не прекратили дальнейших ее исследований, и вопросу кратчайших электрических волн она посвятила все последующие годы своей научной деятельности.

В период 1925—1926 гг. Глаголева-Аркадьева исследовала распределение энергии излучения в излучающем участке шины массового излучателя, о чем сделала сообщение на V съезде физиков в Москве в декабре 1926 г.

Летом 1928 г. Александра Андреевна была в командировке в Берлине, где посещала заседания Физического общества. По случаю ее приезда в Берлин было организовано совещание по вопросам действия и применения массового излучателя. Осенью того же года она была на съезде естествоиспытателей и врачей в Гамбурге.

В период 1932—1933 гг. Глаголовой-Аркадьевой были получены монохроматические волны от 350 микронов до 9,9 мм путем выделения их из белого излучения массового излучателя с помощью ступенчатой решетки.

В 1933 г. Глаголева-Аркадьева была избрана действительным членом Научно-исследовательского института физики МГУ. В 1935 г. Александра Андреевна была присуждена ученая степень доктора физико-математических наук без защиты диссертации. В этом же году она организовала научно-исследовательскую лабораторию при кафедре физики во 2-м Медицинском институте, где под ее руководством ассистенты кафедры вели научно-исследовательскую работу по мощности излучения массового излучателя, в зависимости от размеров и формы частиц в смеси, по определению нижней границы спектра массового излучателя. В его спектре были найдены три основных волны: одна, возбуждаемая электрическими колебаниями отдельных металлических частиц, другая частицами, колеблющимися попарно, и третья колебаниями цепочек частиц. Сама Александра Андреевна

проводила работу по выделению из спектра массового излучателя полос различной ширины с помощью сетчатых фильтров. Это был новый оригинальный метод, до нее никем не применявшийся⁵.

Большая педагогическая работа в период с 1930 г. по 1939 г. тяжело отразилась на здоровье Александры Андреевны. В 1937 г. по настоянию врачей она оставила кафедру физики во 2-м Медицинском институте, взяв на себя обязанности консультанта в основанной там научной лаборатории, а в 1939 г. оставила кафедру физики во Втором МГУ. Таким образом, отдав педагогической работе в общей сложности тридцать девять лет своей жизни, Александра Андреевна только в 1939 г. в возрасте пятидесяти пяти лет сосредоточилась целиком на научно-исследовательской работе в лаборатории им. Максвелла.

Во время Великой Отечественной войны Глаголева-Аркадьева начала работать в Академии наук СССР. В июле 1941 г. по постановлению Правительства СССР была эвакуирована из Москвы в Казань Секция по научной разработке проблем электросвязи АН СССР, с которой выехал муж Александры Андреевны Владимир Константинович Аркадьев. Вместе с ним выехала в Казань и Александра Андреевна. Там она была зачислена старшим научным сотрудником АН СССР. В Казани под ее непосредственным руководством и при личном участии начались работы по изучению свойств массового излучателя с целью повышения его мощности.

Стремясь облегчить положение бойцов на фронте, Александра Андреевна предложила использовать энергию зимнего холодного ветра как один из способов борьбы с обморожением. В ткань одежды, в подошву сапог или валенок вплеталась тонкая проволока. Ее можно нагревать током от динамо-машины, которая приводится в действие от ветряка. Чем сильнее ветер, тем сильнее будет прогреваться одежда и обувь бойцов. Такую проволоку можно было нагревать также от аккумуляторов автомобилей, танков, рации, самолетов и т.д.⁶

Ведя большую педагогическую и научную работу, Александра Андреевна находила время еще и на общественную деятельность. В 1910—1914 гг. она участвовала в работе физического кружка при Московских Высших женских курсах. С 1918 г. — со времени организации при кафедрах предметных комиссий — была избрана в Президиум комиссии по физике Второго МГУ, где была сначала секретарем, а затем заместителем председателя Предметной комиссии. В 1925—1930 гг. в порядке общественной работы Глаголева-Аркадье-

ва организовала кафедру физики в Рабочем университете Фрунзенского района Москвы и читала там лекции по физике. В «Свободной аудитории» этого университета она неоднократно выступала с публичными лекциями, имевшими всегда большой успех. В 1930—1934 гг. работала в методическом секторе и месткоме 2-го МГМИ.

В 1936 г. Александра Андреевна участвовала в Оргкомитете по слету женщин-ученых в Москве, организовала выставку научных работ женщин-ученых СССР по разделам физики, математики и астрономии. В 1937 г. была выбрана делегатом от Московского комитета женщин-ученых на слет в Ленинграде. Кроме того, участвовала в делегации ученых, приветствовавших восьмой чрезвычайный съезд Советов. Во время Великой Отечественной войны в 1943 г. Александра Андреевна организовала и в качестве председателя вела Комитет общественниц при Обкоме профсоюза работников высших школ и научных учреждений Московской области⁷.

Последнее публичное выступление Глаголовой-Аркадьевой состоялось 19 декабря 1944 г. на конференции Московского государственного университета «Современные проблемы науки», где она выступала с докладом о последних работах по ультрагерцевым волнам.

Александра Андреевна Глаголова-Аркадьева скончалась 30 октября 1945 г. в возрасте шестидесяти одного года. Похороны состоялись 1 ноября 1945 г. на Новодевичьем кладбище в Москве.

Президент Академии наук СССР академик С. И. Вавилов на заседании 14 января 1946 г., посвященном памяти Александры Андреевны, сказал: «Александра Андреевна принадлежала к тому кругу русских женщин-ученых, которые занимают почетное место в науке. Смерть неожиданно оборвала ее плодотворную деятельность. Образ Александры Андреевны как талантливого ученого, педагога, отзывчивого и чуткого друга останется живым навсегда»⁸.

¹ АРАН Ф. 641. Оп. 6. Д. 133. Л. 37-38.

² Там же. Д. 129. Л. 4-5.

³ Там же. Д. 133. Л. 40-42.

⁴ Там же. Д. 140. Л. 5-6.

⁵ Там же. Д. 133. Л. 57-61.

⁶ Там же. Л. 62-66; Там же. Д. 129. Л. 16-17.

⁷ АРАН Ф. 411. Оп. 3. Д. 273. Л. 6.

⁸ Там же. Ф. 641. Оп. 6. Д. 133. Л. 67-68.

Ю. В. Стеценко

Мать глазами сына (В. П. Подъяпольская в дневниках Н. Н. Подъяпольского)

Аннотация. В статье речь идет о дневниках Н. Н. Подъяпольского, единственного сына первой женщины-гельминтолога В. П. Подъяпольской. В своих дневниках Н. Н. Подъяпольский описывает разные события. Нам было интересно понять, как сначала мальчик, потом юноша, видел свою мать, какое место она занимала в его жизни. Это трагическая история о становлении высоконравственного человека, но, к сожалению, так рано ушедшего.

Abstract: The article considers the diaries of N. N. Podyapolsky, only son of V. P. Podyapolskaya, a first woman helminthology. In his diaries, N. N. Podyapolsky describes various events. We were interested to understand how the young man saw his mother, what place she occupied in his life. This is a tragic story about the formation of a highly moral person, which died before time.

Ключевые слова: В. П. Подъяпольская, дневники, Тропический институт, гельминтология, экспедиции.

Keywords: V. P. Podyapolskaya, diaries, Tropical Institute, helminthology, expeditions.

У российского читателя недавно появилась возможность ознакомиться с книгой Й. Хелльбека «Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи»¹ [3]. Автор, профессор факультета истории Ратгерского университета, в течение многих лет работал в российских архивах. Он неоднократно посещал Народный архив² в Москве, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский Государственный Архив литературы и искусства (РГАЛИ), отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (РГБ), фонд Солженицына. Й. Хелльбек разделил личные дневники 1930-х — 1940-х гг. на три группы: дневники интеллигенции («классово чуждых элементов»), дневники самовоспитания и становления (низших слоев, рабочих и крестьян), записи коммунистов.

Практика ведения дневников появилась очень давно. Разные люди разных стран и эпох записывали события, происходящие в их жизни и в жизни общества или ближайшего окружения. Трудно

представить себе человека, у которого никогда не возникало желание выразить личные переживания в дневнике.

В фонде 1592 Архива РАН «Подъяпольского Петра Павловича и Подъяпольской Елены Петровны» сохранились дневники Николая Подъяпольского³. Он был единственным сыном первой женщины-гельминтолога В. П. Подъяпольской, одной из дочерей врача-гипнотерапевта П. П. Подъяпольского.

Дневники Николая Подъяпольского по классификации Й. Хелльбека не что иное, как дневники становления личности, ее самосовершенствования.

Эти дневники представляют собой шесть блокнотов. Самый ранний из них имеет название «Похождения ребят в 1934 г. или на Кавказе». Записи сделаны чернилами разных цветов, карандашом. Текст часто сопровождается карандашными зарисовками, иллюстрирующими некоторые события, фотографиями, сделанными самим автором, вырезками из газет.

По содержанию дневники Н. Н. Подъяпольского неоднородны. В них, кроме впечатлений от происходящих в жизни событий, встречаются стихотворения, самостоятельно составленные слова-рики армянских слов с переводом их на русский язык, рассказ об эвакуации сестер Ивановских (Подъяпольских. — Ю.С.) из Москвы, частушки и т.д.

В дневниках Н. Н. Подъяпольского образ матери, В. П. Подъяпольской представлен весьма скромно, неярко. Ей он посвятил не очень много страниц своего дневника. Но за немногословием ощущается единение, незримые нити, соединяющие двух самых родных друг другу людей — матери и сына.

В. П. Подъяпольская родилась в 1892 г. в Саратове. В 1918 г. окончила Медицинский факультет Высших женских курсов в Москве с отличием, получив звание лекаря. По окончании «поступила ординатором в 7-ой советский эпидемический лазарет для красноармейцев и военнослужащих, где имела дело с возвратным и сыпным тифом (переболела и тем, и другим). По закрытии лазарета в январе 1920 г. и до осени 1922 г. работала последовательно (и частично одновременно) в следующих учреждениях: ординатором в Падовском санатории для туберкулезных больных (Балашовский район, Саратовская область), заведующей I легочной амбулаторией в Саратове, ординатором

госпиталя терапевтической клиники Саратовского университета им. Чернышевского»⁴ [1, С. 140].

В 1922 г. В. П. Подъяпольская переезжает в Москву и начинает обучение на курсах по гельминтологии и паразитологии под руководством К. И. Скрябина⁵.

В это время В. П. Подъяпольская знакомится с Н. Н. Васильевским, врачом. В 1924 г. у В. П. Подъяпольской родился сын Николай. В свидетельстве рождения ребенка⁶ в графе «родители» указана только мать.

Варвара Петровна после рождения сына не оставила свою работу, и к ней приехала Варвара Андреевна, мать, помогать ей с ребенком. С младенчества Коля отличался прекрасным здоровьем, замечательным аппетитом и сообразительностью. Варвара Андреевна часто пишет дочери в письмах «...о Коле не беспокойся. Он здоров и весел».

В 1938 г. Николай Подъяпольский был учеником шестого класса школы № 99 Красно-Пресненского района г. Москвы⁷, и жили они с мамой и бабушкой в Большом Новинском переулке. Бабушка Варвара Андреевна рано приучила Колю вести дневник. У мальчика проявились литературные способности. Он писал рассказы, истории и стихи.

Коля хорошо знал, что его мама Варвара Андреевна Подъяпольская работает в Институте тропических болезней. Он знал, в чем заключается ее работа. Почти всегда В. П. Подъяпольская брала сына в экспедиции.

Запись от 27 июня 1939 г.: «Еду на Кавказ в поезде в купе мягкого вагона. Сели недавно, шел страшный дождь, я промочил все ноги, отлежаюсь на верхней полке. В этом купе едут, кроме мамы и меня, мальчик Шура и студентка Лиза»⁸.

«Сфотографировал маму в нашей комнате вечером при керосиновой лампе. Выдержка приблизительно 3 минуты»⁹.

Из дневника 1939—1941 гг.:

«Фотографировать я научился этим летом на Кавказе. Фотографирую уже хорошо, т. е. правильно определяю выдержки. Но печатаю я плохо. С хороших негативов получаются поганые карточки».

«8 сентября 1939 г. Сейчас я поеду обедать в столовую. У мамы отпуск, она в Ессентуках, я живу один».

«12 сентября. Четверг. <...> Весной мама мне подарила "Турист" [фотоаппарат]. На нем я научился фотографировать. А в сентябре мама принесла со службы сломанный дедушкин аппарат "Кодак" размером 13x18. Я его починил и сделался богачом».

«16 октября. Понедельник.

Получил от мамы открытку. В Ессентуках погода плохая. В санатории холодно, так что мама не лечится, а простужается. Неизвестно, почему его не топят? Неужели эти головотяпы — заведующие не могут до этого додуматься? Или испорчено паровое отопление, как у Лены? У Лены на службе тоже не топят, потому что вздумали, глядя на зиму, ремонтировать котлы. Ходил сейчас за дровами. На улице теплее, чем в комнате».

«4 ноября. Суббота.

Кончил читать книгу "Чрезвычайный комиссар". Ее мне подарила к праздникам мама, прислав по почте».

«6 ноября. Понедельник.

Недавно встал и сделал зарядку. Выйдя в кухню, чтобы разжечь примус, я увидел в ручке двери открытку. С одной стороны был плакатный рисунок с надписью "Да здравствует XXII годовщина Великого Октября!" С другой стороны было написано: "Партгруппа, дирекция и местком Тропического Института поздравляют тебя с XXII годовщиной". Тропический институт — место маминой работы. Меня это очень тронуло, тем более, что мама на Кавказе, и я смертельно скучал».

«28 ноября. Вторник.

Сегодня получил письмо от мамы. Она приедет 30-го рано утром».

«2 декабря. Суббота.

30-го ноября в шесть часов утра приехала мама и в тот же день заболела. Когда она встает, у нее начинается головокружение. До сих пор она лежит».

«3 декабря. Воскресенье.

Мама спит (она больна)».

«29 декабря. Пятница.

Мама сидит на кушетке у печки и работает. Это самое теплое место. Наталья Михайловна возится в кухне, готовит обед. Я еще болен. Мама сказала, что она мне разрешит с завтрашнего дня выходить на улицу, если я буду не кашлять. Теперь, когда мне хо-

чется кашлять, я бегу в уборную, чтобы мама не слыхала. Завтра у нас начинаются каникулы. Поэтому я так стремлюсь кончить болеть»¹⁰.

«1940 год.

Новый год я, вероятно, буду встречать в постели. У мамы сидит соавтор по ее книге¹¹ — Капустин [2]».

«2 января. Вторник.

На наших часах без десяти минут полночь. Зеленая занавеска закрывает большое, во всю стену, окно. Мама стелит на кушетке свою постель. Наталья Михайловна что-то шьет. Я пишу дневник за письменным столом».

«13 июня.

Вчера утром проводил маму в Киров. Она вернется дней через десять и в первых числах июля поедет в Кировобад (Ганжа). Может быть, в Кировобад она возьмет и меня. Я говорю "может быть" потому что сейчас очень напряженная обстановка и, в связи с этим, невозможно никуда выехать. Мама едет в экспедицию, ей все-таки смогут достать билет, а мне, вряд ли».

«14 июня.

Скоро десять дней, как кончились испытания в школе, а я все еще не наладил, как следует, порядок дня. Если я не поеду на Кавказ, буду жить все время в Москве и вести такой же образ жизни, то я совершенно не разовьюсь за лето ни в физическом, ни в умственном отношении. <...> К тому же мне без мамы надо сделать много дел: починить примус, отнести в починку две пары ботинок, прибрать комнату».

«25 июня. Вторник.

Через полчаса я еду встречать маму. Она должна приехать в два часа».

«25 марта. Вторник. 1941 г.

Мама больна. У нее воспаление легких. Она лежит в клинике того института, где служит. Я у нее был в воскресенье и пойду завтра. Все уже идет на поправку».

«21 апреля. Понедельник.

Мерно дождь барабанит по крыше. Монотонно гудит испорченный счетчик. В комнате полутемно. Кошка лениво моется. Мама что-то пишет. Перо скрипит. Часы тикают. Гудит счетчик, нагоняя тоску».

«23 апреля. Среда.

Днем уехала мама в санаторий, в Большево. Она болела недавно воспалением легкого и едет, чтобы окончательно поправиться. В Большеве она в этом году уже была в январе. Я ее провожал до самого Большева».

«9 июня. Понедельник

<...> У мамы завтра доклад на тему "Партия" в Марксо-ленинском университете. Она всю зиму проболела и почти там не занималась. Сейчас она усиленно наверстывает пропущенное».

«22 июня 1941 г. Воскресенье.

Сейчас по радио передавали выступление т. Молотова. Молотов сообщил, что сегодня в 4 часа утра немцы, несмотря на имеющийся у нас с ними договор о ненападении, напали на Советский Союз. <...> Мы с мамой слушали это выступление в комнате у Бродских. Яков Исаевич сам нас пригласил, когда по радио сказали, что будет говорить Молотов. Мама думает, что, вероятно, перед нападением на СССР Гитлер договорился с Англией. Я тоже так думаю».

«24 июня. Вторник.

Мы с мамой, к счастью, ошиблись. Англия не только не встала на сторону Германии, но Черчилль даже произнес речь, в которой предлагал СССР техническую и экономическую помощь. <...> Сегодня в 3 часа ночи была объявлена воздушная тревога. Мы с мамой ее проспали. Мама немного позже проснулась от выстрелов, а я еще попозже проснулся от выстрелов и криков Бродских: "Тревога, тревога!"¹²».

Это была учебная тревога, «которая вскрыла множество недостатков в ПВО нашей страны», как пишет Н. Подъяпольский. Началась подготовка жилых домов самими жителями к воздушным налетам. Чердаки очищались от хлама, засыпались песком. Во дворах, где не было бомбоубежищ, рыли «щели» — примитивные убежища в земле.

«30 июня. Понедельник.

<...> В этом году была объявлена подписка на четвертое издание сочинений В. И. Ленина. Мы с мамой подписались. Пока получили 2 тома (Всего 40 томов)»¹³.

1 июля 1941 г. Н. Н. Подъяпольский был мобилизован, как комсомолец, на работы по обороне г. Москвы. Мобилизованные копа-

ли противотанковые рвы в Смоленской и Орловской области, укрепляли берега реки Десны. 7 августа 1941 г. Николай вернулся домой.

«Мама была очень рада. Она, оказывается, не получила от меня ни одного письма, кроме открытки с дороги (потом часть писем пришла). В Москве из нашей семьи остались только мама, Лена и Владимир Константинович. Оля с дочкой, Вера, Эфа, Катюша с Музой и Олегом — все уехали, напуганные бомбардировками в г. Саратов — нашу родину».

«9 сентября 1941 г.

Вчера я белил чердаки (они предохраняются этим от огня). Мама купила две бумажные шторы для светомаскировки. Мы из них сделали одну широкую, да и то хватило только на середину окна (Окно у нас очень большое). Мама хотела на штору наклеить для крепости тряпки. Я наклеил и, кажется, испортил штору. Бумага вся помялась и рвется легче, чем раньше. <...> Я, кажется, не писал, что у Пушки ночью 1/VIII родились три котенка: два сереньких и черненький. Серенькие были котики. Мама назвала их "Тревога" (потемнее) и "Отбой" (посветлее). Черненькую (кошечку) назвали "Ястребок"».

«14 сентября. Воскресенье.

С завтрашнего дня в Москве начнутся занятия в школах. Я теперь буду учиться в 95 школе на ул. Заморенова. <...> Вчера мама мне достала выбранные сочинения М. Горького в своей библиотеке».

«18 сентября.

В ночь с 15/IX на 16/IX я дежурил и снова изучал звездное небо, а потом дома изучал карту неба. То, что мы с мамой считали Марсом, оказалось Юпитером».

«15 октября. Среда.

Мама хочет эвакуироваться из Москвы. Я не хочу, но если она поедет, то придется ехать и мне».

«22 октября. Среда.

Уже целую неделю мы пытаемся эвакуироваться, но, к счастью, пока ничего не получается. Я бы остался в Москве, но мама заявила, что она тогда тоже останется в Москве. Мамино учреждение эвакуируется, а она в нем работала свыше 20 лет и бросать его ей нельзя. Она живет работой и институтом. Поэтому мне придется тоже ехать. <...> Звонила мама и сказала, что надо спешно ехать в Тропин, потому что в 4 часа идет поезд на Ташкент. Ничего хорошего!».

«23 октября. Четверг.

Едем в мягком вагоне, в двухместном купе четыре человека: мама, Лена, я и Анна Ивановна Хованская. <...> Я все-таки надеюсь, что мы вернемся не позже, чем через год. Но мама считает, что за это время в Москве все будет разгромлено».

«24 октября. Пятница.

Сейчас летят аэропланы. Лене и маме все время чудятся немцы, и они дрожат. Обе ночи в поезде они закрывали окно купе чемоданом от стекольных осколков; у страха глаза велики».

«1941. X. 28. Вторник.

Вчера мама, Лена и Анна Иванна (так в тексте — Ю.С.) развели около вагона костер и стали варить картошку. Когда вода стала закипать, Анна Ивановна пошла в купе за другой кастрюлей. Вдруг поезд поехал. Лена вскочила на ходу. Я соскочил и побежал к маме. Поезд шел в обратную сторону. Было ясно, что он маневрирует. Я пошел искать поезд. После долгого лазанья под вагонами и шлепанья по грязи, после того, как я несколько раз терял ориентировку среди множества эшелонов, наш поезд, наконец, нашелся на двадцатом пути. Когда он остановился, я бросился назад. После новых лазаний под и над вагонами, я нашел и привел маму и других отставших. <...> Днем я спал, спросонья поссорился с Леной и мамой, обозвал их дурами, вообще вел себя очень глупо. Конечно, в этом виновато недоедание. Сегодня мы пили только кипяток с сухарями. От этого все не в меру раздражительны. Но мне кажется, что, все-таки, мама с Леной чуть-чуть виноваты в нашей ссоре».

«1941. XI. 4. <...> Стоим на станции Озинки. Мама щелкает семечки. Она прихварывает уж третий день. Тошнота, головокружение и болит живот. Она стала раздражительной и сердится из-за каждого пустяка»¹⁴.

Двадцать три дня добирались до Самарканда. Устроились в одной из комнат местного Тропического института. Николай с интересом рассказывает о местном климате, о «толкучке» — местном базаре, о местной еде — мацони, катыке, чуреках.

«1941. XI. 21. Пятница.

Пишу на новой квартире. Местный Тропин выделил нам комнату в 16 метров квадратных, уплотнив своих сотрудников. <...> Вчера после обеда мама и я ходили в старый город. Пройдя бульвары и Регистансскую улицу, мы вышли на площадь Регистан и лю-

бовались на медресе (духовные училища). Голубая мозаика сверкала на солнце и обветшалые минареты выглядели очень красиво».

«1941. XI. 23. Воскресенье.

Вчера мама подала заявление в Гороно, чтобы меня приняли в десятый класс. Вероятно, с завтрашнего дня начну учиться. <...> Я, в сущности, дневник пишу для себя. Может быть, потом он послужит материалом для повести; может быть, если он сохранится, я буду перечитывать его уже стариком, вспоминая далекие годы, и капли слез будут стекать по очкам, а внуки, ползая у ног с удивлением будут смотреть на расчувствовавшегося старикашку. Но, может быть, у дневника будут читатели, кроме меня, и тогда пусть они знают, что из далекого Самарканда им посыпает привет Коля Подъяпольский»¹⁵.

Самаркандскую школу Коля окончил на все пятерки и на основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3 сентября 1935 г. получил право поступления в высшую школу без вступительных экзаменов¹⁶.

Запись от 15 марта 1942 г.:

«Наверно, я человек, который хороший, когда все хорошо. Как часто я отвечаю людям срыву (так в тексте — Ю.С.), грубо или ленюсь делать какие-нибудь вещи. Конечно, всем сейчас трудно. Нечего это скрывать. Но это не значит, что надо злиться из-за каждого пустяка. Мама очень похудела и состарилась. Ей надоедает однообразная пища. Она не ест суп, потому что он целую неделю один и тот же, или второе, потому что оно не разогрето. По утрам она часто уходит на службу голодная, а вечером не ест, потому что "не любит наедаться на ночь, и лучше поесть утром". Надо бы веселым словом заставить ее покушать, а я ворчу вместо этого и злюсь, что она голодает (кошка Пушки, которую мы бросили в Москве, тоже предпочитала голодать, чем есть то, что ей не хочется)»¹⁷.

«1942. V. 10. Воскресенье.

Вчера маме сделали прививку от брюшного типа. Вечером поднялась температура, страшная ломота и спазмы в ногах, головная боль, слабость. Ночью приняла пирамидон, заснула. С утра t° 36,6. Мама пошла чистить чайник на арык, когда поднималась по лестнице — страшная слабость, головокружение. Успела царапнуться в дверь и потеряла сознание. Это уже сердечная реакция. У мамы никакого негодного сердце. Сейчас она лежит и читает "На острие

ножа” Коробова. Сегодня варили черепаху, которую я нашел на Даргоме. Очень нежное мясо, но страшно мало и нет жира. В общем, вкусно. Мы с мамой ели с удовольствием»¹⁸.

В мае 1942 г. Николай Подъяпольский сдал экзамены на «отлично», получил повестку на приписку в военкомат. В случае негодности к воинской службе, он планировал подавать заявление в Ташкентский университет на геолого-разведочный факультет. В противном случае думал после войны поступать в университет в Москве.

«1942. 4. VI.

<...> 9 ч. 30 м. вечера. Сейчас — большая радость. Из газеты узнал, что мама вступила в партию. Не нравится мне немного, что она об этом ничего не говорила. А видно, что для нее это серьезный шаг потому, как она отвечала. Хотел поцеловать ее крепко, крепко, да постеснялся»¹⁹.

Н. Н. Подъяпольский получил приписное свидетельство с записью о том, что он подлежит призыву осенью 1942 г. В июне 1942 г. Н. Подъяпольский был зачислен лаборантом в Тропический институт. Его работа заключалась в сборе личинок комаров, необходимых для обнаружения лечебных свойств новой комбинации препаратов акрихина и плазмоцита. Место, куда отправилась экспедиция — зараженный малярией Джамбай.

«1942. VII. 18. Суббота.

10-го из Самарканда позвонили по телефону и сказали, что меня вызывают в военкомат. 11-го утром я пешком отправился в Самарканд и через пять часов был в городе. Мама была дома. Она заболела: головокружения, отчаянный понос. Повестку Лена унесла с собой в Тропин (Тропический институт. — Ю. С.). В повестке говорилось, что я 10/VII в 9 ч. Утра обязан явиться в военкомат, а за неявку в срок привлекаюсь к уголовной ответственности. Три дня я ходил в военкомат, пока не выяснил своего положения. Мне сказали, что я могу гулять, но в следующий раз не уезжать из Самарканда без разрешения. Я подал заявление, снялся с учета в Самаркандском горвоенкомате и получил разрешение на выезд. Все это время мама была больна. Я за ней ухаживал, выносил ведра с калом, готовил ей компот, рис, пюре. Пятнадцатого температура ее упала, понос уменьшился, шестнадцатого она пыталась вставать, но остались сильные головокружения».

«29 июля 1942 г.

<...> Читал "Кола Брюньон". Какая прелесть! Я читаю уже второй раз и, хотя содержание помню, читаю с удовольствием. Удивляюсь маме: ей не нравится Colas Brungon, не нравится бравый солдат Швейк, не нравится Тиль Уленшпигель. Она говорит, что понимает значение этих книг, но они далеки ей и скучны. Мама из Самарканда присыпает мне помидоров с нашего огорода. Ну и вкусные же они, хотя и дозревают под постелью. Я убедился, что самые вкусные вещи — краденые и собственные. Покупное не то».

«4 сентября. Пятница.

Маму командировали на две недели в Алма-Ата. Я получил от нее письмо накануне отъезда. Она мне прислала помидоров и семечек с огорода».

10 сентября 1942 г. Н. Подъяпольский делает последнюю запись в своем дневнике: «Меня призывают. К 12 часам я должен явиться в Джамбайский райвоенкомат на разъезд за восемь километром отсюда. Там, вероятно, сразу погрусят в эшелон и отправят на место обучения, где я предварительно еще раз пройду медкомиссию»²⁰.

В. П. Подъяпольская больше не видела своего сына ни живым, ни мертвым. 26 января 1943 г. она получила телеграмму²¹ о том, что Николай скончался в «психолечебнице» от острого менингита и похоронен на кладбище психлечебницы.

Библиография

1. История Подъяпольских: пять поколений в XX веке / Автор—составитель М. Е. Раменская. М.: Время, 2014. 512 с.
2. Подъяпольская В. П., Капустин В. Ф. Глистные болезни человека. М.: Медгиз, 1958. 631 с.
3. Хелльбек Й. «Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи». М.: Новое литературное обозрение, 2017. 424 с.

Bibliography (transliterated)

1. Istoriiia Pod"iapol'skikh: piat' pokolenii v XX veke / Avtor—sostavitel' M. E. Ramenskaia. M.: Vremia, 2014. 512 s.
2. Pod"iapol'skaia V. P., Kapustin V. F. Glistnye bolezni cheloveka. M.: Medgiz, 1958. 631 s.
3. Khell'bek I. «Revoliutsiia ot pervogo litsa: Dnevniki stalinskoi epokhi». M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 424 s.

- ¹ Хелльбек Й. «Революция от первого лица: Дневники сталинской эпохи». М., 2017.
- ² Народный архив был создан в 1988 г. в Московском историко—архивном институте по инициативе Б. С. Илизарова. В 2006 г. документы были переданы в РГАНИ (Российский Государственный архив новейшей истории).
- ³ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 1592. Оп. 1. Д. 660.
- ⁴ Из автобиографии В. П. Подъяпольской 1949 г. Архив Института малярии, паразитологии и тропической медицины (ИМПиТМ). Опубл. в кн. «История Подъяпольских: пять поколений в XX веке / Автор—составитель М. Е. Раменская. М., 2014. С. 140.
- ⁵ Константин Иванович Скрябин (1878—1972) — русский и советский биолог, основатель отечественной гельминтологической науки, академик АН СССР.
- ⁶ АРАН. Ф. 1592. Оп. 1. Д. 662. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л.3.
- ⁸ Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 1. Д. 660. Л. 45.
- ⁹ Там же. Л. 50.
- ¹⁰ Там же. Л. 170—191.
- ¹¹ Подъяпольская В. П., Капустин В. Ф. Глистные болезни человека. М., 1958.
- ¹² АРАН. Ф. 1592. Оп. 1. Д. 660. Л. 195—215.
- ¹³ Там же. Л. 217.
- ¹⁴ Там же. Л. 220—232.
- ¹⁵ Там же. Л. 241—247.
- ¹⁶ Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 1. Д. 662. Л. 9.
- ¹⁷ Там же. Д. 660. Л. 254.
- ¹⁸ Там же. Л. 264.
- ¹⁹ Там же. Л. 269.
- ²⁰ Там же. Л. 269—279.
- ²¹ АРАН. Ф. 1592. Оп. 1. Д. 662. Л. 11, 12.

И.А. Урмина

С.А. Яновская — математика через призму революции¹

Аннотация: В статье на основе архивных документов дан анализ деятельности С.А. Яновской, известного математика, создавшего две научные школы: советской школы истории математики и советской школы математической логики, а также ее жизненного пути от революционерки до известного ученого и профессора.

Abstract: On the basis of archival documents the article analyzes activities of S.A. Yanovskaya, famous mathematician who created two scientific schools: Soviet school of history of mathematics and Soviet school of mathematical logic, as well as its life way from revolutionary to the famous scientist and professor.

Ключевые слова: С.А. Яновская, архивные документы, Коммунистическая академия, математика, логика, философия науки, методология науки, педагогика.

Keywords: S. A. Yanovskaya, archival documents, Communist Academy, mathematics, logic, philosophy of science, methodology of science, pedagogics.

В Архиве РАН хранятся документы о деятельности Коммунистической академии, которая постановлением Президиума ЦИК СССР от 8 декабря 1926 г. была включена в список учреждений, находящихся в ведении Комитета по заведыванию ученой, учебной и литературно-издательской частью ЦИК СССР. Позже, однако, постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 214 от 08.02.1936 г. было принято решение — «в виду нецелесообразности параллельного существования двух академий: Академии наук и Коммунистической академии, и в целях объединения в одном государственном научном центре деятелей науки, признать целесообразным ликвидацию Коммунистической Академии и передачу ее учреждений, институтов и основных работников в Академию наук СССР». Так документальное наследие Комакадемии, которое хранилось в ее Архиве, оказалось в Московском отделении Архива АН СССР. Документы президиума Комакадемии, его отделов, институтов, секций, комиссий обществ, библиотеки, редакций и др. учреждений начали поступать на государственное хранение в

Московское отделение Архива АН СССР после ликвидации Комакадемии в апреле 1936 года, а в целом поступали с 1936 по 1944 гг. и составили Ф.350. Всего в Архив было принято 5146 единиц хранения по 92 описям и актам. Часть дел поступили без описей. В акте приема было отмечено, что в архиве Комакадемии работа по обработке, систематизации и описанию этих материалов не велась. Несколько раз по документам ф. 350 за период с 1938 по 1980 гг. проводилась экспертиза ценности документов, к уничтожению было выделено 2515 дел. В это число входят и 1106 дел, уничтоженных в октябре 1941г., в том числе и часть трудовых списков сотрудников Комакадемии. В результате кропотливой научно-технической обработки документов Ф. 350, начатой в 1985 году, было сформировано 2189 дел за 1918—1936 гг. по трем описям.

В Комакадемии было немало выдающихся женщин, в т.ч. Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай, Р. Люксембург, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, М.Н. Смит-Фалькнер и др. Одной из закончивших Комакадемию в 1929 году была Софья Александровна Яновская (урожденная Неймарк), которая в 1924 году поступила на естественное отделение Института красной профессуры (ИКП) и одновременно посещала математические семинары Д.Ф. Егорова и В.В. Степанова. Еще не закончив институт, в 1925 г. она организовала в МГУ семинар по истории и философии математики для студентов и аспирантов, который посещали такие впоследствии крупные ученые как А.Н. Колмогоров, Л.А. Люстерник, А.О. Гельфонд, П.К. Рашевский, И.В. Арнольд, А.П. Юшкевич. Кроме того, Софья Александровна с 1925 г. преподавала в ИКП математику, а в МГУ — историю и философию математики, поскольку училась, но не закончила математическое отделение Одесских высших женских курсов при Новороссийском университете (в 1917 году она включилась в революционную борьбу, работала в редакции одесской газеты «Коммунист», занималась перевозкой нелегальной литературы через фронт). Она, кстати, в 1919 году вступила в ряды Красной Армии, где сначала была политкрасноармейцем, а затем помощником редактора газеты «Красная армия» в Политуправлении 12-й Армии.

К моменту окончания Института красной профессуры в 1929 году С.А. Яновская полностью определила свои научные интересы: методология, философия и история математики. Первые

научные работы («Категория количества у Гегеля и сущность математики», «Закон единства противоположностей», «Идеализм в современной философии математики») были написаны с марксистских позиций, но содержали глубоко профессиональную оценку материала. Это отношение она сохранила и позже.

Например, в своем докладе «Маркс и Гегель о математике», прочитанного на заседании Математической секции Ассоциации естествознания 21.09. 1931 г.,² С.А. Яновская оценивает расхождение между позициями Гегеля («...с точки зрения Гегеля в математике вообще нет понятия...»³), Энгельса, который «...ставит задачу реконструкции математики орудием материалистической диалектики⁴, и Маркса, который «...ставит перед собой задачу развития нового и старого, ...выяснения связей нового и старого, ...установления взаимоотношения между элементарной и высшей математикой...»⁵. (Речь идет, в том числе, о «Математических рукописях» Маркса, в которых нашли отражение его идеи об использовании дифференциального исчисления для оценки экономических кризисов). В результате она находит, что «У Гегеля есть материалистический момент... Но он не видит, ...какая потребность революционизировать математику, ...относится к математике... с точки зрения того, что она есть количественная наука... Поэтому он считает, что там, где в нее входит нечто такое, что... требует формальной логики, ... там может помочь философия»⁶.

Критикуя логиков Р. Карнапа и Б. Ресселя (доклад С.А. Яновской в Комакадемии 13.11.1930 г. «Критика математической логики»)⁷, Яновская призывает решительно «...отмежеваться от этих, так называемых левых направлений, которые для нас особенно опасны, потому что именно они тянут нас в болото поповщины»⁸. Но далее она прекрасно разбирает базовые понятия формальной логики, раскрывает на примерах аксиомы истинного и ложного, говоря лишь о возникающих противоречиях.

В статье Э. Кольмана и С. Яновской «Гегель и математика» для сборника статей «Гегель и философия марксизма-ленинизма. (К столетней годовщине смерти Гегеля», 1931)⁹ авторы пишут: «Искусственные, мистические и мистифицирующие переходы Гегеля подтверждают и здесь, что идеалистическая диалектика, стремящаяся развить понятия из самой себя, а не отображающая реальные отношения и переходы, движение и развитие материальной

действительности, становится бесплодной благодаря своему идеализму, что никакой другой научной диалектике, кроме материалистической, нет и не может быть»¹⁰. И далее: «Еще большую вину за то, что диалектика Гегеля не оказала никакого влияния на развитие естественных наук и математики, несет ограниченность буржуазных ученых, трактовавших его как «дохлую собаку», так что в результате из творений Гегеля сохранилось и продолжало жить только то, что Маркс и Энгельс, как идеологи пролетариата, извлекли из его теорий и, перевернув с головы на ноги, поставили на службу у пролетарской революции»¹¹. Авторы, опираясь на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, делают выводы о том, что «... советская математика сильна именно тем, что материалистически преодоленная, освобожденная от идеалистического извращения диалектика Гегеля служит ей путеводной нитью, что социалистические принципы планирования, в свою очередь претворяющие в жизнь учения диалектического материализма, дают ей директивы, что новые, все возрастающие в своей численности кадры пролетарского студенчества, выделяющие из себя свежие научные силы, являются ее носителями. ... Так в Советском союзе философия Гегеля материализуется в двояком смысле: по своему содержанию и как массовое деяние, осуществляемое пролетарской диктатурой. Но как таковое она служит порукой тому, что бессмертное зерно также и математических мыслей Гегеля перестанет быть защищенной мистическим покрывалом собственностью привилегированной касты ученых и сделается общим достоянием миллионом трудающихся»¹². История, однако, этого не подтвердила.

С.А. Яновская прекрасно понимала и кадровые проблемы в этой сфере науки. Еще в своей статье «Очередные задачи математиков-марксистов на новом этапе» для сборника «На философском фронте (к XVI партсъезду)», 1930 г.¹³ Яновская С.А. писала о текущих практических проблемах подготовки математических кадров следующее: «Если перелом в сторону практики, сторону марксизма-ленинизма и вообще запоздал в естествознании, то в математике это особенно имело место. Ибо рабочие, даже окончившие рабфаки, самотеком не шли на математические факультеты, несмотря на огромное их значение в деле подготовки кадров, предпочитая гораздо более близкие к непосредственной практике хозяйственного социалистического строительства, втузы. Вполне

понятно поэтому, что организовать орабочение теоретических математических вузов было несоизмеримо труднее, чем технических. Между тем Наркомпрос предпочел выбрать линию наименьшего сопротивления и дошел, наконец, до того, что оставил только около 20 мест для всего приема на 1929/30 учебный год на математическое отделение, хорошо зная, что из этих 20 человек вряд ли дойдут благополучно до конца 7. Какие вузы и втузы можно будет при такой политике хотя бы количественно обеспечить преподавателями математики — об этом, по-видимому, в Главпрофобре не думали». При этом С.А. Яновская была уверена в необходимости математиков-марксистов, методологов, которые используют диалектический материализм в математике, считая, что в царской России «...не было своих Гауссов и Клейнов, почти не было математиков, интересующихся теоретическим естествознанием и работающих в области физики, несмотря на большое количество высокоодаренных математических «голов»¹⁴. Но она указывает на то, что в 1930 году «молодыми советскими математиками, группирующимися вокруг Коммунистической Академии (т.т. Гельфонд, Шнирельман, Понtryгин)» сделаны работы, которыми можно было бы гордиться на европейском уровне¹⁵.

Следует отметить педагогические способности С.А. Яновской, которые она проявила еще в работе семинара по истории и философии математики для студентов и аспирантов. Связав свою жизнь с МГУ, она создала свою научную школу философии математики, прочитала десятки курсов, воспитала десятки учеников, ставших впоследствии известными учеными-математиками. Среди них Е.Б. Дынкин, О.А. Олейник, М.М. Постников, И.Г. Башмакова, Б.В. Бирюков, Е.К. Войшвилло, Д.П. Горский, Л.Е. Майстров, В.Н. Молодший, А.Е. Райк, К.А. Рыбников, Н.И. Стяжкин и др. С 1931 года С.А. Яновская начала работать профессором кафедры истории и философии математики МГУ, а с 1941 по 1943 год была заведующей кафедры высшей алгебры Молотовского Государственного университета (г. Молотов — Пермь), читала там новые для себя курсы, например, высшую алгебру и теорию чисел, помогая студентам и талантливым подросткам найти себя в сложнейшей профессии.

В тезисах доклада С.А. Яновской «Естествознание в Древнем Востоке» (научный руководитель А.А. Максимов) в Инсти-

туте Красной профессуры¹⁶ вполне раскрыты ее методика и стиль преподавания. Она считала, что чем форма изложения материала проще, тем легче донести до слушателей суть содержания излагаемой темы. Например, она пишет: «В основе египетской техники лежит земледелие, и при этом интенсивное... Без интенсификации земледелие в Египте невозможно, при интенсификации же дает значительный прибавочный продукт. С другой стороны, интенсификация земледелия... требует сильной центральной власти,... а условия земледелия... рано делают землю ценностью и превращают ее в частную собственность... все это вместе взятое создает предпосылки крупного земледелия, т.е. резкого классового характера египетского общества и относительно быстрой эволюции хозяйственных форм»¹⁷. Весьма убедительно. И далее Яновская, анализируя математический папирус Ахмеса и его толкование Г. Кантором, предполагает, что египтяне не решали уравнения по уже известным формулам, а использовали «несколько видоизмененный метод попыток, известный под названием одного ложного положения, причем за ложное положение принимается... именно единица — в силу особенностей египетской арифметики (предпочтение дробей с единицей в числителе), что и ввело Кантора в заблуждение»¹⁸. И опять — убедительно!

С.А. Яновская была прекрасным историком, методологом и популяризатором математики, основала в издательстве «Физматгиз» книжную серию «Математическая логика и основания математики», в рамках которой вышли многие основополагающие работы как зарубежных, так и отечественных ученых. Но главным своим трудом она считала издание математических рукописей К. Маркса (перевод, редакция и частичная расшифровка), которые были опубликованы в полном объеме уже после ее смерти в издательстве «Наука» в 1968 г. Следует подчеркнуть высочайший уровень научных работ Яновской, особенно в области математической логики и философии математики. И ведь она стала основателем двух крупных научных школ: советской школы истории математики и советской школы математической логики. Мало кому из ученых это удается.

В Архиве РАН хранится личное дело С.А. Яновской, где находится «...ходатайство Отделения Истории и Философии Академии Наук СССР перед правительством СССР о награждении старшего

научного сотрудника Института философии, доктора физико-математических наук, профессора Софьи Александровны Яновской орденом Трудового Красного Знамени¹⁹. Но не наградили в связи с 50-летием. И вообще не отметили ее заслуги и позже. В статье В.И. Левина²⁰ указано: «Мы видим, что у С.А. Яновской имеются очень большие заслуги перед наукой и высшей школой страны. Почему же страна не воздала ей должное — не присвоила ей никаких почетных научных и педагогических званий, не наградила премиями, не избрала в Академию наук? Ответ очень прост: Софья Александровна была исключительно скромным человеком и никогда не только не предпринимала каких бы то ни было усилий, чтобы такие звания и премии получить, но даже не занималась об этом (в отличие от большинства современников своего круга, активно, а иногда и агрессивно...занимавшихся такой деятельностью). В этих условиях для ее заслуженного награждения требовалось лишь вмешательство одного-двух авторитетных ученых-математиков, осознающих важность сделанного этим человеком и готовых совершить Поступок. К сожалению, таких людей не нашлось, хотя многие крупные ученые-математики (П.С. Александров, А.Н. Колмогоров, А.А. Марков, П.С. Новиков, С.Л. Соболев, И.Г. Петровский и др.) высоко ценили ее профессиональные достижения и относились к ней с глубоким уважением. В связи с этим заметим, что, когда в какой-либо области науки такие люди находились, подобные вопросы решались достаточно просто даже в эпоху Сталина. Например, когда в 1946 г. на Общем собрании Академии наук СССР, обсуждавшем прием новых членов АН, Президент АН академик-физик С.И. Вавилов заявил с трибуны, что ему стыдно, что он — академик, а Л.Д. Ландау — нет, вопрос о членстве Ландау в АН СССР был решен в течение считанных минут».

Есть и другие точки зрения, связанные с участием С.А. Яновской в связи с так называемым «делом академика Н.Н. Лузина». В статье «Очередные задачи математиков-марксистов на новом этапе» для сборника «На философском фронте (к XVI партсъезду)», 1930 г. Яновская пишет: «Если естественников-марксистов у нас ничтожный процент, то среди математиков этот процент особенно низок...Аспиранты математики, если не вслух, то по-тихоньку называли курс истории и философии естествознания...

«красным богословием», а старые профессора т.н. «Московской школы», авторитет которых среди математиков был несокрушим, прилагали все усилия к тому, чтобы спасти «автономию чистой, единой для всех времен и народов» математики от злостных покушений на нее со стороны материалистической философии, не стесняющейся открыто заявлять о своей партийности и классовом, пролетарском характере. Даже слово «товарищ» не имело право гражданства ни в Институте математики и механики, ни в Математическом обществе, ни в его журнале «Математический сборник²¹. Выступая против Лузина²², понимала ли Яновская до конца, какие последствия это повлечет за собой? Цепочка событий после этого свидетельствует лишь о фактах, но не об отношении к ним той, которая поддерживала гонения не только Н.Н. Лузина, приведшие к гибели людей.

Вчитываясь в строчки документов в личном деле С.А. Яновской, понимаешь, в какое бурное революционное время она попала, какие разные периоды жизни ей достались, как много ей пришлось пережить. В ВКП(б) она состояла с 1918 года, а до этого — была в партии эсеров, состояла в подпольном Красном кресте помощи политзаключенным, участвовала в партизанском движении, перевозила через немецкий фронт под Николаевом литературу и инструкции Областкома, была в боях под Макошином на Десне во время гражданской войны, чудом не попав в плен. Но военнообязанной она не была, хотя такому «боевому» списку можно только удивляться.

Проходила ли дальнейшая ее жизнь в такой профессии как математик под « знаменем революции»? Находилась ли С.А. Яновская под давлением обстоятельств? Каким было ее отношение к произошедшим событиям через годы? У тех, кто изучал деятельность С.А. Яновской, единого мнения нет.

Библиография

1. Софья Александровна Яновская — жизнь и судьба. http://e-notabene.ru/pp/article_296.html
2. Против Лузина и лузиновщины (Собрание математиков МГУ) // Фронт науки и техники. 1936. № 7. С. 123—125.

Bibliography (transliterated)

1. Sofia Aleksandrovna Yanovskaya — zhizn i sudba http://e-notabene.ru/pp/article_296.html
2. Protiv Luzina i luzinovshini (Sobranie matematikov MGU) // Front nauki i tekhniki. 1936. № 7. S. 123—125.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00238-А.

² АРАН. Ф. 351. Оп. 2. Д. 62. ЛЛ. 1-39.

³ АРАН. Ф. 351. Оп. 2. Д. 62. Л. 11.

⁴ АРАН. Ф. 351. Оп. 2. Д. 62. Л. 11.

⁵ АРАН. Ф. 351. Оп. 2. Д. 62. Л. 18.

⁶ АРАН. Ф. 351. Оп. 2. Д. 62. ЛЛ. 1-28.

⁷ АРАН. Ф. 351. Оп. 2. Д. 41. Л. 35-36.

⁸ АРАН. Ф. 351. Оп. 2. Д. 41. Л.3.

⁹ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 173. ЛЛ. 126-154.

¹⁰ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 173. Л. 142.

¹¹ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 173. Л. 143.

¹² АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 173. ЛЛ. 153-154.

¹³ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 135. Л. 1.

¹⁴ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 135. Л. 8.

¹⁵ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 135. Л. 9.

¹⁶ АРАН. Ф. 364. Оп. 4. Д. 3. ЛЛ. 39-41.

¹⁷ АРАН. Ф. 364. Оп. 4. Д. 3. ЛЛ. 39, 39 об.

¹⁸ АРАН. Ф. 364. Оп. 4. Д. 3. Л. 40.

¹⁹ АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1931. Л. 12.

²⁰ Софья Александровна Яновская — жизнь и судьба. URL: http://e-notabene.ru/pp/article_296.html (дата обращения 18 апреля 2018 г.).

²¹ АРАН. Ф. 355. Оп. 2. Д. 135. ЛЛ. 1-2.

²² Против Лузина и лузиновщины (Собрание математиков МГУ) // Фронт науки и техники. 1936. № 7. С. 123-125.

Ю. В. Щепанская

Судьба генетика и селекционера Т. В. Ассеевой в контексте истории отечественной биологии

Аннотация: Статья посвящена судьбе и сложному пути в науке ученого-биолога, автора исследований в области генетики, селекции и сортовой систематики картофеля Т. В. Ассеевой — достойной носительнице лучших традиций отечественной генетической школы, заложенных выдающимися российскими учеными во главе с Н. И. Вавиловым. Статья основана на документальных материалах Архива РАН, открывающих новые имена, биографии, страницы жизни отважных исследователей, оставивших свой яркий след в нашей истории.

Abstract: The article is devoted to the life and scientific activity of the biologist T. V. Asseeva, author of studies in the fields of genetics, breeding and varietal potatoes systematics, who inherited the best traditions of native genetic school established by the outstanding Russian scientist N. I. Vavilov. This article is based on the documentary materials of the Archive of RAS, opening the new names, biographies and life histories of native scientific gifted explorers.

Ключевые слова: биология, генетика, селекционная станция, сортовая систематика, картофелеводство, сельское хозяйство, спонтанные мутации, посевы картофеля, генетический анализ, картофельное растение.

Keywords: biology, genetics, breeding station, billet systematics, potato farming, agriculture, spontaneous mutations, potato crops, genetic analysis, potato plant.

История отечественной генетики знает немало прославленных имен выдающихся ученых, посвятивших свою жизнь служению науке, сохранявших верность своим научным принципам и убеждениям, проявившим незаурядное мужество, стойкость и бескомпромиссность в самые драматические периоды, связанные с государственной политической кампанией против генетиков, ставшей одним из самых уродливых явлений прошлого столетия.

Сегодня имена и судьбы истинных героев и мучеников науки, переживших трагедию «лысенковщины», хорошо известны всему миру, их научному подвигу, бесстрашию и несгибаемости посвя-

щены романы, биографические исследования и мемуарная литература, публикации архивных материалов и документальных свидетельств.

Однако и в наше время архивные документальные собрания не устают открывать для нас новые, малоизвестные имена выдающихся ученых, всей своей жизненной позицией доказавших неизменную приверженность однажды выбранному пути в науке.

Таким стойким и целеустремленным, самоотверженным и неутомимым исследователем была Татьяна Васильевна Ассеева — талантливый биолог, долгие годы занимавшаяся исследованиями в области генетики, цитологии и сортовой систематики картофеля. Ее работы положили начало научным основам картофелеводства в СССР, получили заслуженное мировое признание и не утратили актуальность до сегодняшнего дня.

Татьяна Васильевна Ассеева родилась 23 (11) сентября 1895 г. в городе Курске в семье сверхштатного ординатора Курской губернской земской больницы, надворного советника Василия Ивановича Ассеева и его супруги Надежды Николаевны Ассеевой¹.

В 1905 г. поступила в Курскую вторую женскую гимназию. Особенностью гимназии было преимущественное внимание, которое обращалось на качество выполняемых ученицами письменных работ, что положительно сказалось на творческом развитии гимназисток.

Завершив семилетний общеобразовательный курс обучения, Т. В. Ассеева перешла в дополнительный восьмой класс той же гимназии на математическое отделение, «где изучала арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию в объеме курса мужских гимназий ведомства Министерства народного просвещения и получила свидетельство от 13 июня 1913 г. за № 277 с правами домашней наставницы по предмету математика»².

По окончании гимназии в 1913 г. поступила на Высшие сельскохозяйственные Стебутовские курсы в Санкт-Петербурге³.

В 1917 г. Т. В. Ассеева перевелась в Петровскую сельскохозяйственную академию (с 1923 г. — Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева) на факультет растениеводства, который окончила в 1920 г., получив специальность агронома-полевода. Еще в бытность студенткой она поступила на Селекционную станцию при Академии и проработала там с 1917 г. по 1922 г., последо-

вательно выполняя работу сезонной рабочей, счетчицы и практикантки с исполнением обязанностей помощника заведующего. На Селекционной станции она на практике познакомилась с общими методами селекции и генетического анализа под руководством профессора С. И. Жегалова⁴ и специализировалась по селекции картофеля под руководством А. Г. Лорха⁵.

В 1922 г. Т. В. Ассеева поступила на должность ассистента созданной под Москвой Кореневской картофельной селекционной станции⁶. Научных сотрудников не хватало, приходилось принимать деятельное участие в организации работы станции и всех ее питомников. Т. В. Ассеева занималась выведением сортов «Лорх» и «Кореневский», изучением сортовой систематики и принципов определения сортов картофеля.

В то время разработка этих вопросов была насущной необходимостью. Посевы сортового картофеля, даже в семеноводческих хозяйствах, нередко имели до 15—20% примесей, сортовой состав посевов картофеля в стране был совершенно не изучен, отсутствовали руководства по определению сортов, и все вопросы сортовой систематики приходилось решать самостоятельно. Существовавшие на Кореневской селекционной станции коллекции сортов картофеля были в значительной степени перепутаны, их названия не соответствовали определенным сортам. Не оправдались и надежды на зарубежную коллекцию, привезенную А. Г. Лорхом из Германии, Швеции, Дании, Голландии, включавшую более 800 образцов, где один и тот же сорт фигурировал под разными названиями.

Личные наблюдения и научные исследования Т. В. Ассеевой привели ее к выводу, что наиболее постоянными и ясно определяемыми признаками являются качественные различия в окраске клубней, ростков и цветков. На основании этих признаков коллекция была разделена на основные систематические группы, по которым производилось их высаживание в поле. Это позволило установить идентичность отдельных сортов, в значительной мере разгрузить и привести в порядок сортовую коллекцию картофеля.

Работы Т. В. Ассеевой дали свои практические результаты: были установлены характерные признаки наиболее ценных и распространенных сортов картофеля. Их описания и принципы определения были изложены в ее работе 1926 г. «Систематика картофе-

ля и определение сортов»⁷ [1]. Руководствуясь этими признаками и сравнивая изучаемый сорт с сортами коллекции той же систематической группы, можно было проверить и установить заново название сорта. На курсах по апробации, ежегодно проводившихся на станции, Т. В. Ассеева делилась своими знаниями и методикой с агрономами, специалистами опытных учреждений и других работников сельского хозяйства и это знание распространялось по всей стране.

Путем отбора и определения образцов посадочных клубней было начато изучение сортового состава посевов картофеля Московской губернии. Основная масса посевов была представлена пятнадцатью—двадцатью сортами, а в существовавших образцах встречалось немногим более сорока сортов. Только для половины из них удалось установить настоящие названия на основании идентичности их соответствующим сортам коллекции, они нередко встречались в посевах и представляли известную хозяйственную ценность. Остальные сорта не имели идентичных форм, им приходилось давать местные или условные названия. Они имели низкую продуктивность и встречались в качестве постоянных примесей («спутников») в посевах хозяйственно ценных сортов, на которых походили по тем или иным внешним признакам.

Для сорока наиболее распространенных сортов был составлен дихотомический определитель. Из всех сортов определенную хозяйственную ценность имели только семь, составлявших в общей сложности 50% от всего имевшегося клубневого материала. Для них Т. В. Ассеевой были составлены карты распределения по уездам, из которых следовало, что столовые ранние и среднеспелые сорта приурочены преимущественно к районам с песчаной почвой, а поздние заводские разводятся, главным образом, на глинистых почвах в западных районах.

Обследование картофеля Московской губернии позволило выделить особую форму наследственного изменения картофеля — «кудряши», часто встречавшуюся у ряда ценных сортов и снижавшую их продуктивность.

Сегодня результаты этих сортовых обследований представляют только исторический интерес. Но в то время, когда ни селекционные станции, ни семеноводческие хозяйства не могли обеспечить население хорошими сортами, глубокое изучение местного сортово-

вого материала, выделение очагов хозяйственно ценных сортов, их очистка от «спутников» и «кудряшей» имели огромное значение.

Итоги этих работ были изложены Т. В. Ассеевой в 1926 г. в «Трудах Московской областной сельскохозяйственной опытной станции»⁸ [2]. В дальнейшем образцы стали поступать и из других областей. Их определение, наряду с полевым обследованием, положило начало изучению сортового состава картофеля в РСФСР.

Эти исследования в области биологии картофельного растения, позже стали базой для создания приемов получения устойчивых урожаев картофеля.

Работы по систематике сортов картофеля привели Т. В. Ассееву к изучению генетики наиболее важных систематических признаков — антоциановых окрасок клубней, ростков и цветков. Тогда же ею были начаты сбор и изучение вегетативных мутантов картофеля.

Эти два раздела генетических исследований в дальнейшем стали главной темой работ Т. В. Ассеевой. В 1927—1929 гг. она работала в должности младшего ассистента Лаборатории генетики Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (с 1930 г. — Всесоюзный институт растениеводства — ВИР). Здесь под руководством Н. И. Вавилова были созданы первоклассные научные лаборатории и отделы, привлечены к работе многочисленные высококвалифицированные специалисты.

Во второй половине 1920-х гг. Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур организовал сеть периферийных экспериментальных отделений, опытных станций и опорных пунктов в различных почвенно-климатических зонах СССР, где не только обеспечивалось воспроизведение собранных институтом коллекций, но и велись интенсивные экспериментальные исследования новых сортов и местных популяций культурных растений. В 1925 г. было открыто Белорусское отделение Института в совхозе «Лошица-1», занимавшееся изучением ботанических признаков и биологических особенностей большой коллекции культурных и диких видов картофеля. Сортиспытание картофеля с широким использованием коллекции Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур проводилось также и в других опытно-научных учреждениях республики.

2 января 1928 г. специальным решением СНК БССР была создана Центральная картофельная опытная станция, входившая

в состав ВАСХНИЛ в качестве зональной станции. Она размещалась в совхозе «Большая Слепянка» на юго-восточной окраине города Минска. У ее истоков стояли видные белорусские ученые — академики Белорусской академии наук, профессора Г. И. Горецкий и Н. К. Малюшицкий⁹.

Здесь, на картофельной станции в Слепянке Т. В. Ассеева работала в качестве ученого специалиста по генетике и селекции с 1929 г. по 1932 г. Она провела большой цикл исследований по генетике картофеля, впервые фундаментально осветила вопросы о природе спонтанных мутаций, определила возникновение новых морфологических форм в границах сорта, которые отличаются окраской клубней, ростков и цветков у картофеля. Определение природы спонтанных мутаций было одним из выдающихся открытий своего времени, позволившее судить о наличии подобных форм, отличающихся урожайностью, болезнеустойчивостью и другими полезными признаками.

На станции была собрана уникальная по своему составу коллекция, куда вошли 1844 образца культурных и дикорастущих видов картофеля и 160 образцов-представителей местной белорусской флоры, здесь впервые в СССР была применена практика широких селекционно-генетических скрещиваний, и, прежде всего, с фитофторо- и морозоустойчивыми видами.

В 1932 г. Т. В. Ассеева перешла в Научно-исследовательский институт картофельного хозяйства Наркомата земледелия РСФСР, образованный в 1930 г. на базе Кореневской картофельной селекционной станции¹⁰. В этот период ей удалось полнее развернуть работы по генетическому анализу антоциановых окрасок у картофеля, подготовив к 1935 г. исследование «Генетическая природа окраски клубней, ростков и цветков у картофеля»¹¹ [3]. «Немногие опубликованные работы в этой области (исключительно иностранные) были основаны на случайном и скучном материале и выводы были очень противоречивы, — вспоминала Т. В. Ассеева. — Наша работа, основанная на систематически проводимых скрещиваниях (более 200) и на изучении полученных гибридных сеянцев (около 30000), позволила установить, что окраска клубней, ростков и цветков зависит в основном от 7-ми генов, что эти гены относятся к двум комплементарным группам, одна из которых определяет характер пигмента, а другая — его распределение,

и что для каждого гена имеется соответственный дублетный ген. Последнее объясняется тетрапloidной природой картофеля»¹².

Другим разделом генетических исследований Т. В. Ассеевой была работа с вегетативными мутациями картофеля. Изучение собранной ею коллекции спонтанных мутантов, составившей более 250 образцов, позволило выявить целый ряд определяющих закономерностей: химерно-периклинальное строение мутантов, исключительную мутабильность дерматогена, приблизительно равную частоту доминирующих и рецессивных мутаций, подчиненность мутаций закону гомологических рядов.

В литературе того времени преобладало мнение о рецессивном характере мутаций у картофеля. Материалы исследований Т. В. Ассеевой опровергали эти положения: доминирующие мутации в них встречались не реже рецессивных. При этом однородные мутации повторялись у разных сортов, образуя гомологические ряды в полном соответствии с положением, выдвинутым академиком Н. И. Вавиловым.

Работы Т. В. Ассеевой по спонтанным вегетативным мутациям картофеля привлекли большое внимание исследователей к этому вопросу. В более поздние годы появилось множество работ, преимущественно иностранных, посвященных описанию мутантов картофеля, их строению и хозяйственному значению.

«Спонтанные мутации картофеля представляют исключительно ценный объект для решения многих вопросов, связанных с генетикой, эволюцией, онтогенезом, но дают скучный материал для селекции, — писала Т. В. Ассеева. — В этом последнем смысле несравненное преимущество имеют мутации искусственные»¹³.

Т. В. Ассеева не только стала автором первых в нашей стране сортовых определителей картофеля, но и впервые в мировой практике применила рентгеновские лучи для получения у него искусственных вегетативных мутаций. В 1935 г. ею были впервые получены экспериментальные рентгеномутанты и установлен ряд закономерностей искусственного мутагенеза картофеля, изучена его народнохозяйственная ценность. В том же году ей была присуждена ученая степень кандидата сельскохозяйственных наук. В 1936 г. она была утверждена в ученом звании действительного члена Научно-исследовательского института картофельного хозяйства.

Одной из задач, стоявшей перед исследователем, было отыскание природных условий, увеличивающих процент мутаций. В проведенных исследованиях испытывались разная величина посадочных клубней, их разная зрелость, условия проращивания, сроки посадки, влияние кислых и щелочных удобрений. Но частота мутаций при всех воздействиях оставалась постоянной, равной одному проценту. Однако этот отрицательный результат опыта представлял определенный интерес: возникло предположение о внутренних причинах, вызывающих регулярное, периодическое возникновение мутаций.

Опыты по рентгенезации посадочных клубней имели своей первоначальной целью поиск наилучших условий для получения мутаций. Испытывались различные дозы и условия облучения, учитывались изменения в окраске клубней. Рентгенезация красноклубневых сортов дала большое число мутаций в виде исчезновения, ослабления или усиления окраски; белоклубневые сорта при рентгенезации не дали вовсе мутаций окраски клубней. Для того, чтобы с полной достоверностью судить о неравноценности спонтанных и рентгеномутантов, необходима была дальнейшая постановка опытов и исследований в этом направлении. Работы Т. В. Ассеевой по генетике позволяли установить некоторые закономерности и объяснить ряд важных явлений. Однако дальнейшие генетические исследования в нашей стране были прерваны в связи с господствовавшим тогда отрицанием классической генетики.

Во второй половине 1930-х гг. начались преследования генетики и генетиков, носившие политический характер. Генетика объявила буржуазной реакционной наукой. Ей противопоставлялась так называемая передовая мичуринская биология. В 1936 г. и в 1939 г. были организованы дискуссии по вопросам генетики. В поднятой в прессе кампании, возглавляемой Т. Д. Лысенко и И. И. Презентом, генетиков обвиняли в отрицании «мичуринской биологии», изображали носителями буржуазной идеологии, и, наконец, «врагами народа» и политическими противниками советского строя. Многие видные генетики были арестованы, расстреляны, погибли в тюрьмах.

В 1948 г. на августовской сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) Т. Д. Лысенко подверг генетику разгромной критике, объявив ее лженау-

кой. После сессии большинство генетиков и сочувствующих им биологов были уволены, некоторые по несколько месяцев оставались без работы, преподавание генетики в школе и в вузах было запрещено, книги из библиотек были изъяты и уничтожены.

В 1939 г. Т. В. Ассеевой пришлось прекратить дальнейшую разработку генетических исследований и уйти из Института. «Давление на классическую генетику все усиливалось, мои знания и опыт стали ненужными», — писала она в автобиографии¹⁴.

С этого времени она служила науке в качестве художника-ботаника, рисуя для различных опытных учреждений сорта и болезни сельскохозяйственных растений, составляя художественные альбомы и учебные таблицы по биологии, иллюстрируя книги по сельскому хозяйству.

В 1947 г. Т. В. Ассеева сделала попытку вернуться в науку, к любимой работе. Она поступила на кафедру растениеводства Тимирязевской сельскохозяйственной академии в лабораторию люпинов на должность старшего научного сотрудника, затем на временную должность доцента по кафедре генетики. 1 сентября 1948 г., после знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ Т. В. Ассеева была уволена «как не обеспечивающая преподавание генетики на основе мичуринской биологии»¹⁵.

В 1949 г. она устроилась на временную работу в Республиканской научно-исследовательской хмелеводческой станции в поселке Калистово Московской области в качестве старшего научного сотрудника, где прослужила до 1951 г.

В начале 1950-х гг. Т. В. Ассеевой пришлось вернуться к иллюстративной работе, в основном, ботанического характера. В 1951 г. она была принята в качестве художника в Мастерскую декоративного и прикладного искусства Московского отделения Художественного фонда СССР, в 1954 г. перешла на работу в цех по оформлению наглядных пособий Комбината графических работ МОХФ СССР. Ее главное занятие состояло в зарисовке среднерусской флоры. Триста тридцать видов преимущественно травянистых растений вошли в подготовленный ею «Школьный ботанический атлас», изданный в 1964 г. В 1969 г. увидела свет вторая часть атласа «Деревья и кустарники» с иллюстрациями семидесяти видов растений. К третьей части — «Водные растения» Т. В. Ассеева подготовила эскизы пятидесяти видов флоры.

В 1962—1964 гг. Т. В. Ассеева занималась изготовлением оригинальных художественных зарисовок видов растений для Центрально-чernоземного государственного природного заповедника им. проф. В. В. Алексина в Стрелецком районе Курской области для их публикации в «Трудах», путеводителях и др. изданиях заповедника. Эта работа включала акварельные рисунки двух типов: общий вид растения и его отдельные ботанические детали, предназначавшиеся для печати, и цветущие части растений, изображения которых должны были войти в состав уникального флористического альбома заповедника. Т. В. Ассеевой было выполнено более 200 художественных зарисовок местной флоры.

В 1968 г. вышла ее последняя обобщающая работа по генетике картофеля «Вегетативные мутации у картофеля» (в соавторстве с И. М. Яшиной)¹⁶ [4].

Исследования Т. В. Ассеевой по изучению генетики морфологических признаков и вегетативных мутаций у картофеля получили мировую известность и всеобщее признание. 5 апреля 1945 г. она была награждена премией Наркомата земледелия СССР за участие в выведении первых советских сортов картофеля «Лорх» и «Кореневский»¹⁷. В 1970 г. ей была присуждена ученая степень доктора биологических наук по совокупности опубликованных научных работ.

Незадолго до своей кончины Т. В. Ассеева записала: «В настоящее время, в связи с реабилитацией генетики мне бы хотелось вновь включиться в эту науку и в оставшиеся мне годы жизни использовать мой опыт и знания картофельного растения, указывая молодежи на интересные темы и помогая ей в их разрешениях»¹⁸.

В 1956 г., давая оценку Т. В. Ассеевой, ее учитель и научный руководитель А. Г. Лорх писал: «Совмешая в себе опытного ботаника-исследователя и искусного художника, Т. В. Ассеева в течение ряда лет сумела создать из собранной <...> очень большой коллекции сортов картофеля, стройную систему, завершившуюся в виде определителя сортов картофеля — первого для того времени в СССР <...> Не ограничиваясь установлением морфологических групп сортов, Т. В. Ассеева определяла их родственную связь, а также успела выявить происхождение некоторых сортов от других, близких к ним по физиологическим своим свойствам. Весь изученный материал был ею зарисован в красках <...> Работая де-

сятилетиями над сортами картофеля, Т. В. Ассеева шла своей оригинальной стезей и оставила в истории учения о картофеле свою самобытную главу, связанную в основном со всем тем, что улавливается вооруженным и невооруженным глазом. Молодежь она учила видеть то, что чаще остается незамеченным при беглом осмотре объектов»¹⁹.

По мнению доктора сельскохозяйственных наук, профессора Г. В. Гуляева²⁰, работы Т. В. Ассеевой сыграли важнейшую роль в развитии теории и практической селекции: «Приходится только сожалеть, что в течение двадцати последних лет Т. В. Ассеева не имела возможности продолжать экспериментальные исследования по проблеме, в разработке которой она явилась пионером и так много в нее внесла»²¹.

31 августа 1975 г. Татьяна Васильевна Ассеева скончалась в поселке Красково Люберецкого района Московской области, не дожив одного месяца до своего восьмидесятилетия. Она ушла из жизни в том самом подмосковном поселке, где прошли самые плодотворные годы ее научной деятельности, связанные с Кореневской картофельной селекционной станцией и Научно-исследовательским институтом картофельного хозяйства.

Библиография

1. *Asseeva T. V.* Систематика картофеля и определение сортов. М., 1926. 29 с.
2. *Asseeva T. V.* Сортовой состав крестьянских посевов картофеля в Московской губернии. М., 1926. 63 с.
3. *Asseeva T. V., Nikolaeva N. V.* Генетическая природа окраски клубней, ростков и цветков у картофеля. М., 1935. 107 с.
4. *Asseeva T. V., Yashina I. M.* Вегетативные мутации картофеля // Генетика. М., 1968. Т. 4. № 3. С. 145—164.

Bibliography (transliterated)

1. *Asseeva T. V.* Sistematika kartofelia i opredelenie sortov. M., 1926. 29 s.
2. *Asseeva T. V.* Sortovoi sostav krest'ianskikh posevov kartofelia v Moskovskoi gubernii. M., 1926. 63 s.
3. *Asseeva T. V., Nikolaeva N. V.* Geneticheskaiia priroda okraski klubnei, rostkov i tsvetkov u kartofelia. M., 1935. 107 s.
4. *Asseeva T. V., Iashina I. M.* Vegetativnye mutatsii kartofelia // Genetika. M., 1968. T. 4. № 3. S. 145—164.

- ¹ Свидетельство о рождении и крещении Т. В. Ассеевой, выданное Курской духовной консисторией 31 октября 1896 г. // Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. Р.-В. Оп. За. Д. 11. Л. 1.
- ² АРАН. Ф. Р.-В. Оп. За. Д. 11. Л. 2.
- ³ Стебутовские высшие женские сельскохозяйственные курсы были основаны в С.-Петербурге в 1904 г. Обществом содействия женскому сельскохозяйственному образованию. Названы по имени их организатора — ученого-агронома Ивана Александровича Стебута (1833—1923), профессора Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, писателя, общественного деятеля, практика по сельскому хозяйству.
- ⁴ Жегалов Сергей Иванович (1881—1927), русский и советский растениевод, генетик-селекционер, педагог.
- ⁵ Лорх Александр Георгиевич (1889—1980), советский селекционер, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, один из зачинателей селекции и сортоиспытания картофеля в СССР. Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР (1946).
- ⁶ Кореневская картофельная селекционная станция была образована в 1919 г. Ее создание положило начало планомерной научно-исследовательской работе по выведению новых сортов картофеля в Российской Федерации. Инициатором, организатором и научным руководителем станции стал А. Г. Лорх.
- ⁷ Ассеева Т. В. Систематика картофеля и определение сортов. М., 1926. (Моск. обл. с.-х. опыт. станция; Вып. 14).
- ⁸ Ассеева Т. В. Сортовой состав крестьянских посевов картофеля в Московской губернии. М., 1926. (Моск. обл. с.-х. опыт. станция; Вып. 15).
- ⁹ Горецкий Гавриил Иванович (1900—1988), белорусский геолог и географ, в 28 лет избран академиком Белорусской академии наук (1928), репрессирован, с 1930 г. по 1938 г. трижды арестовывался, реабилитирован в 1958 г.; Малюшицкий Николай Кириллович (1872—1929), белорусский и украинский учёный-растениевод и физиолог растений, специалист в области прикладной ботаники, агрохимии, селекции и агротехники сельскохозяйственных культур. Действительный член АН Белорусской ССР (1928).
- ¹⁰ Ныне — Всероссийский научно-исследовательский институт картофельного хозяйства имени А. Г. Лорха.
- ¹¹ Ассеева Т. В., Николаева Н. В. Генетическая природа окраски клубней, ростков и цветков у картофеля. М., 1935. (Труды НИИ картофельного хозяйства; Вып. 9).
- ¹² АРАН. Ф. Р.-В. Оп. За. Д. 18. Л. 3.
- ¹³ Там же. Д. 8. Л. 9.
- ¹⁴ Там же. Д. 18. Л. 4.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Ассеева Т. В., Яшина И. М. Вегетативные мутации картофеля // Генетика. М., 1968. Т. 4, № 3. С. 145-164.
- ¹⁷ Выписка из приказа № 482 по Народному комисариату земледелия СССР от 5 апреля 1945 г. о премировании селекционеров за сорта картофеля советской селекции // АРАН. Ф. Р.-В. Оп. За. Д. 15. Л. 2.
- ¹⁸ АРАН. Ф. Р.-В. Оп. За. Д. 8. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Д. 19. Л. 1.
- ²⁰ Гуляев Григорий Владимирович (1916—2003), советский учёный в области генетики, селекции и семеноводства полевых культур, академик ВАСХНИЛ (1985), заслуженный деятель науки РСФСР (1976).
- ²¹ АРАН. Ф. Р.-В. Оп. За. Д. 22. Л. 24.

Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова

«Она несла в себе какую-то большую волевую энергию»: И.И. Любименко и ее воспоминания о блокаде

Аннотация: Историк и архивист Инна Ивановна Любименко (1878—1959) принадлежала к замечательно образованному поколению русской интеллигенции и была одной из немногих советских женщин-ученых, которые приобрели научную известность еще в дореволюционные годы. Областью ее научных интересов была история России средних веков, история Академии наук и просвещения в России XVIII века.

Abstract: Historian and archivist Inna Lyubimenko (1878—1959) was high up in the Russian intelligentsia. One of the few Soviet women scientists, she became well-known yet before the Revolution. She was an expert in the history of medieval Russia, the Academy of Sciences and the public education of Russia in the 18th century.

Ключевые слова: медиевистика, архивоведение, история Академии наук, Архив Академии наук, блокада.

Keywords: medieval studies, archival studies, history of the Academy of Sciences, Archive of the Academy of Sciences, blockade.

В апреле 2018 г. исполняется 140 лет со дня рождения историка и архивиста — Инны Ивановны Любименко (1878—1959). Она дочь выдающегося ученого-ботаника, академика Ивана Парфеньевича Бородина¹. Ее прадедом со стороны матери, Александры Григорьевны, был декабрист Григорий Абрамович Перетц. В 1899 г. Инна Бородина вышла замуж за ученого-лесовода Владимира Николаевича Любименко², и в науку вошла уже под фамилией мужа. Сама Инна Ивановна со временем стала признанным экспертом в области отечественной и зарубежной медиевистики, специализировавшимся в вопросах русско-английских торговых отношениях XVI—XVIII вв. и истории отечественного просвещения XVIII века. Все ее труды основаны на серьезных архивных исследованиях и содержат много свежих, ценных для науки материалов. И. И. Любименко принадлежала к

замечательно образованному поколению русской интеллигенции и была одной из немногих советских женщин-ученых, которые приобрели научную известность еще в дореволюционные годы.

В 1895 г. Инна Ивановна с золотой медалью окончила одну из лучших женских гимназий Санкт-Петербурга — гимназию кн. Оболенской, получив там же диплом домашней учительницы. И хотя она прошла педагогическую практику в родной гимназии, учителством не увлеклась, решив заниматься наукой³. Как и ее мать когда-то, Инна Ивановна поступила на историко-филологическое отделение Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, где специализировалась по кафедре истории средних веков⁴. Окончив курсы в 1904 г., она по счастливому совету одного из своих учителей, профессора Ивана Михайловича Гревса, уехала во Францию и в течение трех лет занималась в крупнейших европейских центрах исторической мысли: Сорбонне (*la Sorbonne*), Практической школе высших исследований (*École pratique des hautes études*) и Национальной школе хартий (*École nationale des chartes*). В 1908 г. защитила в Сорбонне диссертацию на степень доктора словесных наук (*docteur de l'Université de Paris, mention "Lettres"*) и в том же году получила диплом на звание *“Élève titulaire”* от *École pratique* по секции исторических наук⁵.

О дальнейшей жизни И.И. Любименко узнаем из ее автобиографии, которую она называла «Жизнеописанием»: «Вернувшись в Россию, уехала с мужем в Крым на 5 лет. За это время она написала ряд исторических исследований по истории англо-русских сношений по архивным материалам, изучавшимся во время поездок в Москву и Англию. В 1913 г. делала доклад в Лондоне на Конгрессе исторических наук»⁶.

III Международный конгресс исторических наук, о котором пишет Инна Ивановна, состоялся в Лондоне в апреле 1913 г.⁷. Выступление Любименко на секции «История средних веков и нового времени» касалось русско-английских отношений при Иване IV. Рассказывая о переписке русского царя и английской королевы Елизаветы, она опиралась на обнаруженные ею, никому ранее неизвестные исторические документы по истории Англии и России XVI в.⁸ Доклад стал настоящей сенсацией и принес его автору научное имя.

В дневнике Инна Ивановна написала о конгрессе так: «В работе именно теперь я могу иметь большую компенсацию: она разво-

рачивается, полная интереса, к тому же со временем конгресса моя цена поднялась в научных сферах, на меня даже появился спрос»⁹. Действительно, к ней стали обращаться с просьбой о статье или докладе. Американский историк Джон Франклайн Джеймсон, редактор журнала «The American Historical Review», написал ей 20 мая 1913 г.: «К сожалению, мне не удалось прослушать доклад, с которым Вы выступали на недавнем Международном историческом конгрессе, так как в это же самое время я был занят в другой секции. Но из опубликованных тезисов и отзывов я сделал вывод, что Ваш доклад будет чрезвычайно интересен нашим читателям»¹⁰. Статья И.И. Любименко на английском языке «The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars» появилась на страницах американского журнала в начале 1914 г.¹¹.

С 1914 г. семья Любименко осела в Петрограде: вскоре Инна Ивановна стала ученым корреспондентом Ботанического сада. После революции она учителствовала в школе, трудилась в Центрархиве, читала лекции в Археологическом и Географическом институтах¹². В это время ей было нелегко: революция в стране совпала с «внутренней революцией», когда ухудшилось самочувствие и наступил творческий кризис. «Трудно сейчас жить в этом хаосе разрушения, который грозит оставить голого россиянина на голой России, — записала она в дневнике 16 декабря 1917 г. — Лично я жду всего самого худшего; во мне сочетание большого пессимизма в отношении своего ближайшего будущего, и все-таки, несмотря на все, даже, может быть, вопреки разуму, какого-то внутреннего оптимизма в смысле конечного будущего России. Я склонна думать, что я погибну, но Россия все-таки останется, и потому я очень спокойна. Моя жизнь уже так богата переживаниями, впечатлениями, мыслями, что завершение ее может произойти в любое время без нарушения мировой справедливости, а где-то я все-таки очень устала душевно от всего пережитого»¹³. Справиться с отчаянием помогала работа: с 1920-х гг. научная деятельность Любименко оказалась тесно связанной с Академией наук.

В 1927 г. Любименко вошла в состав Комиссии по истории знаний (КИЗ), во главе которой стоял Владимир Иванович Вернадский. В 1932—1936 гг. она работала в Институте истории науки и техники АН СССР (ИИНИТ) ученым специалистом. В это же время Любименко плотно занялась документами академического архива. Здесь она закончила начатое ранее научное описание «Уче-

ной корреспонденции» Санкт-Петербургской Академии наук за 1766—1782 гг., а с конца 1930-х гг. стала научным сотрудником архива¹⁴. Благодаря усилиям Любименко в научный оборот вошло более 2100 писем зарубежных и отечественных ученых — ценнейший материал по истории российской науки. Сама Инна Ивановна относила себя «к сословию интеллигентных пролетариев», на деле применяла свои знания и опыт работы историка-архивиста. Ее труд в архивной области С.Н. Валк называл «совершенно своеобразным и весьма существенным»¹⁵. В последние годы своей жизни исследовательница особенно интересовалась историей Санкт-Петербургской Академии наук в XVIII веке и вообще историей культуры России того времени.

С 1939 г. И.И. Любименко трудилась старшим научным сотрудником Комиссии по истории АН (КИАН) при Архиве АН СССР¹⁶ и участвовала в написании коллективной монографии «История Академии наук СССР» под редакцией Сергея Ивановича Вавилова. Инна Ивановна подготовила несколько разделов книги: Основание Академии наук, Кунсткамера в XVIII ст., Академия наук в эпоху Эйлера — Палласа (в соавторстве с А.И. Андреевым), Сношения Академии наук с Францией накануне Французской буржуазной революции, Академия наук с 1855 по 1889 г.

В сборнике, который, в конце концов, был опубликован, данных разделов нет, но материалы Любименко и других сотрудников Комиссии вошли в первый том «Истории Академии наук СССР», изданный в 1958 г. под редакцией акад. К.В. Островитянова¹⁷.

В 1935 г. «за труды по русской истории, касающиеся дипломатических и торговых связей между Россией и государствами Западной Европы», Президиум АН СССР присвоил Инне Ивановне Любименко ученую степень доктора исторических наук (без защиты диссертации)¹⁸.

Великая Отечественная война застала Любименко в Ленинграде. Жила она тогда на Петроградской стороне (ул. Профессора Попова, бывшая Песочная, д. 2, кв. 7) и ходила на Васильевский остров в архив, где продолжала работу над «Историей АН СССР». Она провела в военном Ленинграде больше года: с 22 июня 1941 по 12 июля 1942 года, пережив первую страшную блокадную зиму.

16 марта 1942 г. И.И. Любименко поступила в Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ) на должность

старшего научного сотрудника, и в июле 1942 г. вместе с институтом была эвакуирована сначала в Елабугу, а затем в Ташкент. 6 июля 1942 года она написала в дневнике: «Случилось самое трагичное, что со мной могло случиться — приходится уезжать! <...> Одно было желание — умереть здесь, а придется, по всей вероятности, умереть в дороге или на чужбине — самое жуткое. <...> Жуткий конец исключительно интересной, полной и, в общем-то, счастливой жизни»¹⁹.

По возвращении в Ленинград и до 1952 г, до «выхода в отставку», как выражалась сама Инна Ивановна, она работала в Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ). Скончалась И.И. Любименко 14 января 1959 г. на 81-м году жизни. Похоронили ее на Богословском кладбище, рядом с могилами мужа и отца.

На похоронах 17 января 1959 г. Директор Архива АН СССР Г.А. Князев произнес речь в память И.И. Любименко.

Вот отрывок из нее: «Вся жизнь Инны Ивановны прошла в работе и особенно развернулась во второй половине ее жизни в советский период. Знающим ее можно было удивляться ее трудоспособности, а в страшные дни голодной блокады в зиму 1941—1942 года — ее стойкости и выдержанности. Она и в те страшные дни не переставала работать. Работала она в КИАН, приходя в архив, где помещалась тогда комиссия. Я никогда не видел ее удрученной, жалующейся на трудности. Она несла в себе какую-то большую волевую энергию. Она была одна из тех женщин, которые отстояли Ленинград своей стойкостью, организованностью... Жила она на Аптекарском острове в Ботаническом саду и преодолевала путь до архива или до Дома ученых, где столовалась, во всякую погоду, при всяких условиях, нередко под обстрелом, в особенности при переходе через мосты, где негде было укрыться. Помню, с каким юмором она рассказывала, как, возвращаясь к себе, домой, она стояла чуть не до колен в воде от разлившейся по всей площади Льва Толстого воды, фонтанирующей из водопроводных магистралей, поврежденных фугасными бомбами, сброшенными гитлеровскими стервятниками... Кто-то помог ей выбраться из этого образовавшегося озера, и она, вся промокшая, с большим трудом добралась до своего дома.

Об этом она рассказывала нам на следующий день, полная крепкой уверенности в том, что это преходящее, что это надо прео-

долеть, что впереди победа советского народа и освобождение. <...> Как архивист-археограф она читала лекции, доклады о заграничных архивах, о постановке работы в них. О ее научном описании писем ученых XVIII в. я уже упомянул. Дополню здесь одно — только чтобы прочесть тысячи написанных очень часто очень мелким неразборчивым почерком, в большинстве на иностранных языках — этот труд ее нужно признать настоящим научным подвигом.

Таков путь этой представительницы лучшей части старой русской интеллигенции, отдавшей все свои силы, способности и знания советскому государству, советской науке — путь одной из славных советских женщин.

Инна Ивановна до последних дней своей жизни состояла бессменным членом ученого совета Архива АН СССР. Она интересовалась работой нашего семинара и намечала прочесть в нем лекцию-доклад, чтобы поделиться своим более чем полувековым опытом работы в отечественных и зарубежных архивах»²⁰.

Ниже публикуются воспоминания Инны Ивановны Любименко о времени, проведенном ею в блокадном Ленинграде. Авторы надеются, что данная статья будет интересна исследователям истории Академии наук, академического архива, всем неравнодушным к судьбам российских ученых.

[1942—1943 гг.]²¹

«Мне пришлось прожить несколько более года в Ленинграде во время войны и блокады. Оглядываясь назад на это тяжелое, но замечательное время, теперь, когда я по воле правительства живу и работаю в глубоком тылу, я вспоминаю об этом недавнем прошлом с благодарностью судьбе, которая позволила мне стать соучастницей этих замечательных месяцев жизни нашего великого, прекрасного города Петра и Ленина. Много жертв, смертей среди близких и дальних, родных, знакомых, соработников и просто чужих людей, о которых вспоминаешь с болью и грустью в сердце, но сколько героизма, спокойного мужества, стойкого патриотизма, любви к родине, веры в ее светлое будущее, стремления жить и работать на него при всех, хотя бы самых тяжелых условиях!

Жизнь человеческая преходяща и смерть ее неизбежный конец, но геройство человека в годы испытаний — это то прекрасное, светлое, что не каждому из живущих удается ощутить в себе и дру-

гих, и ради чего стоит жить и даже умереть раньше времени; во всяком случае, это дает закалку на всю оставшуюся жизнь, позволяет человеку уважать себя и других.

Не знаю, может быть, моя психика имеет то свойство, что более склонна видеть и ощущать хорошее, чем плохое, но в моей памяти встают, прежде всего, образы героизма людей, часто маленьких, безвестных, но потому особенно трогательных и примечательных. Как не вспомнить мою приходящую домработницу Николаеву, служительнице в БИНе, которая, когда я уделяла ей немного пищи от своего скромного обеда, отказывалась есть ее одна, а уносила есть вместе с мужем и сыном; и ее, и мужа теперь уже нет в живых! Как не вспомнить мою сестру, Т.С. Янкову, которая в 70 лет находила несколько раз достаточно сил, чтобы добираться ко мне в Ботанический институт на Аптекарский остров с 19 линии Васильевского острова: один раз она попала на площади Толстого под жуткую бомбежку, другой раз шла зимой пешком, но в старческом теле ее было достаточно мужества, чтобы все это преодолеть; ее тоже уже нет в живых. Из молодых я близко наблюдала свою племянницу М.А. Бородину²², которая всю тяжелую зиму 1941—1942 гг. трогательно ухаживала за лежавшей в постели матерью, изошряясь заработать, чем было возможно, вплоть до окраски чердаков, и бегать в розысках лишней тарелки супа для матери. Мне удалось увезти ее с собой, и она быстро оправилась от перенесенных лишений, доведших ее до дистрофии.

Самые трудные месяцы: ноябрь, декабрь, январь; месяцы особых продовольственных затруднений; мне приходилось ежедневно в большие морозы ходить пешком обедать с Аптекарского о-ва в Дом ученых на набережной 9-го января²³, часто под артиллерийским обстрелом через Республиканский мост²⁴; люди шли по мосту, а немецкие снаряды свистели над их головами, шли часто с детьми, стариками и очень неохотно подчинялись требованию прятаться. Фашистское хулиганство — стрельба по мирному населению, рождало, я сама это испытала, чувство вызова, психического отпора, подчас неблагоразумного, но такого понятного: «Стреляй, мол, негодяй, а мне на тебя наплевать». То же последнее время и при бомбежках: «Бомби, черт, а я все-таки буду спать!» Если в очередях за пайками часто наблюдались некрасивые картины, если в столовой даже Дома ученых мужчины порой с ястребиным рыв-

ком выхватывали у подавальщиц ту тарелку, которая казалась им полнее, то в узком семейном быту самопожертвование, даже не в пользу самых близких, было довольно обычным явлением.

Все мы оплакиваем преждевременную смерть талантливого ботаника-биновца А.Н. Данилова²⁵, погибшего, несомненно, благодаря тому, что он отказывался улетать без своих братьев. Он не спас их; все трое умерли на одной неделе, но спасаться один он не захотел. А между тем он любил жизнь и очень хотел еще жить и работать, о чем говорил мне незадолго до смерти. Тогда он даже предупреждал меня, что надо руководиться головой, а не сердцем, уговаривал уезжать, не считаясь с родственниками, однако сам он поступил совсем не этому рецепту! NB²⁶!

Вспоминаются мне еще вечера, когда во время бомбежки мы сидели внизу, в кочегарке нашего дома. Не было ни одного случая истерик, криков, слез; все: мужчины, женщины, старики, дети вели себя вполне мужественно, как настоящие советские граждане. А сколько мужества проявлено было нашей молодежью при тушении зажигательных бомб! С какой спокойной твердостью Н.А. Федорова поднималась на чердак во время бомбек; в Володарском районе моя 18-летняя племянница Верочка Дьякопенко с одной из своих молодых сослуживиц потушили за один вечер около десятка бомб. Я застала ее после этого утром мирно спящей. А между тем обстрел был жестокий, и я шла по Пантелеймоновской побитому стеклу.

С весны 1942 г. в Академии наук, где я служу, был организован общий ученый совет словесных институтов, и каждую среду в три часа устраивались заседания с докладами, защитой диссертаций и т.п. Как раз в это время немцы обстреливали Васильевский о-в и даже во время обстрелов, когда слышны были разрывы, порой грохот падающих стен, заседания не прерывались, и все шло нормальным порядком.

В БИНе, когда брошена была бомба, разнесшая большую оранжерею, в Больнице Эрисмана, когда лежала в саду неразорвавшаяся большая бомба, в военном лазарете больницы, когда начиналась бомбейка в то время, когда я читала вслух раненым, все вели себя совершенно正常но, без паники.

Много было бытовых трудностей: рабочие умирали, и некому было их заменить, останавливается водопровод, нарушалась кан-

лизация, не было трамваев, но люди помогали друг другу, как могли и умели.

Я жила сначала совершенно одна в своей квартире, но сколько доброй помощи видела я от своих соседей. В трудные моменты мне помогали достать хлеб, поколоть дрова, просто поддерживали морально теплым участием; <...> отдала свою маленькую комнату людям, пострадавшим от бомбёжек на Выборгской, мы всячески старались идти друг другу навстречу, чтобы облегчать, а не затруднять совместную жизнь. Конечно, были и тяжелые моменты в городе, проявления эгоизма, бандитизма, воровства, их не может не быть в такое время и потому не они характерны для нашего города-героя, а именно общий фон героизма мирного населения, дававший поддержку нашему героическому фронту. Мы все страдали, иные погибли, но мы жили для победы, и мы оказались победителями!»

СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 219. Л. 1. Черновой автограф И.И. Любименко. Рукопись. Карандаш. Авторская правка.

¹ СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 198. Л. 1—2.

² Там же. Л. 3—4.

В. Н. Любименко (1873—1937) — член-корр. АН СССР по разряду биологических наук (ботаника) ФМО с 2 декабря 1922 г.

³ Там же. Д. 197. Л. 1—2 об.; Д. 218. Л. 8 об.—9.

⁴ Александра Григорьевна Перетц-Стефанова, мать И. И., выпускница французского пансиона, училась на Бестужевских курсах уже замужней дамой и матерью. Там же. Д. 218. Л. 6 об.; Д. 197. Л. 3—4.

⁵ Там же. Д. 202. Л. 7 об.—8.

⁶ Там же. Л. 23.

⁷ Jameson J.F. International Congress of Historical Studies held at London // The American Historical Review. 1913. Vol. XVIII. October 1912 to July 1913. P. 686.

⁸ Валк С.Н. Инна Ивановна Любименко // Труды ЛОИИ АН СССР. Л., 1961. Вып.2. С. 485.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 214. Л. 293 об., 295—295 об.

¹⁰ «I was not so fortunate as to hear the paper which you read at the recent International Congress of Historical Studies, having to be in another section at that time; but from the printed summary and from what I have heard regarding it I am convinced that it would be of great interest and value to the readers of this journal». Там же. Д. 259. Л. 1.

¹¹ Lubimenko I. The Correspondence of Queen Elizabeth with the Russian Czars // The American Historical Review. 1914. Vol. XIX. October 1913 to July 1914. P. 525—542.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 4, 23.

¹³ Там же. Д. 214. Л. 320 об.

¹⁴ Указывается примерное время, т.к. сама И. И. Любименко называла разные даты начала официальной работы в академическом архиве: 1937 и 1939 гг. См.: СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 23, 26 об., 28, 30, 32.

- ¹⁵ Валк. С.Н. 1961, 486.
- ¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 26 об.
- ¹⁷ История Академии наук СССР [Текст]: В 3 т. / [Глав. ред. акад. К. В. Острови-
тианов. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958—1964. Т. 1: (1724—1803). 1958.
- ¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 885. Оп. 1. Д. 202. Л. 22 об.; Д. 204. Л. 1, 2.
- ¹⁹ Там же. Д. 214. Л. 359.
- ²⁰ Там же. Д. 208. Л. 3—4.
- ²¹ Датировано по содержанию.
- ²² Бородина Мелитина Александровна (1918—1994), филолог-романист, д.фил.н.
- ²³ Совр. адрес Дома ученых — Дворцовая наб., д. 26. Дом ученых поддерживал
силы ленинградских ученых, зимой 1941/42 г. его столовая была приравнена к
столовым оборонных предприятий и ежедневно обслуживала до 700 научных
работников, которые здесь же получали некоторые ненормированные продук-
ты. См.: Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой отечественной вой-
ны. М.; Л., 1966. С. 103.
- ²⁴ Республика́нский мост, бывший Дворцовый. Открытый в 1916 г., Дворцовый
мост стал Республика́нским в 1917 г., в 1944 г. ему возвратили прежнее истори-
ческое название.
- ²⁵ Данилов Афанасий Николаевич (1879—1942), физиолог растений.
- ²⁶ NB. Увы, он не дождался создания биновского стационара, спасшего жизнь
многим биновцам. В этом замечательном учреждении орудовало несколько
мужественных жен биновцев, работавших с раннего утра до позднего вечера,
чтобы лучше обслужить и накормить научных работников БИНа. В до-стаци-
онаровский период, когда приходилось главным образом существовать за счет
мало поворотливого Дома ученых, не сумевшего вовремя понять, что надо
спасать силы далеко живущих и выдавать им обеды хотя бы на 2 дня, сами би-
новцы, когда организовывались и ходили по очереди, чтобы беречь свои силы.
(Прим. документа).

Л.Д. Бондарь

Муза ученого: супруга академика Е. Ф. Карского (1860—1931) Софья Николаевна Карская

Аннотация: Академик-славист, основоположник белорусских исследований Евфимий Федорович Карский (1860—1931) приобрел в лице своей жены Софьи Николаевны Карской (Степуржинской) не только правильного спутника жизни, но и надежного друга и коллегу с первых лет профессиональной и научной деятельности. Среди личных документов академика Е. Ф. Карского в Санкт-Петербургском отделении архива РАН сохранился блок документов, содержащий биографические сведения о С. Н. Карской и раскрывающий ее роль спутницы жизни Е. Ф. Карского.

Abstract: Academician-slavist, the founder of Belarusian studies Euthymius Fyodorovich Karsky (1860—1931) acquired in the person of his wife Sophia Nikolaevna Karskaya (Stsepurzhinskaya) not only the right life partner, but also a reliable friend and colleague from the first years of professional and research activities. A block of the documents containing biographical information on S. N. Karskaya and revealing her role as a life companion of E. F. Karsky is preserved among the personal papers of academician E. F. Karsky in the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS.

Ключевые слова: академик Е. Ф. Карский, семья Е. Ф. Карского, С. Н. Карская.

Keywords: academician E. F. Karsky, family of E. F. Karsky, S. N. Karskaya.

Имя академика Евфимия Федоровича Карского (1860—1931), российского слависта, еще при жизни признанного коллегами по Отделению русского языка и словесности Императорской академии наук основателем белорусистики, хорошо известно лингвистам и историкам науки. Вместе с тем в фонде Е.Ф. Карского (фонд 292) Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) хранится целый ряд документов, указывающих на ту роль, которую суждено было сыграть в жизни академика его супруге — Софье Николаевне Карской.

В СПбФ АРАН хранится небольшой документ, составленный С.Н. Карской и имеющий авторское название «Мои воспоминания об Ефиме¹ Федоровиче Карском, моем муже»². Здесь С.Н. Карская упоминает о словах учителя Е.Ф. Карского слависта Романа Фёдоровича Брандта (1853—1920), высказанных им по поводу принятия Е.Ф. Карским решения жениться. Р.Ф. Брандт, будучи учителем Е.Ф. Карского в области славяно-русской филологии и руководителем его работ в годы учебы последнего в Нежинском историко-филологическом институте (в 1881—1885 гг.), не прерывал свои отношения с бывшим учеником и впоследствии: сначала в качестве наставника, затем — в качестве коллеги³.

Р.Ф. Брандт пристально и пристрастно следил за научной карьерой своего ученика, а, узнав о намерении Е.Ф. Карского жениться, стал отговаривать его (письмо от 18 декабря 1886 г.): «Ваше сообщение насчет женитьбы, любезный Евфимий Фёдорович, привело меня в некоторое смущение: само по себе, конечно, это дело хорошее, но приготовлению к экзамену⁴ оно может только помешать, а может даже и заставить совсем отказаться от университетской карьеры и погрузиться целиком в школьные уроки». Потому он рекомендовал отложить свадьбу хотя бы до получения магистерской степени, замечая: «Простите, что я, как непрошенный советчик, вторгаюсь в Ваше личное дело, но я бы глубоко жалел, если бы Вы пропали для науки. Особенно же тяжело было бы мне если бы Вы явились на экзамен со слабою подготовкою. В случае, что Вы бесповоротно решились, желаю Вам успеха и счастья, а также желаю, чтобы Вам удалось как-нибудь соединить несоединимое»⁵.

Софья Николаевна пишет в своих воспоминаниях, что ей стали известны эти слова Р.Ф. Брандта (что, между прочим, свидетельствует о взаимном доверии, сразу установившемся между будущими супругами). Следует полагать, что они глубоко тронули ее, поскольку память сохранила их в столь зрелом возрасте⁶. В пометках на полях своих воспоминаний С.Н. Карская пишет: «Между прочим, когда Е[фим] Ф[едорович] собирался жениться, то [Р.Ф. Брандт] оч[ень] отговаривал, боясь, что для науки он тогда погиб. Прочтя это письмо, я решила, что помехой я никогда ему не буду и сдержала слово»⁷. Софья Николаевна стала надежной спутницей и другом академика на долгие годы, о чем говорят ее документы, хранящиеся в СПбФ АРАН.

Как свидетельствует выписка из метрической книги Цыринской (по названию местечка Цырин) Преображенской церкви Новогрудского уезда Минской губернии от 16 июля 1881 г. София Николаевна, в девичестве Сцепуржинская, родилась 13 июля и была крещена 6 августа 1867 г. Ее отца, священника и настоятеля той же церкви, звали Николай Фаддеевич, а мать — Юлия Антоновна⁸.

Из документов СПбФ АРАН узнаем о полученном С.Н. Сцепуржинской (Карской) образовании. Согласно аттестату, выданному 17 июня 1887 г.⁹, Софья Николаевна окончила Минскую женскую гимназию (Виленского учебного округа), изучив следующие предметы и получив следующие оценки. При «отличной нравственности» С.Н. Сцепуржинская была аттестована по предметам: «Закон Божий» — «отлично», «Русский язык и словесность» — «хорошо», «Французский язык» — «достаточно», «Арифметика» — «хорошо», «География» — «очень хорошо», «История» — «хорошо», «Физика и естественная история» — «весьма хорошо», «Педагогика» — «весьма хорошо». Согласно аттестату ей было присвоено звание домашней учительницы по тем предметам, по которым значились хорошие оценки.

Будущие супруги познакомились еще во время учебы Софии Николаевны в гимназии, и это знакомство повлияло на отношение гимназистки к учебе. С.Н. Карская пишет в своих воспоминания: «Мне не хотелось ударить лицом в грязь, я старалась усердно учиться, чтобы получить хороший аттестат»¹⁰. Так, поддержка и влияние в семье Карских изначально оказались взаимными.

Воспоминания сохранили рассказ о знакомстве будущей четы Карских, когда Софья Николаевна обучалась в предпоследнем классе гимназии (т.е. в 1885/86 г.). Первая встреча произошла в деревенской церкви, и, хотя в тот день знакомства не состоялось, Е.Ф. Карский обратил на себя внимание девушки. Некоторое время спустя они встретились снова в доме общих знакомых. Этот вечер, как пишет Софья Николаевна, «решил мою судьбу»¹¹. Евфимий Федорович стал приезжать в гости в семью Сцепуржинских, а при очередной встрече в доме общих знакомых (фамилия которых остается неизвестной), Евфимий Федорович сделал Софии Николаевне предложение. Как мы знаем из писем Р.Ф. Брандта, решение о женитьбе было принято до декабря 1886 г. Свадьбу решили сыграть после того, как Софья Николаевна закончит гимназию.

Свадьба Карских состоялась 12 июля 1887 г. На свадьбе был ограниченный круг гостей: родственники и самые близкие друзья¹².

После свадьбы супруги отправились к месту работы и проживания Е.Ф. Карского — в Вильну и поселились вместе в его наемной квартире с окнами на Вилейку, которая состояла из трех комнат и занимала весь второй этаж небольшого дома¹³.

Как известно, в это время Е.Ф. Карский, помимо преподавания в гимназии, готовился к магистерскому экзамену, публикуясь в «Русском филологическом вестнике». Судя по воспоминаниям С.Н. Карской, время это было непростым: «То и другое было трудно совместить, т[ак] к[ак] гимназические занятия отнимали много времени: каждый день отроков письменные работы, классное наставничество. Временами Е[фим] Ф[едорович] падал духом, т[ак] к[ак] мало оставалось времени для его научных трудов, но его поддерживал его б[ывший] профессор по Нежинскому институту — Брандт Р[оман] Ф[едорович]»¹⁴.

Р.Ф. Брандт стал второй (после Софьи Николаевны; а по хронологии — первой) фигурой в окружении Е.Ф. Карского, поддерживавшего творческие силы и научное вдохновение будущего академика. Помимо воспоминаний С.Н. Карской, об этом свидетельствуют письма Р.Ф. Брандта, относящиеся к виленскому периоду жизни Е.Ф. Карского (1885—1893 гг.). В одном из них (от 19 декабря 1887 г.), рассуждая о подготовке к магистерскому экзамену, Р.Ф. Брандт упоминает и о том, как супруга Е.Ф. Карского могла бы оказать помощь своим знанием французского языка, изученного, как мы знаем из аттестата, в гимназии. В очередной раз учитель поддерживал своего бывшего ученика простыми житейскими советами: «Очень вы меня огорчили известием о том, что хотите отказаться от ученой карьеры, надеюсь, что вы ещё раздумаете. Мне кажется, что Вам нечего отчаиваться, а следует только отложить несколько экзаменов. Занимайтесь себе помаленьку, делайте выписки и перечитывайте их. Французским языком можете заняться даже в виде отдыха, читая с Вашей молодой супругой какие-нибудь романы». Имеются в письмах советы Р.Ф. Брандта и по организации гимназических уроков, которые следовало устраивать таким способом, чтобы меньше нужно было готовиться и читать тетрадей¹⁵.

Супруга и учитель оказали настоящую поддержку ученному¹⁶. Весной 1891 г. Е.Ф. Карский сдал магистерский экзамен на исто-

рико-филологическом факультете Варшавского университета, 24 октября 1893 г. защитил магистерскую диссертацию в Киевском университете св. Владимира¹⁷.

Воспоминания С.Н. Карской о жизни в Вильне (а вместе с ними и весь документ) заканчиваются так: «Е[фим] Ф[едорович] считался выдающимся среди преподавателей, даже директор к нему относился иначе, чем к другим. Мы оба пользовались общими симпатиями»¹⁸. Как сама Софья Николаевна чувствовала себя сопричастной жизни своего супруга на научном поприще, так и окружавшие не отрицали этого.

После защиты Е.Ф. Карским магистерской диссертации супруги переехали в Варшаву в связи с приглашением Е.Ф. Карского в Варшавский университет¹⁹. О жизни С.Н. Карской в Варшаве (1893—1915 гг.) сведений в СПбФ АРАН практически не сохранилось. Вскоре после приезда в Варшаву С.Н. Карская родила второго сына — Сергея (1893—1941) (старший сын — Евгений (1888—1919) родился еще в Вильно), а через год — дочь Наталью (1894—1981).

Имеется также несколько семейных фотографий этого времени. Следует отметить, что атрибуция фотографий семьи в СПбФ АРАН затруднена: авторские подписи имеются лишь на нескольких снимках. Карандашные пометки на оборотных сторонах фотографий были сделаны, вероятно, при передаче документов в архив. Документы в СПбФ АРАН поступили в 1983 г. от Марины Юрьевны Борковской, московской родственницы зятя Е.Ф. Карского — академика Виктора Ивановича Борковского (1900—1982), ученика Е.Ф. Карского, за которого дочь Карских Наталья Ефимовна вышла замуж в 1922 г. Трудно судить, насколько верна эта атрибуция, так как из непосредственных потомков академика Е.Ф. Карского к тому времени были живы только внуки Е.Ф. Карского Сергей Сергеевич (1935—1991) и Татьяна Сергеевна (1921—2002) Карские, а также правнук Е.Ф. Карского, сегодня плодотворный биограф ученого Александр Александрович Карский (род. 1952)²⁰; но, по воспоминаниям А.А. Карского, семья не принимала участия в разборе архива академика.

Необходимо отметить одну выявленную ошибку в атрибуции фотографий. На обороте одного из снимков с изображением молодой женщины имеется надпись «С.Н. Карская» (рис. 1)²¹. Как свидетельствует логотип фотоателье на лицевой стороне, фотография была сделана в Варшаве. Не ставя под сомнение атрибуцию сотрудников

архива, проводивших научно-техническую обработку фонда, эту фотографию трактовали как портрет Софьи Николаевны Карской в варшавский период жизни Карских²². Готовя к публикации воспоминания С.Н. Карской и планируя разместить в работе указанный фотодокумент, автор настоящей статьи обратился к А.А. Карскому за подтверждением правильности атрибуции портретов семьи в фонде академика в СПбФ АРАН. А.А. Карский, сравнив этот фотоснимок с многочисленными портретами С.Н. Карской виленского и варшавского периода из семейного архива, категорически отверг эту атрибуцию. Однозначно можно утверждать одно: этот портрет, изображающий молодую девушку, точно не может быть портретом С.Н. Карской — «умудренной жизнью матери троих детей», согласно определению А.А. Карского, — во время ее проживания в Варшаве. К сожалению, до составителей журнала, в котором были опубликованы воспоминания С.Н. Карской, эта информация не дошла своевременно, и именно эта фотография оказалась размещенной в качестве портрета С.Н. Карской, к тому же с ошибочной датой — 1918 г.²³

На нескольких фотографиях СПбФ АРАН с уверенностью изображена С.Н. Карская во время проживания семьи в Варшаве. Одна такая фотография представляет одиничный портрет С.Н. Карской в полный рост на фоне среднеевропейского пейзажа (рис. 2)²⁴. Надпись на обороте гласит: «Снимал Базинер в Понемуне». Имеется в виду филолог-классик, профессор Варшавского университета Оскар Федорович Базинер (1857—1909), который был неравнодушен к Софье Николаевне. Его эмоциональное частное письмо (открытка) к С.Н. Карской от 9 марта 1906 г. хранится среди прочей корреспонденции в фонде Е.Ф. Карского в СПбФ АРАН²⁵. Упоминание О.Ф. Базинера на обороте фотографии С.Н. Карской позволяет датировать документ временем до 1909 г. В Понемуни, ныне включенной в черту г. Гродно, а также в соседней деревне Мигово, по сведениям А.А. Карского, Карские отдыхали летом во время работы Е.Ф. Карского в Варшавском университете.

Две другие фотографии сделаны в Мигово: на одной из них, датированной обработчиками фонда предположительно 1907 г., определено изображена Софья Николаевна (вместе с сыном Сергеем и дочерью Натальей)²⁶; на другой фотографии примерно того же времени — изображена Наталья и, очень вероятно, также Софья Николаевна²⁷.

После избрания Е.Ф. Карского в члены Академии наук в 1916 г. семья переехала в Петербург. Е.Ф. Карский активно приступил к работе в академии²⁸, и Софья Николаевна, очевидно, не оставалась в стороне. В СПбФ АРАН сохранилось красноречивое свидетельство этого — письмо (подлинник) президента Академии наук Александра Петровича Карпинского (1846—1936) к С.Н. Карской от 19 августа 1925 г. следующего содержания: «Препровождая при сем пригласительный билет и программу юбилейных торжеств Академии наук, обращаюсь к Вам, по поручению Юбилейного комитета при Президиуме Академии наук, с просьбой не отказать принять участие в этих торжествах и оказать содействие комитету при приеме многочисленных иностранных и союзных гостей, которые соберутся в Академии наук 5 сентября с/г. Юбилейная комиссия позволяет себе надеяться на Вашу любезную помочь на этом приеме, заранее принося Вам за нее свою признательность. Прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности. А.[П.] Карпинский»²⁹. Следует иметь в виду, что с февраля 1918 г. сам Е.Ф. Карский состоял членом Комиссии по празднованию двухсотлетнего юбилея Академии наук³⁰.

После переезда Е.Ф. Карского в Петербург он трижды отправлялся в длительные зарубежные научные командировки. Первая такая командировка состоялась в 1918 г. Инициатором выступил сам Е.Ф. Карский, обратившись 11 апреля 1918 г. в ОРЯС с просьбой исходатайствовать у правления Академии наук командировку «для занятий в библиотеках Варшавы, Киева и Нежина». «Со мной следуют, — значится дальше в ходатайстве, — жена Софья Николаевна Карская и дочь Наталья Евфимовна Карская»³¹. Хотя официально эта поездка трактовалась как научная, но одной из важных причин ее было желание спасти семью от голода, разразившегося в те годы в Петрограде. Об этом академик открыто пишет в своей записной книжке, содержащей предварительные заметки к отчету о командировке³². Эта записная книжка была изучена А.А. Карским, а ее фрагменты, относящиеся к пребыванию в первом пункте назначения — Нежине, опубликованы в 2007 г.³³

Таким образом, Софья Николаевна вместе с дочерью, будучи, с одной стороны, вверенной заботе супруга, а с другой стороны — поддерживая его в далеком и длительном (как оказалось впоследствии) пути, отправилась на западные территории. Планировавшая

изначально на три месяца поездка (первоначальное командировочное удостоверение в соответствии с запросом академика было выдано сроком «с 28 (15) мая по 1 сентября (19 августа)» 1918 г.³⁴) затянулась в силу непредвиденных, но объективных и во многом драматичных обстоятельств в общей сложности почти на два года³⁵ (исключая четыре случая кратковременного приезда Е.Ф. Карского в Петроград (в декабре 1918 г., январе, марте и мае 1919 г.) для участия в общих собраниях Академии наук, заседаниях ОРЯС, а также для получения разрешения на продление командировки).

Второй зарубежной командировкой Е.Ф. Карского была поездка для участия в I Съезде славянских географов и этнографов в Праге летом 1924 г.³⁶ Об участии С.Н. Карской в этой поездке сведений в СПбФ АРАН не обнаружено.

В 1926 г. Е.Ф. Карским, пребывавшим тогда в должности директора Кунсткамеры, была предпринята последняя зарубежная командировка по славянским землям, которая оказалась не менее драматичной, чем первая, но не по содержанию, а по своим последствиям³⁷. Как и в первый раз, ученый сам инициировал эту поездку, обозначив следующие цели: «1) установление более прочных научных связей со славянскими учеными и академиями, особенно в отношении книгообмена, 2) уяснение вновь поднятого вопроса об издании славянской энциклопедии, 3) проверка разных рукописных цитат в приготовленной мною к печати «Славянской кирилловской палеографии», 4) наконец, в качестве директора Музея антропологии и этнографии я хотел бы познакомиться с иностранными этнографическими музеями»³⁸. Е.Ф. Карский получил разрешение на командировку на летние месяцы с 15 мая по 1 сентября 1926 г. Участие в командировке Софьи Николаевны засвидетельствовано в командировочном удостоверении: «Академика Е.Ф. Карского сопровождает в качестве секретаря жена его Софья Николаевна Карская»³⁹.

Свидетельством участия С.Н. Карской в заграничных командировках является одна из ее фотографий, хранящихся в СПбФ АРАН. Это небольшой фотоснимок из тех, что делаются на документы. На лицевой стороне — надпись: «S. Karsky. С. Карская» (рис. 3)⁴⁰. Как сообщил А.А. Карский, в семейном архиве есть аналогичные фотографии академика Е.Ф. Карского, также с фамилией прямо поверх фотографии. Очевидно, это снимки для документа на проезд за границу: либо 1918-го, либо 1926-го года.

После смерти супруга Софья Николаевна продолжала поддерживать контакты с академическими кругами и прилагала усилия к сохранению памяти о нем. Очевидно, семья Карских состояла в дружеских отношениях с академиком Борисом Михайловичем Ляпуновым (1862—1943). В память о Е.Ф. Карском в 1931 г. Б.М. Ляпуновым был опубликован некролог в парижском «*Revue des études slaves*»⁴¹, а в 1932 г. — очерк о его жизни и деятельности⁴², который вышел отдельным оттиском в 1932 г. Один экземпляр «Очерка» был подарен Софии Николаевне с посвятительной надписью: «Глубокоуважаемой Софье Николаевне Карской от автора. 13/30 сентября 1932 г.»⁴³

Опять же через Б.М. Ляпунова в следующем 1933 г. С.Н. Карская связывалась с Президиумом Академии наук, чтобы передать в дар портрет Е.Ф. Карского с просьбой поместить его в конференц-зале Академии наук среди портретов других академиков (по возможности, около А.А. Шахматова и Ф.Ф. Фортунатова)⁴⁴. 5 февраля 1933 г. С.Н. Карской было направлено письмо на бланке непременного секретаря, подписанное академиком-секретарем Отделения гуманитарных наук Александром Николаевичем Саймоловичем (1880—1938) (за непременного секретаря) с благодарностью за принесенный ею в дар Академии наук портрет⁴⁵.

Софья Николаевна умерла в возрасте 76 лет: 8 февраля 1946 г в Ярославле, куда она переехала после смерти супруга, чтобы жить в семье дочери Натальи и зятя В.И. Борковского. Причина смерти, как указано в свидетельстве о смерти, выданном отделением ЗАГС по Ярославской области, гипертония и кровоизлияние в мозг⁴⁶.

Последняя по времени из имеющихся в СПбФ АРАН фотографий Софьи Николаевны Карской (не датированная, также сделанная на какой-то документ) (рис. 4)⁴⁷ представляет нам умудренную жизнью, достойную, верную и надежную спутницу большого ученого, с первых дней совместной жизни разделявшую с ним радости и заботы, триумф и трудности, и передавшую потомкам заботу о сохранении памяти о выдающемся человеке⁴⁸.

Библиография

1. *Ljapinov B. Necrologie // Revue des études slaves.* Paris, 1931. Т. 11. Р. 286—289.
2. Бондарь Л.Д. Академик Е.Ф. Карский и его членство в научных обществах (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Диалог культур — 2010: наука в обществе знания: Сборник научных трудов международной на-

- учно-практической конференции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. С. 358.
3. *Бондарь Л.Д.* Академик-славист Е. Ф. Карский как организатор образовательного процесса (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Роль образования в формировании экономической, социальной и мировой культуры: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. СПб., Издательство СПбУУиЭ, 2014. С. 15—18.
 4. *Бондарь Л.Д.* Документы семьи академика Е. Ф. Карского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 31. Минск, 2016. С. 18.
 5. *Бондарь Л.Д., Шишко К.Г.* Великие имена в науке: память об академике Е. Ф. Карском (1861—1931) в наши дни // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века: Сб. научн. трудов участников Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбУУиЭ, 2015. С. 146—150.
 6. *Карская С.Н.* Мои воспоминания об Ефиме Федоровиче Карском / Публ. Л.Д. Бондарь // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 31. Минск, 2016. С. 25—28.
 7. *Карский А.А.* Академик Е. Ф. Карский в Нежине в 1918 году // Література та культура Полісся: сборник научных трудов. Вип. 38. Регіональна історія та культура в сучасних дослідженнях / Відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. Ніжин, 2007. С. 3—14.
 8. *Карский А.А.* Академик Карский // Нёман. 2010. № 9. С. 116—129, № 10. С. 148—170; 2011. № 8. С. 145—177, № 12. С. 232 сл.; 2012. № 3. С. 134—163; 2013. № 3. С. 127—158, № 10. С. 149—162.
 9. *Карский Е.Ф.* К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893 (Отд. отт. из РФВ. 1890—1893. Т. 23, 24, 26—30).
 10. *Ляпунов Б.М.* Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 3. 167—192.
 11. *Рублевская Л.И., Скарабан В.В.* Околонаучный спор [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня: Электронная версия газеты. 2006. № 12.
 12. *Шишко К.Г.* Хроника деятельности Е. Ф. Карского в Петербургской Академии наук по протоколам заседаний Общего собрания и отделений (из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 31. Минск, 2016. С. 29—34.
 13. *Шишко К.Г., Бондарь Л.Д.* Учитель и ученик: профессор Р. Ф. Брандт и академик Е. Ф. Карский (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Роль образования в формировании экономической, социальной и мировой культуры: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. СПб.: Издательство СПбУУиЭ, 2014. С. 165—169.

Bibliography (transliterated)

1. *Ljapunov B.* Necrologie // Revue des études slaves. Paris, 1931. T. 11. P. 286—289.
2. *Bondar' L.D.* Akademik E. F. Karskii i ego chlenstvo v nauchnykh obshchestvakh (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN) // Dialog kul'tur — 2010: nauka v obshchestve znaniiia: Sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskoi akademii upravleniya i ekonomiki, 2010. S. 358.
3. *Bondar' L.D.* Akademik-slavist E. F. Karskii kak organizator obrazovatel'nogo protsessa (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN) // Rol'

- образований в формировании экономической, социальной и мировой культуры: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. SPb., Издательство SPbUUUiE, 2014. С. 15—18.
4. Bondar' L.D. Dokumenty sem'i akademika E. F. Karskogo v Sankt-Peterburgskom filiale Arkhiva RAN // Gistarychna-arkhealagichny zbornik. Vyp. 31. Minsk, 2016. S. 18.
 5. Bondar' L.D., Shishkina K.G. Velikie imena v nauke: pamiat' ob akademike E. F. Karском (1861—1931) v nashi dni // Rol' intellektual'nogo kapitala v ekonomiceskoi, sotsial'noi i pravovoi kul'ture XXI veka: Sb. nauchn. trudov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. SPb.: Izd-vo SPbUUUiE, 2015. S. 146—150.
 6. Karskaia S.N. Moi vospominaniia ob Efime Fedoroviche Karском / Publ. L.D. Bondar' // Gistarychna-arkhealagichny zbornik. Vyp. 31. Minsk, 2016. S. 25—28.
 7. Karskii A.A. Akademik E. F. Karskii v Nezhine v 1918 godu // Literatura ta kul'tura Polissia: sbornik nauchnykh trudov. Vip. 38. Regional'na istoriia ta kul'tura v su-chasnikh doslidzhenniakh / Vidp. red. ta uporiad. G. V. Samoilenko. Nizhin, 2007. S. 3—14.
 8. Karskii A.A. Akademik Karskii // Neman. 2010. № 9. S. 116—129, № 10. S. 148—170; 2011. № 8. S. 145—177, № 12. S. 232 sl.; 2012. № 3. S. 134—163; 2013. № 3. S. 127—158, № 10. S. 149—162.
 9. Karskii E.F. K istorii zvukov i form belorusskoi rechi. Varshava, 1893 (Otd. ott. iz RFV. 1890—1893. T. 23, 24, 26—30).
 10. Liapunov B.M. Ocherk zhizni i deiatel'nosti akademika E. F. Karskogo // Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. 1932. № 3. 167—192.
 11. Rublevskaia L.I., Skalaban V.V. Okolonauchnyi spor [Elektronnyi resurs] // SB — Belarus' segodnia: Elektronnaia versiia gazety. 2006. № 12.
 12. Shishkina K.G. Khronika deiatel'nosti E. F. Karskogo v Peterburgskoi Akademii nauk po protokolam zasedanii Obshchego sobraniia i otdelenii (iz fondov Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN) // Gistarychna-arkhealagichny zbornik. Vyp. 31. Minsk, 2016. S. 29—34.
 13. Shishkina K.G., Bondar' L.D. Uchitel' i uchenik: professor R. F. Brandt i akademik E. F. Karskii (po materialam Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva RAN) // Rol' obrazovaniia v formirovaniii ekonomiceskoi, sotsial'noi i mirovoi kul'tury: Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. SPb.: Izdatel'stvo SPbUUUiE, 2014. S. 165—169.

¹ На протяжении всего документа имя супруга С. Н. Карская употребляется именно в таком нетрадиционном написании «Ефим».

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-21-01014.

² СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58. Опубл.: Карская С.Н. Мои воспоминания об Ефиме Федоровиче Карском / Публ. Л.Д. Бондарь // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 31. Минск, 2016. С. 25—28.

³ Шишкина К.Г., Бондарь Л.Д. Учитель и ученик: профессор Р. Ф. Брандт и академик Е. Ф. Карский (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Роль образования в формировании экономической, социальной и мировой культуры: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. СПб.: Издательство СПбУУиЭ, 2014. С. 165-169.

⁴ В то время Е. Ф. Карский, работая во Второй Виленской гимназии в качестве преподавателя русской словесности, готовился к сдаче магистерского экзамена при самом пристальном внимании к этому и содействии со стороны Р.Ф. Брандта.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 14. Л. 20-21.

- ⁶ Текст воспоминаний был составлен, вероятно, после 1931 г., тогда С. Н. Карской было не менее 63 лет. О датировке документа см.: Бондарь Л.Д. Документы семьи академика Е. Ф. Карского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 31. Минск, 2016. С. 18.
- ⁷ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.
- ⁸ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 59. Л. 1.
- ⁹ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.
- ¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.
- ¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58. Л. 1.
- ¹² СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.
- ¹³ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58. Л. 4—4об.
- ¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58. Л. 4 об.—5.
- ¹⁵ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 14. Л. 23—23 об.
- ¹⁶ Об участии Р. Ф. Брандта в подготовке к магистерскому экзамену см.: Шишкина К.Г., Бондарь Л.Д. Учитель и ученик...
- ¹⁷ Опубл.: Карский Е. Ф. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893 (Отд. отт. из РFB. 1890—1893. Т. 23, 24, 26-30).
- ¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 58. Л. 5.
- ¹⁹ Бондарь Л.Д. Академик-славист Е. Ф. Карский как организатор образовательного процесса (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Роль образования в формировании экономической, социальной и мировой культуры: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. СПб., Издательство СПбУУиЭ, 2014. С. 15-18.
- ²⁰ А. А. Карский подготовил к печати подробную и всестороннюю биографию академика, которая предварительно была опубликовано в научно-популярном формате в журнале Союза писателей Беларуси «Нёман»: Карский А.А. Академик Карский // Нёман. 2010. № 9. С. 116-129, № 10. С. 148-170; 2011. № 8. С. 145-177, № 12. С. 232 сл.; 2012. № 3. С. 134-163; 2013. № 3. С. 127-158, № 10. С. 149-162.
- ²¹ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.
- ²² Именно с такой атрибуцией документ был впервые опубликован на электронной выставке на официальном сайте СПбФ АРАН «Выставка к 150-летию академика Евфимия Федоровича Карского (1860—1931)»: <http://ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/318/>.
- ²³ Бондарь Л.Д. Документы семьи... С. 21.
- ²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.
- ²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 173.
- ²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 63. Л. 3.
- ²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.
- ²⁸ Шишкина К.Г. Хроника деятельности Е. Ф. Карского в Петербургской Академии наук по протоколам заседаний Общего собрания и отделений (из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 31. Минск, 2016. С. 29—34.
- ²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 174.
- ³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 15 об., 21.
- ³¹ СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1076. Л. 20.
- ³² СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 107.
- ³³ Карский А.А. Академик Е. Ф. Карский в Нежине в 1918 году // Література та культура Полісся: сборник научных трудов. Вип. 38. Регіональна історія та культура в сучасних дослідженнях / Відп. ред. та упоряд. Г. В. Самойленко. Ніжин, 2007. С. 3-14.
- ³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

- ³⁵ Судя по протоколам общего собрания АН к активной работе в академии Е. Ф. Карский вернулся с осени 1920 г.
- ³⁶ СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246. Л. 10, 18.
- ³⁷ О последствиях командировки см.: Рублевская Л.И., Скалабан В.В. Около-научный спор [Электронный ресурс] // СБ — Беларусь сегодня: Электронная версия газеты. 2006. № 12.; Бондарь Л.Д. Академик Е. Ф. Карский и его членство в научных обществах (по материалам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН) // Диалог культур — 2010: наука в обществе знания: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. С. 358.
- ³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1151. Л. 22.
- ³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 105. Л. 3.
- ⁴⁰ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 62. Л. 5.
- ⁴¹ Ljapinov B. Necrologie // Revue des études slaves. Paris, 1931. Т. 11. Р. 286-289.
- ⁴² Ляпунов Б.М. Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932. № 3. 167-192.
- ⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 57. Л. 1.
- ⁴⁴ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 132. Л. 42.
- ⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 75 (подлинник); Ф. 2. Оп. 17. Д. 132. Л. 141 (отпуск).
- ⁴⁶ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 59. Л. 3, 4.
- ⁴⁷ СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 62. Л. 6.
- ⁴⁸ Семья Карских — потомки Е. Ф. Карского — один из не столь многочисленных примеров бережного отношения к памяти о своем именитом предке. См. об этом: Бондарь Л.Д., Шишкина К.Г. Великие имена в науке: память об академике Е. Ф. Карском (1861-1931) в наши дни // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века: Сб. научн. трудов участников Международной научно-практической конференции. СПб.: Изд-во СПбУУиЭ, 2015. С. 146-150.

Фантастическая музा Ивана Ефремова

Аннотация: Статья о жене и музе известного ученого-палеонтолога и писателя-фантаста И.А. Ефремова Таисии Иосифовне Ефремовой, их глубокой духовной связи и необыкновенной любви, преодолевшей многие жизненные испытания; ее борьбе за доброе имя мужа после его смерти.

Abstract: The article about the wife and muse of the famous scientist-paleontologist and science fiction writer I.A. Efremov Taisiya Iosifovna Efremova, their deep spiritual connection and extraordinary love, which overcame many trials in life; her struggle for the good name of her husband after his death.

Ключевые слова: История российской фантастики, АРАН, биография Ивана и Таисии Ефремовых.

Keywords: History of Russian fiction, ARAN, biography of Ivan and Taisia Efremov.

Рассказать об этой женщине — Таисии Иосифовне Ефремовой, которую я знаю более двадцати пяти лет, заставило чувство безграничной благодарности к ней после ознакомления с содержанием архива известного российского писателя-фантаста, крупного ученого палеонтолога, доктора биологических наук Ивана Антоновича Ефремова. В 2018 году, 22 апреля исполнилось 110 лет со дня его рождения. В прошлом году Таисия Иосифовна передала в Архив Российской Академии наук значительный объем научной и литературной документации за 1930—1972 гг. Она долгие годы бережно хранила их, не в силах расстаться с тем, что являлось частицей ее мужа. В этом отношении она напоминает вдову знаменитого художника и поэта Максимилиана Волошина Марию Степановну Волошину, которая в одном из писем чете Ефремовых писала: «... пришлося отдать в Пушкинский Дом максины “творческие тетради” — вырвать душу из Дома Поэта. Пережила это с глубоким волнением и большим упадком душевных сил — всё понимая и действуя с полным сознанием необходимости такого акта. И все-таки, по-человечески — очень тяжело»¹.

В биографии И.А. Ефремова, вышедшей в 2013 г., Таисии Иосифовне былоделено определенное место², но описываемая авторами история ее жизни с Иваном Ефремовым, в ряде случаев не

соответствовала истинным событиям. Попробуем изложить эту историю, опираясь на документы, которые писались действующими лицами и основывались на рассказах Таисии Иосифовны. Они не позволяют нам додумывать, предполагать и заблуждаться. Подчеркиваю, что все приводимые здесь цитаты из писем были согласованы с Т.И. Ефремовой.

Будущие супруги Ефремовы познакомились на первомайской демонстрации 1950 г. Она — миниатюрная, бесконечно молодая девушка, недавно работающая машинисткой в Палеонтологическом институте Академии наук. Он — маститый ученый, большой добрый красавец, который трогательно прикрывал ее своим плащом от весеннего дождя. Через два года Ефремов в письме к Тáис, так он ее впервые тогда называл, вспоминал: *«Я встретил Вас после одного очень сложного и трудного дня, с еще более мрачными невеселыми мыслями, чем в стране замков хмурого неба. И вдруг Вы, с милым круглым лицом, хорошенъкая и чуть смущенная с открытым и прямым взглядом ... И маленькие ножки застенчиво переступавшие, когда я сказал что-то шутливое ... Тогда мне стало жаль, что Вы скоро уедете и я еще долго не увижу Вас!»*³. К этому времени И.А. Ефремов известен в науке, как крупный специалист по палеонтологии позвоночных и создатель нового научного направления — тафономии, занявшей прочное место в ряду приграничных дисциплин — геологии и биологии. Позднее за труд «Тафономия и геологическая летопись» в 1952 г. он получил Сталинскую премию. Всего за время научной деятельности Ефремов участвовал в 17 палеонтологических и 14 геологических экспедициях, из которых лично руководил двадцати шестью экспедициями в труднодоступных местах Сибири, Средней и Центральной Азии. А вот в литературе его путь только начинался: в 1944 были изданы первые семь рассказов («Пять румбов», «Встреча над Тускаророй»). Рассказы были посвящены популяризации необыкновенных явлений и научных открытий. На эти книги обратил внимание мастерский литератор Алексей Николаевич Толстой. Будучи уже тяжело больным человеком, Толстой встретился с Ефремовым. Он дал ему рекомендацию для вступления в Союз писателей СССР⁴. Эта встреча оказалась судьбоносной. Когда по состоянию здоровья и административным причинам⁵ в 1959 году Ефремову пришлось оставить Палеонтологический институт, он всецело отдался писательскому творчеству. И на этом поприще также добился блестящих результатов.

Так началась история большой и трудной любви, казалось очень разных людей, разделенных почти двадцатилетней разницей в возрасте. Он был женат, у него подрастал сын Аллан. Но сила взаимного чувства была так велика, что это не помешало им жить в гражданском браке около десяти лет, так как прежняя жена — Елена Домельевна Конжукова не давала согласия на развод. Официально они оформили отношения только после ее смерти в 1962 г.

Она стала для него земным ангелом-хранителем, прообразом героинь его фантастических романов, которые наделялись ее внешними чертами и особенностями характера; перепечатывала и сверяла его научные труды, и часто, во время болезни Ефремова, записывала под диктовку его произведения. Так вторая часть «Дороги ветров. Гобийские заметки», художественный рассказ о Монгольской палеонтологической экспедиции 1946, 1948, 1949 годов была подготовлена благодаря огромной работе Таисии Иосифовны. Сам Ефремов слег с тяжелейшим обострением болезни сердца, неоднократно провоцировавшейся лихорадкой, которую как считали врачи, он подхватил в одной из экспедиций. В посвящение к книге Ефремов написал: «*Другу и участнику работы над книгой в трудный 1955 год. ... Москва, 20 февраля 1957 года*». На ее глазах и с ее помощью были созданы все знаменитые фантастические романы писателя. По свидетельству Таисии Иосифовны, Иван Антонович говорил: «*Я не писатель, я — описатель*». Чтобы написать рассказ, повесть, роман, ему было необходимо вначале его увидеть. Недаром первые его рассказы базировались на личном опыте, почертнутое в десятках палеонтологических и геологических экспедиций. Для фантастических произведений о будущем или о прошлом, писатель пользовался другой основой: на начальном этапе он подбирал типажи героев, картины, рисунки и фотографии тех мест, где происходили события его произведений. Для этого Ефремов просматривал большое количество советских и иностранных иллюстрированных журналов, вырезки из которых составляют значительную часть архива писателя. Так, в 50-е годы, увидев триптих итальянского художника, выставленный в Римской картинной галерее и посвященный древнегреческой гетере Тáис, он рассказал в письме живой любимой Тáис, легенду о жизни и любви легендарной женщины, упомянутой в исторических сочинениях древности. Эта история, озвученная

Ефремовым впервые в 1952 г.⁶, выросла в одно из самых поэтических произведений, посвященного женщине, ее красоте и жизненной силе, роман — «Тáис Афинская», вышедшем в свет в 1972 г. В нем автор сформулировал предназначение такой уникальной женщины: «*Твоя роль в жизни — быть музой художников и поэтов, очаровательной и милосердной, но беспощадной во всем, что касается Истины, Любви, Красоты. Ты должна быть бродильным началом, которое побуждает лучшие стремления сынов человеческих... Через поэтов-художников ты, Муза, должна не давать ручью знания превратиться в мертвое болото*»⁷.

Таисия Иосифовна вспоминает как, написав 2—3 страницы, Иван Антонович спрашивал: — Прочитать тебе?». И когда после прослушивания отрывка она аплодировала указательными пальцами в знак полного одобрения, он немного смущался. Подобная скромность вообще была свойственна ее супругу, писала она позднее: «*При жизни И. Ефремов общался с многими писателями-фантастами. В его библиотеке... есть книги с автографами этих писателей, в которых чаще всего написаны слова благодарности. Некоторые писатели называли И.А. Ефремова своим учителем. Есть книги — Д. Биленкина, А. и Б. Стругацких, Е. Парнова, О. Ларионовой и много других. В те годы литературоведы называли его лидером советской фантастики, каковым себя И.А. Ефремов никогда не считал. В жизни — это был удивительно скромный человек, беседуя с людьми, никогда не подавлял собеседника своими колоссальными знаниями. Стремился всегда помочь человеку, в чем бы эта помощь не выражалась*». Он «... щедро и по-доброму помогал Стругацким, да и не только им — многим людям»⁸. По свидетельству Таисии Иосифовны, после возращения из заключения писателя В.И. Дмитриевского, Ефремов продолжительное время поддерживал его материально, пока тот не встал на ноги.

Ефремов дарил Таисии Иосифовне все написанные им книги со строками благодарности за ее участие в их создании. Приведем некоторые особенно трогательные посвящения. На романе «Туманность Андромеды» Ефремов написал: «*Моему дорогому человеку помощнику..., начавшей с записи картины в Совете Астронавтики. Москва, 3/ XII 58*». Объясняя мне эту надпись, Таисия Иосифовна рассказала, что, поехав в санаторий в Большево, Иван Антонович необыкновенно воодушевленный глубоким звездным

небом Подмосковья, спросил, есть ли у них бумага. Нашелся небольшой блокнотик, в котором она записала первые строки романа «Туманность Андромеды» — историю астронавта, оставшегося в одиночестве на Черной планете. Позже на даче в подмосковном академическом поселке Мозжинка были написаны большие куски текста романа.

На книге «Лезвие бритвы» Ефремов написал: «... Без тебя не было бы этой книги. 21 ноября 1964 г. И. Ефремов». Писатель имел в виду, что роман, повествующий о целесообразности красоты и еще не исследованных возможностях человеческого разума, был во многом навеян красотой и женским обаянием жены. Таися явились прообразом одной из героинь романа — Симы Металиной, внешность которой в романе писатель определил вначале как «неуловимое совершенство», а потом поправил себя: *«Нет, неверно, оно не неуловимое, а очевидное настолько, что, кажется, нет мужчины да и женщины, которые не провожали бы Симу несколько озадаченным взглядом, сначала не заметив в девушке ничего особенного»*⁹.

В 1966 г. Ефремов перенес сильнейший отек легких, но, благодаря помощи врачей скорой помощи и неусыпному уходу жены, не позволившей перевозить мужа в таком состоянии в больницу, прожил еще шесть лет. Отмечая ее роль в своем выздоровлении, он писал: *«Ты такая скромная и застенчивая, что тебе трудно попросить о чем-либо людей, позвонить по телефону, о чем-либо напомнить... И в то же время ты героически взяла на себя лечение своего Волка. (Так Ефремов подписывал свои письма жене). Колола, сама страдая гораздо больше. Приняла на свои маленькие плечи град противоречивых советов от искренних, но чересчур настойчивых и зачастую бес tactных доброжелателей. И охраняла, охраняла изо всех сил, не всегда, даже я помогал тебе в этом, затягивая беседы с людьми, принимая их больше, чем был в силах. И разве я не вижу, какую тревогу ты все время несешь в душе со временем ухудшения моего здоровья?»* ... Позже, после смерти мужа, Таисия Иосифовна нашла в конверте его письмо, написанное в мае 1966 г. Предполагая возможность внезапной смерти, Ефремов сделал распоряжения, в том числе, о судьбе литературного наследства и архива. Но нас интересуют те страницы, где он писал, как ей жить без него, внушал веру в собственные силы: *«Люди, чтобы ощутить свое превосходство, стараются унизить "ближних". Поэтому, если будут болтать*

или даже осмеляются сказать тебе, что вот, мол, она ничего собой не представляла, а Ефремов сделал из нее человека, не поддавайся и не возмущайся. Никто не мог “сделать” тебя такую, какая ты есть, твоя индивидуальность и есть неповторимая и неоспоримая драгоценность. Естественно, что, прожив со мной столько лет, ты многому научилась просто из-за энциклопедичности моих знаний. Но ведь и я многому научился от тебя, и, прежде всего, стал гораздо лучше в постоянном свете и тепле твоей любви. Поэтому знай себе цену и никогда не обращай внимания на подобную болтовню»¹⁰.

21 декабря 1968 года Ефремов написал жене письмо — поздравление с Днем Рождения, которое для себя я называла «Одой любви». Оно представляет собой сгусток чувств, чувственности и благодарности за божественный дар любви к Тáис. Он писал: «... люблю тебя все сильнее, хоть и прошло со времени нашего знакомства на первомайской демонстрации 1950 года более 18 лет и более 16 с тех пор, как накрепко полюбил тебя!... Заглядывая глубоко... в твои глаза, я забываю обо всем на свете, кроме любви к тебе! И все невзгоды, хвори и неудачи отступают, будто серые призраки и есть одна ты! ... я нашел тебя и люблю, как никого не любил в жизни ... Дороже тебя, прекрасней тебя ... ласковей тебя у меня не было никогда, никого и любимей тебя конечно, тоже. Через тебя я вижу все в ясном и добром свете, без ненависти и презрения, как и подобает мудрому человеку. И эта мудрость от тебя»¹¹. Друг семьи, кристаллограф Спартак Ахметов, вспоминая об этом гармоничном союзе, писал о Таисии Иосифовне: «От нее словно исходило силовое поле жизни, которое поддерживало на поверхности броненосец с пробоиной под ватерлинией»¹².

То состояние любви, которое носил в своем сердце Ефремов, переплавилось в главных героев и героинь его произведений, которые обладали не только запоминающейся внешностью, но и благородством души, состраданием, глубоким пониманием жизни. Все его романы наполнены любовью, той любовью, которой был переполнен он сам.

За последние годы писатель успел написать два своих знаменитых романа «Час Быка» и «Тáис Афинская». И оба романа он посвятил своей жене, любящей и любимой. Художник С.П. Алтаев, который писал ее портрет, тонко отметил: «Как так можно, Вы совсем разная. Когда Вы с мужем — вы одна, а без него — совсем другая»¹³.

5 октября 1972 года после тяжелейшего жаркого лета и пожаров вокруг Москвы, сердце Ивана Ефремова остановилось. Ему было только 64 года. Приведу строки прощального письма И.А. Ефремова от мая 1972 года: «*Уходя, больше всего беспокоюсь о том, что не смог создать тебе даже необходимого, на несколько лет, скажем десять, запаса денег, словом ничего. И горько еще, что не умею я писать как следует, чтоб передать миру всю неувядаемую прелест твоей души, заботы и добра, которыми ты окружила... последние, болезненные годы моей жизни... Прости меня, маленькая, это не чувство вины ... а досада на судьбу, которая не дала мне возможности хотя бы своим творчеством показать тебе всю драгоценность твоей души... Если бы ты только знала, насколько лучше я стал в жизни с тобой, ты бы поняла, что созданием самых лучших своих произведений я обязан только тебе, тому высокому огню души, который ты сумела зажечь и поддерживала его во всех болезнях и невзгодах нашей с тобой жизни*»¹⁴. Сравнивая письма И.А. Ефремова, которые он писал в разные годы любимой, а потом жене, убеждаешься, что любовь не исчезла из их отношений, она оставалась такой же глубокой и благословенной.

Горечь от потери любимого человека для Таисии Иосифовны стократно выросла после обыска в квартире писателя, который через месяц после его смерти был произведен сотрудниками КГБ СССР. В небольшой двухкомнатной квартире 11 сотрудников с помощью рентгеновского аппарата и миноискателя искали идеологически вредную литературу. Ничего предосудительного не нашли, хотя для исследования были изъяты личные письма писателя жене, цитаты из которых были приведены ранее, ряд книг из обширной библиотеки Ефремова, образцы минералов и др. В протоколе обыска значились 28 позиций изъятого. Его последствия быстро дали о себе знать. Без всякого объяснения из печати изымалось всякое упоминание о И.А. Ефремове, вплоть до некрологов о нем. В течение двух лет во всех статьях по научной фантастике не разрешалось упоминать его имя, нельзя было давать ссылки на его научные труды. Его книги перестали издаваться, была запрещена подписка на объявленное ранее собрание сочинений писателя. Попытки вдовы и сына писателя что-либо узнать кончались полным молчанием со стороны всех организаций и лиц, к которым они обращались. После подобного удара Таисия

Иосифовна не испугалась, не спряталась в раковину, не замкнулась, хотя роль бойца совсем не сочеталась с этой мягкой и доброй женщиной. Сохранились письма Т.И. Ефремовой за 1972—1992 гг. в Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС П.Н. Демичеву, с которым И.А. Ефремов был лично знаком, генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, в Министерство безопасности Российской Федерации, в центральные газеты, в которых она защищала доброе имя мужа от многочисленных наветов и обвинений, в том числе и обвинения в шпионаже. В них она писала о недостойном отношении к памяти мужа, который сам не может защитить себя. В письме в Политбюро ЦК КПСС она подчеркивала: «*Я прожила с ним 20 лет. До последних дней жизни он был ЧЕСТНЫМ, ЧИСТЫМ, НЕСПОСОБНЫМ ни на какую подлость человеком... Родина для него была свята. Абсолютно все его произведения напечатаны в нашей стране. Для защиты, а вернее для восстановления истины, видимо одного моего голоса мало. До конца своих дней он помогал людям, как морально, так и материально. Я посылаю Вам копии писем читателей, которых он лично не знал, оригиналы находятся у меня. Мне хочется верить, что эти письма помогут понять и оценить по достоинству Человека, Писателя, Ученого*»¹⁵. В начале марта 1973 года Т.И. Ефремова обращается в Управление Комитета государственной безопасности по городу Москве и Московской области с требованием объяснить сложившееся положение вокруг имени ее мужа. Несмотря на телефонные заявления сотрудников ведомства в том, что Ефремов «ни в чем не обвиняется», и ей будут возвращены изъятые при обыске вещи, продолжилась негласная опала его произведений, некоторые редакции запрещали вообще упоминать его имя, а Союз писателей тормозил создание Комиссии по его литературному наследию. Она просила выдать ей официальный документ в подтверждение словесных заявлений сотрудников ведомства или «*документ о том, в чем состоит вина*» ее мужа, «*(естественно уже после его смерти, так как при его жизни он ни в чем не обвинялся)*»¹⁶. После обращения в официальные органы ответ она получала, позвонив по номеру телефона, который выдавался при передаче и регистрации писем. Как вспоминает Таисия Иосифовна, ее походы в Прокуратуру, в Комитет государственной безопасности за правдой оставляли ее совершенно равнодушной к возможным репрессиям в отношении себя. Она

не боялась, главным для нее было — отстоять честь и достоинство И.А. Ефремова. В прокуратуре, где она заявила, что гордится своим мужем, в ответ услышала, что здесь не часто можно услышать такие слова.

Ее борьба, поддержанная пусть небольшим числом, но подлинных друзей и защитников памяти И.А. Ефремова — писателем Александром Казанцевым¹⁷, адмиралом В.П. Боголеповым, научными сотрудниками В. Разумихиным, Е. Трофименко, Р. Харировым¹⁸ и другими, принесла долгожданные плоды. Хотя из ходатайствующих за Ефремова, как вспоминает Т.И. Ефремова, не оказалось ни одного сотрудника Института палеонтологии Академии наук СССР, где Ефремов проработал около 30 лет, кроме М.Ф. Лукьяновой¹⁹, да и самой Академии. В 1973 г. был разрешен выход в свет книги Ефремова «Тáис Афинская», который стал возможен после ее обращения в Политбюро ЦК КПСС, что и подтвердил сотрудник ЦК С.В. Потемкин в телефонном разговоре²⁰. Однако полностью ситуация с изданием книг И.А. Ефремова нормализовалась только через два с половиной года. Больно ранили родных и близких писателя, что в газетных и журнальных статьях, посвященных юбилеям писателя, вновь и вновь всплывали отдельные вымышенные факты, раздувались забытые прошлые слухи.

Таисия Иосифовна не позволяла безнаказанно спекулировать на имени своего мужа и написала не одно письмо в ответ на эти публикации. В июне 1988 г. в обращении к членам редколлегии журнала «Уральский следопыт», с которой писатель Ефремов работал продолжительное время, Таисия Иосифовна писала: «Двадцать лет, прожитые вместе с И.А. Ефремовым, позволили мне многое увидеть и понять... я видела, как работал Иван Антонович, знала, как печатались его книги, наблюдала, как он общался с людьми. Помню, как вместе с другими фантастами боролся и переживал за нашу фантастику»²¹. Ее письмо от 28 мая 1992 года с протестом главному редактору газеты «Аргументы и факты» В.А. Старкову²², опубликовавшему статью, очерняющую И.А. Ефремова,²³ не было напечатано. Это побудило Т.И. Ефремову обратиться в Центральный архив Министерства безопасности Российской Федерации летом 1992 г. с просьбой ознакомить ее с материалами, касающимися ее мужа. В ответном письме начальника архива А.А. Зюбченко говорилось: «Проведенной проверкой каких-либо материалов

в отношении Вашего мужа Ефремова И.А. в Центральном архиве Министерства безопасности Российской Федерации не обнаружено. Для дополнительной проверки Ваше обращение направлено в Управление МБ РФ по г. Москве и Московской области»²⁴.

К тому же Таисия Иосифовна с удивлением узнала, что по Москве ходят слухи, что братья Стругацкие являются авторами романа «Час Быка», а Ефремов только подписал его текст. Такая злонамеренная ложь была абсолютно несостоятельна, так как последние два романа Ефремов писал от руки — врачи запретили ему печатать на машинке. Сохранились автографы текстов, которые переданы сейчас в наш архив. Чья злая воля формировалась и распространяла эти инсинации, так доподлинно неизвестно, хотя в печати и появлялись сведения, которые позволяли предположить участие того или иного лица в желании опорочить классика российской фантастики.

Документы, опубликованные в 1994 г., позволяют восстановить причину некоторых несообразностей, сложившихся вокруг писателя после публикации журнального и книжного вариантов романа «Час Быка» (перлюстрации иностранной корреспонденции писателя, телефонной прослушки его разговоров, наблюдения за квартирой) и, наконец, обыска после его кончины. 28 сентября 1970 года председатель Комитета Госбезопасности Ю. Андропов направил в ЦК КПСС секретную записку, где обвинял Ефремова в клевете на советскую действительность. Под видом критики общественного строя на фантастической планете Торманс, автор в частности пишет: «Под масками новых общественных форм затаилась та же, прежняя капиталистическая сущность угнетения, подавления, эксплуатации, умело прикрытая научно разработанными методами пропаганды, внушения, создания пустых иллюзий»²⁵. В записке Андропов ссылался, в том числе, и на факты, полученные с помощью оперативных данных. Несмотря на то, что вопрос по решению ЦК КПСС был передан для рассмотрения ЦК ВЛКСМ, в ведение которого находился журнал и издательство «Молодая гвардия», и закончился без официальных последствий для самого Ефремова, но с тех пор писатель и попал под усиленную разработку советских спецслужб.

У истории обращений семьи И.А. Ефремова в компетентные органы есть недавнее продолжение. В конце 2017 г. внучка И.А. Ефремова Дария Аллановна обратилась в Федеральную служ-

бу безопасности Российской Федерации с просьбой ознакомиться с делом ее деда. В официальном ответе сообщалось, что дело на И.А. Ефремова было уничтожено в 1999 г. А так хотелось узнать правду об инициаторах обыска, что искали в действительности и не нашли сотрудники безопасности, почему так и не извинились перед семьей писателя, которая долго жила в неясном статусе.

Таисия Иосифовна выполнила завещание мужа из Книжечки советов, в котором говорилось о желании покойться на маленьком деревенском кладбище на Карельском перешейке (могила И.А. Ефремова находится на кладбище в Комарово под Санкт-Петербургом) и захоронить капсулы с его прахом в Коринфском заливе в территориальных водах Греции (что удалось сделать ей самой, когда она была в зарубежной поездке) и на Тибете.

Сейчас, с высоты прожитых лет, она, вспоминая свою жизнь, с улыбкой рассказывала, как однажды ее пожалели, что женская судьба ее так сложилась. На что она ответила: *«Вы ошибаетесь, это было мое счастье»*. Человеческие отношения, а в особенностях, женщины и мужчины — загадочная субстанция, где телесное воплощение души не первичное, а скорее опосредованное свойство. Душа, ее богатство благородными человеческими качествами привносит гармонию в семейный союз. И даже в наш, весьма прагматичный век, популярность женских романов велика, судя по разнообразию имен авторов и заголовков книг. Поэтому рассказ о семье Ефремовых, собранный из неопубликованных и изданных источников, может стать большим подспорьем для написания любовного романа с детективным уклоном. Для меня эта история яркая и немного печальная, как все в жизни.

В заключение хочу привести выдержки из легенды, которую Ефремов пересказал юной Тáис, незадолго до их соединения в семейной паре: «В Южной Африке на широких плоскогорьях Драконовых гор растет дерево. Редко, не каждый год, покрывается оно сплошь пурпурными цветами, такими чистыми и яркими, что вся широкая крона дерева горит и пламeneет в могучем ослепительном солнце этой безоблачной страны.... И если дерево зацветает, то все спешат сорвать его пурпурные ветки — подарить их тем, с кем хотелось бы разделить этот высший и тревожный дар — любовь»²⁶.

Желаю каждому из нас не только получить, но и пронести этот дар по всей жизни.

- ¹ АРАН. Ф.2250. Письмо М.С. Волошиной супругам Ефремовым. Не позднее октября 1972 г.
- ² Еремина О., Смирнов Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013.
- ³ Письмо И.А. Ефремова Т.И. Юхневской от 11 июня 1952 г. Архив семьи Ефремовых.
- ⁴ Брандис Е., Дмитриевский В. Через горы времени. Очерк творчества И. Ефремова. М.-Л.: Советский писатель, 1963. С.37, 38.
- ⁵ Научное наследство / РАН. Архив М.: Наука, 1994.Т.22: Иван Антонович Ефремов Переписка с учеными. Неизданные работы / Сост. и авт. comment. Бойко Н.В. С. 173-179.
- ⁶ Письмо И.А. Ефремова Т.И. Юхневской от 22 июля 1952 г. Архив семьи Ефремовых.
- ⁷ Ефремов И.А. Собр. соч. Т.5. Кн.3. М.: «Молодая гвардия», 1989. С.136.
- ⁸ АРАН. Ф.2250. Письмо Т.И. Ефремовой от июня 1988 г. в редакцию журнала «Уральский следопыт».
- ⁹ Ефремов И.А. Лезвие бритвы. Собр. соч. Т.4. М.: «Молодая гвардия», 1988. С.126.
- ¹⁰ Чудинов П.К. Иван Ефремов. Из писем и записных книжек // Чудеса и приключения. 1992. № 7-8. С.33.
- ¹¹ Письмо И.А. Ефремова Т.И. Ефремовой от 21 декабря 1968 г. Архив семьи Ефремовых.
- ¹² Ахметов С. Меж колосьев и звезд // Советская Россия. 1987. 8 апреля.
- ¹³ Еремина О., Смирнов Н. Указ соч. С.551.
- ¹⁴ Чудинов П.К. Иван Ефремов. Из записных книжек // Чудеса и приключения. 1992. № 7-8. С.35.
- ¹⁵ АРАН. Ф.2250. Письмо Т.И. Ефремовой в Политбюро ЦК КПСС от 12 февраля 1973 г.
- ¹⁶ АРАН. Ф.2250. Письмо Т.И. Ефремовой в Управление КГБ по г. Москве и Московской области от 9 марта 1973 г.
- ¹⁷ Фантастика После Смерти // Источник. 1995. № 1. С.86-88.
- ¹⁸ АРАН. Ф. 2250. Письмо В. Боголепова В Политбюро ЦК КПСС от 14 мая 1973 года; письмо В. Разумихина, Е. Трофименко, Р. Хайрова генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу, [1973].
- ¹⁹ АРАН. Ф.2250. Письмо М.Ф. Лукьяновой в Политбюро ЦК КПСС от 15 марта 1973 г.
- ²⁰ АРАН. Ф.2250. Письмо Т.И. Ефремовой Л.И. Брежневу от 7 февраля 1974 г.
- ²¹ См. примеч.8.
- ²² Архив РАН. Ф.2250. Письмо Т.И. Ефремовой В.А. Старкову от 28 мая 1992 г.
- ²³ Кем же был Иван Ефремов? // Аргументы и факты. 1992. № 18. Май.
- ²⁴ АРАН. Ф.2250. Письмо А.А. Зюбченко Т.И. Ефремовой от 22 июля 1992 г.
- ²⁵ Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С.240.
- ²⁶ Письмо И.А. Ефремова Т.И. Юхневской от 31 января 1953 г. Архив семьи Ефремовых.

И. Н. Ильина

Тернии и тайны Марии Смит-Фалькнер

Аннотация: В статье поставлена цель реконструировать и детализировать хронику жизни известного ученого-статистика, члена-корреспондента АН СССР М. Н. Смит-Фалькнер. На основе изучения и сопоставления документов из фондов Архива РАН восстановлены неизвестные ранее факты биографии, уточнены даты, раскрыты некоторые тайны и загадки жизненного пути героини статьи. В итоге автору статьи удалось составить более цельное представление о личности, научно-педагогической и семейной жизни М. Н. Смит-Фалькнер.

Abstract: The article aims to reconstruct and detail the chronicle of the life of M. N. Smith-Falkner, famous scientist-statistics, corresponding member of the Academy of Sciences of the USSR. Based on the study and comparison of documents from the Archives of the RAS restored previously unknown facts of biography, revealed some of the secrets and mysteries of the life. As a result, the author managed to make a more complete picture of the person, scientific, pedagogical and family life of M. N. Smith-Falkner.

Ключевые слова: статистика, Коммунистическая академия, Академия наук СССР, Архив РАН.

Keywords: statistics, the Communist Academy, the Academy of Sciences of the USSR, Archive of the RAS.

Имя Марии Натановны Смит-Фалькнер не так хорошо известно современному читателю, как было известно в советское время всем специалистам-статистикам: научные труды члена-корреспондента АН СССР, доктора экономических наук М. Н. Смит были признаны и широко использовались в экономической сфере, а также служили основой для преподавания в высшей школе. Практическая деятельность М. Н. Смит как статистика проходила на высоком уровне — в таких государственных учреждениях, как, например, Центральное статистическое управление СССР. Ее имя было одним из самых значимых в учреждениях Коммунистической академии ЦИК СССР (1918—1936), где Мария Натановна была действительным членом и председателем Общества статистиков-марксистов.

Вошло ее имя и в историю российского революционного движения, которое захватило юную девушку и даже на время возобладало над наукой, которая также с молодых лет влекла Марию Фалькнер.

Официальная биография М. Н. Смит невелика, а на современных Интернет-ресурсах она суха, не вполне точна и деталями не блещет.

Мария Натановна Смит-Фалькнер (4 февраля (16 февраля) 1878, Таганрог — 7 марта 1968, Москва), российский экономист и статистик. Профессор (1921), доктор наук (1925). Член-корреспондент АН СССР (1939). В революционном движении участвовала с 1897 г. В 1901—1905 гг. училась в Лондонском университете на факультете экономических наук. Бросила университет, чтобы принять участие в революции. Примкнула к РСДРП, арестовывалась четыре раза, в том числе в декабре 1905 г. вместе со всем составом Петербургского совета рабочих депутатов, летом 1906 г. — в Москве на нелегальной конференции профессионального союза текстильщиков, организацией которого она занималась. В 1908—1913 гг. — в эмиграции. В 1909 г. родила dochь Евгению. В 1914—1917 гг. в политической жизни не участвовала.

В 1917 г. числилась в составе «межрайонцев», сотрудничала в «Известиях» и в «Новой жизни». Член РКП(б) с июля 1918 г. В 1921—1925 гг. профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1924—1930 гг. профессор Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Член коллегии ЦСУ СССР (1926—1930). В 1930—1934 гг. профессор Международной Ленинской школы. Действительный член и в 1925—1934 гг. заведующая отделом Коммунистической академии общественных наук (Комакадемия). В 1934—1937 гг. профессор Московского нефтяного института. В 1938—1941 гг. профессор Московского планового института. В 1941—1944 и 1948—1955 гг. научный сотрудник Института экономики АН СССР. Входила в состав Ученого совета Института мирового хозяйства и мировой политики. В 1944—1946 гг. профессор Института внешней торговли.

Государственные награды: Орден Ленина (1968), Орден Трудового Красного Знамени (1945), Орден «Знак Почета» (1953).

Основные произведения: Классовая борьба в современной Англии. М., 1922; Динамика кризисов и положение пролетариата. М., 1927; Теория и практика советской статистики. М., 1930; Положение рабочего класса капиталистических стран в свете теории обнищания К. Маркса. М., 1933¹.

Гораздо более полные биографические данные о Марии Смит-Фалькнер собраны в Архиве Российской академии наук и представлены в Информационной системе «Архивы РАН» (ИСА-РАН) в описании фонда 1694². Однако важно другое: что скрыто за статичными строками официальной биографии? Так ли прост, гладок и успешен был жизненный путь нашей героини?

Действительно, на основании документов Архива РАН можно составить почти детальную хронику жизни и научного творчества М. Н. Смит-Фалькнер. В Архиве РАН хранятся личный фонд М. Н. Смит-Фалькнер (Ф. 1694, 48 единиц хранения) и личное дело члена-корреспондента АН СССР М. Н. Смит-Фалькнер (Ф. 411. Оп. 4-а. Д. 222); документы о ней включены в фонд Коммунистической академии ЦИК СССР (Ф. 350), в фонд Общества статистиков-марксистов (Ф. 420), в фонд Аттестационной комиссии Коммунистической академии (Ф. 425); отдельные документы М. Н. Смит можно найти в личных фондах других ученых, в частности, в фонде не менее известного экономиста Льва Наташевича Крицмана (Ф. 528). Между тем, многие документы М. Н. Смит неоднозначны, а их количество прямо пропорционально числу вопросов и загадок в них.

Личный фонд М. Н. Смит был передан на хранение в Архив АН СССР в 1969 г. ее секретарем Русаданой Васильевной Килосанидзе, дочерью известного героя Великой Отечественной войны полковника Василия Васильевича Килосанидзе (1897—1944). Вряд ли документы для передачи в архив подбирала сама Мария Наташевна, однако очевидно, что некоторые бумаги были подвержены ревизии. Так, например, из рукописи воспоминаний, над которыми М. Н. Смит работала в 1950-е годы, явно исчезли некоторые страницы о пребывании за границей, а машинописный вариант воспоминаний содержит только разделы о двух российских революциях, поэтому хранящаяся в Архиве РАН рукопись воспоминаний квалифицируется лишь как фрагмент рукописи³.

Изучение всего комплекса биографических и научных документов М. Н. Смит показывает, что ее жизненный путь был и тернист, и загадочен, и многие загадки сама Мария Наташевна предпочла не раскрывать. В настоящей статье предпринята попытка найти объяснение некоторым тайнам, а также в ряде случаев восстановить истинную канву жизни и деятельности М. Н. Смит-Фалькнер в целях исторической правды.

Год рождения.

Первая тайна — это дата рождения. Свидетельства о рождении М. Н. Смит в архиве мы не находим. В анкетных данных разных лет встречается несколько вариантов даты, при этом во всех случаях для обозначения месяца рождения использованы римские цифры. Между тем, разнотечения в дате налицо.

Наиболее ранняя анкета, относящаяся к 1925 г. и заполненная Марией Натановной собственноручно, содержит дату «17/X—1880 г.»⁴. В анкете от 3 марта 1930 г. указано иначе — «17/XI—1878 г.»⁵. В анкете примерно 1933 г. указан первоначально год рождения 1880-й, потом он зачеркнут и от руки написан иной «1878 г.»⁶. В других анкетах 1930 г., 1935 г. и 1961 г. фигурирует просто 1878 год рождения. В анкете 1948 г. указана полная дата рождения «17.II.1878 г.»⁷. Эта же дата обозначена на могильной плите.

Фамилия. Родственники. Семья.

Подписывая документы, Мария Натановна употребляла три варианта фамилии: Смит, Смит-Фалькнер, Фалькнер-Смит. Нет сомнений, что ее девичья фамилия — Фалькнер. При этом фамилия, имя и отчество отца ею ни разу в документах не упоминаются, поэтому основанием для утверждения может служить единственное указание на ближайших родственников в анкете 1925 г.: «проживающие в России ближайшие родственники: брат профессор Фалькнер, сестра доктор Фалькнер»⁸. В одном черновом варианте биографии ею без объяснений даны сведения о С. А. Фалькнере (Интернет рассказывает о репрессированном в 1930-х гг. экономисте Семене Анисимовиче Фалькнере⁹). Причина появления справки о нем среди документов Марии Натановны не известна, родственные связи с ним (если были) ею не обозначены и нами не выяснены¹⁰.

Вторая фамилия — Смит — явно английского происхождения. Заметим, что о появлении двойной фамилии также нет никакой информации в биографических документах Марии Натановны. Однако, нельзя не обратить внимание, что, например, в послевоенные годы Мария Натановна чаще использовала именно эту единственную фамилию — Смит. Так, в машинописном варианте воспоминаний «Два кануна» напечатана подпись «М. Смит-Фалькнер», затем часть «Фалькнер» зачеркнута, а рукой дана подпись «М. Смит»¹¹.

При этом свое семейное положение на протяжении жизни она характеризовала тоже по-разному. Так, в анкете 1925 г. в графе «семейное положение» она написала: «*вдова, на иждивении дочь и мать*¹²», из чего можно сделать вывод о бывшем когда-то замужестве. В анкете от 3 марта 1930 г. в графе «семейное положение» указано: «*одинокая, 3 иждивенцев*», что можно понимать как отсутствие официального брака¹³. При этом анкета подписана «М. Смит». В анкете 1948 г. в разделе «семейное положение» дана уже совсем интригующая информация: «*приемная семья — внучка и правнучка*¹⁴. О ком идет речь в данном случае — установить не удалось.

Говоря о своей деятельности в России после 1913 г., Мария Натановна в автобиографии пишет: «*В силу семейных обстоятельств я не могла заниматься в это время политической работой, работала преимущественно в области литературной и статистической*¹⁵. О семейных обстоятельствах какого рода здесь говорилось? Между тем, в личных анкетных данных, как отмечалось выше, лишь единожды — в 1925 г. — упомянута дочь. Однако ни в одном из сохранившихся документов Мария Натановна ни разу не назвала ни ее имени, ни фамилии, ни даты рождения. Сведения о дочери можно расширить лишь отчасти, благодаря наличию в фонде М. Н. Смит-Фалькнер документов, относящихся непосредственно к личности дочери. Их немного: удостоверение учащейся 8 класса Евгении Фалькнер¹⁶, несколько фотографий очень красивой девочки по имени Евгения Смит за 1924—1925 гг.¹⁷ и фотография могилы с надписью на памятнике: «*Юной комсомолке Жене Смит, чье горячее сердце сгорело в радости общественной работы. 1909—1925*¹⁸.

Судя по указанному на памятнике году рождения, на свет Евгения появилась в период политэмиграции Марии Натановны, а судя по фамилии — в Лондоне. Вероятно, здесь и кроется разгадка тех самых «семейных обстоятельств», которые не позволили Марии Натановне вести политическую работу в России, куда она вернулась примерно в 1913 г., как становится ясно, с малым ребенком на руках. Причину же столь ранней смерти девочки установить не удалось.

Что касается отца Евгении и, возможно, официального мужа Марии Натановны, то это тоже очередная тайна, усиленная тремя надписями на фотографии беременной Марии Смит-Фалькнер¹⁹. На обороте фотографии читаем:

- 1) «Парижъ. Мартъ 1909 г. Снимали Борисъ и американский дядюшка» (орфография начала XX века. — И. И.);
- 2) «И даже тернии моего пути кажутся мне радостными. Май 1913 г.»;
- 3) «Poor clay! And thou pretendest to be wretched! Thou! Мартъ 1913 г.» (так в тексте; в переводе с англ: «Бедный Клэй! И ты притворяешься несчастным! Ты!». — И. И.). Можно лишь предположить, что именно названный «Борис» имел близкое отношение к Марии Фалькнер и являлся носителем фамилии «Смит».

Образование.

Пребывание в европейских странах, судя по всему, стало особой и значительной частью жизни Марии Натановны, поскольку определило два главных вектора ее деятельности — научный и революционный. Как следует из сохранившегося фрагмента воспоминаний «Два кануна», за границей Мария Фалькнер оказалась исключительно из-за стремления получить высшее образование. Вот как она об этом писала в 1959 г.: «Лондон. Начало столетия. Я студентка Лондонского университета, тогда не так давно возникшего демократического университета. Я приехала учиться сюда, потому что в царской России я, как женщина и еврейка, не могу получить высшего образования»²⁰. Где и какое образование было ею получено?

В анкете М. Смит 1925 г. в разделе «Образование» читаем: «*London School of economics and Political Science; специальность: экономистка-статистик*»²¹. В 1930 г. в автобиографии указано: «Между 1901 и 1905 г. училась за границей (*London School of Economics*). В 1905 г. оставила ученье незадолго до окончания и вернулась в Россию, чтобы принять участие в революционной работе»²². В 1933 г. написано почти то же: «В 1905 г. бросила Лондонский университет незадолго до окончания и вернулась в Россию, чтобы принять участие в революции»²³. В 1935 г. указала кратко: «Образование — Лондонский Университет»²⁴. В 1941 г. писала: «Среднее образование получила в России, а высшее за-границей (Так в тексте. — И. И.). Перед самым окончанием *London School of economics* бросила учебу, что[бы] участвовать в революции 1905 г.»²⁵. В 1961 г. писала: «Среднее образование получила в России (гимназия), высшее — за границей (Брюсель, Лондон)»²⁶. В большинстве анкет Мария Натановна прямо указывала, что обучение в Лондонском университете не закончила: «не сдала дипломного экзамена, т.к. уехала в Россию в 1905 г.»²⁷ или: «ушла с

последнего курса в связи с событиями 1905 г.»²⁸. Однако одновременно в графе «образование» М. Смит практически всегда сообщала: «образование — высшее», хотя понятно, что диплома о получении высшего образования в Лондонском университете она не имела.

Научная и преподавательская деятельность.

Документы показывают, что эта сфера стала, бесспорно, главной в жизни Марии Натановны. Вероятно, научная одаренность и стремление к научной работе, проявленные еще в молодости, подкрепились последующими драматическими семейными обстоятельствами и заставили ее уйти с головой в работу.

Сохранившиеся биографические документы позволяют констатировать, что научная деятельность Марии Натановны была весьма эффективной и востребованной. Чего стоит один только круг учреждений, куда она была приглашена как знающий специалист-статистик: отдел экономических исследований Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), коллегия Центрального статистического управления СССР (ЦСУ СССР), Коммунистическая академия ЦИК СССР, Институт экономики АН СССР, Государственное социально-экономическое издательство.

В 1925 г. по правилам того времени М. Н. Смит-Фалькнер, как действительному члену Коммунистической академии ЦИК СССР, была присвоена ученая степень доктора экономических наук (без защиты диссертации)²⁹.

Кроме того, 13 февраля 1939 г. М. Н. Смит была избрана членом-корреспондентом АН СССР по отделению общественных наук (экономика и право)³⁰.

Отдельного исследования заслуживает стиль научной работы Марии Натановны, ее серьезное отношение и преданность науке. Ограничимся результатами анкетирования Комакадемии по вопросу о научной работе и способах ее совершенствования. На вопросы анкеты М. Смит в 1930 г. отвечала так:

«37. Сколько часов в день уделяете научной работе вообще? — 10.

38. Из них: а) научно-исследовательской — 6; б) научно-организационной — 2; в) научно-педагогической — 2.

40. Какие мероприятия необходимы для успешной работы Коммунистической академии в целом и ее отдельных учреждений? — Уплотнение плана работ, связь с практическими учреждениями, пересмотр состава научных сотрудников»³¹.

Имеющиеся в Архиве РАН списки научных трудов М. Смит позволяют говорить об их значительном количестве и, соответственно, о результативности научного труда. В начале 1960-х гг. в очередной автобиографии Мария Натановна писала: «*Имею свыше 80 печатных работ. Последняя из них вышла в 1961 г.*».³² Основные научные труды М. Н. Смит-Фалькнер: «Классовая борьба в современной Англии» (1922), «Динамика кризисов и положение пролетариата» (1927), «Теория и практика советской статистики» (сб. ст., 1930), «Положение рабочего класса в США, Англии и Франции после Второй мировой войны» (1953), «Очерки истории буржуазной политической экономии. Середина XIX в. — середина XX в.» (1961). В документах, оформленных в связи с представлением Марии Натановны к награждению Орденом Ленина, отмечалось, что она является автором более 100 научных работ, включая 12 монографий; при этом многие ее труды переведены на иностранные языки³³.

В 1921 г. Мария Натановна получила звание профессора МГУ им. М. В. Ломоносова³⁴.

В автобиографии начала 1960-х гг. Мария Натановна писала: «*В 1921 г. получила звание профессора МГУ и с тех пор много преподавала в ряде вузов статистику, политэкономию и историю последней*»³⁵. Преподавательская работа Марии Натановны, несомненно, была также высокопродуктивной. Вот перечень высших учебных заведений, где она работала: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, Международная Ленинская школа, Московский нефтяной институт, Институт мирового хозяйства и мировой политики, Институт внешней торговли, Институт экономических исследований при Госплане СССР, Московский плановый институт. Однако наиболее красноречивыми, как известно, являются отзывы студентов о работе своих преподавателей. На обороте одной из сохранившихся фотографий со студентами I курса экономического факультета Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова имеется такая надпись: «*Марья Натановна! Излагая методологию статистики под углом зрения марксизма-ленинизма, Вы добьетесь того, что из стен нашего вуза выйдет не сухой статистик, а человек, который сумеет заставить цифры красноречиво говорить о той великой социалистической стройке, какая ведется у нас в Союзе. 3/VI—1929*»³⁶.

Коммунистическая академия. Общество статистиков-марксистов.

В свое время фамилия М. Н. Смит-Фалькнер стала известна автору этой статьи в ходе изучения российских общественных организаций 1920—1930-х гг.³⁷ [1]. Как известно, значительную группу новых советских общественных организаций составили научные марксистские общества, созданные в 1920-е гг. в стенах ведущего научно-идеологического учреждения — Коммунистической академии ЦИК СССР (1918—1936). В числе самых первых в 1925 г. были образованы Общество статистиков-марксистов под председательством М. Н. Смит-Фалькнер (15 февраля 1925 г.) и Общество историков-марксистов под председательством М. Н. Покровского (1 июня 1925 г.). Деятельность Общества статистиков-марксистов заслуживает специального освещения. Однако важно заметить, что его уровень, авторитет и активность, бесспорно, были всецело связаны с деятельностью его председателя.

На рубеже 1920—1930-х гг. отношение к статистике, как, впрочем, и ко многим другим наукам в стране было подвергнуто пересмотру и жесткой критике, если не сказать более. В документах Архива РАН сохранились некоторые любопытные материалы, имеющие отношение к политическим процессам в научной сфере и идеологической кампании по «борьбе с вредительством в планировании», прошедшей не без последствий, в том числе и для М. Н. Смит-Фалькнер. Назовем только два из них.

В фонде Общества статистиков-марксистов имеется стенограмма заседания Общества от 12 ноября 1930 г. по вопросу «о роли статистики в плановом вредительстве» под председательством М. Смит³⁸. Выступили более 10 человек, главным образом, с осуждением деятельности известнейших экономистов и статистиков того времени, в их числе: В. Г. Громуан (репрессирован), Л. К. Рамзин (репрессирован), И. И. Рубин (репрессирован), В. А. Базаров (репрессирован), С. П. Бобров (репрессирован). Выступивший на заседании экономист Б. С. Ястремский громогласно похвалил деятельность Главного политического управления (ГПУ, ОГПУ) по раскрытию вредительства в статистике: «*ГПУ верной рукой вылавливает всех этих вредителей. Что же нам, научным работникам и работникам практическим остается делать. — Нам нужно идти на помощь этому верному стражу революции. Нужно выявлять вредителей, которые якобы ради защиты свободы мыслей*

против стандартизированного мышления ведут свою, якобы идейную борьбу. Этих вредителей нужно вылавливать, и мы в этом отношении должны помочь ОГПУ»³⁹. В заключительном выступлении М. Смит поддержала эту тему. Отмечая заслуги ОГПУ в деле борьбы с вредителями, она заметила: «Но еще лучше, если коммунистическая мысль, если бы марксистское общество, которое находится при Комакадемии, превратится тоже в бдительный орган революционной диктатуры пролетариата, в бдительный орган борьбы с немарксизмом <...> Мы можем гордиться тем, что первыми выступили в борьбе с ними [вредителями] <...>, если мы будем ГПУ научной мысли в области статистики и в ее применении к планированию»⁴⁰.

Двумя годами позже такому же ostrакизму была подвергнута уже сама Мария Натановна. В фонде Общества имеется резолюция собрания фракции ВКП (б) Общества статистиков-марксистов об извращениях теории статистики и борьбе с ними, проходившего в марте 1932 г. В документе отмечалось, что «одним из важнейших участков идеологического фронта является статистика <...> Между тем, положение на этом фронте далеко не благополучно. Теоретическая разработка вопросов учета и статистики отстает от потребностей строительства социализма»⁴¹. Далее в резолюции было констатировано, что «вплоть до 1931 года в работах председателя Об[щест]ва, М. Н. Смит, имеющей в прошлом заслуги в области постановки промышленной статистики и организации дела статистического образования, проводятся буржуазно-махистские и просто идеалистические теории. В этих работах марксистско-ленинская теория подменена эклектической смесью из меньшевистствующего идеализма, богдановщины и рабски повторяемых идей буржуазной статистики, преимущественно английской (Боули и др.). Работы М. Смит, предназначенные для подготовки советской молодежи в области статистики, изобиловали элементами классово-чуждой идеологии»⁴². Исходя из сказанного, собрание сочло необходимым «переизбрать и обновить руководство общества и пересмотреть весь его состав», а также сформулировало целую серию других мероприятий⁴³. В итоге М. Н. Смит была снята с поста председателя Общества, а само оно вскоре закрыто. Впрочем, как известно, в 1932 г. подавляющее большинство общественных организаций в стране было ликвидировано. Несмотря на произошедшее, Марии Натановне удалось избежать самых страшных по-

следствий политических процессов рубежа 1930-х гг. Более того, как уже отмечалось, в 1939 г. она была избрана членом-корреспондентом АН СССР.

Впоследствии научная деятельность М. Н. Смит получила самую высокую оценку государства. Она была награждена орденом Трудового Красного Знамени (1945), орденом «Знак Почета» (1953), орденом Ленина (1968), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946), медалью «В память 800-летия Москвы» (1948). Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Орденом Ленина был издан за день до смерти Марии Натановны Смит-Фалькнер — 6 марта 1968 г. Умерла она 7 марта 1968 г., похоронена в Новодевичьем некрополе в Москве.

Итак, в Архиве Российской академии наук хранится значительный по объему и репрезентативный по содержанию комплекс документов М. Н. Смит-Фалькнер. Однако одновременно следует признать, что ее однозначно изложенной автобиографии не существует, а анкетные данные изобилуют разнотечениями. Необходимо отметить ощутимый недостаток документов, подтверждающих или опровергающих изложенные М. Н. Смит-Фалькнер биографические факты.

Между тем, изучение всего массива архивных документов М. Н. Смит-Фалькнер, сопоставление биографических и научных документов из разных фондов Архива РАН позволяет приоткрыть завесу некоторых тайн, внести уточнения в общепринятую биографию, расширить имеющиеся сведения о ее творческой и педагогической деятельности, составить более цельное представление о ее личности и тернистом жизненном пути.

Библиография

1. Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 216 с.

Bibliography (transliterated)

1. Il'ina I. N. Obshchestvennye organizatsii Rossii v 1920-e gody. M.: IRI RAN, 2000. 216 s.

- ¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 2 апреля 2018 г.).
- ² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isaran.ru> (дата обращения: 2 апреля 2018 г.).
- ³ Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1694. Оп. 1. Д. 27.
- ⁴ Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 212. Л. 16.
- ⁵ Там же. Л. 35.
- ⁶ Там же. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.
- ⁷ Там же. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 222. Л. 8.
- ⁸ Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 212. Л. 17.
- ⁹ [Электронный ресурс]. URL: <http://pkk.memo.ru> (дата обращения: 2 апреля 2018 г.).
- ¹⁰ АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 21. Л. 11.
- ¹¹ Там же. Д. 27. Л. 33.
- ¹² Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 212. Л. 16.
- ¹³ Там же. Л. 35.
- ¹⁴ Там же. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 222. Л. 9 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 212. Л. 14.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 44.
- ¹⁷ Там же. Д. 42, 43.
- ¹⁸ Там же. Д. 45. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Д. 35. Л. 1.
- ²⁰ Там же. Д. 27. Л. 3.
- ²¹ Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 212. Л. 16.
- ²² Там же. Л. 2.
- ²³ Там же. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.
- ²⁴ Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 212. Л. 1.
- ²⁵ Там же. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.
- ²⁶ Там же. Л. 9.
- ²⁷ Там же. Ф. 425. Оп. 2. Д. 212. Л. 35.
- ²⁸ Там же. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 222. Л. 8.
- ²⁹ Там же. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 23.
- ³⁰ Там же. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 222. Л. 3.
- ³¹ Там же. Ф. 425. Оп. 1. Д. 212. Л. 34.
- ³² Там же. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 21. Л. 10.
- ³³ Там же. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 222. Л. 51.
- ³⁴ Там же. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 23.
- ³⁵ Там же. Д. 21. Л. 10.
- ³⁶ Там же. Д. 38. Л. 1 об.
- ³⁷ Ильина И. Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000.
- ³⁸ АРАН. Ф. 420. Оп. 1. Д. 21.
- ³⁹ Там же. Л. 27.
- ⁴⁰ Там же. Л. 50 об.-51.
- ⁴¹ Там же. Д. 24. Л. 2,3.
- ⁴² Там же. Л. 3.
- ⁴³ Там же. Л. 4-5.

Е. В. Косырева

«Биография — это история болезни отдельного человека»: личный фонд В. Ф. Чесноковой в Архиве РАН

Аннотация: В статье освещается биография известного социолога и культуролога В. Ф. Чесноковой. Биография основана на мемуарах самого ученого «Этюды в жанре автобиографии» и на материалах личного фонда В. Ф. Чесноковой, который был передан в Архив РАН ее доверенным лицом — Л. И. Блехером в 2014 г.

Abstract: The article highlights the biography of V. F. Chesnokova, well-known sociologist and culturologist. The biography is based on the memoirs of the scientist himself «Etudes in the genre of autobiography» and on the materials of V. F. Chesnokova's personal fund, which was transferred to the Archive of the RAS by her confidant L. I. Blekher in 2014.

Ключевые слова: В. Ф. Чеснокова, биография, личный фонд, наследие ученых, документы, социология.

Keywords: V. F. Chesnokova, biography, personal fund, heritage of scientists, documents, sociology.

«Что такое биография? Биография — это история болезни отдельного человека. История болезни, называемая жизнью»¹, — с таких слов начинаются мемуары Валентины Федоровны Чесноковой. В. Ф. Чеснокова прожила трудную, но удивительно плодотворную жизнь. Не имея никаких научных званий и степеней, она внесла большой вклад в отечественную социологию, культурологию и социальную психологию.

Валентина Федоровна Чеснокова родилась 28 июня 1934 г. в Томске, где в то время служил ее отец. Отец — Федор Иванович Чесноков, был кадровым офицером, артиллеристом. Мама — Ксения Петровна (урожденная Пучкова) до замужества в 1929 г. работала в медицинских и детских учреждениях на рабочих должностях, после была домохозяйкой. В. Ф. Чеснокова сохранила память о родителях, чьи личные документы и письма отложились в ее личномфонде.

«Когда я смотрю на жизнь свою в целом, то первое, что бросается мне в глаза, это то, что я человек без родины. В моей жизни не было этого явления. Как-то оно не сложилось»², — пишет в своих мемуарах В. Ф. Чеснокова.

Через полгода после рождения дочери семья Чесноковых переехала в Новосибирск, где жила четыре года, затем полтора года — в Татарке, около города — в Барнауле, где их и застала война.

Отец ушел на фронт, а Валя с мамой перебрались на станцию Называевская Омского отделения Западно-Сибирской железной дороги, где жила мамина родная сестра. «Безобразный поселок (точнее, наверное, было употребить тут старое русское слово “бездобразный”), стоящий на открытом месте (в географии это называется “лесостепь”), с немощеными улицами, в распутьи превращавшимися в сплошные потоки жидкой грязи, с хилыми палисадниками перед домами и огромным выгоном, убитым коровьими копытами»³, — такие воспоминания остались у В. Ф. Чесноковой от Называевки, где она прожила 13 лет.

В так называемый «Называевский период» жизни В. Ф. Чесноковой произошло событие, наложившее отпечаток на всю ее дальнейшую уже взрослую и сознательную жизнь. Отец, исправно писавший почти каждый день письма «дорогой, ненаглядной дочурке Вале», после окончания войны в семью не вернулся: «Тот, который вызывал во мне дочерние чувства, остался там в 1942—1943 гг., когда шла война, когда было трудно, когда мы с мамой бережно перекладывали вещи, оставшиеся от него и молились, чтобы Бог сохранил его, когда по фотографиям его было видно, что он стареет, и когда он рисовал мне эти картинки и рассказывал, как “папа навел на немцев большую пушку” и как прилетела к нему от нас “птичка-невеличка с желтым брюшком”. В этих письмах он продолжал оставаться для меня тем, каким был всегда. Я до сих пор их бережно храню. Я очень страдала, когда узнала, что он оставил нас. Но потом как-то все ушло в прошлое»⁴.

«Конечно, ребенок из распавшейся семьи приобретает комплекс, тяготеющий над ним всю жизнь. И комплекс этот тем более трудно устраним (если устраним вообще), что он совершенно не осознан своим носителем, а потому часто незаметен и для окружающих... Гораздо реже это понятие [“бездомовщина” — Е. К.] применяется к девочкам, хотя — я утверждаю это на собственном

опыте — существует девчоночный вариант безотцовщины»⁵, — продолжает рассуждать о своей судьбе В. Ф. Чеснокова.

В 1952 г. Валентина Чеснокова окончила железнодорожную среднюю школу № 26. От школьного периода сохранились тетради, дневник, альбомы со стихами, записные книжки, экзаменационные билеты, заверенная копия аттестата зрелости.

После окончания школы встал вопрос дальнейшего выбора: «Мир внешний был как-то далеко. Его будто и вовсе не было. Я сибаритствовала с книжкой в руках, строила свои внутренние конструкции: умозрительно проживала различные варианты жизни (часто — от начала до конца: от плана до результата), заслоненная от необходимости столкновения с действительностью: отцовской “пенсией” и материнской терпимостью к моему длительному “процессу развития”. И все никак ни до чего не “дозревала”. А тут как-то совершенно неожиданно показался конец обучения: я уже была в старших классах школы. А страсть как не хотелось, чтоб это все кончилось!... А тут оказалось, что совсем ничего не продумано... Продумать же следовало очень простые и практические вещи: кем быть? Куда пойти учиться? <...> Я знала всего несколько распространенных профессий: врач, учитель и инженер — примерные цели и задачи этих профессий, некоторые внешние элементы их»⁶.

В. Ф. Чеснокова выбрала медицинский институт в Омске, получила на экзаменах пять «круглых» пятерок, но... учиться не стала. Директор института не давал места в общежитии и, разозлившись, она забрала документы и вернулась домой к маме.

Но у Валентины Чесноковой и в мыслях не было навсегда связать свою жизнь со станцией Называевская: «Я представить даже себе не могла, что я останусь здесь. И что здесь было делать? Выйти замуж, обиживать детей, вести домашнее хозяйство и слушать бред пьяного мужа? Для этого я никак не годилась. В этих условиях я не могла и не хотела существовать. Как-то так сложилось, что я выросла человеком очень чувствительным к культурным структурам (к моделям поведения групповым и личностным, к идеологиям и философиям, к преданиям старины и проч.). А здесь ничего этого не было»⁷.

Окончательно определившись со специальностью, В. Ф. Чеснокова решила поступать на исторический факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова: «Человека

всегда тянет к мести, откуда вышли его предки (Отец Ф. И. Чесноков был родом из Ленинграда. — Е. К.). И еще: насчет того, что в Ленинграде уж точно существует “нормальный мир”, а не “патология”, не “продукты распада”, можно было не сомневаться. Я о нем помечтала, разрисовала его в своем воображении всякими красками и пришла к выводу, что вот там-то я и буду жить»⁸.

Не набрав необходимых проходных баллов, Валентина Чеснокова вернулась домой, чтобы через год снова отправиться в Ленинград. Ситуация повторилась, но в это раз она стала посещать лекции в качестве «кандидата» на зачисление и в апреле 1955 г. приказом ректора была зачислена в университет: «Вот так и закончилась эта эпопея моей борьбы с какой-то непонятной мне безликой силой, “тащившей и не пущавшей меня” туда, куда мне страстно хотелось. Собственно вся “борьба” заключалась в том, что я брыкалась, орала, просила жалобно, чтобы мне помогли, и плакала. И училась супротив запрещения. И вот мне помогли, и эта сила от меня “отвязалась”. Наступила тишина»⁹.

После окончания университета в 1959 г. В. Ф. Чеснокова была направлена Министерством просвещения РСФСР и Архангельским областным отделом народного образования на работу учителем истории в среднюю школу села Оксино в Заполярном районе Ненецкого автономного округа, где проработала два года с 15 августа 1959 г. по 21 июня 1961 г.

В 1961 г. В. Ф. Чеснокова поступила в аспирантуру Ленинградского государственного университета по специальности «история СССР», писала кандидатскую диссертацию на тему «Начало индустриализации Сибири (1930-е гг.)».

Окончив аспирантуру, в ноябре 1964 г. В. Ф. Чеснокова была направлена на работу во Владивосток, в филиал Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Она работала старшим преподавателем кафедры истории КПСС, когда в ее жизни случилось событие, которое на этот раз на время прервало ее служебную и научную карьеру.

Осенью 1965 г. умерла Ксения Петровна, и В. Ф. Чеснокова совершила отпевание мамы в храме Николы Морского: «Ко мне прислали сотрудников по кафедре и осторожно намекали, чтобы я этого не делала. Думаю сама мама, если бы умирала в сознании, также просила бы меня этого не делать: она всегда слишком мно-

го беспокоилась о том, чтобы у меня не было неприятностей из-за веры в Бога. Но я, от природы будучи осторожной и не любящей напрасного риска, если уж что-то решусь сделать, то запутать меня очень трудно. Я, “склонив рога”, пошла напролом, попросила доставить гроб в церковь, и сама присутствовала на отпевании»¹⁰.

И мама — Ксения Петровна, и Валентина Федоровна были людьми набожными. Как вспоминает В. Ф. Чеснокова, мама, пока жила с отцом, не думала о вере в Бога вообще, но под влиянием войны, а также образа жизни сестры — тети Тани — в ней пробудилось религиозное чувство, и она примкнула к верующим женщинам, которые образовали своеобразную общину внутри поселка¹¹. О своем собственном осознанном пути к вере В. Ф. Чеснокова подробно рассказывает во второй части мемуаров «Возвращение во своя си (Так в заголовке. — *E. K.*)»¹².

В. Ф. Чеснокова тяжело переживала смерть мамы: «Она [мама — *E. K.*] очень много в меня заложила: не знаний, не практических навыков, но очень важную основу жизни — какое-то общее мироощущение, хотя, разумеется, и систему ценностей, и принципы отношения к людям. И веру в себя. Не будь этой основы, жизнь моя сложилась бы совсем по-другому. Не знаю, захотелось ли бы мне тогда ее описывать и удалось ли бы описать!»¹³.

В. Ф. Чеснокова пишет, что всю жизнь они с мамой продолжали оставаться друг для друга «последней инстанцией», и, хотя после ее отъезда в Ленинград, «духовная связь обеднялась, но по каким-то очень важным моментам держаласьочно всю жизнь»¹⁴. В своем архиве дочь сохранила переписку с мамой за 1952—1963 гг., с момента отъезда из Называевской и до того, как перевезла ее к себе во Владивосток.

В. Ф. Чеснокова была уволена с работы по идеологической статье, по состоянию здоровья была вынуждена обратиться за медицинской помощью на кафедру нервных болезней Владивостокского медицинского института, в течение двух лет не могла найти работу по специальности. Но, спустя несколько десятков лет, в своих мемуарах В. Ф. Чеснокова говорит о том, что неприятности по службе сыграли в ее жизни и добрую роль, т.к. способствовали ее «выталкиванию» из Владивостока¹⁵.

В 1967 г. В. Ф. Чеснокова, воспользовавшись дружескими связями, уехала в Новосибирск. Она устроилась на работу в Инсти-

тут экономики и организации промышленного производства Сибирского Отделения АН СССР (ИЭ и ОПП СО АН СССР), куда ее взяла социолог, экономист, будущий академик (1981) Татьяна Ивановна Заславская. В. Ф. Чеснокова работала переводчиком и библиографом в секторе информации отдела социальных проблем, возглавляемого Т. И. Заславской: «Здесь, я должна сказать, что условия работы в отделе Т. И. Заславской были очень хорошие. К нам, переводчикам, которые и научными сотрудниками то тогда не были, а назывались инженерами, относились с уважением и, видя наш интерес, поощряли его, ожидая, что мы можем стать со временем не только научными сотрудниками, но и учеными, если проявим способности и трудолюбие»¹⁶.

В ИЭ и ОПП СО АН СССР В. Ф. Чеснокова проработала плодотворных пять лет: «Наукой здесь можно было заниматься всерьез (если кто хотел, конечно). Я начала переквалифицироваться в социолога (к чему имела намерение еще во Владивостоке, но там это было лишь благое пожелание, а здесь был целый социологический сектор). Переквалифицировалась я солидно и трудолюбиво. Много читала, очень много переводила, что было полезно для сектора и потому приветствовалось, но более всего это было полезно для меня. Я образовывалась в новой области, начинала иметь какие-то свои суждения. И, в общем, это сильно поглощало мой ум»¹⁷.

В институте В. Ф. Чеснокова занималась переводами трудов американского социолога-теоретика Толкотта Парсонса, американского социального психолога Чарльза Кули; британского антрополога польского происхождения, основателя функционализма в антропологии и социологии Бронислава Каспара Малиновского; польско-американского философа и социолога, одного из представителей гуманистической социологии Флориана Витольда Знанецкого, переводы большинства которых исследователи могут найти в личном архиве фондообразователя.

В январе 1972 г. В. Ф. Чеснокова переехала в столицу, где прошла длительную и сложную эпопею «устройства в Москве».

«Из Новосибирска я уехала по научным соображениям. Я образовывалась-образовывалась и наконец достигла того состояния, что стала писать статьи. И тут-то я поняла, что ни одной моей статьи здесь напечатано не будет. Я развивалась совершенно вразрез с официальной линией сектора. Статьи мои (они были написаны в

соавторстве и Игорем Истошиным) были восприняты как идеологически чуждые и опасные. Передо мной была альтернатива: либо ликвидировать свой разрыв с сектором и начать писать так, чтобы это было принято, либо как-то самой в одиночестве тянуть свою линию»¹⁸, — так объясняла она свой переезд.

Летом 1973 г. с помощью друзей В. Ф. Чеснокова устроилась на работу в отдел по трудовым ресурсам при Мособлисполкоме. Весной 1977 г. уволилась и перешла на работу в Научно-исследовательский институт культуры Министерства культуры РСФСР (с 1992 г. — Российский институт культурологии, в 2014 г. ликвидирован) в отдел народного творчества, где проработала до 1990 г., т.е. до пенсии.

«Весь 1977 год прошел для меня под знаком освоения теста¹⁹. Я помню себя постоянно согнувшуюся над столом. Я обсчитывала тест вручную, создавая все новые и новые маски и осваивая все новые шкалы. Игорь Быков показал мне вначале несколько шкал, с которыми работал сам, но я этим не удовлетворилась, и он принес мне ксерокопию со всего массива ключей, как я теперь понимаю из американского справочника 1965 г. Потом мы достали и скопировали ключи из справочника 1975 г., где их было уже около 400»²⁰, — так начинался очередной новый этап в научной жизни В. Ф. Чесноковой.

Впоследствии результатом работы с тестами MMPI стала самая известная книга В. Ф. Чесноковой о русском национальном характере, вышедшая в свет под псевдонимом Ксения Касьянова²¹ [1; 2]. Никто до нее не только в Советском Союзе, но и в мировой науке не занимался исследованием русского национального характера с социологической точки зрения. В. Ф. Чеснокова ввела в научный оборот понятие «социального архетипа», на основе анализа тестов MMPI выявила обусловленную устойчивыми личностными качествами определенную модель поведения, свойственную русским, и, опираясь на эту модель, реконструировала ценностную систему, систему социальных норм и санкций, которые являются определяющими для русской культуры²².

В личном фонде В. Ф. Чесноковой сохранились графики шкал тестов MMPI, опросники тестов с разбивкой на установки (шкалы), анализ отдельных тестов и др.

В 1990-е гг. В. Ф. Чеснокова сотрудничала с Фондом «Общественное мнение», где под ее руководством были проведены одни из первых всероссийских социологических исследований, по-

священных выявлению степени религиозности населения. Она фактически ввела в отечественную социологию религии понятие «воцерковленности», разработала «индекс воцерковленности» (В-индекс), основанный на пяти показателях религиозного обра-за жизни (посещение храма, исповедь и причастие, чтение Евангелия, молитва, пост). В книге «Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века» [3] В. Ф. Чеснокова на полученном эмпирическом материале показала многофакторный процесс изменения уровня религиозности населения в постсоветской России за период с 1992 по 2002 год и дала свое понимание этого явления. В этом же исследовании представлена разработанная ею методика изучения ценностных установок личности²³.

Среди документального наследия В. Ф. Чесноковой имеются исследования процессов воцерковления населения России за 1992 и 2000 гг., отчет о результатах апробирования В-индекса (индекса воцерковленности), частотные распределения ответов на вопросы опроса о воцерковленности населения России и др.

Последней из больших опубликованных работ В. Ф. Чесноковой является книга «Язык социологии» [4], которая через курс лекций знакомит читателя с главными направлениями деятельности выдающихся социологов прошлого, с их вкладом в социологическую науку²⁴.

Валентина Федоровна Чеснокова умерла 27 июня 2010 г. в Москве, накануне своего 76-летия.

«Жизнь сама по себе — явление чудесное. Но и внутри нее есть много удивительных вещей. И одна из них — это память человеческая...»²⁵ Как была права В. Ф. Чеснокова, когда писала эти строчки. При жизни, так получилось, о ней говорили мало. И сегодня есть возможность изучать ее значимое научное наследие по документам личного фонда, хранящегося в Архиве РАН.

Библиография

1. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 367 с.
2. Касьянова К. О русском национальном характере. 2-е изд. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.
3. Чеснокова В. Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005. 304 с.
4. Чеснокова В. Ф. Язык социологии: Курс лекций. М.: ОГИ, 2010. 544 с.

Bibliography (transliterated)

1. *Kas'yanova K.* O russkom nacional'nom haraktere. M.: Institut nacional'noj modeli ekonomiki, 1994. 367 s.
2. *Kas'yanova K.* O russkom natsional'nom kharaktere. 2-e izd. M.: Akademicheskij Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2003. 560 s.
3. *Chesnokova V. F.* Tesnym putem: Protsess votserkovleniya naseleniya Rossii v kontse XX veka. M.: Akademicheskij Proekt, 2005. 304 s.
4. *Chesnokova V. F.* Yazyk sociologii: Kurs lekcij. M.: OGI, 2010. 544 s.

¹ АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 68. Л. 3.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 89—90.

⁵ Там же. Л. 233.

⁶ Там же. Л. 190.

⁷ Там же. Л. 40.

⁸ Там же. Л. 216.

⁹ Там же. Л. 231.

¹⁰ АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 69. Л. 10 об.

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 69.

¹³ Там же. Л. 230.

¹⁴ АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 68. Л. 230.

¹⁵ АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 69. Л. 11.

¹⁶ АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 58. Л. 3.

¹⁷ АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 69. Л. 11—11 об.

¹⁸ Там же. Л. 11 об.

¹⁹ Речь идет о тесте MMPI (Миннесотский многоаспектный личностный опросник) — личностном опроснике, разработанном в конце 1930-х — начале 1940-х годов в Университете Миннесоты; MMPI — наиболее изученная и одна из самых популярных психодиагностических методик, предназначенная для исследования индивидуальных особенностей и психических состояний личности.

²⁰ АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 69. Л. 34 об.

²¹ *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994; *Она же.* О русском национальном характере. 2-е изд. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

²² Памяти Валентины Федоровны Чесноковой (1934-2010) // Телескоп. 2010. № 4. С. 53.

²³ *Чеснокова В. Ф.* Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века. М.: Академический Проект, 2005.

²⁴ *Чеснокова В. Ф.* Язык социологии: Курс лекций. М.: ОГИ, 2010.

²⁵ АРАН. Ф. 2224. Оп. 3. Д. 68. Л. 3.

Женское окружение А.В. Флоровского: роль в судьбе и сохранении наследия ученого

Аннотация: Несмотря на достаточную проработанность общих вопросов феномена русского зарубежья, биография А.В. Флоровского продолжает привлекать внимание исследователей, многие аспекты и эпизоды его жизни остаются загадкой для историков. К малоизученным вопросам относится и тема его ближайшего окружения, значительную часть которого составляли женщины. В настоящей статье предпринята попытка представить, кто именно составлял женскую половину его общества, попытаться понять его отношения с этими женщинами, определить их значение в его творческом пути.

Abstract: Despite the sufficient elaboration of the General issues of the phenomenon of the Russian abroad, the biography of AV Florovsky continues to attract the attention of researchers. Still a lot of questions to the circumstances and the reasons for the sequence of events that determined his life path. The problem of his inner circle, a significant part of which were women, also belongs to the little-studied issues. In the present article, an attempt is made to present who exactly made up the female half of Florovsky's inner circle, to try to understand the degree of influence of these women on him, his attitude to them and their role in his destiny.

Ключевые слова: А.В. Флоровский, Валентина Афанасьевна Флоровская, Клавдия Васильевна Флоровская, Хедвина Дучевская, русское зарубежье, эмиграция, историк-эмигрант, Архив Российской академии наук, Славянская библиотека в Праге.

Keywords: A.V. Florovsky, V.A. Florovska, K.V. Florovska, H.B. Douchevska, russian abroad, emigration, historian-emigrant, Archive of Russian Academy of Sciences, the Slavic Library.

Личность известного историка и выдающегося деятеля мира русской послеоктябрьской эмиграции А.В. Флоровского (1884—1968) — крупного специалиста по истории Екатерининской законодательной комиссии, истории чешско-русских отношений, петровской международной политики, русской эмигрантской исторической науке и др. — не смотря на достаточную проработанность общих вопросов феномена русского зарубежья, продолжает привлекать внимание исследователей. Его биография, вклад в науку и общественно-политические взгляды не

раз становились объектом исторического изучения [1], но все равно остается масса вопросов к обстоятельствам и причинам той последовательности событий, которые определили его жизненный путь. В частности, абсолютно не ясны основания, позволившие ему избежать репрессий со стороны как немецких, так и, позже, советских органов власти в конце 1930-х — 1940-е гг., историческая наука еще не выявила достаточного количества фактов, которые позволили бы понять его как личность, действующую в среде «своих» и «чужих» в сложнейших исторических обстоятельствах, понять его мотивы и ценности, цели и потребности, индивидуальный механизм принятия решений, подлинные верования и убеждения.

К таким непроработанным проблемам относится и влияние на судьбу, интересы, ежедневные практики ученого его женского окружения: научного и колоннаучного. Данный аспект не был затронут исследователями прежде, хотя высокая степень влияния на личность ее ближайшего общества (семьи, коллег) очевидна. Таким образом, в настоящей статье делается попытка представить, кто именно составлял женскую половину ближнего круга Флоровского, постараться понять степень влияния этих женщин на нашего героя, его отношение к ним и их роль в его судьбе.

Ближайшим другом и соратником, разделявшим с ученым все тяготы и успехи, была его жена Валентина Афанасьевна Флоровская (29 марта (11 апреля) 1888 г. — 21 мая 1970 г.) — дочь кандидата права Афанасия Семеновича Белоусова, присяжного-поваренного, члена Городской Думы города Одессы, члена городской управы¹. О ее матери известно лишь, что ее звали Марией Ивановной и что она скончалась в Одессе в 1922 г.

Об образовании Валентины Афанасьевны трудно сказать что-либо определенное, но известно, что она была эмансипированной женщиной, до замужества работала (вероятно, канцеляристом) в городской управе Одессы в отделении, заведовавшем пенсионным обеспечением². В одесском городском управлении была налажена сложная система пенсионной поддержки: «лица, отслужившие 35 лет на госслужбе (обязательно «беспорочно»), получали пенсию как полный оклад, т.е. 100%. Лица, отслужившие от 25 до 34 лет получали половинное жалование. Кроме этого госслужащие могли дополнительно получать пенсии из своих ведомственных касс взаимопомощи. На январь 1913 г. на 2500 слу-

жащих городского управления — членов вспомогательной кассы было 500 пенсионеров»³. Об этом периоде ее жизни есть воспоминание юриста, бывшего до эмиграции помощником присяжного поверенного в одесской городской управе Павла Александровича Михайлова, проживавшего в эмиграции в Париже: «О Вас, дорогая Валентина Афанасьевна, вспоминаю больше по совокупности с переживаниями одесского прошлого. Многое из этого прошлого живет во мне, во мне теперешнем. Вижу Вас проходящей с пенсионным гроссбухом в худеньких руках через колонный зал Думы. Помните прекрасный портрет в рост Великой Екатерины работы Лампи... вижу тот отдел (в полукруглой выемке), где заседала Управа, а с утра и Вы сидели там, а вот ваше начальство»⁴.

В 1913 г. она вышла замуж за приват-доцента Новороссийского университета А.В. Флоровского. Надо признать, что с самого начала семейной жизни она имела на мужа сильное влияние, умела использовать нужные рычаги воздействия и определяла важнейшие в его жизни решения. Так, по сведениям товарища и много летнего корреспондента А.В. Флоровского историка В.Т. Голяса, именно жена уговорила Флоровского не уезжать из России с установлением советской власти [2, С. 16].

В то же время Валентина Афанасьевна была нежной и заботливой супругой. Во время ареста Флоровского в Одессе в 1922 г. она, несмотря на все его запреты и предостережения, ежедневно приходила в здание ЧК ГПУ на Канатной улице со сменой белья и продуктами. Гостицы (пироги, фрукты, мед, чай, папиросы) были присыпаемы в таком количестве, что Флоровскому приходилось существенную часть отсылать назад. Уже в это время и позднее она служила и «секретарем» Флоровского — передавала и брала для него книги и другие необходимые для работы вещи у его коллег, снабжала его бумагой и письменными принадлежностями, вела его бухгалтерию⁵.

Она продолжила вести его имущественные дела и в эмиграции, зачастую представляя семью в эмигрантских организациях и отстаивая интересы мужа перед властями Чехословакии. Так, тщась получить постоянное жилье, она параллельно с А.В. Флоровским, вступившим в 1929 г. в «Русское профессорское строительное и квартирное товарищество», вступила в строительный кооператив «Společný Domov». А после того, как они с мужем лишились права

получения квартиры, именно она подала апелляцию в Комиссию по реформе быта в Чешской республике [3, С. 82—83].

Валентина Афанасьевна во многом определяла ближний круг его внебрачных контактов. Можно сказать, что она определяла образ своего мужа и отношение к нему в русской научной эмигрантской среде. Анализ богатейшего эпистолярного наследия А.В. Флоровского показывает, что среди его многочисленных корреспондентов было всего несколько человек, переписка с которыми не прерывалась на протяжении всей его жизни. Это были эмигранты юрист П.А. Михайлов, философ И.И. Лапшин, священник Сергий Грум-Гржимайло, уже упоминавшийся советский историк В.Т. Галяс. Эти же люди состояли одновременно и корреспондентами Валентины Афанасьевны.

Кроме коллег и друзей своего мужа Валентина Афанасьевна имела и собственных друзей и корреспондентов. Второй половиной круга ее общения были женщины из русской эмигрантской среды. Она легко шла на контакт и была с радостью принимаема в их обществе. Одной из ее приятельниц, баронессой С.И. Таубе, ей посвящены следующие строки:

«Самой необыкновенной в мире женщине В.А. Флоровской — от самой несчастной в мире женщины и бывшего бога С. Таубе

Вы — не бог, но вдохновить
Можете и бога,
А ведь дар такой иметь —
Это — очень много.
Но и в тех, кого уже
Поглощает тина,
Пробуждает дух живой
Флоро... Валентина.
Мариенбад.
1948»⁶.

Валентина Афанасьевна явилась провокатором и детонатором ряда конфликтов, определивших отношения Флоровского с его окружением. Наиболее ярким примером служит его скандал с честью Максимовичей, приведший к тому, что ученый оказался непонятным большей частью русского эмигрантского круга в Праге. Эта история подробно описана в книге М.В. Ковалева «Русские историки-эмигранты в Праге» [3, С. 166—174]. У супругов Флоровских

был любимый питомец — домашний заяц. Оба были нежно к нему привязаны, его состояние и настроение были обязательным сюжетом супружеской переписки. Во время командировок А.В. Флоровского Валентина Афанасьевна писала ему: «Дорогой мой Заинька, все время гадаю и хочу узнать, как ты себя чувствуешь и как устроился. Живу я очень тихо, и только зайка требует стуком лапок меня все время к себе», «Зайка стал ужасно балованный, т.к. я одна, и он целыми вечерами сидит у меня на кровати»⁷. Уезжая из Праги в августе 1920 г., Флоровские поручили заботы о зайце Екатерине Александровне Максимович (дочери А.А. Кизеветтера и супруге члена Русского исторического общества, действовавшего в это время под председательством А.В. Флоровского, Е.Ф. Максимовича), которая обязалась кормить его, соблюдая специально утвержденную диету. Однако к возвращению Флоровских заяц заболел и вскоре умер. Проведенное вскрытие показало, что животное, вопреки рекомендованному рациону, питалось картофельными очистками, что, по утверждению Флоровской, и привело к столь печальному исходу. Разгорелся жуткий скандал, в ходе которого оппоненты пускали в ход ругательства и взаимные оскорблении, дело дошло до потасовки, основной запал которой представляли действия Флоровской, не желавшей примириться и требовавшей денежной компенсации. Последней каплей, определившей неприязненное отношение существенного числа членов русской научной diáspory к Флоровскому в этом конфликте, стало обращение его жены за поддержкой к влиятельным чешским друзьям, имевшим прямую власть над Максимовичем. В результате конфликт перенесся в коллектив Русского исторического общества в Праге, и ряд авторитетных историков вышел из числа членов по причине невозможности дальнейшей совместной работы с Флоровским, что, в конечном итоге, ускорило окончательную ликвидацию общества. Флоровский обратился в суд, что еще более усугубило его отношения со своим профессиональным сообществом.

Но была сфера, в которой Флоровский был непреклонен и не допускал ни малейшей возможность пойти на поводу у желаний жены, и никакие ее аргументы не смогли изменить его позиции. Таковым был вопрос ее профессиональной деятельности. Валентина Афанасьевна была человеком интересующимся, вникающим не только в бытовые, но и в научные вопросы. Она непрерывно зани-

малась самообразованием, интересовалась философией, религиоведением, к тому же она имела опыт профессиональной занятости в Одесский период. Флоровский, признавая высокий уровень ее интеллектуального развития, безоговорочно доверяя ее мудрости в бытовых и межличностных вопросах, относился к возможному ее погружению в профессиональный мир скептически. Этому дуализму желаемого и допустимого посвящено его стихотворение «Спор».

Спор

Она: «Научилась я стряпать искусно,
Все кругом говорят: Вы — талант!...
От похвал этих стало мне грустно,
Не плита меня манит, а Кант!...
Вот мозги с молодою картошкой,
Я обед приготовлю тебе, —
Но хотела бы знать я немножко
О явленьях и вещи в себе.
Наварила тебе я варенья,
И шарлотку с ванилью спекла, —
А в душе моей кризис сомненья
И проблема вселенского зла...»
Он: «Помогать тебе, Валя, не буду
Не могу ж я готовить обед, —
Я ищу в документах повсюду
Чешско-русской взаимности след.
Изучая событий причины
Копошась среди пыльных бумаг,
Разверну я былого картины
Как владеющий тайнами маг».«
Она: «Но высокую сладость познанья
Я ведь тоже хочу испытать, —
А должна, как раба, в наказанье,
Мыть посуду да пол подметать».«
Он: «Этот спор не сумеет на свете
Ни один человек разрешить...
Но прошу я тебя — на жилете
Эту пуговку крепче пришить...»
Апр[ель]. 1928.
Прага⁸.

В вопросе самостоятельной работы Валентине Афанасьевне пришлось смириться с критическим отношением Флоровского к женской занятости в сфере интеллектуального труда.

Невозможно понять отношение А.В. Флоровского к научной деятельности женщин русской эмиграции и вообще составить представление о роли женщин в его жизни, не упомянув о его сестре Клавдии, ставшей в свое время пионером женского присутствия в плоскости исторических научных исследований. Клавдия Васильевна Флоровская (1883—1965) окончила Высшие женские (Бестужевские) курсы в Санкт-Петербурге в 1909 г. и была оставлена для подготовки к научной работе в области истории европейского средневековья. Ее учителями были известные учёные: И.М. Грэвс, М.И. Ростовцев, Л.П. Карсавин, под руководством которых она в 1910—1912 гг. проводила архивные исследования в хранилищах Италии, Франции и Ватикана. По сведениям В.В. Левченко, во Франции ей посчастливилось слушать лекции выдающихся медиевистов Ш.В. Ланглаа и Ф. Лота [4]. Позже на базе обнаруженных материалов она написала ряд научных статей и начала работать над докторской диссертацией, к сожалению, оставшейся незавершенной. Ей так же принадлежит авторство ряда статей для второго издания «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефона» [5]. В 1914 г К.В. Флоровская вернулась в Одессу, с 1917 г. преподавала на Высших женских курсах и в Новороссийском университете. Она читала лекции по курсу «Общественные и политические движения в Италии в Средние Века» и вела пресеминарий по общей истории.

16 сентября 1919 г. Советом Новороссийского университета К.В. Флоровская была избрана первой женщиной приват-доцентом. Вызывает сомнение утверждение В.В. Левченко о том, что принятие Флоровской в число преподавателей высшей школы объясняется участием Антония Флоровского. Вероятно, успех К.В. Флоровской был обусловлен ее профессиональными качествами и высоким уровнем подготовки. По сведениям друга Флоровских В.Т. Голяса, А.В. Флоровский, «будучи членом Совета университета, отсутствовал на его заседании, когда родная сестра Клавдия была принята приват-доцентом на кафедру всеобщей истории» [2, С. 15].

Во время решительного наступления Красной армии и сдаче Вооруженными силами Юга России и Одесским гарнизоном города Флоровские решили бежать, попав в одну из последних групп гражданского населения, успевших покинуть страну при Одесской эвакуации 1920 г. Отъезд происходил в страшной суматохе, в чрез-

вычайно холодном и снежном январе 1920 г. Флоровская уехала без теплой одежды и минимального количества необходимых вещей. Выписки, рабочие материалы и наброски докторской диссертации также пришлось оставить.

В Болгарии она поселилась в пригороде Софии, вместе с родителями в предоставленной ее отцу, как инспектору Софийской духовной семинарии, квартире. Вскоре после заселения стали появляться слухи о «выгонке из семинарии» и «выселении из Софии всех русских», а в 1923 г. квартира была отобрана под нужды агрономического факультета Софийского университета, и семья была вынуждена снимать небольшую квартиру в городе.

В течение всех лет жизни в Софии Флоровская преподавала в болгарских и русских гимназиях (а также короткое время в католическом французском колледже) русский язык и латынь. Доходы ее, как и ее родителей, были чрезвычайно скромны, и совместное проживание на первых порах диктовалось не только целями взаимной заботы, но и соображениями финансового характера. Флоровская писала брату Антонию, что, если «нам пришлось бы разделиться, и тогда мы не могли бы прожить на наши заработки порознь. Наш единственный ресурс — моя русская гимназия, где, если я и получу, паче чаяния, еще несколько уроков, то этого, может быть, хватит только на квартиру, и то не наверное»⁹.

В первые годы эмиграции она не теряла надежду возобновить работу в научной сфере и попыталась предпринять исследование вопроса о разделении Церкви на православную и католическую. Однако ей пришлось столкнуться с двумя проблемами: во-первых — с обстоятельством нехватки источников и книг, осложнившим работу всех ученых-гуманитариев в ее положении в 1920-е гг., а во-вторых — необходимости зарабатывать себе на жизнь, что лишило ее возможности располагать временем на исследования и в то же время не давало достаточно средств для необходимых заграничных поездок. Обе эти проблемы могли бы быть решены путем получения стипендии для продолжения научной работы, так называемой «вольной вакансии», в Чехословакии. В 1922 г. она подала документы в Русскую учебную коллегию в Праге и была включена в список подобных ей преподавателей русской высшей школы, ожидающих финансовой поддержки для продолжения научной работы. И эта возможность ей вскоре представилась.

В 1923 г. Флоровский сообщил сестре о свободном месте преподавателя в Берлинском русском институте, но она ее отвергла по причине неясности вопроса о финансовом обеспечении. В январе 1924 г. Флоровской внезапно была предложена желаемая «вольная вакансия» в Праге. Но после раздумий она была вынуждена от нее отказаться, мотивируя свой ответ тем, что ее финансовое положение приобрело определенную стабильность, а семейная ситуация требует ее присутствия в Софии, поскольку ее доход является подспорьем для престарелых родителей¹⁰.

Формально она не входила в состав русской академической группы в Болгарии, но, тем не менее, играла в ее жизни активную роль. Так, в мае 1925 г. она вошла в состав инициативной группы, организованной по просьбе русских студентов публичные лекции на исторические и литературоведческие темы, докладчиками на которых выступали видные ученые: П.М. Бицилли, С.С. Демосфенов, П.М. Савицкий и, вероятно, В.А. Мякотин и А.А. Кизеветтер. Можно встретить утверждение, что в эмиграции Флоровская занимала должность доцента в Софийском университете, однако ее письма этот факт опровергают¹¹.

Со временем она все отчетливее понимала бесперспективность своего пребывания в эмиграции, чаще говорила о желании вернуться на родину, несмотря на опасения «чувствовать себя там более чужой, чем на чужбине». В 1955 г. она репатриировалась в СССР. Здесь она зарабатывала на жизнь переводами с болгарского, латыни, немецкого, английского, итальянского, одновременно изучая новые для себя языки — испанский и польский. До преклонных лет она сожалела о неудавшейся научной карьере. Обращения к ней брата Антония с просьбами просмотреть научные работы в советских библиотеках и сделать для него выписки (как прежде она это делала в библиотеках Болгарии) всегда расценивала как подарок судьбы и неизменно благодарила его за эти поручения.

Клавдия Васильевна была единственной женщиной-ученым, к возможностям которой Флоровский относился в довоенные годы без скепсиса. Надо признать, что в силу удаленности и невозможности часто видеться (братья и сестра после 1920 г. проживали в разных странах), мощного влияния Валентины Афанасьевны Флоровской, а также из-за собственного склада характера Клавдия Васильевна, лишенная всяких властных претензий, не оказывала

на брата реального воздействия, хотя и пользовалась в его глазах непрекаемым авторитетом.

Надо сказать, что еще до эмиграции Клавдия Васильевна испытала на себе проявление мужского неверия в творческие возможности женщин в области науки, которое исходило от ее учителей по Бестужевским женским курсам. Но ее братья — выдающиеся ученые Антоний и Георгий Флоровские — всегда высоко ценили ее исследовательский дар.

Клавдия Васильевна познакомила Флоровского с дочерью болгарского инженера Бориса Дучевского Хедвиной — студенткой химического факультета в Праге. История близкого знакомства Флоровского с этой девушкой служит примером его несерьезного отношения к способностям женщин в научной сфере. На протяжении нескольких месяцев ученый с женой сдавали ей одну из комнат в своей квартире. Флоровский был рад присутствию в доме «Хети», вносявшей оживление в его быт. Но примечательно, что основным моментом, который заострял на себе его внимание, были ее веселый характер и любовные отношения, а не образованность. Они производили на него настолько яркое впечатление, что он посвятил ее романтическим увлечениям целый ряд стихотворений. Среди них следующие:

В альбом Х.Б. Дучевской¹²

К нам прилетела как-то муха
На месяц, может быть, на два.
Жужжала тихо, и для слуха
Была приметна лишь едва.
Та муха химию любила,
Летала в школу иногда,
с успехом формулы зубрила
И верила, что H_2O — вода
Прошли недели, месяцы и годы
Не стала муха та слоном,
Но все ж студентов хороводы
У ней сбирались под окном...
Но налетело вдруг ненастье
У муhi той аппендицит!
Отросток вырезан был, к счастью,
В больнице муха полежит.
Кругом тревога и волненье,
И полон рот у всех хлопот.

Ведь ждет ее выздоровленья
И весь Болгарии народ.
(Во всяком случае, молодая генерация химиков в лице г[оспод]
Пехлеванова, Маринкова и др.)
И на Буловку все поспешно
Несут сочувствие, привет —
Тут дипломат, тут «друг сердечный»
Здесь баба Марья, В. Флоровска,
«Сига» с медичкой — вот букет!
И минут дни, домой вернется
Наш химик-муха, молодец,
За формулы опять возьмется
И школу кончит, наконец.
Но будет знать — жизнь не забава,
Путь жизни — смена гор и рвов,
И только дым — вся наша слава!...
Из жизни вывод вот каков
Ее хозяев — старичков!
Май 1949 г.

Престарелое инкогнито из Дейвиц.
Prélud F Dur. Opus 373¹³
Не мотыльки в ночи летали
Вокруг пылающих свечей, —
То молодцев к ней привлекали
Лучи сверкающих очей.
Был среди них и лирик томный,
Был тут и просто грубиян,
Но был и некто преогромный,
(Кого б на первый надо план).
По воле злой аппендицита
Попала в Буловку она,
И операция отлично
Была над ней совершена.
В больничном зале на Буловке
Сходились вокруг нее они
Кто ж был из них тут самый ловкий?
Горели для кого тех глаз огни?
У них у всех — свои надежды.
Второй уж сваху подсыпал,
Но выбрав для сего невежду,
Все шансы сразу подорвал.
А первый, ревностью томимый,
Свой пламень такту подчинял,
Но все ж пред ней, своей любимой,
Не раз любовь свою являл.

А третий? Ах, он — старина,
За тридцать лет ему. И что ж?
Его всем предпочла она,
Хоть он-то на нее и поднял нож!
1.VI. 1949.

Впоследствии Флоровский, поддерживавший теплые отношения с Дучевской многие годы, смог убедиться, что был несправедлив к молодой девушке. Она стала крупным инженером-химиком, автором ряда заметных научных трудов и почетным гражданином болгарского города Банско. И хотя Хети Дучевская жила в доме Флоровских недолго, она смогла стать пожилой чете близким другом.

Возможно, неудача Клавдии Флоровской в развитии научной карьеры, или, что более вероятно, все большая включаемость женщин в исследовательскую работу без реального научного результата, а, возможно, распространенные в ту пору стереотипы, привели Флоровского к вполне осознаваемому отрицательному отношению к женской учености. В его архиве в Праге находится такое стихотворение на эту тему:

Друзья, горюю я сердечно,
Что даже поздно так писать, —
Но все же я могу, конечно,
Свое желанье вам сказать.
И не примите за злословье
Желанье сбыть одну беду:
Ученых женщин чтоб сословье
Исчезло в будущем году.
А те, которые остались
И не усохли до конца —
Постичь скорее бы старались
Предмет священный Молиховца^{*14}.

При общей саркастической манере А.В. Флоровского выражаться в своих поэтических произведениях о коллегах, наиболее обидные слова им были адресованы именно в адрес женщины-ученого из числа русских эмигрантов — магистру всеобщей истории Карлова университета Марии Александровне Андреевой. В приводимом ниже произведении он высмеивает ее претензии на лидирующие позиции в Русском историческом обществе:

* Так в тексте.

У историков беда
Рой-то их без матки
И пошли у них тогда
Меж собою схватки.
Марья мечет, Марья рвет,
Лицо злой пышет,
Так что даже Всеволод¹⁵
Перед ней не дышит.
Хочет Марья роль играть,
Зависть ее гложет,
Только грамотно писать,
Бедная, не может¹⁶.

Отношение к женской образованности у Флоровского изменилось только в середине 1940-х годов. После знакомства с советскими коллегами: Е.П. Подъяпольской, Л.П. Лаптевой, В.П. Адриановой-Перетц и другими в его произведениях пропадает сарказм в адрес женщин-историков и их стремлений к самореализации в науке. Его переписка с ними наполнена уважением к их профессионализму и высоким научным достижениям.

Кстати, именно благодаря женской половине его окружения историческая наука приобрела ценнейший комплекс подлинных исторических источников — его личный архив.

После кончины ученого его вдова В.А. Флоровская избрала доверенным лицом многолетнего корреспондента и доброго друга своего мужа — научного сотрудника Института истории АН СССР Е.П. Подъяпольскую, которую просила приехать как можно скорее для разбора архива. Завещание Флоровского гласило: «Все мои работы в рукописи надлежит сохранить и лучше всего сдать в архив Академии наук в Праге или в Москве»¹⁷. Е.П. Подъяпольская смогла получить командировку в Прагу только через год. За это время часть архива при довольно запутанных обстоятельствах была перевезена в Славянскую библиотеку в Праге [7]. В результате архив ученого распался на две половины: одну Е.П. Подъяпольская в 1969 г. забрала в Москву, вторая осталась в Славянской библиотеке в Праге.

Передача В.А. Флоровской Архиву Академии наук СССР части собрания, находящейся в ее распоряжении, состоялась в октябре 1969 г. Это переписка с советскими и иностранными корреспондентами, официальные документы: метрика, паспорт, удостоверение личности, трудовая и сберегательная книжки, дипломы и

свидетельства, рукописи научных трудов и конспекты лекций, фотографии.

В.А. Флоровская сознавала ценность документов, находящихся в ее руках, для изучения истории русского зарубежья и постаралась сделать все необходимое для их сохранения и научного использования. Для исключения ошибок в описании она помогла атрибутировать и систематизировать передаваемые материалы, особенно важным оказалась ее помощь в определении лиц на фотографиях. В январе 1970 года названные документы поступили в Архив АН СССР.

В фонде ученого в Славянской библиотеке хранится большое количество биографических материалов. Среди личных документов: удостоверение личности, свидетельства, подтверждения, дипломы, членский билет общества «Золотой крест», заявление о гражданстве СССР, уведомлением посольства СССР по данному вопросу. Несколько обособленных групп личных документов связаны с установлением в Чехии немецкого протектората, присутствуют документы финансового значения, документы о санаторном лечении.

В Славянской библиотеке хранятся списки и планы лекций в Карлове университете и Русском народном университете, выступлений, отчеты о работе, договора на издание трудов, переписка с архивами, библиотеками, научными обществами. Сохранились рукописи работ по русско-чешским отношениям, истории России в эпоху Петра I, католическом влиянии в России, славянском вопросе. Присутствуют лекционные курсы, отзывы о трудах других лиц. Сочинения А.В. Флоровского, хранящиеся в Праге, не ограничиваются научными трудами, здесь присутствуют поэтические произведения ученого. В корпусе переписки имеются письма к А.В. Флоровскому от частных лиц, учреждений и организаций. В Славянской библиотеке хранится большое количество материалов Русского исторического общества в Праге, Комитета советских граждан, Русского заграничного исторического архива, Института им. Н.П. Кондакова.

В 1974 г., после кончины Валентины Афанасьевны и согласно ее завещанию, в СССР была привезена еще одна большая часть личного архива А.В. Флоровского, находившаяся на временном хранении в Библиотеке советских граждан в Праге: научные ра-

боты, документы финансового характера — всего шесть архивных коробок — поступили в архив 21 января 1976 г.

Валентина Афанасьевна распорядилась, чтобы после ее кончины все средства, вырученные от продажи ее имущества, были переданы Институту истории СССР АН СССР для учреждения стипендии имени А.В. Флоровского, предназначеннной для подготовки творчески одаренного специалиста-историка, который продолжил бы исследования ученого в области истории русско-чешских отношений, тем самым содействуя развитию отечественной науки и укреплению братской дружбы славянских народов.

Подводя итоги можно сказать, что женское окружение оказалось на жизнь А.В. Флоровского колоссальное воздействие. Наиболее влиятельной из близких к нему женщин была жена Валентина Афанасьевна. Обладая высокой приспособляемостью, она легко (быстрее большинства членов русской диаспоры) включилась в гражданскую сферу Чехословакии, о чем свидетельствует ее обращение в чешские органы власти, полицию, дружеские отношения с чехами и др., а ее сильное влияние на мужа, осуществлявшееся даже в мелочах, предрешили вопрос его социализации в Праге. Авторитет и высокий профессионализм сестры Клавдии позволили Флоровскому сохранить веру в способность женщин работать в научной сфере и лояльность в отношении советской родины, что позволило ему после войны стать естественной частью советской исторической науки. Женщины обеспечивали повседневную жизнь Флоровского, вдохновляли его и, в конечном итоге, создали возможность изучения его биографии и научного наследия, организовав сохранность его документов в архивах.

Библиография

1. Аксенова Е.П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А. В. Флоровского // Культурное наследие российской эмиграции 1917—1940. Сборник материалов международной научной конференции. М., 1993. С. 17—18; она же «Жрец» Клио (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. 11. № 1. С. 32—47;
2. Ковалев М.В. А.В. Флоровский (1884—1968): пражская жизнь одесского профессора // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 123—140 и др.
3. Галяс В.Т. Русский историк-славист А.В. Флоровский // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. 10/2003. № 15 .
4. Ковалев М.В. Русские историки-эмигранты в Праге (1920—1940 гг.). Саратов, 2012. С. 82—83.

5. Левченко В.В. Из истории высшей школы Одессы: первая женщина приват-доцент — Клавдия Васильевна Флоровская (1883—1965) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск: РИО БГУ, 2012. С. 161—174.
6. Галчева Т.Н., Голубович И.В., «Понемногу приспособляюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицили и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: «Солнце», 2015. С. 34.
7. Kovalev M.B., Личный фонд А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. М., 2013. С. 135—136.

Bibliography (transliterated)

1. Aksenova E.P. Istoricheskaja nauka SSSR i russkogo zarubezh’ja v ocenke A.V. Florovskogo // Kul’turnoe nasledie rossijskoj jemigracii 1917—1940. Sbornik materialov mezdunarodnoj nauchnoj konferencii. M., 1993. S. 17—18; ona zhe «Zhrec» Klio (k nauchnoj biografii A.V. Florovskogo) // Vestnik slavjanskikh kul’tur. 2009. T. 11. № 1. S. 32—47;
2. Kovalev M.V. A.V. Florovskij (1884—1968): prazhskaja zhizn’ odesskogo professora // Novaja i novejshaja istorija. 2017. № 6. S. 123—140 i dr.
3. Galjas V.T. Russkij istorik-slavist A. V. Florovskij // Deribasovskaja — Rishel’evskaja: Odesskij al’manah. 10/2003. № 15.
4. Kovalev M.V., Russkie istoriki-jemigranty v Prague (1920—1940 gg.). Saratov, 2012. S. 82—83.
5. Levchenko V.V. Iz istorii vysshej shkoly Odessy: pervaja zhenshhina privat-docent — Klavdija Vasil’evna Florovskaja (1883—1965) // Problemy slavjanovedenija. Sb. nauchnyh statej i materialov. Brjansk: RIO BGU, 2012. S. 161—174.
6. Galcheva T.N., Golubovich I.V. «Ponemnogu prisposobljajus’ k “nezavisjashhim obstojatel’stvam”». P.M. Bicilli i sem’ja Florovskih v pervye gody jemigracii. Sofija: «Solnce», 2015. S. 34.
7. Kovalev M.V. Lichnyj fond A.V. Florovskogo v Slavjanskoj biblioteke v Prague: sostav dokumentov i istorija formirovanija // Fundamental’naja nauka: problemy izuchenija, sohraneniya i restavracii dokumental’nogo nasledija. M., 2013. S. 135—136.

¹ Официальный сайт города Одесса. Электронный ресурс. URL: <http://omr.gov.ua/ru/56124> Дата обращения 5 апреля 2018 г.

² Архив Одесской области. Ф. 16 «Одесская городская управа».

³ Архив Одесской области. Ф. 16 «Одесская городская управа». Электронный ресурс: <http://omr.gov.ua/ru/56124> Дата обращения 5 апреля 2018 г.

⁴ Письмо П.А. Михайлова от 25 августа 1958 г. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 317. Л. 53 об.

⁵ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 171.

⁶ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor (SK. T-Flor). Krab. I.B. Desk. č. 9. Inv. č. 1.

⁷ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 457.

⁸ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor (SK. T-Flor). Krab. I.B. Desk. č. 9. Inv. č. 1—2.

⁹ Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому от 26 июля 1923 г. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 25 об.

- ¹⁰ Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому от 17 января 1924 г. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 40.
- ¹¹ Письмо К.В. Флоровской А.В. Флоровскому от 13 сентября 1922 г. Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 458. Л. 1 об.
- ¹² Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor (SK. T-Flor). Krab. I.B. Desk. č. 9. Inv. č. 4.
- ¹³ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor (SK. T-Flor). Krab. I.B. Desk. č. 9. Inv. č. 4.
- ¹⁴ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor (SK. T-Flor). Krab. I.B. Desk. č. 9. Inv. č. 1—2.
Молоховец Елена Ивановна (1831—1918) — писатель, автор самой популярной в дореволюционной России кулинарной книги «Подарок молодым хозяйкам или средство к уменьшению расходов в домашнем хозяйстве», вышедшей общим тиражом (включая переиздания) в количестве 300 тысяч экземпляров.
- ¹⁵ Саханев Всеволод Васильевич (1885—1940) — историк, профессор, преподаватель Русского свободного университета и сотрудник Русского заграничного исторического архива в Праге, член Русского исторического общества.
- ¹⁶ Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A.V. Florovskij. T-Flor (SK. T-Flor). Krab. I.B. Desk. č. 9. Inv. č. 1—2.
- ¹⁷ Архив РАН. Ф. 1592. Оп. 2. Д. 320. Л. 73.

О.Д. Лившиц

Панкратова Анна Михайловна — советский историк¹

Аннотация: В статье на основе архивных документов дано описание и анализ деятельности историка Анны Михайловны Панкратовой, первой женщины-академика среди отечественных российских историков. Ее имя неразрывно связано с историей советской исторической науки.

Abstract: Based on archival documents, the article describes and analyzes the activities of the historian Anna Mikhaylovna Pankratova, the first female academician among Russian historians. Her name is inextricably linked with the history of Soviet historical science.

Ключевые слова: Анна Михайловна Панкратова, Нюра Палич, историк, архивные документы, научный поиск.

Keywords: Anna Mikhaylovna Pankratova, Nyura Palich, the historian, archival documents, scientific search.

Среди личных фондов ученых в Архиве Российской Академии наук имеются фонды женщин-ученых. В их числе представлен фонд историка Анны Михайловны Панкратовой (№ 697), первой женщины-академика среди отечественных российских историков, ее имя неразрывно связано с историей советской исторической науки. Документы фонда были переданы в Архив в 1957 г. дочерью Панкратовой — Майей Григорьевной Панкратовой. Личный архивный фонд А.М. Панкратовой содержит документы научного, биографического, служебного характера и отражает ее научную, педагогическую и общественную деятельность. Она относилась к поколению ученых, привнесших в науку бесспорный приоритет большевистской партийности. «Вот товарищи спрашивают: чья она?» — говорила Анна Михайловна на торжественном заседании в Академии наук СССР 21 февраля 1957 г., посвященном ее 60-летию и 40-летию научно-педагогической и общественной деятельности. И отвечала: «Дочь рабочего класса, дочь нашей партии! А отсюда и все остальное»² [2. С. 5]. Жизнь Панкратовой подтверждает справедливость такой оценки.

Анна Михайловна Панкратова родилась в Одессе 4 (16) февраля 1897 г. в семье рабочего, выходца из крестьян Калужской губер-

нии. Выучившись грамоте самоучкой, поступила во второй класс Одесской народной школы и закончила ее с отличием, с 14 лет она жила самостоятельно, давая уроки за стол и квартиру.

В 1914 г. А.М. Панкратова окончила гимназию и поступила на историко-филологический факультет Одесских высших женских курсов. Одновременно с учебой она вела педагогическую работу в воскресной школе для взрослых.

Весной 1917 г. Анна Михайловна окончила исторический факультет Новороссийского университета, который был объединен с Высшими женскими курсами³.

В 1917—1918 гг. она работала в Одессе инструктором по внешкольному образованию в Одесском уезде, где и встретила известие об Октябрьской социалистической революции. В январе 1918 г. А.М. Панкратова принимает активное участие в организации советской власти в селах Одесского уезда. Вскоре Одесский уездный совет отзывает ее в Одессу и поручает создание подотдела по внешкольному образованию, которым она заведовала до весны 1918 г. Когда на Украину вторглись немецкие оккупанты, из Одессы А.М. Панкратовой пришлось вместе с органами Советской власти эвакуироваться в Крым, где она короткое время работала в редакции симферопольской газеты Губпрофсовета. Осенью 1918 г. А.М. Панкратова нелегально вернулась в Одессу, где товарищи устроили ее библиотекарем в волостную Сычевскую библиотеку, которая вскоре стала центром связи для партизанских отрядов. Панкратова готовила материалы для подпольной газеты, передавала секретные военные сводки, добывавшиеся в деникинских штабах.

Товарищ по подполью вспоминает: «Ее звали в подполье Нью-рой Палич. Эта была ее партийная кличка. Ей было тогда немногим более 20 лет. В условиях белогвардейского террора в Одессе любого коммуниста, попавшего в лапы врагов, могла ожидать только смерть после пыток. Самоотверженная энтузиастка Н. Палич зажигала пламенем священной борьбы за осуществление идей партии рабочий класс города. Ее любимое стихотворение, которое она процитировала, когда хоронили товарищей, павших в борьбе:

«Не нужно ни песен, ни слез мертвцам,
Воздайте им лучший почет:
Бесстрашно шагайте по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!»⁴.

В феврале 1919 г. она вступила в большевистскую партию, тогда находившуюся в подполье. Весной 1919 г. после разгрома интервентов и белогвардейщины А.М. Панкратова была отзвана для работы в Одессу секретарем райкома партии молдаванского района, и летом 1919 г. ее командировали на 1-й Всеукраинский съезд Советов, а затем на Всероссийский съезд по внешкольному образованию.

В годы Гражданской войны (1918—1920) Анна Михайловна участвовала в партизанском движении в Одесской губернии, являясь членом РКП(б) с 1919 г. В 1920—1921 гг. она находилась на партийной работе, начав с председателя завкома Каслинского металлургического предприятия (известного благодаря своему художественному литью и сегодня). Почти все время А.М. Панкратова проводила в разъездах по уральским заводам, помогая восстановлению фабзавкомов и профсоюзов.

В 1922 г. она была отзвана в Москву, где поступила во вновь созданный Институт красной профессуры (ИКП) Комакадемии на историческое отделение. Одновременно с учебой в ИКП преподавала историю в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, Комвузе им. Я.М. Свердлова, на Высших военно-политических курсах при Академии Генерального штаба.

В 1925 г. А.М. Панкратова окончила Институт красной профессуры и была направлена на год в научную командировку в Германию и во Францию, где занималась изучением истории рабочего класса и пролетарского движения Западной Европы.

После возвращения в СССР осенью 1926 г. Анна Михайловна была командирована в Ленинград, где преподавала историю СССР в Коммунистическом университете и в Военно-политической академии, была членом правления Института истории при Ленинградском университете (филиал Института истории РАНИОН), инициативно участвовала в организации Института марксизма (преобразован из НИИ при Коммунистическом университете). Интересной является переписка, которая велась между А.М. Панкратовой и М.Н. Покровским в этот период⁵. В ней, описывая ситуацию в научных кругах Ленинграда, она противопоставляла бурные споры молодых историков-марксистов академизму заседаний Института истории. Покровский давал своей ученице наставление по перестройке в большевистском ключе работы ленинградских ученых.

Политика преобладала не только в деятельности Панкратовой-историка. Свой тяжелый след оставила она и в ее личной жизни. В 1927 г. Анна Михайловна рассталась с мужем, одна растила дочь. Двадцать лет спустя она назвала этот разрыв «самым трудным и больным»⁶ событием своей жизни. Его причина была весьма характерной для тех лет и отвечала избранному Панкратовой жизненному пути: «Мы с ним по-разному понимали задачи партии»⁷.

В 1927 г. она была отзвана в Москву для руководства учебно-педагогической работой в Высшей школе профсоюзного движения ВЦСПС (заведовала Учебной частью до 1929 г.). В 1928 г. А.М. Панкратовой было присвоено звание профессора, в 1929 г. Анна Михайловна была избрана действительным членом Коммунистической академии и по решению ЦК ВКП(б) занималась руководством Института истории этой Академии. Там она организовала секцию по изучению истории рабочего класса. В течение нескольких десятилетий А.М. Панкратова вела напряженную исследовательскую работу, причем уже с самого начала она избрала темой, определяющей ее научные интересы и пронизывающие все ее труды, — историю российского пролетариата, как наиболее революционного класса, возглавившего освободительную борьбу народов нашей страны и приведшего их к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Анна Михайловна в статье «Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX в.» писала: «Исполненная глубокого драматизма, волнующая своей беспримерной самоотверженностью и героизмом, история борьбы за свободу русского рабочего класса и его далеких предшественников имеет неоценимое воспитательное значение, как для молодых поколений народов СССР, так и для борющегося за свободу и социализм пролетариата во всем мире. Вот почему так ценно каждое документальное свидетельство об освободительной борьбе пролетариата России, сохранившееся в исторических памятниках. Работа по кропотливому собиранию и заботливому сохранению малейших упоминаний о боевых выступлениях русских рабочих должно стать патриотическим долгом советских историков»⁸.

В августе 1933 г. Панкратова выступила на VII конгрессе исторических наук в Варшаве с докладом «История заводов СССР (задачи и методы исторического исследования отдельных предприятий в СССР)». В письме Н.М. Лукину еще за год до конгресса

Анна Михайловна писала о главной идее своего доклада: «Основная тенденция ясна — подобного размаха научно-исследовательскую работу можно предпринять только в СССР. Подлинно научной истории фабрик и заводов в капиталистических странах... создать невозможно»⁹. Эту идею она донесла до слушателей. Приведем отзыв русского историка-эмигранта А.В. Флоровского: «Я прослушал с вниманием доклады Горина, Преображенского, Панкратовой, Волина и Державина. Доклад Панкратовой был наиболее дельным в прямом смысле — он давал просто информацию о постановке в Советской России изучения истории промышленности и промышленного труда... Панкратова стоит в центре этого движения научной работы». И далее: «Свою информацию она дала с решительным подчеркиванием «марксистской» постановки этого дела и его «беспримерности»¹⁰. [3. С.14].

В 1935 г. А.М. Панкратова получила степень доктора исторических наук, с 1929 по 1936 г. работала в Институте истории при Коммунистической академии.

Она преподавала в Московском государственном университете, сначала в должности и.о. профессора факультета общественных наук (1927—1929), затем профессора исторического факультета (1934—1936, 1947—1953) и заведующей кафедрой истории СССР (1934—1936).

В период с 1937 по 1939 г. Анна Михайловна работала в Саратове — заведовала кафедрой истории СССР исторического факультета Саратовского государственного университета, руководила семинаром по истории народов Поволжья. По ее инициативе на историческом факультете была создана аспирантура. За время ее педагогической работы было подготовлено большое количество молодых историков, защитивших после окончания аспирантуры кандидатские и докторские диссертации. Стоит заметить, что много аспирантов работало под ее руководством из среды молодых научных работников национальных советских республик, с которыми она сохраняла постоянную связь. Подтверждение этому можно найти в обширной переписке А.М. Панкратовой, сохранившейся в ее фонде в Архиве Российской академии наук.

28 января 1939 г. Анна Михайловна была избрана членом-корреспондентом АН СССР по Отделению общественных наук, в 1940 г. — действительным членом Академии наук БССР.

С 1939 по 1946 г. А.М. Панкратова являлась заместителем директора, а с 1947 по 1957 г. — старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, заведовала кафедрой истории СССР исторического факультета Московского педагогического института им. В.И. Ленина (1942—1947), преподавала в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (1947—1957).

В годы Великой Отечественной войны вместе с группой специалистов Института истории АН СССР она была эвакуирована в Алма-Ату. Под ее руководством группа видных ученых-историков из Москвы, Ленинграда и Алма-Аты за два года (1941—1943) подготовила капитальный труд «История Казахской ССР». Это был первый в советской исторической науке опыт обобщения истории в масштабе союзной республики с древнейших времен до первых лет Великой Отечественной войны. В авторском коллективе приняли участие А.Н. Бернштам, М.П. Вяткин, Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин и др. Книга дала стимул для научного поиска, дискуссий, расширения круга исторических источников.

В 1944 г. А.М. Панкратова была избрана действительным членом Академии педагогических наук, 23 октября 1953 г. — действительным членом АН СССР по Отделению исторических наук.

Анна Михайловна представляла советскую историческую науку на международных конгрессах историков: в Варшаве (1933—1934), в Будапеште (1953), в Риме (1955). Возглавляла Национальный комитет историков СССР (1955—1957), была председателем Ассоциации содействия ООН в СССР.

В 1955 г. она была избрана членом Румынской академии наук и почетным членом Венгерской академии наук, в 1957 г. — иностранным членом АН ГДР.

А.М. Панкратова — автор около 200 научных работ по истории русского и западноевропейского рабочего движения, революции 1905—1907 гг., Октябрьской революции, национально-освободительной борьбы, руководитель многотомных документальных публикаций по истории революционного движения. Занималась общественно-политической историей, историей дипломатии, исследовала вопросы профсоюзных движений в России, Германии, Италии и Франции.

Анна Михайловна участвовала в подготовке второго тома «Истории дипломатии» (1945), которой была присуждена Сталинская премия первой степени в 1946 г.

А.М. Панкратова была автором первого советского учебника по истории СССР для средней школы, который выдержал 17 изданий. Она много занималась методикой преподавания истории в школе и вузах.

Панкратова была членом редколлегий журналов «Историк-марксист», «Борьба классов», «Исторический журнал», «Советская книга» и др., главным редактором журнала «Вопросы истории» (1953—1957).

Анна Михайловна была удостоена званий «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1943), «Заслуженный деятель науки Казахской ССР» (1943), награждена Государственной премией СССР (1946), орденами Ленина (1953), Трудового Красного Знамени (1945, 1957) и медалями.

На XIX и XX съездах КПСС (1952, 1956) А.М. Панкратова избиралась в члены ЦК, являлась депутатом Верховного Совета СССР IV созыва и членом Президиума Верховного Совета СССР (1954—1957), членом АПН РСФСР (1944).

Жизнь и научная деятельность Панкратовой пришлись на трудные, во многом трагические годы. Непросто сложилась ее судьба историка и человека. За внешним благополучием успешной карьеры крупного организатора исторической науки ее мучила творческая недовольство — она не успевала завершить историю рабочего класса России, хотя готовилась к созданию такого капитального труда более трех десятилетий. «Невозможность ответить своему внутреннему стремлению исследователя, — вспоминал хорошо знавший Анну Михайловну академик Н.М. Дружинин, — было настоящей драмой ее жизни»¹¹ [1. С.241].

Всю свою сознательную жизнь Анна Михайловна Панкратова посвятила делу коммунистической партии, социалистической родине, героическому советскому народу. Панкратовой, превыше всего ставившей интересы партии, неоднократно приходилось идти на компромиссы в своей работе. Анне Михайловне было присуще самое, пожалуй, важное для историка качество — стремление к научному поиску. Панкратова, человек своей эпохи, в своем творчестве отразила многие характерные черты первого поколения советских историков-профессионалов.

Библиография

1. Дружинин Н.М. Воспоминания об Анне Михайловне Панкратовой // Н.М. Дружинин. Избранные труды. Кн.4. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 239—253.
2. Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб. статей. М., 1958. С. 4—12.
3. Флоровский А.В. Историки в Польше // Россия и славянство (Париж). 1933. № 225. Октябрь. С. 12—19.

Bibliography (transliterated)

1. Druzhinin N.M. Vospominaniya ob Anne Mixajlovne Pankratovoj // N.M. Druzhinin. Izbranny'e trudy'. Kn.4. Vospominaniya, my'sli, opy't istorika. M., 1990. S. 239—253.
2. Iz istorii rabochego klassa i revolyucionnogo dvizheniya. Sb. statej. M., 1958. S. 4—12.
3. Florovskij A.V. Istoriki v Pol'she // Rossiya i slavyanstvo (Parizh). 1933. № 225. Oktyabr'. S. 12—19.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00238-А.

² Из истории рабочего класса и революционного движения. Сб. статей. М., 1958. С. 5.

³ Архив РАН. Ф.411. Оп.3. Д.212. Л.10.

⁴ Там же. Л.145.

⁵ Переписка А.М. Панкратовой и М.Н. Покровского. Музей современной истории России Ф. Дя—48.

⁶ Архив РАН. Ф.697. Оп.2. Д.186. Л.30.

⁷ Там же.

⁸ Статья А.М. Панкратовой «Волнения рабочих в крепостной России первой половины XIX в.». Архив РАН. Ф.697. Оп.1. Д.91. Л. 2-3.

⁹ Архив РАН. Ф.359. Оп.21. Д.11. Л.17 об.

¹⁰ А.В. Флоровский. Историки в Польше // Россия и славянство (Париж). 1933. № 225. Октябрь. Ст. 14.

¹¹ Н.М. Дружинин. Воспоминания об Анне Михайловне Панкратовой // Н.М. Дружинин. Избранные труды. Кн.4. Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С.241.

Н. В. Литвина

«Главное в экспедициях не книги, а люди — их вера, традиции, память»: археографический путь профессора И. В. Поздеевой

Аннотация: И. В. Поздеева — историк, профессор МГУ, известный исследователь старообрядчества и основатель археографической школы МГУ. И. В. Поздеева более 50 лет руководит комплексными археографическими исследованиями в пяти старообрядческих регионах. Фонды НБ МГУ пополнили более чем 4500 старопечатных и рукописных памятников. Благодаря комплексным исследованиям, начатым И. В. Поздеевой в 1972 г., Верхокамье стало известным и наиболее изученным старообрядческим регионом. Профессор Поздеева — автор методики поэземплярного описания кириллической книжности, под ее руководством описаны государственные книжные фонды трех регионов страны (XV—XVIII вв.). И. В. Поздеева с коллегами проанализировала и опубликовала архивные документы по истории Московского печатного двора, в результате чего была в корне пересмотрена роль московского книгопечатания в XVII в.

Abstract: I.V. Pozdeeva — historian, Professor of Moscow state University, well-known researcher of old belief and the founder of the «archeographical» school of the MSU. I.V. Pozdeeva more than 50 years is the head of expeditions of complex research and complex investigation of in five old believer regions. The University library's collection were joined more than 4,500 incunabula and manuscripts. Thanks to the extensive research, begun by I.V. Pozdeeva in 1972, Upper Kama region became known and the most studied old believers region. Professor Pozdeyeva is the author of the method of description of Cyrillic literature, under her leadership, the state book collections of the three regions of the country (XV—XVIII centuries) are described. I.V. Pozdeeva and her colleagues analyzed and published archival documents on the history of Moscow printing house, which radically revised role of Moscow printing in XVII century.

Ключевые слова: И. В. Поздеева, археография, история книгопечатания, история старообрядчества, комплексные археографические экспедиции в старообрядческие регионы.

Keywords: I.V. Pozdeeva, archeography, the study of printing, history of old believers, expeditions of complex research and complex investigation of old believers local communities.

Ирина Васильевна Поздеева — профессор кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук (1993), основатель археографической школы Истфака МГУ и со-затель археографической лаборатории на факультете, родилась в 1934 г. в городе Волоколамске.

В 1955 г. Ирина Поздеева окончила исторический факультет МГУ по кафедрам истории Древнего мира и Археологии, а в 1958 г. защитила кандидатскую диссертацию «Внешняя и внутренняя политика Афин в IV в. до н.э.». В 1950-е гг. Ирина Васильевна руководила Анапской археологической экспедицией, но уже с 1957 г. стала сотрудником Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ.

В 1960-х гг. произошел, можно сказать, археографический поворот в полевых исторических исследованиях. Начало этому масштабному процессу было положено академиком М. Н. Тихомировым, по инициативе которого в 1956 г. была создана Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР. Целью Комиссии была координация исследований, а также разработка методов научного описания и издания памятников письменности¹ [18]. В середине 1960-х гг. археографические экспедиции стали регулярным источником пополнения государственных фондов.

В 1966 г. сотрудницы ОРКиР НБ МГУ И. Д. Кашкарова и И. В. Поздеева отправились в свою первую экспедицию к старообрядцам Ржева. Рискованное и не вполне продуманное путешествие в послевоенный город все-таки увенчалось успехом. Ржевские кириллические книги и рукописи стали первым поступлением из более чем 4,5 тысяч памятников, пополнивших собрание Отдела редких книг и рукописей за 30 лет собирательской деятельности под руководством И. В. Поздеевой² [8].

Работа И. В. Поздеевой по организации археографических экспедиций в 1971 г. вышла на новый исследовательский и собирательский уровень. По инициативе Ирины Васильевны ректор МГУ академик И. Г. Петровский создал Археографическую лабораторию при кафедре источниковедения на Историческом факультете как промежуточное собирательское и исследовательское подразделение, объединяющее Исторический факультет и Отдел рукописей. И. В. Поздеева, возглавившая новое подразделение, сформулировала принцип комплексности археографических экспедиций³ [11].

Старообрядческие общины, сохранившие бесценные памятники кириллической книжности, во второй половине XX в. оставались носителями всего многообразия традиционной культуры — от быта и хозяйства до устной словесности. С самого начала 1970-х гг. по инициативе И. В. Поздеевой в полевых исследованиях, помимо собственно археографов, принимали участие ученые самых разных гуманитарных специальностей: искусствоведы, музиковеды, филологи, этнографы. Кроме того, непременным участником экспедиций был фотограф. Со времени образования лаборатории в ходе ежегодных экспедиций проходили практику студенты и аспиранты исторического и филологического факультетов. Участники практики зачастую ездили в археографические экспедиции несколько лет, становились руководителями отрядов и проводили собственные исследования. Именно это позволило вскоре вырастить значительное число специалистов, которые до сего времени трудятся в ведущих книгохранилищах и вузах Москвы⁴.

Ирина Васильевна стала одним из первых археографов-собирателей, поставивших задачу комплектования не только кириллических рукописей, но и старопечатных книг⁵ [9]. Именно методика поэкземплярного описания книг XVI—XVII вв.⁶ [7], позволяющая по записям проследить историю бытования каждой книги, стала заметным вкладом И. В. Поздеевой в развитие отечественного источниковедения, а также привела к целому ряду интереснейших находок, среди которых можно назвать автограф преподобного Иова Льговского на Минеи декабряской (МПД, 1645), найденный вслед за его житием (также в экспедиции МГУ): «Сию книгу, глаголемую Минею декабрь, положил в дом Дмитрею Солнунскому, что на Льгове, [Старицкого] уезду Никольская пустыни строитель Иев на престол; [пок]амест та [церковь стоит], поминать моих родителей отца и матери Тимофея и Ирины»⁷ [10].

В 1972 г. экспедиция под руководством И. В. Поздеевой «открыла» ныне известный и, вероятно, на сегодняшний день, наиболее изученный старообрядческий регион Верхокамье. Небольшая территория, охватывающая несколько районов на границе Пермского края и Республики Удмуртия, была освоена старообрядцами еще в конце XVII в., в 30-е гг. XVIII в. местные староверы получили духовное руководство Выговского старообрядческого центра, а в середине XIX в. в результате разросшегося конфликта единое

поморское общество разделилось на два местных согласия. Этот раздел способствовал консолидации двух противоборствующих обществ, консервации архаических особенностей культуры, росту книжного чтения и расцвету местной рукописной традиции. Верхокамье подарило отечественной науке не только одноименное территориальное книжное собрание в фондах ОРКиР НБ МГУ (более 150 кириллических книг и 361 рукопись), но и богатейшую этнографическую коллекцию в составе Пермского краевого музея, целый ряд каталогов, монографий и научных статей⁸ [1; 16], а также антропологических фильмов. Исследования традиционной культуры Верхокамья как системы и старообрядчества как ее хранителя опубликованы И. В. Поздеевой в многочисленных статьях. В них впервые всесторонне представлены состав, структура и внутренние взаимосвязи старообрядческой традиции, модель которой отражена в поливидовом архиве крестьянства Верхокамья, хранящемся в фондах археографической лаборатории⁹ [13]. Этот регион стал научной школой для нескольких поколений исследователей.

И. В. Поздеева не устает повторять своим ученикам, что настоящий ученый всегда учится. Это в полной мере относится и к ней самой, невероятно чуткой к научному новаторству коллег и учеников, человеку, способному сформулировать исследовательские задачи широчайшего диапазона, в том числе за пределами киговедения и источниковедения. Ирина Васильевна не просто исследует основы духовной культуры, но воспринимает старообрядцев как своих неизменных учителей.

В 1993 г. И. В. Поздеева познакомилась с работами университетских визуальных антропологов, представителей молодой для нашей страны научно-прикладной дисциплины¹⁰ [3]. В тот же год она организовала три совместные экспедиции: В Ставрополье к старообрядцам-некрасовцам, на север Пермской области к беглопоповцам и, конечно, в Верхокамье. Благодаря этому блестящециальному многолетнему сотрудничеству был создан значительный по объему видеофонд (более 600 часов), отражающий многие стороны традиционной культуры старообрядцев пяти регионов, а также более 20 антропологических фильмов, самым известным из которых, пожалуй, является «Групповой портрет на фоне Троицы» — Л. С. Филимонов, Е. В. Александров, И. В. Поздеева, посвященный казакам-некрасовцам¹¹ [2].

В середине 1990-х гг. археографические экспедиции большинства научных центров прекратили регулярные выезды. С одной стороны, это связано с финансовым трудностями, с другой — с изменением отношения к книге в старообрядческой среде, да и заметными, часто необратимыми переменами в самом старообрядчестве. Древние книги и рукописи — ресурс конечный. Существует целый ряд публикаций, обвиняющий археографов в книжном оскудении старообрядческой среды, не последнее место в них отводится и экспедициям И. В. Поздеевой¹² [6]. Не снимая ответственности с археографов, необходимо учитывать целый ряд факторов. В экономически тяжелые 1990-е гг., к сожалению, для многих наследников старообрядцев-книжников Книга потеряла духовную ценность, зато приобрела материальную. К процессу вымывания книг и рукописей приложили руку и «черные археографы». Страшной страницей в современной истории Верхокамья стал пожар в деревне Кулизени, в котором сгорела библиотека старообрядческого собора — более 60 книг и рукописей, не менее половины из которых — XVII в. Другую «соборную» библиотеку продала в букинистические магазины наследница из верхокамского поселка Северный Коммунар. Хранительницы этих библиотек истово берегли их от московских археографов.

В середине 1990-х гг. И. В. Поздеева продолжала организовывать комплексные археографические экспедиции. Однако, учитывая книжное положение в старообрядческих общинах, Ирина Васильевна инициировала целый ряд тематических экспедиций, подробно исследовавших традиционное хозяйство, константы духовной культуры, категории «свой» и «чужой» в старообрядческой среде и многое другое. Экспедиции продолжали фиксацию книг в домах, но фокус исследовательского интереса переместился на конкретного человека, его судьбу, повседневность, духовный опыт и, безусловно, круг чтения.

В конце 1990-х гг. И. В. Поздеева создала долгосрочную программу описания книжных памятников в книгохранилищах регионов. Программа включала систему обучения и повышения квалификации хранителей на местах и выездную студенческую практику. Целью программы была каталогизация и введение в научный оборот в первую очередь старопечатных книжных памятников XVI—XVII вв., а затем и XVIII в., а также рукописей. С 2000 г. И. В. Поздеева стала организатором и соруководителем научной Программы

«Московский университет — российской провинции: выявление, изучение, описание книжных кириллических памятников». За эти годы в Тверской, Ярославской и Пермской областях были описаны и опубликованы в 8 каталогах кириллические фонды 32 храмилищ 25 городов: 90 рукописных книг XIV—XVI вв. Тверской земли, 65 рукописей пермских храмилищ — XV—XVII вв. и более 4 тыс. экземпляров старопечатных изданий XV—XVIII вв.¹³ [4; 5; 15]. Каждый каталог сопровождают от 10 до 11 аннотированных указателей, позволяющих осуществлять поиск любого уровня сложности, а также обобщать и систематизировать всю источниковедческую информацию. Как пишет И. В. Поздеева, «За каждой записью на книге, за судьбой любого экземпляра издания — судьбы людей, одного человека или многих: семьи, рода, уличан; от бывших крепостных крестьян, имена которых, может быть, сохранила нам только данная книга, до крупнейших и ныне известных каждому школьнику исторических деятелей»¹⁴ [14]. В настоящее время продолжается работа в книгохранилищах Костромской области.

В конце 1990-х гг. И. В. Поздеевой с коллегами было начато сплошное изучение фонда Приказа книг печатного дела (РГАДА. Ф. 1182). Разработанная методика параллельного исследования документов и сведений в записях на тысячах изданных на Московском печатном дворе (МПД) книг, находящихся в храмилищах Москвы и регионов, позволили И. В. Поздеевой открыть ранее неизвестные данные о распространении и бытовании московской книги: точно определить тиражи, себестоимость, продажную цену и широкое распространение печатной книги. Были опровергнуты представления о том, что московская печатная книга распространялась только в московском регионе, доказан систематический развоз новых изданий уже в 20-х годах XVII в. по епархиям: от Тобольска до Пскова и от Архангельска до южных поволжских городков. Записи на книгах свидетельствуют, что книга бытowała в самых широких слоях общества. И. В. Поздеевой была впервые выявлена Азбука как самая многотиражная и систематически издаваемая книга, разработанная МПД для обучения грамоте населения страны. Целям просвещения отвечало и многократно изданное своего рода методическое пособие — «Наказание ко учителем, како им учить детей и како детем учитися чтению и пониманию Писания». Авторским коллективом под руководством

И. В. Поздеевой было доказано, что общерусский книжный рынок сложился уже в третьей четверти XVII в., связывая все местности России с типографиями, печатавшими кириллицей — русскими, украинскими, белорусскими, литовскими¹⁵ [17].

Сама И. В. Поздеева одним из важных своих научных результатов считает работу «Литургический текст как исторический источник», подытоживающую более пятнадцати лет исследований. В этой работе Ирина Васильевна подчеркивает первостепенность литургического текста не просто как основы богослужения, но как фактора, определяющего жизнь религиозного общества и каждого верующего человека: «Учитывая тысячелетнее влияние литургических текстов и литургической реальности на народное сознание, гораздо легче понять особенность народного менталитета: идеи и положения, рожденные текстами богослужения, закрепляются в нем как конкретизация и жизненное воплощение основных постулатов Писания»¹⁶ [12].

Монография И. В. Поздеевой, изданная в 2016 г., называется «Человек. Книга. История. Московская печать XVII века». Изучая сложный исследовательский путь Ирины Васильевны, мы убеждаемся, что для нее, столько времени посвятившей Книге и Истории, на первом месте всегда остается Человек.

Библиография

1. Агеева Е. А., Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Смилянская Е. Б. Рукописи Верхокамья XV—XX вв. в библиотеке Московского университета. М., 1994. 495 с.
2. Александров Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М., 2003. 97 с.
3. Александров Е. В. Система визуальной антропологии в России: ступени «погружения» и проблемы // Материальная база культуры. Вып.. 1. М.: РГБ. Информкультура, 1997. С.14—18.
4. Воробьева Е. В., Градобойнова Е. В., Гулина Т. И., Поздеева И. В. Кириллические издания XVII века в собрании Переславского музея-заповедника: каталог. Переславль-Залесский-М., 2012. 294 с.
5. Воробьева Е. В., Градобойнова Е. В., Дадыкин А. В., Дракунов А. П., Дракунова М. С., Ерофеева В. И., Поздеева И. В., Соломин И. И. Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли 1652—1700 годы. Каталог. Ярославль-Ростов, 2009. 832 с.
6. Обирать или просвещать? (материалы дискуссии на страницах журнала «Златоструй» в 1990—1992 гг.) // Староверы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.starover.religare.ru/article7640.html> (дата обращения: 9 апреля 2018 г.).
7. Описание экземпляров старопечатных изданий кириллического шрифта: Методические рекомендации. М.; СПб., 1994. 52 с.

8. Поздеева И. В. В поисках прошлого ради будущего // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: Труды III Международной научной конференции (Москва, 2014 г.) / сост. Н. В. Литвина, Ю. С. Белянкин. М.: Археодоксія, НКТ, 2018. (Мир старообрядчества. Вып. 9.). С. 11—53.
9. Поздеева И. В. Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности. (Из опыта работы археографов Московского государственного университета) // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 56—61.
10. Поздеева И. В. Ищите и обрящете! (Повесть о житии Иова Льговского) // Родина. 1990. № 9. С. 48—55.
11. Поздеева И. В. Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации // История СССР. 1978. № 2. С. 103—115.
12. Поздеева И. В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. № 6. 2000. С. 112—120.
13. Поздеева И. В. Поливидовой территориальный архив Верхокамья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова 1972—1998 гг.) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 24—35.
14. Поздеева И. В. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М., 2016. 576 с.
15. Поздеева И. В., Белогорьев А. М., Богданов В. П., Воробьева Е. В., Губанова М. С., Гулина Т. И., Гуляева Н. Л., Дадыкин А. В., Ерофеева В. И. и др. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493—1652 гг.): Каталог. Ярославль-Ростов, 2004. 632 с.
16. Поздеева И. В., Пряхина И. И., Макаровская М. В. «Кому повем печаль мою...»: Духовные стихи Верхокамья: Исследования и публикации / под ред. И. В. Поздеевой. М., 2007. 332 с.
17. Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадыкин А. В. Московский Печатный Двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652. Исследования и публикации / науч. ред. И. В. Поздеева. М., 2001. 544 с.; Они же. Московский Печатный Двор — факт и фактор русской культуры. 1652—1700. Исследования и публикации / науч. ред. И. В. Поздеева. М., 2007. 654 с.; Кн. 2. М., 2011. 399 с.
18. Шмидт С. О., Кастанов С. М., Черных В. А. Археографической комиссии РАН — полвека // Отечественные архивы. 2006. № 2. С. 69—79.

Bibliography (transliterated)

1. Ageeva E. A., Kobiak N. A., Kruglova T. A., Smilianskaia E. B. Rukopisi Verkhokam'ia XV—XX vv. v bibliotekе Moskovskogo universiteta. M., 1994. 495 s.
2. Aleksandrov E. V. Opyt rassmotreniya teoreticheskikh i metodologicheskikh problem vizual'noi antropologii. M., 2003. 97 s.
3. Aleksandrov E. V. Sistema vizual'noi antropologii v Rossii: stupeni «pogruzheniiia» i problemy // Material'naia baza kul'tury. Vyp.. 1. M.: RGB. Informkul'tura, 1997. S.14—18.
4. Vorob'eva E. V., Gradoboinova E. V., Gulina T. I., Pozdeeva I. V. Kirillicheskie izdaniia XVII veka v sobranii Pereslavskogo muzeia-zapovednika: katalog. Pereslav'-Zaleskii-M., 2012. 294 s.
5. Vorob'eva E. V., Gradoboinova E. V., Dadykin A. V., Drakunov A. P., Drakunova M. S., Erofeeva V. I., Pozdeeva I. V., Solomin I. I. Kirillicheskie izdaniia v khranilishchakh Rostovo-Iaroslavskoi zemli 1652—1700 gody. Katalog. Iaroslavl'-Rostov, 2009. 832 s.

6. Obirat' ili prosvetshchati? (materialy diskussii na stranitsakh zhurnala «Zlatostrii» v 1990—1992 gg.) // Starover. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.starover.religare.ru/article7640.html> (data obrashcheniya: 9 aprelia 2018 g.).
7. Opisanie ekzempliarov staropechatnykh izdanii kirillicheskogo shrifta: Metodicheskie rekomendatsii. M.; SPb., 1994. 52 s.
8. Pozdeeva I. V. V poiskakh proshloga radi budushchego // Iazyk, kniga i traditsionnaia kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ia v nauke, muzeinoi i bibliotechnoi rabote: Trudy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 2014 g.) / sost. N. V. Litvina, Iu. S. Beliankin. M.: Arkheodoksiia, NKT, 2018. (Mir staroobriadchestva. Vyp. 9.). S. 11—53.
9. Pozdeeva I. V. Zadachi i osobennosti raboty ekspeditsii, sobiraiushchikh pamiatniki kirillicheskoi knizhnosti. (Iz optya raboty arkheografov Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta) // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1977 god. M., 1978. S. 56—61.
10. Pozdeeva I. V. Ishchite i obriashchete! (Povest' o zhitii Iova L'govskogo) // Rodina. 1990. № 9. S. 48—55.
11. Pozdeeva I. V. Kompleksnye arkheograficheskie ekspeditsii. Tseli, metodika, prinsipy organizatsii // Istoriiia SSSR. 1978. № 2. S. 103—115.
12. Pozdeeva I. V. Liturgicheskii tekst kak istoricheskii istochnik // Voprosy istorii. № 6. 2000. S. 112—120.
13. Pozdeeva I. V. Polovidovoi territorial'nyi arkhiv Verkhokam'ia: istoriia formirovaniia, sostav, perspektivy sokhraneniia i ispol'zovaniia (rezul'taty kompleksnykh ekspeditsii MGU im. M. V. Lomonosova 1972—1998 gg.) // Otechestvennye arkhivy. 2000. № 4. S. 24—35.
14. Pozdeeva I. V. Chelovek. Kniga. Istoriiia. Moskovskaia pechat' XVII veka. M., 2016. 576 s.
15. Pozdeeva I. V., Belgor'ev A. M., Bogdanov V. P., Vorob'eva E. V., Gubanova M. S., Gulina T. I., Guliaeva N. L., Dadykin A. V., Erofeeva V. I. i dr. Kirillicheskie izdaniia Rostovo-Iaroslavskoi zemli (1493—1652 gg.): Katalog. Iaroslavl'-Rostov, 2004. 632 s.
16. Pozdeeva I. V., Priakhina I. I., Makarovskaiia M. V. «Komu povem pechal' moiu...»: Dukhovnye stikhi Verkhokam'ia: Issledovaniia i publikatsii / pod red. I.V. Pozdeevoi. M., 2007. 332 s.
17. Pozdeeva I. V., Pushkov V. P., Dadykin A. V. Moskovskii Pechatnyi Dvor — fakt i faktor russkoi kul'tury. 1618—1652. Issledovaniia i publikatsii / nauch. red. I. V. Pozdeeva. M., 2001. 544 s.; Oni zhe. Moskovskii Pechatnyi Dvor — fakt i faktor russkoi kul'tury. 1652—1700. Issledovaniia i publikatsii / nauch. red. I. V. Pozdeeva. M., 2007. 654 s.; Kn. 2. M., 2011. 399 s.
18. Shmidt S. O., Kashtanov S. M., Chernykh V. A. Arkheograficheskoi komissii RAN — polveka // Otechestvennye arkhivy. 2006. № 2. S. 69—79.

¹ Шмидт С. О., Каштанов С. М., Черных В. А. Археографической комиссии РАН — полвека // Отечественные архивы. 2006. № 2. С. 69—79.

² Поздеева И. В. В поисках прошлого ради будущего // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в науке, музейной и библиотечной работе: Труды III Международной научной конференции (Москва, 2014 г.) / сост. Н.В. Литвина, Ю.С. Белянкин. М.: Археодоксія, НКТ, 2018. (Мир старообрядчества. Вып. 9.). С. 11—53.

- ³ *Она же.* Комплексные археографические экспедиции. Цели, методика, принципы организации // История СССР. 1978. № 2. С. 103—115.
- ⁴ *Она же.* В поисках прошлого ради будущего... С. 29—30.
- ⁵ *Она же.* Задачи и особенности работы экспедиций, собирающих памятники кириллической книжности. (Из опыта работы археографов Московского государственного университета) // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 56—61.
- ⁶ Описание экземпляров старопечатных изданий кириллического шрифта: Методические рекомендации. М.; СПб., 1994.
- ⁷ НБ МГУ. № 5312—2-77. Л. 1—16. Подробнее см.: Поздеева И. В. Ищите и обрящете! (Повесть о житии Иова Льговского) // Родина. 1990. № 9. С. 48—55.
- ⁸ См.: Поздеева И. В., Пряхина И. И., Макаровская М. В. «Кому повем печаль мою...»: Духовные стихи Верхокамья: Исследования и публикации / под ред. И. В. Поздеевой. М., 2007; Агеева Е. А., Кобяк Н. А., Круглова Т. А., Смилянская Е. Б. Рукописи Верхокамья XV—XX вв. в библиотеке Московского университета. М., 1994.
- ⁹ Поздеева И. В. Поливидовой территориальный архив Верхокамья: история формирования, состав, перспективы сохранения и использования (результаты комплексных экспедиций МГУ им. М. В. Ломоносова 1972—1998 гг.) // Отечественные архивы. 2000. № 4. С. 24—35.
- ¹⁰ Александров Е. В. Система визуальной антропологии в России: ступени «погружения» и проблемы // Материальная база культуры. Вып.. 1. М.: РГБ. Информкультура, 1997. С. 14—18.
- ¹¹ Он же. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии. М., 2003. С.95—97.
- ¹² Обирать или просвещать? (материалы дискуссии на страницах журнала «Златоструй» в 1990—1992 гг.) // Староверы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.starover.religare.ru/article7640.html> (дата обращения: 9 апреля 2018 г.)
- ¹³ Поздеева И. В., Белогорьев А. М., Богданов В. П., Воробьева Е. В., Губанова М. С., Гулина Т. И., Гуляева Н. Л., Дадыкин А. В., Ерофеева В. И. и др. Кириллические издания Ростово-Ярославской земли (1493—1652 гг.): Каталог. Ярославль-Ростов, 2004; Воробьева Е. В., Градобойнова Е. В., Дадыкин А. В., Дракунов А. П., Дракунова М. С., Ерофеева В. И., Поздеева И. В., Соломин И. И. Кириллические издания в хранилищах Ростово-Ярославской земли 1652—1700 годы. Каталог. Ярославль-Ростов, 2009; Воробьева Е. В., Градобойнова Е. В., Гулина Т. И., Поздеева И. В. Кириллические издания XVII века в собрании Переславского музея-заповедника: каталог. Переславль-Залесский-М., 2012.
- ¹⁴ Поздеева И. В. Человек. Книга. История. Московская печать XVII века. М., 2016. С.243—244.
- ¹⁵ Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадыкин А. В. Московский Печатный Двор — факт и фактор русской культуры. 1618—1652. Исследования и публикации / науч. ред. И. В. Поздеева. М., 2001; Они же. Московский Печатный Двор — факт и фактор русской культуры. 1652—1700. Исследования и публикации / науч. ред. И. В. Поздеева. М., 2007; Кн. 2. М., 2011.
- ¹⁶ Поздеева И. В. Литургический текст как исторический источник // Вопросы истории. № 6. 2000. С. 112—120.

Научная школа Д.Б. Богоявленской — ориентир современной российской психологии одаренности

Аннотация: В статье представлена научная школа ведущего специалиста в области психологии одаренности России. Предпринята попытка раскрыть современный образ женщины-ученого.

Abstract: The article presents the scientific school of the leading expert in the field of psychology of giftedness of Russia. An attempt is made to reveal the modern image of a woman scientist.

Ключевые слова: психология творчества, психология одаренности, женщина-ученый, научная практика, конференции творчества и одаренности.

Keywords: psychology of creativity, psychology of giftedness, woman scientist, scientific practice, conferences of creativity and giftedness.

Женщина в науке явление не редкое, но ярких, талантливых, увлеченных и увлекающих за собой женщин-ученых не так и много.

Диана Борисовна Богоявленская — академик РАЕН, МАПН, почетный член РАО, председатель Московского отделения Российского психологического общества с 1989 года по настоящее время, доктор психологических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РФ, звание лауреата премии Президента в области образования, звание Женщина года (2000), победитель в номинации «Женщина — ученый» I женского конгресса в РФ с вручением почетного знака «Имидж женщины XXI века» (2014). За научные достижения и их реализацию Д.Б. Богоявленской было вручено большое количество заслуженных наград [7].

«Д.Б. Богоявленской разработано новое направление в психологии творчества и одаренности в рамках отечественной процессуально-деятельностной парадигмы. Выделена единица анализа творчества и на ее основе проведена дифференциация всей феноменологии творчества. В соответствии авторской теории разработан психодиагностический метод «Креативное поле», позволяющий не только идентифицировать творческие способности, но и

прогнозировать вектор их развития. Валидность метода доказана на выборке свыше 9 тыс. испытуемых, а прогностичность в лонгитюдных исследованиях длительностью до 40 лет. Надежность метода подтверждена в ряде циклов эксперимента по 4 релевантным методикам. Коэффициент корреляции между ними колеблется от $Q=0,653$ до $Q=0,87$. При $p<0,01$ » [7].

Разработанное новое направление в науке объединило вокруг Д.Б. Богоявленской молодых и зрелых ученых, увлеченных перспективами изучения проблемы творчества и одаренности.

Диана Борисовна — автор более 400 научных публикаций, осуществляет руководство кандидатскими и докторскими диссертациями. Много работает с молодыми учеными, читает авторские спецкурсы в ведущих университетах Москвы. С 2017 года выполняет научное руководство магистратурой «Психология творчества и одаренности» кафедры психологической антропологии Института детства МПГУ.

Научный коллектив преподавателей магистратуры «Психология творчества и одаренности» и магистранты под научным руководством ведущего специалиста страны в области психологии одаренности проводят активную творческую и научную деятельность.

Еще в 2003 г. по инициативе Д.Б. Богоявленской авторским коллективом ведущих отечественных ученых была разработана «Рабочая концепция одаренности» [8]. В концепции были определены основные задачи по обучению и развитию одаренных детей, представлены различные методы работы с талантливой молодежью. Перспективы проделанной работы коллектива с особой актуальностью востребованы сейчас. Только за последний год в России прошло несколько крупных конференций с участием Д.Б. Богоявленской и ее учеников, где поднимается проблема работы с талантливой молодежью. В Москве осенью 2017 г. прошли две крупные конференции. В МГТУ им. Н.Э. Баумана совместно с Московским отделением Российского психологического общества прошла Всероссийская конференция «Одаренность: методы выявления и пути развития», посвященная анализу, обобщению и оценке опыта в области выявления одаренности, направлений и технологий по ее развитию [1].

В НИУ ВШЭ 23–24 октября 2017 г. прошла Всероссийская конференция по работе с одаренными детьми и талантливой мо-

лодежью, где были представлены лучшие практики страны по работе с одаренными детьми и талантливой молодежью [2]. Среди участников были магистранты и преподаватели Института детства МПГУ: Мурафа С.В., Трифонова Е.В., Павлова А.А., Пугач А.И., Мерцалова С.В., Воробьева И.Н. Диана Борисовна Богоявленская с магистрантами принимала активное участие в дискуссиях и круглых столах: «Система выявления, развития и поддержки одаренных детей и талантливой молодежи в цифровую эпоху», «Артек» как площадка по созданию, апробации и внедрению инновационных программ общего и дополнительного образования».

20–21 апреля 2018 года в МПГУ в Институте детства прошла Всероссийская конференция «Психология творчества и одарённости», где были рассмотрены как теоретические проблемы понимания природы творчества и одаренности, так и представлены современные технологии развития творчества и одаренности через погружение в различные сферы деятельности [3].

17–18 мая 2018 г. Национальный общественный комитет «Российская семья» провел XV Международный конгресс «Российская семья» на тему «Семья и одаренные дети — вектор развития российского общества» [4]. Во всех проводимых мероприятиях активными участниками являются ученики и последователи научной школы Д.Б. Богоявленской.

Новым и перспективным направлением научной деятельности стало прохождение практики магистрантами в АРАН: Трифоновой Е.В., Федоровой Е.П., Воробьевой И.Н., Павловой А.А., Пугач А.И., Мерцаловой С.В., Абрамовой М.А., Хахлачевой Н.С., Марковой В.А., Чередниченко А.А., Голяковой Е.В. Научное руководство осуществляли сотрудники АРАН: к.и.н. Ильина И.Н., д. культурологии Урмина И.А, к.и.н. Киселев М.Ю., к. культурологии Лебедева Е.Г., Чаева И.А., от Института детства МПГУ к.псих. н. Мурафа С.В. [5, 6]. Научная работа не закончилась сразу после прохождения практики, а продолжается и сейчас в рамках работы центра «Научное содружество» кафедры психологической антропологии Института детства МПГУ и АРАН.

В ходе практики магистранты познакомились с архивохранилищем АРАН, научились работать в электронной системе поиска научных документов, произвели анализ фонда по выбранной тематике НИР, работали с описями личных фондов ученых. По-

сетили лабораторию реставрации, музейно-выставочный зал и проходящие выставки «100-летие централизации архивного дела в России и 290-летие архивного дела в системе Академии наук» и «Прорыв». Опыт работы с архивными документами, анализ первоисточников будет способствовать в дальнейшем творческой научной деятельности магистрантов. Активные, увлеченные, талантливые, ищащие ответы на вопросы, способные к принятию нового и при этом теоретически грамотные — это новое поколение ученых — практиков. Увлеченность и страсть к науке передается всем ученикам Дианы Борисовны, всем тем, кому еще предстоит проложить свой путь в науке.

Библиография

1. Всероссийская конференция «Одаренность: методы выявления и пути развития». URL: <https://psy.su/feed/6348/> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)
2. Всероссийская конференция по работе с одаренными детьми и талантливой молодежью. URL: http://xn--80aazjhe5ae8e2a.xn--p1ai/?page_id=1119 (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)
3. Всероссийская конференция «Психология творчества и одаренности». URL: <http://mpgu.su/novosti/vserossiyskaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-psihologiya-tvorchestva-i-odarennosti-2/> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)
4. XV Международный конгресс «Российская семья» на тему «Семья и одаренные дети — вектор развития российского общества». URL: <http://nok-semya.ru/activity/congresses/> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)
5. Круглые столы по прохождению практики магистрантами Института детства в АРАН. URL: <http://mpgu.su/novosti/kruglyie-stolyi-po-itogam-prohozhdeniya-praktiki-magistrantami-instituta-detstva-v-arhive-rossiyskoy-akademii-nauk/> (дата обращения: 15 мая 2018 г.)
6. Мурафа С.В. Сформированность ценностных ориентаций будущих педагогов // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2017, №2, С. 123—128.
7. Российская академия образования, сайт URL: <http://www.pirao.ru/workers/bogoyavlenskaya-diana-borisovna/#deyatelnost> (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)
8. Рабочая концепция одаренности: Федеральная целевая программа «Одаренные дети» / Под ред. Д.Б. Богоявленской, В.Д. Шадрикова — М.: Министерство образования РФ, 2003. URL: http://narfu.ru/school/deti_konchep.pdf. (дата обращения: 15 апреля 2018 г.)

Bibliography (transliterated)

1. Vserossijskaya konferenciya «Odarennost': metody vyyavleniya i puti razvitiya». URL: <https://psy.su/feed/6348/>
2. Vserossijskaya konferenciya po rabote s odarennymi det'mi i talantlivoj molodezh'yu. URL: http://xn--80aazjhe5ae8e2a.xn--p1ai/?page_id=1119

3. Vserossijskaya konferenciya «Psihologiya tvorchestva i odarennosti». URL: <http://mpgu.su/novosti/vserossijskaya-nauchno-prakticheskaya — konferentsiya-psihologiya-tvorchestva-i-odarennosti-2/>
4. XV Mezhdunarodnyj kongress «Rossijskaya sem'ya» na temu «Sem'ya i odarennye deti — vektor razvitiya rossijskogo obshchestva». URL: <http://nok-semja.ru/activity/congresses/>
5. Kruglye stoly po prohozhdeniyu praktiki magistrantami Instituta detstva MPGУ v ARAN. URL: <http://mpgu.su/novosti/kruglyie-stolyi-po-itogam-prohozhdeniya-praktiki-magistrantami-instituta-detstva-v-arhive-rossijskoy-akademii-nauk/>
6. Murafa S.V. Sformirovannost' cennostnyh orientacij budushchih pedagogov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie. 2017, № 2, S. 123—128.
7. Rossijskaya akademiya obrazovaniya sajt. URL: <http://www.pirao.ru/workers/bogoyavlenskaya-diana-borisovna/#deyatelnost>
8. Rabochaya koncepciya odarennosti: Federal'naya celevaya programma «Odarennye deti» / Pod red. D.B. Bogoyavlenskoj, V.D. SHadrikova — M.: Ministerstvo obrazovaniya RF, 2003. URL: http://narfu.ru/school/deti_konchep.pdf.

Н.М. Осипова

«Душа в душу и мысль в мысль»: семьи великих ученых В.И. Вернадского и И.И. Мечникова в документах Архива РАН¹

Аннотация: Семьи двух великих ученых академика Владимира Ивановича Вернадского и почетного академика, Нобелевского лауреата Ильи Ильича Мечникова, обладая каждой своей индивидуальностью, имеют общее в том, что за длительный период совместного существования супруги прошли совместный длительный путь, где жена ученого не только обеспечивала быт, но и была незаменимой и активной помощницей в научных изысканиях мужа.

Abstract: The families of two great scholars of academician Vladimir Ivanovich Vernadsky and honorary academicians, Nobel Laureate Ilya Ilyich Mechnikov, having each its own personality, are common in that over a long period of the joint existence the couple have passed the joint long way where the wife of the scientist not only has provided a way of life, but also has been irreplaceable and active assistant in her husband's scientific pursuits.

Ключевые слова: В.И. Вернадский, И.И. Мечников, наука, семья, творчество.

Keywords: V.I. Vernadsky, I.I. Mechnikov, the science, the family, the creativity.

Семьи двух великих ученых академика Владимира Ивановича Вернадского и почетного академика, Нобелевского лауреата Ильи Ильича Мечникова, обладая каждой своей индивидуальностью, имеют общее в том, что за длительный период совместного существования супруги прошли совместный длительный путь, где жена ученого не только обеспечивала быт, но и была незаменимой и активной помощницей в научных изысканиях мужа.

Владимир Иванович Вернадский (1863—1945) — российский мыслитель и естествоиспытатель. Он принимал активное участие в общественной жизни России. В.И. Вернадский является главным основоположником комплексов основных наук о Земле. В сферу его изучения входили такие отрасли, как: биогеохимия, геохимия, радиогеология, гидрография. С 1917 г. Владимир Ива-

нович является академиком Российской Академии наук (с 1925 г. АН СССР). В 1919 г. он стал первым президентом АН Украины. Мысли В.И. Вернадского являются отправной точкой развития современной картины научного мира. Основной идеей ученого была целостная научная разработка такого понятия, как биосфера. Разработанное В.И. Вернадским понятие — ноосфера — представляет собой целостную геологическую оболочку Земли, которая формируется в результате культурной и технической деятельности человечества, а также природных явлений и процессов. Самым важным постулатом его концепции была роль сознательного влияния людей на окружающую среду.

Жена Владимира Ивановича Вернадского Наталья Егоровна Вернадская (урожденная Старицкая) родилась в 1860 г. в семье сенатора Егора Павловича Старицкого, давшем ей прекрасное домашнее образование, предполагавшее в первую очередь свободное знание европейских языков. В 1886 г. она вышла замуж за В.И. Вернадского, который с самого начала совместной жизни в своем письме к ней изложил свое понимание их семьи: «Мне теперь уже выясняется та дорога, те условия, среди которых пройдет моя жизнь. Это будет деятельность ученая, общественная и публицистическая. Мне теперь представляется такая моя деятельность в тесной связи с деятельностью Вашей; здесь возможна и должна идти совместная работа, и в этом, как я Вам писал, кажется представляется мне сила и значение семьи»² [1, С. 29—30]. В.И. Вернадский целиком отдавался своей работе и не часто бывал дома, а во время своего отсутствия почти ежедневно писал письма жене. Именно поэтому обширная переписка супругов, которая велась в течение всей их семейной жизни, представляет большой интерес, так как является собой образец своеобразного научного диалога. Свыше 1000 писем В.И. Вернадского к жене за 1886—1940 гг. впервые были изданы Архивом АН СССР/РАН в течение 1988—2007 гг. и широко используются учеными в научных исследованиях, а письма Натальи Егоровны в количестве 30 дел, хранящиеся в фонде В.И. Вернадского в Архиве РАН (№ 518), еще ждут своего изучения³. Эти письма ценные тем, что в них Владимир Иванович, находясь вдали от дома в командировках по научным, общественным и деловым вопросам, кроме общих тем, характерных для семейной переписки, апробировал свои новаторские идеи и науч-

ные планы, таким образом, советуясь в первую очередь с женой. Например, в августе 1909 г., рассуждая о законах человеческого творчества, он отмечает: «Быстрое достижение **предела**, а затем такая же возможность быстрого **упадка**. Неужели это неизбежно? Неужели единственным спасением от такого положения является постоянная смена, возбуждение все нового интереса, бросание старых путей. Искание новых? Есть ли упадок результат причин психологического характера или он тесно связан с ограниченностью человеческого существа вообще?»⁴ [2, С. 37], а в декабре 1910 г. пишет: «Я полон мыслей и планов. Для меня совершенно выясняется организация систематической спектроскопии минералов комбинацией 4-х спектроскопов, и эту работу организую через Леденцовское общество»⁵ [2, С. 49].

У супругов родился сын Георгий (1887) и дочь Нина (1898), один из которых стал известным историком, другая — врачом. Кроме воспитания детей и обеспечения домашнего уюта ученому Наталья Егоровна в течение всей совместной жизни была ближайшим другом и помощником Владимира Ивановича в его работе, используя и свой запас блестящего знания иностранных языков. В фонде В.И. Вернадского сохранилось немало переводов его трудов на французский язык, сделанные ею: это монография «Проблемы биогеохимии» (2-й выпуск). «О коренном материально-энергетическом различии живых и косных естественных тел биосферы»; лекции [«La geochimie de l'eau»], «Problemes de chimie silicates»; статьи «О биогеохимии», «Les limits de la biosphère», «Quelques problemes de la radiologie»⁶ и др. Помимо того, Наталья Егоровна постоянно проводила работу по «Хронология жизни и деятельности В.И. Вернадского. 1884—1943 гг.»⁷. Нельзя сказать, что жизнь семьи была всегда спокойной, им вместе пришлось пережить годы русских революций, Гражданской войны, сталинских репрессий. Именно слова В.И. Вернадского о его семье — «Душа в душу и мысль в мысль» — стоят в заголовке настоящей статьи и отражают суть их совместного существования. Наталья Егоровна умерла в 1943 г. в эвакуации в Боровом. Третий выпуск «Проблем биогеохимии», законченный В.И. Вернадским в этот же год, имеет авторское посвящение: «Этот синтез моей научной работы и мысли, больше, чем шестидесятилетней, посвящаю памяти моего бесценного друга, моей помощницы в работе в течение больше чем

пятидесяти шести лет, человеку большой духовной силы и свободной мысли, деятельной любви к людям, памяти жены моей Наталии Егоровны Вернадской (21/XII.1860 г. — 3/II.1943 г.), урожденной Старицкой, которая скончалась почти внезапно, неожиданно для всех, когда эта книжка была уже закончена. Помощь ее в этой моей работе была неоценима⁸. Прекрасная эпитафия достойной и славной женщине!

Илья Ильич Мечников (1845—1916) — биолог-эмбриолог, зоолог, микробиолог, иммунолог. В 1883 г. он за работы по эмбриологии низших животных, сравнительной анатомии и зоологии был избран членом-корреспондентом, а в 1902 г. — почетным членом Императорской Петербургской академии наук. И.И. Мечников — российский лауреат Нобелевской премии за работы по иммунитету совместно с профессором П. Эрлихом (1908). Илья Ильич был организатором международной научной школы по иммунологии, бактериологии и инфекционной патологии в Институте Пастера.

Жена Ильи Ильича Мечникова Ольга Николаевна Мечникова (урожденная Белокопытова) родилась в 1858 г. в богатой много-детной семье. Выйдя замуж за И.И. Мечникова в 1875 г., она целиком посвятила себя мужу. В 1877 г. Ольга Николаевна сдала экзамен на звание домашней учительницы. Илья Ильич сам обучал Ольгу Николаевну, проводя занятия по биологии⁹. В дальнейшем О.Н. Мечникова, совершенствуя свои знания в этом направлении, стала помощницей И.И. Мечникову в его лабораторных исследованиях и переводе его научных работ. Она была не только женой, поддерживающей достойный уровень жизни ученого, но и другом и соратником в его научных изысканиях, сопровождавшая его по местам работы, популяризатором его деятельности. Ольга Николаевна была избрана почетным членом Микробиологического общества в Ленинграде¹⁰. О.Н. Мечникова вела записи состояния И.И. Мечникова, когда он фиксировал процессы в своем организме в научных целях, вплоть до его кончины. Мечниковых прожили вместе тридцать один год, до смерти Ильи Ильича в 1916 г. В свою очередь И.И. Мечников стал опекуном братьев и сестер Ольги Николаевны, после смерти их отца. Взаимоотношения супругов, научные интересы ученого и его исследовательскую работу можно проследить по активной переписке И.И. Мечникова с женой, которую он вел во время своего отсутствия, связанного с исследова-

ниями, начиная 1875 г. Она сохранилась в фонде И.И. Мечникова в Архиве РАН (№ 584). Письма Ильи Ильича Мечникова к жене в двух томах впервые были изданы Архивом АН СССР в 1978 г. и 1980 г.¹¹ [3, 4] и широко используются учеными в научных исследованиях. После смерти мужа Ольга Николаевна написала и издала в Париже книгу «*La vie d'Elie Metchnikoff*» (1920), переведенную на многие европейские языки, в том числе, и на русский — «Жизнь Ильи Ильича Мечникова» (1926, 2007). О.М. Мечникова реализовалась и как профессиональная художница, создавая скульптуры и написав немало картин, в том числе портретов и бюстов И.И. Мечникова. Художественные произведения Ольги Николаевны были достойно представлены на выставках¹². И именно ей мы обязаны, что фонд Ильи Ильича Мечникова был передан в Архив АН СССР и сейчас является одним из ценнейших и активно используемых в Архиве РАН. Умерла Ольга Николаевна в Париже в 1944 г.

Взаимопомощь и поддержка в семье могут дать удивительные результаты. Тем более это заметно в творческом научном союзе, который позволяет ученому полностью раскрыть свои возможности и талант при помощи и поддержки родных и близких. Немалая доля в успехах своих выдающихся мужей принадлежит их прекрасным женам — Наталье Егоровне Вернадской и Ольге Николаевне Мечниковой.

Библиография

1. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской. 1886—1889 / Архив АН СССР. М., 1988. 304 с.
2. *Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской. 1909—1940 / Архив РАН. М., 2007. 299 с.
3. Научное наследие И.И. Мечникова. Мечников И.И. Письма к О.Н. Мечниковой. Т.1 / Архив АН СССР. М., 1978. 185 с.
4. *Мечников И.И.* Письма к О.Н. Мечниковой (1900—1914) / Труды Архива АН СССР. М., 1980. 352 с.

Bibliography (transliterated)

1. *Vernadskij V.I.* Pis'ma N.E. Vernadskoj. 1886—1889 / Arkhiv AN SSSR. M., 1988. 304 s.
2. *Vernadskij V.I.* Pis'ma N.E. Vernadskoj. 1909—1940 / Arkhiv RAN. M., 2007. 299 s.
3. Nauchnoe nasledie I.I. Mechnikova. Mechnikov I.I. Pis'ma k O.N. Mechnikovo. T.1 / Arkhiv AN SSSR. M., 1978. 185 s.

4. *Mechnikov I.I. Pis'ma k O.N. Mechnikovoj (1900—1914) / Trudy Arkhiva AN SSSR.*
M., 1980. 352 s.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00238-А.

² *Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1886—1889 / Архив АН СССР.* М., 1988. С. 29—30.

³ Архив Российской академии наук (РАН). Ф.518. Оп.3. Д. 252—281.

⁴ *Вернадский В.И. Письма Н.Е. Вернадской. 1909—1940 / Архив РАН.* М., 2007. С. 37.

⁵ Там же. С.49.

⁶ АРАН. Ф.518. Оп.1. Д.1,2,18,48,70,138.

⁷ Там же. Оп.2. Д.64.

⁸ Там же. Оп.1. Д.3. Л.3.

⁹ Там же. Ф.584. Оп.2. Д.38.

¹⁰ Там же. Оп.6. Д.21.

¹¹ Научное наследие И.И. Мечникова. Мечников И.И. Письма к О.Н. Мечниковой. Т.1 / Архив АН СССР. М., 1978. *Мечников И.И. Письма к О.Н. Мечниковой (1900—1914) / Труды Архива АН СССР.* М., 1980.

¹² АРАН. Ф.584. Оп.6. Д.41.

И.А. Корнева-Чаева

Анна Шаховская — хранитель идей и традиций Дмитрия Ивановича Шаховского и Владимира Ивановича Вернадского¹

Аннотация: В статье на основе архивных документов дано описание и анализ деятельности Анны Дмитриевны Шаховской, ученого, популяризатора науки, краеведа, референта Владимира Ивановича Вернадского, сохранившего высокие традиции русской интеллигенции в постреволюционное и советское время.

Abstract: On the basis of archival documents the article describes and analyzes activities of Anna Dmitriyevna Shakhovskaya, the scientist, the science popularizer, the local historian, the assistant of Vladimir Ivanovich Vernadsky, who has kept high traditions of Russian intelligentsia in post-revolutionary and Soviet period.

Ключевые слова: Анна Дмитриевна Шаховская, Владимир Иванович Вернадский, Дмитрий Иванович Шаховской, архивные документы, земство, краеведение, геология, референт.

Keywords: Anna Dmitriyevna Shakhovskaya, Vladimir Ivanovich Vernadsky, Dmitry Ivanovich Shakhovskoy, archival documents, zemstvo, local studies, geology, assistant.

Имя Анны Дмитриевны Шаховской неразрывно связано с именем своего отца, князя Дмитрия Ивановича Шаховского, и академика Владимира Ивановича Вернадского. Вернадский был дружен с Шаховским на протяжении 60 лет, поддерживая непрерывное идеиное общение, начавшееся в первой половине 1880-х годов в кружке Федора Ольденбурга. Кружок, переродившийся во второй половине того же десятилетия в «Приютинское братство», объединял студентов Петербургского университета, известных впоследствии ученых, политиков, общественных деятелей В.И. Вернадского, Д.И. Шаховского, Ф.Ф. Ольденбурга, С.Ф. Ольденбурга, А.А. Корнилова, И.М. Гревса. Молодые интеллектуалы стремились к духовному самосовершенствованию и служению другим. Наиболее близкими для них были идеи земского движения, нацеленного на раз-

решение различных социальных проблем: помочь голодающим крестьянам, культурно-просветительскую работу на местах, решение вопросов образования, в том числе народного и женского и др., при этом революционный способ изменения действительности они отвергали. В материалах к монографии Д.И. Шаховского «Мысли о Братстве. (Вопросы к членам Братства и ответы на них)» раскрывается та духовная атмосфера, в которой проходило общение членов братства, стремившихся определить самих себя, свои возможности и цели, утверждая не революционный, а революционно-социальный метод решения общественных задач² [2, С. 157—166]. «1. Настало время для интеллигенции опять заделать свое дело: осмысливать жизнь. 2. В этом деле доля обязанности лежит и на нас — Братстве... 6. Очередная наша задача на ближайший год может быть определена двояко: как максимум — осуществить русскую правду, которая нужна не только нам, но и всему миру, как минимум — не забывать декабристов»³. Обязательным условием решения этих задач Шаховской считал высокие требования, которые члены братства должны предъявить к самим себе: «Работай как можно больше. Потребляй как можно меньше. Смотри на чужие беды, как на свои»⁴ [1, С. 1—66]. Эти заповеди были приняты братством в 1886 г., когда его члены уже работали в кружке народной литературы, отправляя в провинцию целые библиотеки, купленные на собственные средства, а также переводили и издавали для крестьян брошюры. В 1891 г. братство помогало голодающим Моршанска, устраивая по примеру Льва Толстого общественные столовые вокруг Вернадовки, где кормилось 25.000 человек. В 1892 г. Д.И. Шаховской, Ф.Ф. Ольденбург и В.И. Вернадский, ставший земским гласным Моршанского уездного и Тамбовского губернского земства, ясно определяли задачу земского движения как установление всеобщего начального образования в России, законопроект о котором был внесен на рассмотрение Государственной Думы в 1907 г. За 50 лет земства доказали свою высокую эффективность в области народного просвещения, создания передовой системы народного здравоохранения, статистики и агрономии. «Приютинское братство», следуя правилу жить открыто, не превратилось в заговорщицкую организацию с ритуалами и символами, а стало дружбой на всю жизнь, с безоговорочной помощью, участием и связями со вторым поколением.

Анна Дмитриевна Шаховская родилась в 1889 г. в селе Рождественское Серпуховского уезда Московской губернии. Прадед — декабрист Федор Петрович Шаховской, отец — Дмитрий Иванович, земский деятель, заведующий хозяйственной частью народных училищ Весьегонского уезда, член I Государственной Думы от Ярославской губернии (1906), министр государственного признания во Временном правительстве (май-июль 1917 г.), исследователь философии П.Я. Чаадаева. Сестра — Наталья Дмитриевна, известный детский писатель, историк.

В Архиве РАН хранится письмо Анны Дмитриевны революционеру-народнику и ученому Николаю Александровичу Морозову (31.12.1909), свидетельствующее о глубоком интересе 20-летней Шаховской к вопросам культурно-просветительской работы на местах, организованной земством. «Простите великодушно, что взяла на себя поручение Совета Общества по народному образованию в Ярославской губернии напомнить Вам о Вашем обещании прочесть лекцию в пользу Общества. Вы обещали этой весной... Откликнитесь, пожалуйста, молодой душой на нашу просьбу»⁵.

Окончив гимназию в Ярославле, Шаховская получила высшее образование на Московских Высших женских курсах В. Герье, специализируясь на естественнонаучных дисциплинах. В 1912—1917 гг. она — «классная учительница и преподавательница природоведения в городской школе в Москве»⁶, как напишет в 1948 г. сама Анна Дмитриевна, заполняя анкету Личного листка по учету кадров ГЕОХИ АН СССР. Педагогической деятельностью Шаховская занималась и после революции, совмещая преподавание методики природоведения в Педтехникуме с научной работой в Загорском музее местного края в 1922—1924 гг.

В 1918—1928 гг. вошли в историю России как «золотое десятилетие краеведения». Краеведческое движение, носившее массовый характер, было возглавлено в 1921 г. Центральным бюро краеведения в Петрограде, председателем которого стал один из членов Приютинского братства С.Ф. Ольденбург. Главной особенностью организации краеведения в Московской губернии было то, что Д.И. Шаховской, руководивший московским потребительским обществом «Кооперация», попытался объединить краеведение с кооперативным движением, возникшем еще во второй половине XIX в. как реакция русских интеллигентов на экспансию

капитализма и отраженное в многочисленных документах земской и общенациональной периодики. «Общество по изучению Московской губернии», созданное по решению Московского кредитного Союза Кооперативов, начало свою работу в марте 1919 года. Была разработана программа губернских курсов по краеведению, на которую Союз Кооперативов выделил 50.000 рублей, организован выпуск краеведческой литературы⁷.

Идя по стопам отца, Анна Шаховская в 1918 г. начала работать в организованном Дмитровским Союзом кооперативов Музее Дмитровского края в качестве научного сотрудника естественно-исторического отдела. В 1919 г. она возглавила Музей. Анна Дмитриевна изучала геологию Клинско-Дмитровской гряды и долины реки Яхромы. Несмотря на дождливое лето 1918 г. и проблемы с транспортом, за три месяца удалось собрать коллекцию местной флоры, причем наиболее полно были представлен раздел болот. Живший в Дмитрове с 1918 по 1921 г. ученый и революционер князь Кропоткин во время выступления перед учителями в августе 1918 г. перед учителями отметил: «Третьего дня я осматривал зачаточный музей в нашем Дмитрове и радовался, видя, как разумно отнеслись к своему делу три молодые сотрудницы музея — геолог, ботаник и зоолог, в какой интересной и поучительной форме они сумели представить собранный ими материал»⁸.

В ноябре 1919 г. трое из четырех сотрудников Музея Дмитровского края были арестованы в связи с причастностью к деятельности Дмитровского Союза Кооператоров, членов которого обвинили в покупке товаров у частных лиц. Анна Дмитриевна провела 5 месяцев в Бутырской тюрьме

В 1923 г. была издана книга Шаховской «Природа Дмитровского края»⁹. Книгу, состоящую из семи глав, отличает энциклопедичность охвата материала естественнонаучного профиля и систематичность изложения информации. Шаховская затронула проблематику минералогии, структурной геологии, гидрогеологии, литологии, исторической геологии, климатологии, зоологии и ботаники, конечно, с учетом уровня развития этих научных дисциплин в 1920-е гг. и объективных трудностях, с которыми столкнулась Анна Дмитриевна. Книга была снабжена уточненной картой Дмитровского уезда, списком растений с указанием латинских названий и профилями поверхности и геологического строения уезда.

В 1922 г. Шаховская переехала в Сергиев (Сергиев Посад до 1919 г.), чтобы помочь сестре Наталье Дмитриевне, у которой родился ребенок. Но связь с Дмитровским музеем сохранила, куда на протяжении нескольких лет ходила пешком с сестрой Натальей, преодолевая более 30 километров. В 1929—1931 гг. она вновь связала свою профессиональную деятельность с музеем, работая «в партии по изучению полезных ископаемых (1929) и по геологической съемке по заданиям Московского геологоразведочного треста (1930). Результат этой работы — статья в сборнике «Геология и полезные ископаемые Дмитровского края» о пресноводных отложениях извести (издание Музея Дмитровского края, 1932 г.)»¹⁰.

В 1924 г. в Сергиеве при деятельном участии Анны Дмитриевны возникло Общество изучения местного края, которое уже в 1925 г. издало статистико-экономический сборник «Сергиевский уезд», одним из авторов и редакторов которого стала Шаховская. Она же возглавила группу школьных учителей, занимавшихся исследованием рельефа и речной сети уезда. Результатом этой работы стала публикация статьи Шаховской «К картографии речной сети Сергиевского уезда» в журнале «Московский краевед», где были перечислены ошибки в существующей на тот момент карте. Кроме того, был составлен географический словарь, а главное — сформирована экспозиция Музея Сергиевского края, который открылся 2 января 1927 года. Сергиевские краеведческое общество использовало оригинальную методику для получения информации о кустарных промыслах и экономике края: в течение полуго-да они анализировали сельскохозяйственный рынок Сергиевского уезда, проводя опрос на Сергиевском базаре о характере и количестве продуктов, привозимых из разных волостей.

Сергиевские краеведы проводили широкую работу по привлечению населения к изучению края, издавали листовки, обращенные к краеведам, не имеющим специального образования, и даже малограмотным людям. Анной Дмитриевной были составлены методические пособия для школьников, привлеченных к краеведческой работе. Написанные прекрасным слогом, в свободной манере, не утратившие своего значения и сегодня, они, к сожалению, являются библиографической редкостью. Нельзя не согласиться с краеведом Т.В. Смирновой в том, что переиздание этих книг было

бы настоящим подарком современным школьникам, которые в этом случае могли бы стать наследниками классической научной традиции. Доктор технических наук В.Е. Соколович, один из старейших жителей современного Сергиева Посада, в частной беседе с Т.В. Смирновой передал свои впечатления от общения с сотрудниками Музея Сергиевского края: «Ведь я шпана был, шпана! Матери со мной другим ребятам играть не разрешали, и вот как-то учитель естествознания Н.В. Шевалдышев спросил меня: “Ты кем хочешь стать?” Я ответил: “Разбойником или охотником”. И он взял меня на охоту Я трех воронов застрелил. Учитель отдал их чучельнику. И чучела в музей взяли. Это замечательный музей был! Я стал туда ходить. Там этикетка была с моей фамилией. И я очень гордился. Может, я из-за этого и в университет поступил»¹¹.

В мае 1928 года Анна Дмитриевна Шаховская вновь подвергается аресту в числе других сотрудников Сергиевского музея. Она была осуждена по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов» и отправлена в ссылку в Ростов. В 1931 г. работала 8 месяцев в секторе фондов треста Мосгеоразведка в качестве научного сотрудника по собиранию материалов и составлению карты полезных ископаемых западной области»¹². В июне 1933 г. Шаховская была арестована вместе с группой московских геологов, провела в заключении около двух месяцев и была освобождена благодаря хлопотам Е.П. Пешковой, возглавлявшей Политический красный крест.

5 сентября 1937 года по доносу соседей по коммунальной квартире была арестована Елизавета Павловна Супрунова, референт Владимира Ивановича Вернадского и дочь его кузины. Владимир Иванович решил оформить на эту должность Анну Дмитриевну, которую знал с рождения. Оформление затянулось до осени 1938 г., потому что парторганизация Президиума АН СССР возражала против кандидатуры «социально чуждого» элемента (княжеское происхождение Шаховской), к тому же ситуацию осложнил арест ее отца в июле 1938 года. С 1943 года работала младшим научным сотрудником ГЕОХИ АН СССР¹³.

Поскольку у Вернадского во второй половине 1930-х гг. ухудшилось зрение, Анна Дмитриевна стала его «глазами и руками». В ее обязанности входило читать вслух, писать под диктовку, о чем, помимо, письменных источников, свидетельствует фотограф-

фия из экспозиции Кабинета-музея В.И. Вернадского, на которой представлен академик Вернадский, диктующий Анне Дмитриевне свой труд «Химическое строение биосферы Земли и ее окружение». Шаховская отвечала корреспондентам Вернадского, который имел 2000 русских корреспондентов и 300 иностранных, владея 14 иностранными языками. Кроме того, секретарь Вернадского делала вычисления и выписки, подбирала справки в библиотеках по указанию Владимира Ивановича, составляла картотеку по биохимии, истории науки и другим разделам, т.е. выполняла научно-исследовательскую работу вспомогательного характера.

В Архиве РАН отложились документы, раскрывающие не только характер работы Шаховской в качестве секретаря Вернадского, но и грани личности Владимира Ивановича, обладавшим обаянием и притягательностью для огромного количества людей, которых он одаривал идеями, дружбой, материальной помощью. Документы, связанные с этой тематикой, можно разбить на две группы. К первой относятся письма, адресованные Анне Дмитриевне или написанные ею по поручению Вернадского, посвященные обсуждению научных вопросов. Это три документа: письмо академику Андрею Николаевичу Колмогорову (13.05.1940), в котором Владимир Иванович оценивает математическую формулу Е.А. Хлодовского как слишком случайную и специальную, для того чтобы использовать ее в биологии¹⁴; письмо от профессора Георгия Алексеевича Максимовича, автора статей о значении Вернадского для науки¹⁵ и письмо адъюнкту Военно-политической академии им. Ленина Файнштейну, где дана библиография по биохимии¹⁶. Примечательно, что последний адресат Вернадского не был специалистом в области естественных наук. Вторая, более многочисленная группа документов включает в себя материалы, имеющие научно-биографическое значение. Это автобиографии Владимира Ивановича на русском и французском языках, написанные рукой Вернадского и Шаховской¹⁷, газетные вырезки из журнала «Советская наука в республиках» с пометками, сделанными рукой Анны Дмитриевны¹⁸, статьи и доклады Владимира Ивановича с примечаниями Шаховской и несколько писем, среди которых особое внимание заслуживает письмо Шаховской академику В.Л. Комарову, президенту АН СССР (14.01.1945), написанное через неделю после смерти Вернадского¹⁹. «...На днях начнет

свою работу комиссия по увековечению его памяти, и я не вполне уверена, что она правильно ее поведет. Но хочется, чтобы и Вы лично, параллельно с комиссией, были в курсе дела и знали, что осталось у Влад. Ив. Прежде всего — это большая рукопись — та работа, о которой он Вам писал еще из Борового: «Химическая структура биосфера и ее окружение». Работа эта писалась в Боровом при отсутствии справочников, поэтому она является до некоторой степени черновой. Потребуется очень значительная редакционная работа над ней и уточнение справок и примечаний... Кроме того, есть небольшая сравнительно статья, совсем готовая к печати и которую В.И. думал публиковать в самое ближайшее время. Это статья о Гете, как натуралисте, которая была им написана в 1938 г. Очень хотелось бы увидеть ее напечатанной, может быть, Вы могли бы этому поспособствовать. Последнее, над чем работал Влад. Ив. после приезда из Борового, — это материалы из «Пережитого и передуманного», как он говорил, т. е. для его автобиографии, которая должна была представить при многообразии, широте и глубине его жизненного опыта исключительную ценность. К глубокому сожалению, материал остался в совершенно черновом неоконченном виде, да и разборку и запись материала Вл. Ив. производил весьма своеобразно, разбирал и раскладывал материалы одновременно по нескольким годам своей жизни, иногда давал небольшие комментарии, но не писал ничего законченного. Эти записи, разнородные документы и ссылки на более объемные документы объединялись им в так называемую «Хронологию», которую он вел несколько лет, и на основании которой и должно было писаться «Пережитое и передуманное». Таким образом были им разобраны и занумерованы часть материалов из его «архива». Переписка выделена отдельно, но часть писем в нем попадаются. Архив этот — собрание материалов весьма разнородных, без какой-либо классификации и нумерации, объединенных только тем, что они хронологически относятся к одному году и представляют таким образом документальный материал для биографии Вл. Ив. Таким образом весь этот «архив» представляет огромную ценность для будущего биографа Вл. Ив... И теперь, после его кончины, помня его исключительное доверие и доброту ко мне, я чувствую, что должна своей работой по разработке архива сделать все от меня зависящее для облегчения работы будущего биографа Вла-

димира Ивановича... Такая предварительная работа и приведение в порядок архива, составление описи, ссылка на некоторые другие материалы, я думаю, займет несколько месяцев, и я очень прошу Вас дать указание о неприкосновенности кабинета Вл. Ив. хотя бы на полгода; после разборки и описи материалы можно будет передать, куда будет указано Академией».

Этот документ, свидетельствующий об искренней любви и почитании, которые вызывал у окружающих Вернадский, отражает специфику научной работы Анна Дмитриевны по систематизации архивного биографического материала и подготовке его к печати. Замечание Шаховской о принципах систематизации записей самим Владимиром Ивановичем, по сути, являются цennыми методическими указаниями для «будущих биографов», которые появились еще при жизни Вернадского. Так доктор геолого-минералогических работ Иван Дмитриевич Седлецкий, состоявший в переписке с Вернадским, обращается к Анне Дмитриевне с просьбой о помощи в написании биографии Владимира Ивановича (письмо от 20.03.1943): «Я приступил к составлению книги о Вернадском. Книга будет биографическая. В ней будет дана подробная биография Вернадского и описаны будут все его близкие, родные, с которыми он жил и общался на протяжении всей своей жизни... Я обращаюсь с большой и убедительной просьбой оказать мне помочь в освещении этой бытовой жизни В. И., которую Вы так хорошо знаете»²⁰.

В начале войны 1941—45 гг. Вернадский был эвакуирован в Казахстан, поселок Боровое, и Шаховская уехала с ним. В эвакуации Владимир Иванович ежедневно диктовал ей книги «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения», «Пережитое и передуманное», «О состояниях пространства в геологических явлениях Земли». В августе 1944 года Вернадский и Шаховская возвращаются в Москву, 25 декабря 1944 года Владимир Иванович перенес геморрагический инсульт и 6 января 1945 года скончался.

После смерти Вернадского Шаховская посвятила себяувековечению его памяти и научных идей. Она стала первым публикатором его неизданного научного наследия, прежде всего книги ««Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» и создателем Кабинета-музея В.И. Вернадского в ГЕОХИ АН СССР, где работала его хранителем до ухода на пенсию в 1957 г.

В 1943 г. Биогеохимическая лаборатория, основанная Вернадским, была преобразована в Лабораторию геохимических проблем, которая была, в свою очередь, в 1947 г. преобразована в Институт геохимии и аналитической химии АН СССР им. Вернадского. В план здания на Воробьевском шоссе (ныне улица Косягина) была включена комната, повторяющая планировку кабинета в квартире В.И. Вернадского в Дурновском переулке. В книге Шаховской «Кабинет-музей В.И. Вернадского»²¹ подробно, до малейших деталей, описано расположение предметов в экспозиции музея, вплоть до расстановки книг в библиотеке. Одна из стен Кабинета-музея имеет фальш-окно, повторяющее одно из окон кабинета в Дурновском переулке. Музей, дошел в неизменном виде до наших дней, сохраняя ауру подлинности и атмосферу бережно-почтительного отношения к личности великого ученого.

Анна Дмитриевна Шаховская, геолог, архивист, краевед, педагог, «глаза и руки» великого ученого — наследник и хранитель заповедей русской интеллигенции, которые были сформулированы ее отцом и академиком Вернадским и исполнены ею в драматически-напряженную постреволюционную и советскую эпоху.

Библиография

1. Аксенов Г.П. Владимир Иванович Вернадский. 1863—1945. К 150-летию со дня рождения ученого. С. 20. // (Электронный ресурс) URL: <http://www.ras.ru/vernadsky/3d724e08—5930—4a6f-badd-c75dee30adb9.aspx?hidetoc=1> (дата обращения: 25 апреля 2018 г.)
2. Еремеева С. Приютинское братство // Высшее образование в России. № 1. М. 2007. С. 157—166.
3. Смирнова Т.В. Авторы краеведческого очерка по Хотьковской волости // Хотьковский прорыв. 2015, № 10 (107). С. 7.
4. Смирнова Т.В. Князь Д.И. Шаховской и краеведческое движение в Подмосковье в 1920-е годы // Подмосковный летописец. 2010. № 4 (26). С. 32—41.
5. Шаховская А.Д. Кабинет-музей В. И. Вернадского. М., 1959. — 50 с.
6. Шаховская А.Д. Природа Дмитровского края. Краткий краеведческий очерк. М. Дмитровский отдел Союза работников Просвещения. 1923.

Bibliography (transliterated)

1. Aksenov G. P. Vladimir Ivanovich Vernadskij. 1863—1945. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo. S. 20 // (EHlektronnyj resurs) URL: <http://www.ras.ru/vernadsky/3d724e08—5930—4a6f-badd-c75dee30adb9.aspx?hidetoc=1>
2. Eremeeva S. Priyutinskoe bratstvo // Vysshee obrazovanie v Rossii. №1. M. 2007. S. 157—166.

3. Smirnova T. V. Avtory kraevedcheskogo ocherka po Hot'kovskoj volosti // Hot'kovskij proryv. 2015, № 10 (107). S. 7.
4. Smirnova T.V. Knyaz' D. I. Shahovskoj i kraevedcheskoe dvizhenie v Podmoskov'e v 1920-e gody // Podmoskovnyj letopisec. 2010. № 4 (26). S. 32—41.
5. Shahovskaya A. D. Kabinet-muzej V. I. Vernadskogo. M. 1959.
6. Shahovskaya A. D. Priroda Dmitrovskogo kraja. Kratkij kraevednyj ocherk. M. Dmitrovskij otdel Soyuza rabotnikov Prosveshcheniya. 1923.

- ¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00238-А.
- ² С. Еремеева. Приютинское братство // Высшее образование в России. № 1. М. 2007. С. 157—166.
- ³ АРАН. Ф.518. Оп. 2. Д.71.
- ⁴ Г.П. Аксенов. Владимир Иванович Вернадский. 1863—1945. К 150-летию со дня рождения ученого. С. 20 // (Электронный ресурс) URL: <http://www.ras.ru/vernadsky/3d724e08—5930—4a6f-badd-c75dee30adb9.aspx?hidetoc=1>.
- ⁵ АРАН. Ф. 543. Оп. 4. Д. 2085.
- ⁶ АРАН. Ф. 411. Оп. 42. Д. 1071.
- ⁷ Т.В. Смирнова. Князь Д.И. Шаховской и краеведческое движение в Подмосковье в 1920-е годы // Подмосковный летописец. 2010. № 4 (26). С. 32—41.
- ⁸ Т.В. Смирнова. Авторы краеведческого очерка по Хотьковской волости // Хотьковский прорыв. 2015, № 10 (107). С. 7.
- ⁹ А.Д. Шаховская Природа Дмитровского края. Краткий краеведный очерк. М. Дмитровский отдел Союза работников Просвещения. 1923.
- ¹⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 167. Л. 74. Автобиография А.Д. Шаховской. Автограф.
- ¹¹ Т.В. Смирнова. Князь Д.И. Шаховской и краеведческое движение в Подмосковье в 1920-е годы // Подмосковный летописец. 2010. № 4 (26). С. 15.
- ¹² АРАН. Ф. 518. Оп. 5. Д. 167. Л. 74. Автобиография А.Д. Шаховской. Автограф.
- ¹³ АРАН. Ф. 411. Оп. 42. Д. 1071.
- ¹⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 797.
- ¹⁵ АРАН. Ф.518. Оп. 3. Д. 1020.
- ¹⁶ АРАН. Ф.518. Оп. 3. Д. 1687.
- ¹⁷ АРАН. Ф 518. Оп.2 Д. 66.
- ¹⁸ АРАН. Ф. 518 Оп. 1 Д 175.
- ¹⁹ АРАН. Ф. 277. Оп. 4. Д. 1580.
- ²⁰ АРАН. Ф.518. Оп.3. Д. 1473. Л. 2.
- ²¹ А.Д. Шаховская. Кабинет-музей В. И. Вернадского. М. 1959.

Тематико-экпозиционный план выставки

«Прогресс России: женский аспект».

**Москва, Архив Российской академии наук.
15 мая - 15 июня 2018 года.**

О.Н. Мечникова (1858—1944).

Ольга Николаевна Мечникова родилась в 1858 г. в семье предводителя Одесского дворянства Николая Ивановича Белокопытова в его имении селе Поповка на Смилянщине. Свадьба с И.И. Мечниковым состоялась 14 февраля 1875 г. Благодаря О.Н. Мечниковой Илья Ильич смог полностью отдаться науке. По приглашению Луи Пастера семья Мечниковых переезжает в Париж в 1881 г. Мечников проработал в Пастеровском институте 28 лет. О.Н. Мечникова стала на долгие годы любящей женой, верным другом и соратником, трудолюбивой помощницей (специально прослушала курс на медицинском факультете в Женеве) и одаренным ассистентом. Она самостоятельно провела и опубликовала несколько научных исследований. О.Н. Мечникова перевела с французского на русский язык почти все научные труды И.И. Мечникова, сохранила эпистолярное наследие. Ольга Николаевна была способным художником и скульптором. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже ей была присуждена бронзовая медаль. В 1923 г. в Париже состоялась ее персональная выставка. В 1926 г. О.Н. Мечникова, приехав в Россию, издала биографию и открыла музей И.И. Мечникова, для которого она привезла экспонаты из Парижа.

Портрет И.И. Мечникова работы О.Н. Мечниковой. Масло. 1912.
АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 256. Л. 1.

Рисунок О.Н. Мечниковой для лекций И.И. Мечникова. Скопление лейкоцитов личинки морской звезды вокруг занозы шипа розы. 1891.
АРАН. Ф. 584. Оп. 1. Д. 99. Л. 2.

Витрина 1

Фотоснимки (индивидуальные и групповые) О.Н. Мечниковой (урожд. Белокопытовой) в юности. 1873—1876.
АРАН. Ф. 584. Оп.6. Д. 31. Л. 1—5.

Фотография И.И. Мечникова и О.Н. Мечниковой с братом и сестрой О.Н. Мечниковой (Белокопытовыми). 1887.
АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 260. Л. 1.

Фотография И.И. Мечникова и О.Н. Мечниковой. 1905.
АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 277. Л. 1.

Фотогруппа: И.И. Мечников, О.Н. Мечникова, Л.А. Тарасевич, И.З. Лорис-Меликов и др. 1910.
АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 292. Л. 1.

Извещение Микробиологического общества в Ленинграде О.Н. Мечниковой об избрании ее почетным членом общества. Б/д.
АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 21. Л. 1.

Схематические рисунки И.И. Мечникова, которые он делал во время уроков зоологии, даваемых им О.Н. Белокопытовой (его будущей жене). Приложен конверт с пояснениями О.Н. Мечниковой. 1874—1875.

АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 38. Л. 2, 4, 6, 14.

Письма, записки и телеграммы И.И. Мечникова О.Н. Мечниковой.
Приложение: конверт с надписью рукой О.Н. Мечниковой и карандашный рисунок. Б/д.
АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 61. Л. 1.

Витрина 2

Карандашные зарисовки (профильные) О.Н. Мечниковой в юности. 1875—1876.

АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 32.

Эскиз (масло) О.Н. Мечниковой, изображающий И.И. Мечникова в кресле за книгой. Б/д.

АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 329. Л. 1.

Фотоснимки — О.Н. Мечникова за работой (в своей мастерской и за писанием пейзажа на берегу речки). Б/д.

АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 34. Л. 1, 2.

Пригласительный билет О.Н. Мечниковой на выставку произведений Шарля Морена (Charles Maurin) и французского художника-постимпрессиониста Анри Тулуз-Лотрека (Henri Marie Raymond comte de Toulouse-Lautrec Monfa). Б/д.

АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 43. Л. 1.

Фотография И.И. Мечникова и О.Н. Мечниковой. 1913.
АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 305. Л. 1.

Зачетный лист Курсов сестер милосердия с отметками по выдержаным испытаниям и удостоверение об окончании этих курсов, выданное О.Н. Мечниковой доктором Шомоном (J.A. Chaumont). 1914.

АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 15. Л. 1, 1 (об.).

Последняя фотография И.И. Мечникова (снят вместе с О.Н. Мечниковой на даче в Сен-Леже — «Норке»). 1914.

АРАН. Ф. 584. Оп. 2. Д. 308. Л. 1.

Фотография О.Н. Мечниковой с посмертной маской И.И. Мечникова её работы. 1939.

АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 35.

Фотоснимок О.Н. Мечниковой за столом под портретом И.И. Мечникова её работы (на столе — скульптурная женская голова — тоже работы О.Н. Мечниковой). Б/д.

АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 36.

Стихотворение Горовиц-Власовой Любови Михайловны «Бездна», посвященное О.Н. Мечниковой. 1935.

АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 28. Л. 1.

М.Н. Смит-Фалькнер (1878—1968).

Экономист, статистик, член-корреспондент АН СССР (1939 г.).

Мария Наташевна Смит-Фалькнер родилась 17 февраля 1878 г. в г. Таганроге в семье купца. Образование получила в Лондонском университете на факультете экономических наук. С 1918 по 1919 гг. Мария Наташевна заведовала отделом экономических исследований Высшего совета народного хозяйства. В 1919—1920 гг. М.Н. Смит-Фалькнер находилась в Красной Армии на Южном фронте в качестве начальника отряда Московского Пролетарского университета. С 1921 по 1925 гг. она — профессор МГУ, а с 1924 по 1930 гг. профессор Института народного хозяйства им. Плеханова. С 1926 по 1930 гг.

М.Н. Смит-Фалькнер — член коллегии Центрального статистического управления СССР, где руководила сектором промышленной статистики. В 1928—1929 гг. Мария Наташевна участвовала в международных совещаниях по экономической статистике в Швейцарии и Польше. В 1925—1934 гг. она — действительный член и заведующая отделом Комакадемии, в 1939 г. избрана членом-корреспондентом АН СССР. В 1934—1937 гг. М.Н. Смит-Фалькнер — профессор Московского нефтяного института, 1938—1941 гг. профессор Московского планового института, 1941—1944 гг. и 1948—1955 гг. научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР, 1944—1946 гг. профессор Института внешней торговли. М.Н. Смит-Фалькнер является автором более ста научных трудов, среди них — 12 крупных монографий по вопросам рабочего движения, статистики, политэкономии и т.д. Мария Наташевна Смит-Фалькнер была награждена орденами Трудового Красного Знамени (1945 г.), «Знак Почета» (1953 г.), Ленина (1968 г.) и медалями.

Витрина 3

Фотография М.Н. Смит-Фалькнер. 1909.

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

Удостоверение М.Н. Смит-Фалькнер. 1917.

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

Фотография М.Н. Смит-Фалькнер с группой студентов Института народного хозяйства им. Плеханова. 1927—1928.

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

Фотография М.Н. Смит-Фалькнер с группой студентов Института народного хозяйства им. Плеханова. Б/д.

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

Пропуск М.Н. Смит-Фалькнер в Кремль. [Не позднее 1937].

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 19. Л. 2, 2а, обложка.

Диплом члена-корреспондента АН СССР М.Н. Смит-Фалькнер. 1939.

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.

Смит-Фалькнер Мария Наташевна. Удостоверение сотрудницы редакции «Известий» для посещения Государственной думы и делегата Всероссийского исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов. Б/д.

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 17. Л. 1, 2.

Фотография М.Н. Смит-Фалькнер.

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 35. Л. 1об.

М.Н. Смит-Фалькнер. Борьба компартий Франции, Италии, Англии и США против империалистической агрессии и наступления на рабочий класс. Монография. Автограф. 1954.

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 9. Л. 1—11.

Фотография М.Н. Смит-Фалькнер на заседании Ученого совета Института экономики АН СССР. [1958].

АРАН. Ф. 1694. Оп. 1. Д. 39. Л. 3.

Е.Н. Иванова (1889—1973).

Почвовед, доктор сельскохозяйственных наук.

Иванова Евгения Николаевна родилась 24(12) декабря 1889 г. в Петербурге в семье служащего.

В 1908 г. окончила гимназию, а в 1912 г. — физико-математический факультет Педагогического института. В 1913 г., сдав государственные экзамены в особой Комиссии и представив дипломную работу, Е.Н. Иванова

получила университетский диплом первой степени и звание кандидата естественных наук. В 1912—1921 гг. она преподавала в средних школах Оренбурга и Петрограда С 1916 года началась и ее научно-исследовательская работа в этой области. К 1916—1920 гг. относится ее участие в первых почвенных экспедициях под руководством профессора С.С. Неустроева и академика К.К. Гедройца в Оренбургских степях. С 1922 по 1928 гг. она состояла ассистентом при кафедре географии почв Географического института и Ленинградского государственного университета. С 1920 г. и до выхода на пенсию (в июле 1970 г.) Евгения Николаевна работала в Почвенном институте им. В.В. Докучаева.

В 1936 г. по совокупности работ Е.Н. Ивановой была присуждена ученая степень кандидата сельскохозяйственных наук. В 1939 г. она защитила докторскую диссертацию на тему: «Генезис и эволюция засоленных почв в связи с географическими условиями», и 10 января 1940 г. была утверждена в звании доктора сельскохозяйственных наук.

С 1934 г. по 1943 г. Евгения Николаевна состояла консультантом Кольского филиала АН СССР, а с 1943 г. по 1954 г. в Коми АССР. Ей принадлежит около 200 научных работ. В 1961 г. за серию работ по систематике и классификации почв Е.Н. Ивановой была присуждена премия им. В.В. Докучаева. Евгения Николаевна Иванова была награждена Орденом Красной Звезды (1945 г.), Орденом Ленина (1953 г.), Орденом Трудового Красного Знамени (1970 г.). В 1969 г. ей было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки».

Стенд 1

Е.Н. Иванова. Полевые дневники Карельской почвенной экспедиции. 1935—1936

АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 40. Л. 1, 59.

Е.Н. Иванова, П.А. Двинских. Почвенно-географический очерк Алапаевского района Свердловской области. Фрагмент монографии. 1939.

АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д.3. Л.1.

Фотография. Е.Н. Иванова. Урал. 1939.

АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 131. Л. 5 (об.).

Е.Н. Иванова. Почвы Урала. Монография. 1947.

АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

Фотография. Е.Н. Иванова. Река Лена. 1956.

АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 131. Л. 10.

Фотография. Е.Н. Иванова среди почвоведов Польши. 1957.

АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 137. Л. 10.

Фотография. Е.Н. Иванова, Н.Ф. Ногина в Польше. 1957.

АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 131. Л. 10об.

Е.Н. Иванова. Отчет о поездке в Польшу. 1957.
АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.

Фотография. Е.Н. Иванова и действительный член Польской академии наук профессор Б.С. Добжанский. 1958.
АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 138. Л. 1.

Письмо Н. Квинихидзе к Е.Н. Ивановой из Познани. 1960.
АРАН. Ф. 1672. Оп. 1. Д. 105. Л. 1, 2, 4, 5.

С.В. Ковалевская (1850—1891).

Математик, член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук (1889), профессор математики Стокгольмского университета.

Софья Васильевна Ковалевская родилась 3 (15) января 1850 г. в Москве в семье генерал-лейтенанта артиллерии В.В. Корвин-Круковского и Елизаветы Федоровны (из семьи выдающихся математиков и астрономов Шубертов). Детские годы Ковалевская провела в поместье отца Полибино Невельского уезда Витебской губернии (ныне — село Полибино Великолугского района Псковской области). Первые уроки, кроме гувернанток, давал интересовавшейся математикой с детства юной Софье домашний наставник И.И. Малевич. В 1866 г. Софья Васильевна выехала впервые за границу, а потом переехала в Санкт-Петербург, где брала уроки математического анализа у А.Н. Страннолюбского. В 1868 г. она вышла замуж за Владимира Онуфриевича Ковалевского. Брак Ковалевских, который вначале носил фиктивный характер и был заключен для того, чтобы помочь Софье Васильевне выехать за границу и получить там математическое образование, вскоре стал настоящим. В 1869 г. С.В. Ковалевская обучалась в Гейдельбергском университете, а с 1870 г. по 1874 г. в Берлинском университете у К.Т.В. Вейерштрасса. В 1874 г. Геттингенский университет после защиты ею диссертации присвоил Софье Васильевне степень доктора философии. В октябре 1878 г. у Ковалевских родилась дочь Софья.

Витрина 4

Читательский билет в Национальную библиотеку Франции. 1869.
АРАН. Ф.603. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

Записные книжки С.В. Ковалевской дневникового характера, с фрагментами работ по математике. Рукопись, чернила, карандаш. Автограф. 1881—1890.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 6.

Письмо С.В. Ковалевской к мужу В.О. Ковалевскому. Автограф. [1882].
АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

Фотографии Ковалевского Владимира Онуфриевича, мужа Ковалевской Софьи Васильевны, в юности в форме Училища правоведения и в зрелом возрасте. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 73. Л. 1—3.

Математические формулы и уравнения С.В. Ковалевской. Черновик. Рукопись, чернила. Автограф. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Фотографии С.В. Ковалевской. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 66. Л. 1, 2, 3, 8, 10, 17, 19, 20.

Фотография С.В. Ковалевской с дочерью. [1888].

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

С.В. Ковалевская. Факсимиле стихотворения. Б/д.

АРАН. Ф. 543. Оп. 8. Д. 535. Л. 3.

С.В. Ковалевская. Отрывок из романа. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

Фотография С.В. Ковалевской. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 66. Л. 4.

Отрывок из литературных набросков С.В. Ковалевской. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Письмо П.Л. Чебышева к С.В. Ковалевской. Авторизованная машинопись. Б/д.

АРАН. Ф. 505. Оп. 1. Д. 50. Л. 1.

М.В. Клёнова (1898—1976).

Геолог, океанограф, доктор геолого-минералогических наук.

Мария Васильевна Клёнова родилась 31(19) августа 1898 г. в г. Иркутске. В 1924 г. окончила Московский государственный университет по специальности «минералогия» и поступила на работу в Морской плавучий научный институт, где под руководством профессора Я.В. Самойлова (потом под руководством академика В.И. Вернадского начала изучать современные морские отложения. Диссертацию защитила в 1926 г. Для проведения работ по грунтовой съемке морей СССР и составления грунтовых карт М.В. Клёнова с 1 января 1930 г. возглавила лабораторию в Москве и ею же были организованы 9 лабораторий на всех морях СССР.

В 1925—1931 гг. М.В. Клёнова участвовала в ряде полярных экспедиций на первом советском научно-исследовательском судне — парусно-паровой шхуне «Персей» — к берегам Новой Земли и острову Шпицберген, в Кар-

ском, Белом, Баренцевом, Гренландском морях. В 1928 г. М.В. Клёнова спускалась на дно Северного моря в аппарате для исследования морского дна. Это был первый спуск под воду для непосредственного наблюдения за работой приборов для взятия грунта. В 1929 г., возглавив морскую экспедицию на «Персее», М.В. Клёнова стала первой женщиной в мировой истории — начальником морской экспедиции. В 1937 г. М.В. Клёнова была утверждена в звании профессора и ей была присвоена ученая степень доктора геолого-минералогических наук.

За годы Великой Отечественной войны лабораторией М.В. Клёновой было составлено около 200 специальных карт и атласов для Военно-Морского флота. После войны она организовала и возглавила работу по составлению грунтовой части карт Морского Атласа — единственного подобного издания в мире. С 1955 г. М.В. Клёнова работала в Институте океанологии АН СССР научным сотрудником, а в 1967—1976 гг. возглавляла там кабинет морских геологических исследований.

В 1969 г. М.В. Клёнова была удостоена почетного звания Заслуженного деятеля науки РСФСР, в 1965 г. ей была присуждена премия им. И.М. Губкина. Мария Васильевна была награждена орденами Трудового Красного Знамени (1943 г.), Ленина (1951 г.), «Знак Почета» (1975 г.). Ее именем были названы горы на побережье Русской гавани на Новой Земле.

Витрина 5

М.В. Клёнова. Карта грунтов промысловых районов Баренцева моря. 1931.

АРАН. Ф. 1758. Оп.1. Д.17. Л. 1.

М.В. Клёнова. Геология полярных морей. 22 ноября 1936.

АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.

Билет для входа в университет М.В. Клёновой. Б/д.

АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 200. Л. 4—5.

Фотография М.В. Клёновой. 1930—1940.

АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 237. Л. 1.

Диплом о присуждении М.В. Клёновой и др. премии им. И.М. Губкина. 1965.

АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 212. Л. 1.

Фотография М.В. Клёновой во время экспедиции в Антарктиду. 1955—1956.

АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 238. Л. 6.

Экспедиционный дневник Комплексной Антарктической экспедиции. 1955—1956.

АРАН. Ф. 1758. Оп.1. Д.111. Л. 105, 106, 106об.

Фотографии М.В. Клёновой во время Атлантических экспедиций. 1950—1972 гг.

АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 240. Л. 3, 13.

Радиограмма М.В. Клёновой. Б/д.

АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 222. Л. 3.

Удостоверение М.В. Клёновой к памятной медали в связи со 150-летием открытия Антарктиды русской экспедицией (1820—1970). 1970.

АРАН. Ф. 1758. Оп. 1. Д. 204. Л. 6.

Памятная медаль в связи со 150-летием открытия Антарктиды русской экспедицией (1820—1970). 1970.

АРАН. Ф. 1713. Оп. 2. Д. 72.

Л.С. Штерн (1878—1968).

Физиолог, действительный член АН СССР (1939), действительный член Академии медицинских наук СССР.

Лина Соломоновна Штерн родилась 26 августа 1878 г. в г. Либаве. После тщетных попыток поступить в университет в России, в 1898 г. уехала в Швейцарию и поступила на Медицинский факультет Женевского университета, который окончила в 1903 г. По окончании университета Лина Соломоновна уехала в Россию, чтобы сдать здесь государственные экзамены и работать земским врачом. Однако вскоре она получила приглашение от своего учителя Прево занять место ассистента на кафедре физиологии в Женеве. Л.С. Штерн приняла решение заниматься научно-исследовательской работой и вернулась в Женеву.

В 1906 г. Л.С. Штерн получила звание приват-доцента и с этого времени до 1917 г. читала приват-доцентский курс по физиологической химии на Медицинском факультете Женевского университета.

В 1917 г. она получила звание профессора и возглавила кафедру физиологической химии на Медицинском факультете Женевского университета, которую занимала до 1925 г. В марте 1925 г. переехала в Советский Союз. Руководителем кафедры она была до 1948 г.

В 1929 г. Лина Соломоновна организовала Отдел возрастной физиологии в Институте охраны материнства и младенчества и Отдел общей физиологии ВИЭМ (впоследствии преобразованный в Отдел физиологической химии), которым руководила до 1938 г. Также в 1929 г. она организовала Научно-исследовательский институт физиологии Наркомпроса РСФСР (вошедшего затем в систему АН СССР), директором и научным руководителем которого состояла до 1948 г.

В 1943 г. Л.С. Штерн была удостоена Сталинской премии второй степени за выдающиеся работы о гемато-энцефалическом барьере. В 1944 г. была награждена орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области физиологии и биологической химии.

В 1945 г. награждена орденом Красной Звезды за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием Академии наук СССР и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.

Витрина 6

Фотография Л.С. Штерн. Б/д.
АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 144. Л. 6.

Фотография Л.С. Штерн. Б/д.
АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 144. Л. 14.

Статья Л.С. Штерн «История одной научной мысли (гемато-энцефалический барьер)». Б/д.
АРАН. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.

Списки научных трудов Л.С. Штерн. (1902—1963).
АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 19. Л. 95.

Стенограмма доклада Л.С. Штерн «Метод непосредственного воздействия химическими веществами на нервные центры путем введения их в спинно-мозговой канал» на конференции ЛСУ Кремля. 1939.

АРАН. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.

Статья Л.С. Штерн «Основные причины старения и смерти и возможность борьбы с ними». Б/д.
АРАН. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 139. Л. 1.

Стенд 2

Статья Л.С. Штерн «Основные причины старения и смерти и возможность борьбы с ними».

АРАН. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 139. Л. 2.

Фотография Л.С. Штерн с группой участников XIV Международного съезда физиологов в Риме (слева направо Збарский Б.И., Палладин А.В., Штерн Л.С., Разенков И.П.). Б/д.

АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 148. Л. 1.

Фотография Л.С. Штерн и академика А.И. Опарина. Б/д.
АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 165. Л. 1.

Фотография Л.С. Штерн. Б/д.
АРАН. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 144. Л. 18.

М.В. Нечкина (1901—1985).

Милица Васильевна Нечкина родилась 12 (25) февраля 1901 года в Нежине в семье инженера-технолога. В 1917 году окончила с золотой медалью гимназию, в 1921 году — Казанский университет, где была оставлена для подготовки к профессорскому званию. С 1924 года преподавала в на рабфаке МГУ, в Коммунистическом университете народов Востока, Московском университете Академии общественных наук. С 1935 года была научным сотрудником ИИАН. Нечкина стояла у истоков становления советской исторической науки. Специализировалась на истории декабристов, революционных движений в России XIX века. Являлась автором многих учебников по истории для средней и высшей школы.

На протяжении всей жизни М.В. Нечкина считала создание учебников по истории России сложным и чрезвычайно важным делом, разрабатывала проблемы преподавания истории в средней и высшей школе и распространения исторических знаний в обществе. В годы Великой Отечественной войны М.В. Нечкиной было прочитано свыше 500 лекций, выпущены брошюры и статьи о героическом прошлом России. Их отличала глубина, яркость изложения, публицистическая страсть.

Большим событием в исторической науке был выход двухтомной монографии «Движение декабристов» (1955 г.). В ней М.В. Нечкина не только обобщила накопленный в декабрист ведении опыт его изучения, но и наметила задачи дальнейших исследований. При ее активном участии в 1950—1985 гг. был осуществлен ряд документальных публикаций по истории декабристского движения.

Стенд 3

Фотография М.В. Нечкиной. 1913.
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 305. Л. 3.

М.В. Нечкина. Дневник. 1912—1916.
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 245. Л. 1,51 об.

Афиша публичного выступления М.В. Нечкиной. [1919]
АРАН. Ф.1820. Оп.1. Д.1820. Оп.1. Д.335. Л.1.

Фотография М.В. Нечкиной в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. 1979—1980.

АРАН. Д. 1820. Оп. 1. Д. 335. Л. 1.

Фотография М.В. Нечкиной. Б/д.
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 305 Л. 11.

Билет действительного члена М.В. Нечкиной Казанского союза поэтов. 1920.

АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 232. Л. 1.

М.В. Нечкина. Стихотворения под псевдонимом «Окунь». 1918—1920.
АРАН. Ф.1820. Оп.1. Д.221. Л.1—2.

М.В. Нечкина Стихотворение «Хочу быть роялем». Б/д.
АРАН. Ф.1820. Оп.1. Д.222. Л.254.

Пригласительный билет М.В. Нечкиной.
АРАН. Ф.1820. Оп.1. Д.339. Л.96.

М.В. Нечкина. «Общественная и литературная деятельность С.В. Ковалевской». Доклад. Конец 1940-х.
АРАН. Ф.1820. Оп.1. Д.28. Л.40.

М.В. Нечкина Проект обелиска «Памяти декабристов» в г. Василькове
Украинской ССР. 20—27 июня 1965.
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 228. Л. 2.

Фотография М.В. Нечкиной среди участников научной конференции, посвященной Международному году женщины в Москве. 1975.
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 323. Л. 2.

Диплом Института истории СССР АН СССР М.В. Нечкиной. [1977].
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 241. Л. 1.

Фотография М.В. Нечкиной в кабинете московской квартиры. 1966.
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 315. Л. 1.

М.В. Нечкина. «День 14 декабря 1825 г.» Монография. 1974—1975.
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 134. Л. 1.

М.В. Нечкина. «Грибоедов и декабристы». Монография. 1976—1977.
АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

Ю.В. Лермонтова (1847—1919).

Первая русская женщина-химик, получившая степень доктора химии.

Лермонтова Юлия Всеволодовна родилась 2 января 1847 года в Петербурге в семье легендарного генерал-майора В.Н. Лермонтова, троюродного брата великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, директора Первого Московского Кадетского корпуса (1853—1864). В 1869 г. Юлия подает прошение о приеме в Петровскую земледельческую (ныне Тимирязевскую) академию. Но ей было отказано: в России в то время доступ женщинам к высшему образованию был закрыт.

Путь Лермонтовой в науку был чрезвычайно трудным. Вместе со своей близкой подругой С.В. Ковалевской она уехала за границу в Германию в Гейдельбергский университет, одним из крупных центров естественных наук в Германии.

В 1870—1871 гг. в Гейдельбергском университете Лермонтова по поручению Менделеева выполнила свое первое научное исследование — сложное разделение редких металлов, спутников платины.

Летом 1874 г. в Геттингенском университете экстерном ей была присуждена «докторская степень с высшей похвалой».

С 1875 г. Лермонтова — единственная женщина, официально зачисленная в список членов Русского химического общества.

В 1880 году Марковников начинает свои знаменитые исследования кавказской нефти. Ему удается привлечь к этой работе и Лермонтову. Окончательно обосновавшись в Москве, Юлия Всееволодовна вступает в 1881 г. в Русское техническое общество, в химико-технической группе которого она активно работает до 1888 года. Круг интересов незаурядной женщины был чрезвычайно широк: основоположница нефтепереработки, писательница и художник, агрономом, доктор химии.

Стенд 4

Герб рода Лермонтовых. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 3. Д. 2. Л. 1.

Диплом о зачислении членом Русского Химического общества, учрежденного в 1868 г. при Императорском Санкт-Петербургском университете, Ю.В. Лермонтовой. 6 марта 1875.

АРАН. Ф. 603. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

Фотография Ю.В. Лермонтовой. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 3. Д. 19. Л. 5.

Диплом Немецкого химического общества Ю.В. Лермонтовой. 26 мая 1879. АРАН. Ф. 603. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

Письмо Ю.В. Лермонтовой к Софье Владимировне Ковалевской. 12 августа 1886.

АРАН. Ф. 603. Оп. 3. Д. 6. Л. 3, Зоб., 4.

Письмо Ю.В. Лермонтовой к М.М. Ковалевскому. 3 августа 1893.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 1об.

Фотография Ю.В. Лермонтовой. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 85. Л. 1, 2.

Письмо Ю.В. Лермонтовой из Немецкого химического общества. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

Отчет об опытах Ю.В. Лермонтовой. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 3. Д. 1. Л. 7, 7об., 7а.

Диссертация Ю.В. Лермонтовой. «Исследование метиленовых соединений» на нем яз. [1874].

АРАН. Ф. 603. Оп. 3. Д. 18. Л. 13.

Фотография Ю.В. Лермонтовой. Б/д.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

М.П. Садовникова-Кольцова (1882—1940).

Биолог, доктор биологических наук.

Мария Полиевктовна Садовникова-Кольцова (Шорыгина) родилась 29 мая (10 июня) 1882 г. в Москве в семье купца П.Т. Шорыгина, сестра академика П.П. Шорыгина. Ее желание продолжить образование и поступить на естественное отделение физико-математического факультета Московских высших женских курсов поддержал ее муж — инженер М. Садовников.

Формирование и становление М.П. Садовниковой как ученого проходило в насыщенной интеллектуальной среде. На Высших женских курсах преподавали лучшие профессора — В.И. Вернадский, С.А. Чаплыгин, Н.Д. Зелинский, С.Н. Реформатский, М.А. Мензбир, П.П. Сушкин, Н.К. Кольцов. Курсы она закончила с отличием с дипломом 1-й степени. Встреча талантливой женщины с Н.К. Кольцовым определила не только ее научную, но и личную судьбу. Одним из важнейших достижений Н.К. Кольцова в предреволюционное время, была организация первой в мире лаборатории и кафедры экспериментальной биологии в Университете Шанявского для подготовки научных кадров. В этом есть несомненный вклад и Марии Полиевктовны. На Высших женских курсах она преподавала с 1908 до 1918 гг., а в 1918—1930 гг. — во II Московском государственном университете. Уже в 1913 г. о М.П. Садовниковой в прессе писали, как о «наиболее молодой из женщин среди московской профессуры». Объектом своих первых наблюдений Мария Полиевктовна выбрала жизнь социальных животных. Для изучения жизни насекомых М.П. Садовникова использовала технические новшества, в частности, она одна из первых в научной работе использовала микрокиносъемку. В 1935 г. М.П. Садовниковой-Кольцовой за серию работ 1925—1935 гг., посвященных одной большой теме «Генетический анализ психических способностей крыс», присудили звание доктора биологических наук без защиты диссертации. 2 декабря 1940 г. Н.К. Кольцов скончался от инфаркта. В тот же день умерла в Ленинграде и Мария Полиевктовна, впоследствии похороненная в Москве.

Витрина 7

Фотография М.П. Садовниковой-Кольцовой. Б/д.

АРАН. Ф. 450. Оп. 2. Д. 27. Л. 4.

Диплом Московских высших женских курсов М.П Садовниковой. 1909.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 4. Л. 4.

Удостоверение, выданное М.П. Садовниковой И Московским Государственным Университетом о службе в должности старшего ассистента физико-математического факультета. 1929.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 8. Л. 1.

Статья М.П. Садовниковой-Кольцовой «Анализ темперамента диких крыс и их гибридов». Б/д.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 59. Л. 1.

Опытный материал М.П. Садовниковой-Кольцовой по работе с крысами (записи наблюдений, таблицы, схемы, список крыс (1925—1937), картотека крыс (1924—1934)).

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 58. Л. 215, 216.

Опытный материал М.П. Садовниковой-Кольцовой по работе с крысами (записи наблюдений, таблицы, схемы, список крыс). 1925—1937.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 58. Л. 246.

Витрина 8

М.П. Садовникова-Кольцова «Жизнь муравьев». 1911.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 20. Л. 58.

Объявление и программа лекции М.П. Садовниковой-Кольцовой в пользу общества для усиления средств Московского городского Народного Университета имени А.Л. Шанявского. 1911—1914.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 70. Л. 8.

Материалы исследований М.П. Садовниковой-Кольцовой «La variabilite et l'heredite du temperament des rats». Б/д.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 30. Л. 1.

Фотография Н.К. Кольцова с М.П. Садовниковой-Кольцовой у входа в Институт экспериментальной биологии (ул. Обуха, 6). 1932.

АРАН. Ф. 450. Оп. 2. Д. 27. Л. 22.

Рабочие записи и рисунки по зоологии М.П. Садовниковой-Кольцовой. Б/д.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 63. Л. 80—81.

Рабочие записи и рисунки по зоологии М.П. Садовниковой-Кольцовой. Б/д.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 63. Л. 142—143.

Статья М.П. Садовниковой-Кольцовой «К вопросу о генетике инстинктов». Б/д.

АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 24. Л. 1.

Фотография. Н.К. Кольцов с М.П. Садовниковой-Кольцовой. Кутаис. 1931.

АРАН. Ф. 450. Оп. 2. Д. 27. Л. 28.

Художественный рисунок М.П. Садовниковой-Кольцовой. Б/д. АРАН. Ф. 450. Оп. 6. Д. 119. Л. 13.

М.Н. Вернадская (1831—1860).

Первая в России женщина экономист, публицист.

Мария Николаевна Шигаева родилась 27 декабря 1831 г. (8 января 1832 г.) в Санкт-Петербурге, где получила домашнее образование. В 1850 г. Под влиянием мужа молодая женщина заинтересовалась вопросами политической экономии.

В 1857 г. И.В. Вернадский при содействии жены взялся издавать еженедельный популярный журнал «Экономический указатель». В этом журнале М.Н. Вернадская поместила без своей подписи целый ряд статей, которые имели успех у читателей, в частности посвященные вопросам воспитания.

Среди этих публикаций значительными были статьи о женском труде, о котором Мария Вернадская заговорила одной из первых. В труде она видела залог освобождения женщин. Другая часть статей касается экономических вопросов — это «Опыт популярного изложения основных начал политической экономии»; «Политическая экономия как начало нравственного воспитания»; «Разделение труда и специальное воспитание»; «Что такое подати».

Статьи и очерки Марии Николаевны Вернадской, пользовавшиеся большой популярностью в свое время, и сегодня крайне актуальны. Ее заслуга в том, что она сумела теоретические учения облечь в живую форму, сделав их достоянием большого круга читающей публики, возбудив к ним интерес. После 1861 г. они приобрели ещё большее звучание, поскольку идеино расчищали путь для модернизации России, основой которой должен был стать свободный труд как главная ценность. Идеи Вернадской — «Нет универсальной работы!», «Ничего нет выше труда разумного, т.е. свободного и добровольного!» — не потеряли своего значения и ныне.

Витрина 9

Портрет М.Н. Вернадской. Б/д.

АРАН. Ф. 543. Оп. 8. Д. 196. Л. 1.

Статья М.Н. Вернадской «Разделение труда и специализм». Автограф. Б/д. АРАН. Ф. 518. Оп. 6а. Д. 9. Л. 1.

Указатель экономический. 1861.

АРАН. Ф. 518. Оп. 6. Д. 80. Л. 1.

Статья М.Н. Вернадской «Политическая экономия — наука о труде». Автограф. Б/д.

АРАН. Ф 518. Оп. 6а. Д. 3.

Письмо М.Н. Вернадской к И.В. Вернадскому. Автограф. [1849—1850].

АРАН. Ф. 518. Оп. 6. Д. 118. Л. 1—2(об).

Некролог М.Н. Вернадской с рукописными вставками И.В. Вернадского. 1860.

АРАН. Ф. 518. Оп. 6а. Д. 64. Л. 1.

Фотография И.В. Вернадского. 1872.

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 126. Л. 3.

Н.Е. Вернадская (1860—1943).

Наталья Егоровна, жена В.И. Вернадского, получила прекрасное домашнее образование, знала основные европейские языки. В 1886 году вышла замуж за В.И. Вернадского. В 1887 году у них родился сын Георгий, 1898 году — дочь Нина. В течение всей совместной жизни с Вернадским кроме воспитания детей и обеспечения домашнего уюта ученному Наталья Егоровна в течение всей совместной жизни была ближайшим другом и помощником Владимира Ивановича в его работе, используя и свой запас блестящего знания иностранных языков. В фонде В.И. Вернадского сохранилось немало переводов его трудов на французский язык, сделанные ею. Третий выпуск «Проблем биохимии», законченный В.И. Вернадским в 1943 году, предваряется следующим авторским посвящением: «Этот синтез моей научной работы и мысли, больше, чем шестидесятилетней, посвящаю памяти моего бесценного друга, моей помощницы в работе в течение больше чем пятидесяти шести лет, человеку большой духовной силы и свободной мысли, деятельной любви к людям, памяти жены моей Натальи Егоровны Вернадской (21/XII.1860 г. — 3/II.1943 г.), урожденной Старицкой, которая скончалась почти внезапно, неожиданно для всех, когда эта книжка была уже закончена. Помощь ее в этой моей работе была неоценима».

Витрина 10

Фотография Н.Е. Вернадской (урожденная Старицкая).

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 137. Л. 4.

Письмо Натальи Егоровны Вернадской к В.И. Вернадскому (Териоки). 1886.

АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 252. Л. 52.

Фотография В.И. и Н.Е. Вернадских (Мюнхен). 1888.

АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 111. Л. 1.

Фотография Георгия Вернадского, сына. 1895—1897.
АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 139. Л. 4.

Дети Вернадских: сын Георгий и дочь Нина. 1900.
АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 138. Л. 1.

Фотографии В.И. Вернадского в кругу членов своей семьи. 1907—1940.
АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 119. Л. 3, 5, 4, 4 бис.

Фотография В.И. Вернадского с женой Н.Е. Вернадской.
АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д 119. Л.9.

Фотография В.И. Вернадского с женой Н.Е. Вернадской, дочерью Ниной, сыном Георгием и Старицким П.Е. в г. Полтаве. 1907—1908.
АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 119. Л. 10.

Лекции В.И. Вернадского по геохимии (на французском языке). Перевод Н.Е. Вернадской. 1928.

АРАН. Ф. 518. Оп. 1. Д. 18.

А.Е. Ферсман, В.И. Вернадский, Н.Е. Вернадская, Е.М. Ферсман (справа налево). 1941.

АРАН. Ф. 544. Оп. 7. Д. 164. Л. 22.

А.М. Панкратова (1897—1957).

Историк, действительный член АН СССР (1953), действительный член Академии педагогических наук РСФСР.

Анна Михайловна Панкратова родилась в Одессе 4 (16) февраля 1897 г. в семье рабочего, выходца из крестьян Калужской губернии. Весной 1917 г. она окончила исторический факультет Новороссийского университета, который был объединен с Высшими женскими курсами.

В 1925 г. Анна Михайловна окончила Институт красной профессуры и была направлена на год в научную командировку в Германию и во Францию, где занималась изучением истории рабочего класса и пролетарского движения Западной Европы. В 1927 г. Анна Михайловна была отзвана в Москву для руководства учебно-педагогической работой в Высшей школе профсоюзного движения ВЦСПС (заведовала Учебной частью до 1929 г.)

В 1930 г. А.М. Панкратова была избрана действительным членом Коммунистической академии при ЦК ВКП(б), в 1935 г. получила степень доктора исторических наук. С 1939 по 1946 гг. являлась заместителем директора, а с 1947 по 1957 гг. — старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, заведовала кафедрой истории СССР исторического факультета Московского педагогического института им. В.И. Ленина (1942—1947 гг.), преподавала в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) (1947—1957 гг.).

В 1955 г. А.М. Панкратова была избрана членом Румынской академии наук и почетным членом Венгерской академии наук, в 1957 г. — иностранным членом АН ГДР.

Анна Михайловна Панкратова — автор около 200 научных работ. А.М. Панкратова удостоена званий «Заслуженный деятель науки РСФСР» (1943 г.), «Заслуженный деятель науки Казахской ССР» (1943 г.). Анна Михайловна Панкратова награждена Государственной премией СССР (1946 г.), орденами Ленина (1953 г.), Трудового Красного Знамени (1945, 1957 гг.) и медалями.

Витрина 11

Фотография А.М. Панкратовой с подписью «Моему дорогому другу П.М. Никитиной на память». 21 июня 1946.

АРАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 26. Л. 1.

Личное дело академика А.М. Панкратова.

АРАН. Ф. 411. Оп. 3. Д. 212. Л. 4, 20, 37.

Фотография А.М. Панкратова в группе большевиков-подпольщиков и др. 1917—1922.

АРАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 25. Л. 1, 2, 3.

Фотография А.М. Панкратовой (2-й ряд, 2-я справа) в группе большевиков-подпольщиков в г. Одессе. 1917.

АРАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 28. Л. 9.

Стенограмма заседания Бюро Отделения исторических наук АН СССР. Сообщение А.М. Панкратовой о поездке в Польшу. 4 июня 1954.

АРАН. Ф. 457. Оп. 1(1945—1956). Д. 347. Л. 70, 100, 101.

Фотография А.М. Панкратовой во время пребывания на X Международном Конгрессе историков. Сентябрь 1955.

АРАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 27. Л. 5.

Фотография А.М. Панкратовой (2-я справа) среди членов советской партийно-правительственной делегации во главе с Е.А. Фурцевой в Кембриджском университете (Великобритания). Июль 1956.

АРАН. Ф. 697. Оп. 2. Д. 28. Л. 9.

3.В. Удальцова (1918—1987).

Историк, член-корреспондент АН СССР (1976 г.).

Зинаида Владимировна Удальцова (урожденная Мыльцина) родилась 5 марта 1918 г. в городе Кисловодске Ставропольского края в семье служащего. В 1935 г. после окончания средней школы в Москве поступила в Московский государственный университет на исторический факультет. Под ру-

ководством академика Е.А. Косминского с 3-го курса она стала заниматься историей Византии. В 1945 г. З.В. Удальцова защитила кандидатскую диссертацию на тему «Борьба партий в Византии в XV в. и деятельность Виссариона Никейского».

С 1947 г. деятельность Зинаиды Владимировны была тесно связана с Академией наук СССР: Институт славяноведения, Институт истории, Институт славяноведения и балканстики, Институт всеобщей истории, где ею был пройден путь от младшего научного сотрудника до заведующей сектором и директора Института всеобщей истории (1980—1987 гг.).

З.В. Удальцова успешно совмещала научную работу с педагогической: с 1946 г. читала курс лекций по истории Византии и южных славян на историческом факультете МГУ.

В 1950-х — начале 1960-х годов ученый обращается к изучению проблемы перехода от рабовладения к феодализму в Византии и других странах Юго-Восточной и Южной Европы.

В декабре 1976 г. Зинаида Владимировна Удальцова была избрана членом-корреспондентом АН СССР по специальности «всеобщая история».

В последние годы жизни З.В. Удальцова возглавляла подготовку и являлась автором ряда разделов таких многотомных коллективных трудов, как «История крестьянства в Европе в средние века», «Культура Византии», «История Европы».

Среди наград З.В. Удальцовой — ордена «Трудового Красного Знамени» (1975 г.) и «Знак почета» (1981 г.).

Витрина 12

Фотография З.В. Удальцовой. Б/д.
АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

Диплом с отличием МГУ им. М.В. Ломоносова Удальцовой Зинаиды Владимировны. 21.08.1940.

АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 27. Л. 18.

Фотография З.В. Удальцовой. Б/д.
АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 50. Л. 4.

Рукопись главы книги З.В. Удальцовой. «Византийская империя». Б/д.
АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

Фотография сотрудников кафедры средних веков Московского государственного университета (1-я слева в нижнем ряду — З.В. Удальцова). 1950.

АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 52. Л. 1, 2.

Правленая машинопись книги З.В. Удальцовой «Идейно-политическая борьба в ранней Византии». 1972.

АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 2.

Фотография историков З.В. Удальцовой и М.А. Алпатова в Ильинском под Москвой в 1974 г. и в академическом институте (б/д).

АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 51. Л. 7, 21.

Диплом об избрании члена-корреспондента АН СССР З.В. Удальцовой иностранным членом Саксонской академии наук (Лейпциг, Германия). 8 октября 1982.

АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

Фотографии З.В. Удальцовой во время пребывания в Албании и Болгарии. Б/д.
АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 54. Л. 49.

Фотография члена-корреспондента АН СССР З.В. Удальцовой во время доклада. 1986.

АРАН. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 56. Л. 36.

М.А. Бокова-Сеченова (1839—1929).

Одна из первых русских женщин-офтальмологов.

Мария Александровна Бокова-Сеченова (Обручева) родилась 1 января 1839 г. на Волыни в семье генерала А.А. Обручева. Чтобы иметь возможность получить высшее медицинское образование, она решилась вступить в фиктивный брак с петербургским врачом, членом общества «Земля и воля» Петром Ивановичем Боковым. Мария Александровна в 1862—1863 гг. обучалась в Медико-хирургической академии. Встреча с И.М. Сеченовым, профессором, преподававшим в академии, резко изменила судьбу женщины. Уже тогда Иван Михайлович был известен как ученый. Широкую популярность придавала ему и общественная деятельность, в частности, самая активная работа в поддержку женского образования.

И.М. Сеченов был одним из тех профессоров, которые допускали на свои лекции женщин. Занятия в Медико-хирургической академии сблизили профессора и его ученицу. Мария Александровна выходит за него замуж. При помощи и поддержке И.М. Сеченова она в 1864 г. уехала за границу, чтобы там продолжить свое образование: слушала лекции в университете в Вене, изучала медицину в Гейдельберге и специально глазные болезни — в Лондоне.

В 1871 г. в Цюрихском университете Мария Александровна получила диплом врача, защитив докторскую диссертацию «К учению о кератите», которая была опубликована. Вернувшись в Россию, она специализировалась как окулист-хирург. В 1872 г. Мария Александровна работала в клинике глазных болезней в Киеве. Позже, не имея возможности работать по специальности, занималась литературной деятельностью. Зная много иностранных языков, она стала первоклассным переводчиком. Именно в ее переводе русские читатели знакомились с популярной книгой Брема «Жизнь животных». Мария Александровна бесплатно лечила крестьян, за что получила благодарность от Ржевского уездного собрания. В 1887 г. постановлением Тверского епархи-

ального суда брак Марии и Петра Боковых был расторгнут, и через несколько месяцев она обвенчалась с И.М. Сеченовым.

Стенд 5

Фотография М.А. Боковой-Сеченовой. Б/д.
АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 17. Л. 4.

Свидетельство, выданное М.А. Боковой-Сеченовой Медицинским департаментом на право медицинской практики. С приложением препроводительного письма директора медицинского департамента Е.В. Пеликанова М.А. Боковой-Сеченовой. 1871.

АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 5. Л. 1.

Свидетельство о браке И.М. Сеченова с М.А. Боковой. 1888.
АРАН. Ф. 605. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

Фотография М.А. Боковой-Сеченовой. Б/д.
АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 17. Л. 4.

Диплом М.А. Боковой-Сеченовой, на звание доктора медицины. 1871.
АРАН. Ф. 605. Оп. 3. Д. 3. Л. 1.

Фотография Сеченовой Марии Александровны, офтальмолога, одной из первых в России женщин-врачей. 1923.

АРАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 81. Л. 1.

М.В. Павлова (1854—1938).

Палеонтолог, почетный член АН СССР (1930), действительный член АН УССР (1924).

М.В. Павлова (урожденная Гортынская, в первом замужестве — Иллич-Шишацкая) родилась 14 июня (26 июня) 1854 г. в г. Козелец Черниговской губернии. В 1870 г. окончила Киевский женский институт, давала частные уроки. После смерти мужа, земского врача Н.Н. Иллич-Шишацкого, решила продолжить обучение в Париже. В 1884 г. Мария Васильевна готовилась к сдаче экзаменов в Сорbonne и в это время познакомилась с геологом А.П. Павловым. В 1886 г. А.П. Павлов предложил ей работу в Геологическом музее Московского университета (МГУ), в мае того же года ученые поженились.

С 1887 г. в течение 20 лет М.В. Павлова издавала «Этюды по палеонтологической истории копытных». Параллельно изучению истории копытных она занималась исследованием хоботных, результатом чего стала публикация в 1910 г. капитального труда об ископаемых слонах России. От описания отдельных групп ископаемых млекопитающих М.В. Павлова постепенно перешла к описанию целых фаун, что нашло отражение в 2-х выпусках монографии «Третичные млекопитающие Малороссии». Она же подготовила

и прочла первый в Москве курс лекций по палеонтологии, пользовавшийся большим интересом у студентов.

Будучи членом целого ряда обществ — Московского общества испытателей природы, Минералогического общества, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Русского географического общества, Уральского общества любителей естествознания, Новороссийского общества испытателей природы — М.В. Павлова всегда вела активную работу по популяризации научных знаний. Еще в начале своей научной деятельности она сделала перевод введения к книге австрийского палеонтолога-эволюциониста М. Неймайра «Корни животного царства» (1898 г.) и книги Г.Н. Хатчinsona «Вымершие чудовища» (1898—1899 гг.). Это были первые доступные для широкого круга читателей книги по палеонтологии на русском языке.

В 1916 г. М.В. Павловой присудили почетную степень доктора зоологии. С 1919 г. она преподавала в МГУ, став первой женщиной-профессором. Университетские лекции М.В. Павловой легли в основу 2-х томного курса «Палеозоология». В 1926 г. вместе с А.П. Павловым получила высшую награду Французского геологического общества — золотую медаль имени А. Годри. М.В. Павлова — заслуженный деятель науки РСФСР (1928).

Витрина 13

Текст выступления М. В. Павловой на открытии подсекции Палеонтологии. Черновик. 31 декабря 1909.

АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 61. Л. 1.

Билет действительного члена Русского Горного Общества на имя М. В. Павловой. 8 февраля 1914.

АРАН. Ф. 311. Оп. 2. Д. 6. Л. 1.

Свидетельство Российского Общества Красного Креста о праве М. В. Павловой ношения знака Красного Креста. 14 ноября 1916.

АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 94. Л. 1.

Автобиография М. В. Павловой. 1916.

АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 82. Л. 20.

Ученые в санатории «Узкое»: А. П. Павлов и М. В. Павлова (сидят на первом ряду справа), Д. Н. Анучин, М. М. Богословский и др. Август 1922.

АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 121. Л. 79.

Письмо члена-корреспондента АН СССР А. А. Борисяка М. В. Павловой с поздравлением по поводу ее избрания академиком Украинской Академии наук. 22 мая 1924.

АРАН. Ф. 311. Оп. 3. Д. 24. Л. 4.

Пособие М. В. Павловой для высшей школы по палеозоологии. 1927.

АРАН. Ф. 311. Оп. 1. Д. 18.

Фотография М. В. Павловой. [1872].
АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 121. Л. 13.

Фотография А. П. Павлова на прощальной лекции в Московском университете. Среди преподавателей и студентов присутствуют М. В. Павлова, А. Д. Архангельский, Г. Ф. Мирчинк, Н. К. Кольцов и др. [1920-е.]
АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 58. Л. 5.

Записные книжки М. В. Павловой. Б/д.
АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 51.

Морской пейзаж. Рисунок М. В. Павловой. Б/д.
АРАН. Ф. 311. Оп. 2. Д. 28. Л. 16.

Палитра М. В. Павловой. Б/д.
АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 118. Л. 616.

Стенд 6

Письмо М. В. Павловой из Московского отделения Лиги Равноправия Женщин с приветствием по поводу получения ученой степени Honoris Causa. 26 марта 1916 .

АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 9.

Диплом Императорского Московского университета о присуждении М. В. Павловой почетной степени доктора зоологии. 1916.
АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 95. Л. 15.

Статья М. В. Павловой «Мамонт». Черновик. 21 января 1921.
АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 20. Л. 2.

Фотография М. В. Павловой. [1930-е].
АРАН. Ф. Р-Х. Оп. 2. Д. 1178. Л. 3.

Фотография М. В. Павловой с отцом В.С. Гортынским. Б/д.
АРАН. Ф. 311. Оп. 1а. Д. 121. Л. 166.

Геохронологическая таблица для занятий со студентами. Б/д.
АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 33. Л. 5.

Животные эпохи плейстоцена (четвертичный период). Б/д.
АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 129. Л. 27.

А. П. Павлов (1854—1929).

Геолог, академик АН (1916), основатель Московской геологической школы. Родился 19 ноября (1 декабря) 1854 г. в Москве. В 1878 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета МГУ. С Московским университетом была связана вся его научная и преподавательская деятельность. С 1880 г. — хранитель Геологического и Минералогического кабинетов, с 1924 г. — директор Геологического института. Почетный член многих научных обществ. Заслуженный профессор МГУ (1909), заслуженный деятель науки РСФСР (1928).

Витрина 14

Таблица с фотолитографиями ученых А. П. и М. В. Павловых из сборника зоолога и антрополога А. П. Богданова «Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850—1887 гг.)». Труды Зоологического Отделения Общества. Т. 1. Москва, 1888.

АРАН. Ф. 446. Оп. 1а. Д. 16.

Квитанция Русского Географического Общества об оплате А. П. Павловым членских взносов. 20 апреля 1890.

АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 45. Л. 7.

Билет участника VII Международного геологического конгресса на имя А. П. Павлова. Апрель 1897.

АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 21. Л. 166.

Меню торжественного обеда в честь делегатов VII Международного геологического конгресса. 25 августа 1897.

АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 20. Л. 116.

«Геологический очерк окрестностей Москвы». Пособие для экскурсий, составленное А. П. Павловым. 1907.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 46.

Билет действительного члена Русского Горного Общества на имя А. П. Павлова. 8 февраля 1914.

АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 45. Л. 8.

«Представления о времени в истории, в археологии и в геологии». Речь А. П. Павлова на 10-летнем юбилее Московского Археологического Института. Черновик. 1917.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 9.

Автобиография А. П. Павлова. 1919.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 115. Л. 15.

Письмо члена-корреспондента АН СССР А. А. Борисяка с поздравлением в связи с 40-летием преподавательской деятельности А. П. Павлова. 22 мая 1924.

АРАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 17. Л. 1.

Фотография А. П. Павлова. [1870-е].

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 133. Л. 5.

Записные книжки А. П. Павлова. Б/д.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 157.

Альбом А. П. Павлова с зарисовками. Б/д.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 129.

Палитра А. П. Павлова. Б/д.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 129. Л. 36.

Стенд 7

Извещение Императорского Русского Географического общества об избрании А. П. Павлова своим действительным членом. 9 марта 1890.

АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 44а.

Объявление о публичной лекции профессора А. П. Павлова «О вулканах». 1898.

АРАН. Ф. 48. Оп. 3. Д. 41. Л. 1.

Грамота А. П. Павлова на пожалование Ордена Святого Владимира 4-й степени. 1900.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 116.

Фотография А. П. Павлова в рабочем кабинете. Октябрь 1907.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 133. Л. 11.

Объявление о лекции профессора А. П. Павлова на тему «Москва и Подмосковные края за миллионы лет тому назад». 1922.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1а. Д. 121. Л. 12.

Вулканы. Вид сверху. Б/д.

АРАН. Ф. 48. Оп. 1. Д. 109.

*Е.Г. Лебедева,
С.А. Лиманова,
О.Д. Лившиц,
Н.М. Осипова,
И.А. Урмина*

Сведения об авторах

Басаргина Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 199034, С.-Петербург, Университетская наб. д. 1, раб. тел. 8-812-328-05-12, akhos@mail.ru

Бойко Надежда Владимировна, кандидат исторических наук, ученый секретарь редколлегии серии «Научное наследство», старший научный сотрудник Архива РАН, 117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, д.34, раб. тел. 8-499-129-3488, nadintrenova@yandex.ru

Бокарева Ольга Борисовна, старший научный сотрудник Группы использования документов Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-15-55, bokareva.olya@mail.ru

Бондарь Лариса Дмитриевна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, 199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 1, раб. тел.: 8-812-328-05-12

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 125315, Москва, ул. Балтийская д. 14, o-val2@yandex.ru

Гузеева Анастасия Сергеевна, менеджер ГК «Интервейл», guzeeva-nastena@mail.ru

Ильина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-15-55, ilina_irina_ran@mail.ru

Киселев Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-37-66, kiss_ran@mail.ru

Кирикова Ольга Александровна, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 199034, С.-Петербург, Университетская наб. д. 1, раб. тел. 8-812-328-05-12, kirikova.o@bk.ru

Климантова Галина Ивановна, доктор политических наук, профессор, Лауреат премии Правительства РФ в области образования, руководитель Ресурсного Центра Союза женщин России, Москва, Глинищевский пер., д. 6, раб. тел. 8-495-629-32-23, bklimantov@mail.ru

Колотилова Наталья Николаевна; доктор биологических наук, доцент биологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 119234, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 12, kolotilovan@mail.ru

Косырева Екатерина Вячеславовна, руководитель Центра комплектования Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-01-22, katya_ran@mail.ru

Корнева-Чаева Ирина Анатольевна, старший научный сотрудник Музейно-выставочной группы Архива РАН, член Ассоциации искусствоведов, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-11-66, ircorn@mail.ru

Крамаренко Ирина Борисовна, младший научный сотрудник Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-37-66, irina.kramarenko54@gmail.com

Кузьменко Татьяна Андреевна, старший научный сотрудник Центра комплектования Архива РАН, 117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34, раб. тел. 8-499-129-07-66, takuzmenko@mail.ru

Лаптева Татьяна Николаевна, научный сотрудник Центра комплектования Архива РАН, 117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34, раб. тел. 8-499-129-53-39, lapti-stv@yandex.ru

Лебедева Елена Геннадиевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Музейно-выставочной группы Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-11-66, LHG68@yandex.ru

Лившиц Ольга Дмитриевна научный сотрудник Группы использования документов Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-33-66, 1295577@mail.ru

Лиманова Светлана Андреевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-информационного центра Архива РАН, 117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34, раб. тел. 8-499-129-34-88, serovasvetlana@mail.ru

Литвина Наталья Викторовна, старший научный сотрудник, заведующая межкафедральной Археографической лабораторией Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; старший научный сотрудник Лаборатории информационных технологий Архива РАН, 117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34, раб. тел. 8-499-129-09-55, tartalja@mail.ru

Мурафа Светлана Валентиновна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологической антропологии Института детства МПГУ, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 88, к. 403, murafa.svetlana@gmail.com

Осипова Надежда Михайловна, кандидат исторических наук, ученый секретарь Архива РАН, 117218, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 34, раб. тел. 8-499-129-35-66, ocunoba@mail.ru

Силаева Ирина Борисовна, старший научный сотрудник Группы использования документов Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-33-66, silaeva0668@yandex.ru

Стещенко Юлия Владимировна, младший научный сотрудник Центра комплектования Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-53-39, danilina-yuliya@mail.ru

Урмина Ирина Александровна, доктор культурологии, руководитель Музейно-выставочной группы Архива РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34; раб. тел. 8-499-129-11-66, urminaia@gmail.com

Щепанская Юлия Витальевна, руководитель Группы комплектования документами учреждений РАН, 117218, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34, раб. тел. 8-499-129-33-88, shepanskaya@mail.ru

Научное издание

Прогресс России. Женский аспект:
сборник научных статей и документов

Ответственные редакторы – составители:
Доктор культурологии И.А. Урмина
Кандидат исторических наук Н.М. Осипова

Компьютерная верстка Ю.В. Балабанов

В оформлении обложки использован коллаж
из документов и фотографий из фондов Архива РАН

Подписано в печать 14.06.2018. Формат 60x84/16. Печать офсетная
Гарнитура NewtonTT
Тираж 300 экз. Печ. л. 20. Усл. печ. л. 22,5. Заказ № ???

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

ISBN 978-5-9909105-9-1

9 785990 910591